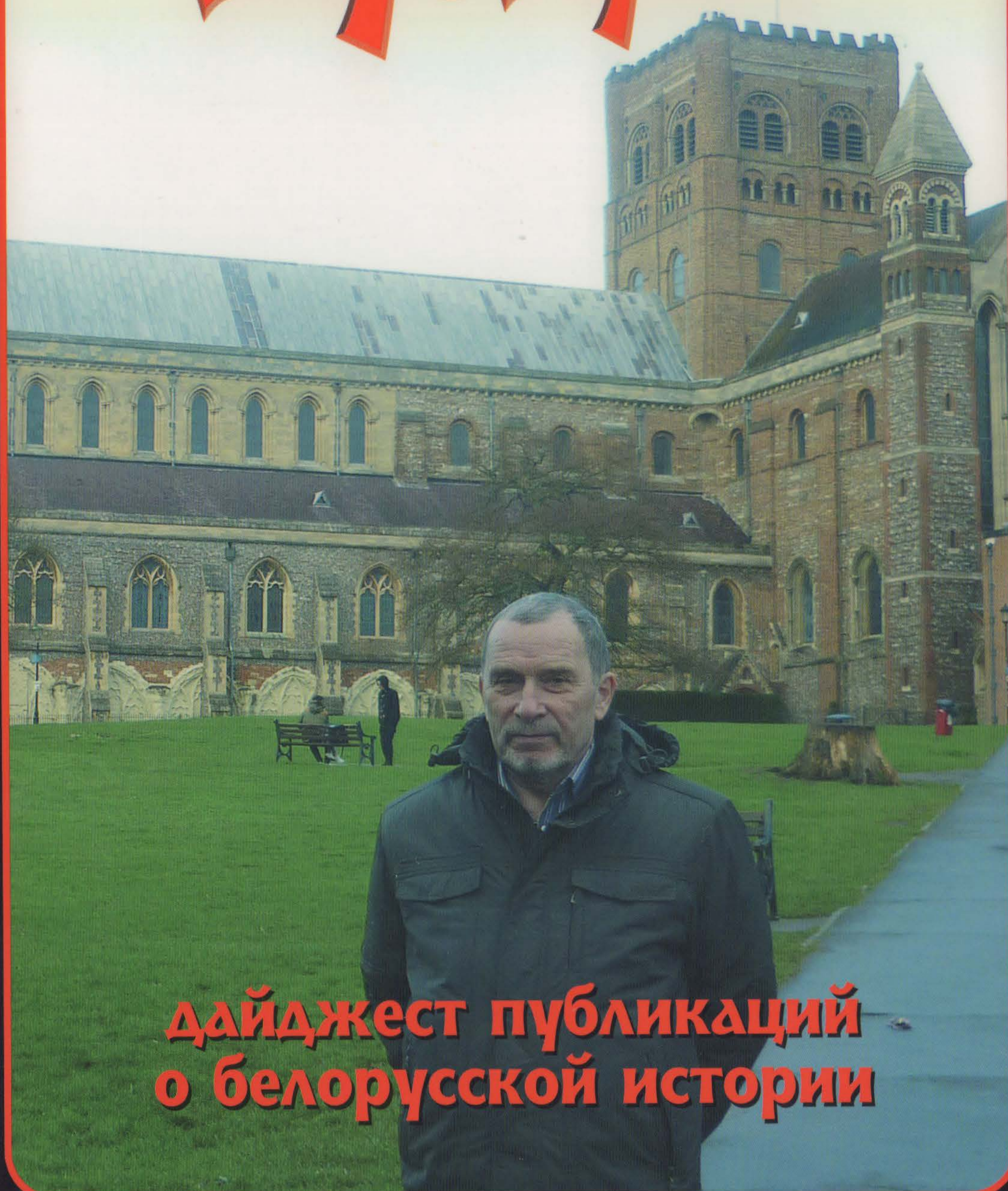
Деды

дайджест публикаций
о белорусской истории

ДЕДЫ

ДАЙДЖЕСТ ПУБЛИКАЦИЙ О БЕЛАРУСКОЙ ИСТОРИИ

ВЫПУСК 17

МИНСК
ХАРВЕСТ

УДК 94(476)

Дайджест публикуется с 2009 года

Взгляды и концепции авторов статей могут не совпадать с точкой зрения редактора-составителя дайджеста

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

Издание безгонорарное

На первой странице обложки: Анатоль Тарас, учредитель и редактор альманаха «Деды» (март 2014 г., аббатство Св. Олбана — St. Alban abbey)

На последней странице обложки: осящение креста в память о Вацлаве Ластовском, установленного в народном Пантеоне скорби — Куропатах. 29 марта 2016 г.

Деды: дайджест публикаций о беларуской истории / Составление, научное редактирование А. Е. Тараса. — Минск : Харвест, 2016. — 316 с.

ISBN 978-985-18-3901-4

Предлагаемый выпуск альманаха содержит 24 материала, тематически сгруппированных в 4 части. В первой из них (От племён к нации) — 7 материалов, во второй (Страницы нашей истории) — тоже 7, в третьей (Война...) — 6, в четвертой (Из потока текущих событий) — 4. Тексты сопровождают 112 иллюстраций. .

ISBN 978-985-18-3901-4

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 1
ОТ ПЛЕМЕН – К НАЦИИ

ИСТОРИЯ В ОБЩЕКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ: ПРОБЛЕМЫ БЫТОВАНИЯ ФОРМ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Игорь Яковенко, культуролог

Понятие «история» многослойно. Произнося слово «история», мы не слишком отдаем себе отчет в том, что за ним скрываются несколько качественно разнородных сущностей:

а) *История как объективный процесс* разворачивания во времени и пространстве субъекта исторического развития — человечества, отдельного народа, населения региона, который начинается с момента создания государства (и цивилизации) и продолжается вплоть до настоящего времени.

б) *История как результат научного познания* процессов исторического развития. История в этом смысле формируется в рамках научных дисциплин исторического цикла, а также всей совокупностью усилий гуманитарных и естественных наук. Она отливается в научных статьях и монографиях, представлена в справочных изданиях энциклопедического характера. Тип сознания, порождаемый профессиональным изучением истории, и система научных представлений о природе исторического процесса воспроизводится в узком слое профессионалов.

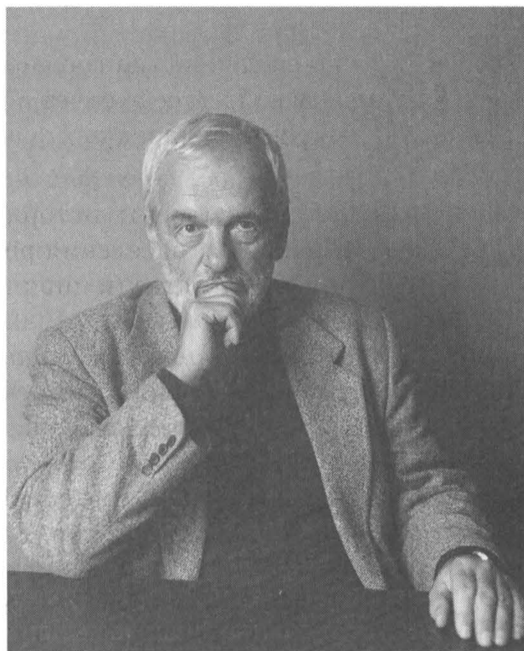
в) *История как нормативная конструкция* или *нормативный образ*. Эта сущность возникает в результате консенсуса элиты по поводу идеологически и политически приемлемого представления об истории собственного народа, созданного им государства, места и роли этого народа в мировом целом, его перспектив. В этот корпус может входить так называемая «священная история», то есть история идеологических институтов, освящающих актуальную власть, — церкви или партии. Нормативный образ истории — то зеркало, в котором созерцает себя государственная культура.

Нормативный образ отливается в учебниках, воспроизводится в идеологических текстах, многократно тиражируется. В результате

систематических усилий государственных институтов нормативный образ истории собственного народа предстает в сознании массового человека в качестве безусловной и самоочевидной данности.

г) *Массовая историческая мифология*, или вариант истории, бытующий на уровне массовых представлений. Этот феномен принадлежит пространству массового сознания. А значит, возникает, бытует и переживает трансформации в соответствии с природой такого сознания.

Историческая мифология синкретически нерасторжима с универсальным мифом, объясняющим вся и всё. Она связана с представлениями о Творце и творении, месте и смысле существования «нашего» народа, его перспективах. Выражает представления о природе и характере «наших» и всех иных народов. В этом отношении массовая историческая мифология соотносима с нормативной историей, являющейся элементом государственной идеологии как мирообъясняющего целого.

Игорь Яковенко

Историческая мифология впитывает в себя данные, а вернее, крохи школьных знаний, образы, почерпнутые из литературы, кинематографа, драматургии, популярной мемуаристики. Охотно впитывает тексты занимательных популяризаторов истории (как имеющие хоть какое-то отношение к науке, так и паранаучные построения). Восходит к народной исторической традиции, мифам, быличкам, байкам, предубеждениям.

Мифологический синтез происходит на уровне массовой психологии. Отдельные идеи интегрируются в сознании людей и передаются изустно. Здесь включаются законы конкурирующего отбора и трансформации текста, известные фольклористам. Закрепляются представления, отвечающие характеристикам массового мифологического сознания. Аудитория работает, как фильтр, отсекающий чуждое и трансформирующий приемлемое сообщение (приводя его в соответствие с не рефлексируемыми, но значимыми представлениями о важном, праведном, естественном, актуальном и т. д.), порождая в сериях изустной передачи чистые образцы массовой мифологии.

Три уровня познания и представления истории (научный, нормативный, мифологический) существуют в рамках единого социокультурного универсума. Они не изолированы друг от друга. Нет между ними и субординации. Данные исторической науки не перетекают плавно в нормативный образ истории и не оплодотворяют собой (посредством научно-популярных изданий) массовое историческое сознание. Эти уровни взаимосвязаны и взаимозависимы, причем связаны достаточно драматическим образом.

Самым мощным в объемном отношении, а также генетически исходным является уровень исторической мифологии. Каждый человек изначально погружен в эту стихию. Затем (или, если угодно, параллельно) в том или ином объеме он приобщается к нормативному образу, а далее, двигаясь по пути профессионализации, может стать гуманитарием, собственно историком, идеологом или политическим деятелем. Однако при всех обстоятельствах уровень социальной психологии, массмедиа, массовая культура будут доносить до него токи массовой мифологии.

Элита, формирующая заказ на нормативный образец, тоже прошла школу массовой мифологии, но она получила общее или специальное образование, как правило, способна к рациональному мышлению, а значит, к восприятию и пониманию научных трактовок природы исторического процесса.

Однако она особенно чувствительна к уровню массовой психологии. Прежде всего, правящая элита не может не учитывать массовых настроений. Далее, она сама в значительной мере пронизана этими идеями и настроениями, открыта для мифов и устойчивых предубеждений. Данная характеристика элитного сознания связана с самой природой «политического» и с базовыми характеристиками действующего политика. Политик, нечувствительный к массовой аудитории и неспособный резонировать вместе с нею, никогда не поднимется до уровня правящей элиты.

Ученые тоже живут в реальном идеологическом и культурном контексте.

Во-первых, они в полной мере испытывают на себе воздействие уровня массовых представлений.

Во-вторых, сам ученый, научный коллектив, несущий солидарную ответственность за результаты работы ученого, издательства, редакции научных журналов, механизм научного обсуждения и рецензирования, — все эти элементы в цепочке воспроизводства научных знаний в той или иной мере заданы нормативным образом истории. Далеко не всегда эту детерминацию можно воспринимать как внешнюю для исследователя санкцию, стесняющую его творческую свободу. Как гражданин ученый может вполне или частично разделять нормативную модель или, по крайней мере, исходит из того, что интересы общества и государства требуют сейчас придерживаться данной модели.

Для настоящего ученого выход за рамки устоявшихся, а значит, нормативных представлений стратегически неизбежен. Этот конфликт имманен-

тен научному творчеству. Описанная нами ситуация фиксирует одну из граней такой коллизии. В общем случае серьезный ученый разрывается между стремлением к истине и интенцией к минимизации конфликтного потенциала, заложенного в его выводах.

Существует общефилософская проблема соотношения бытия и мышления. Суть ее в разрешении вопроса о том, как соотносятся между собой познаваемая нами реальность и мышление человека. Иными словами, соответствует ли природа познающего сознания природе объекта познания, и, следовательно, познаваемо ли бытие.

Подчеркнем — это именно философская проблема, она не имеет единого ответа. В зависимости от принадлежности к той или иной философской традиции мыслители по-разному отвечают на поставленный вопрос. К примеру, Гегель исходил из презумпции тождества бытия и мышления. А византийская философско-богословская традиция исходила из того, что бытие явлено человеку в антиномиях*.

Применительно к истории проблема соотношения бытия и мышления может быть сформулирована следующим образом: способно ли человеческое сознание познавать природу исторического процесса? В данном случае ответы надо давать отдельно для каждой из выделенных нами областей.

Историческая наука в своем развитии меняет исследовательские и методологические позиции, переосмысливает объект исследования, но в общем случае исходит из познаваемости своего объекта.

Некогда, в пору становления исторического знания, история представала как результат преобразующей активности великих людей: Александра Македонского, Будды, Карла Великого, Чингисхана, Мартина Лютера и т. д.

На определенном этапе своего развития история понималась как социально-политический процесс. Марксистская традиция исходила из диалектики производительных сил и производственных отношений и постулировала универсальный процесс смены общеисторических формаций.

Школа Анналов характеризуется интересом к формам повседневности и фиксирует большие конъюнктуры (longue duree)**. Постмодернисты, последовательно уничтожавшие как акторов, так и универсальные сущности — Бога, Автора, Роман, — и поставившие под сомнение любой властный дискурс, закономерно пришли к отрицанию истории. История как единая познаваемая реальность отрицается. По мнению постмодернистов, возможны только отдельные модели, которые носят частный объяснительный характер и равноправны в ряду других моделей.

Таким образом, сам объект исторического познания изменяется, мерцает и постоянно проблематизируется. Впрочем, похожие процессы можно наблюдать в развитии других дисциплин естественного и гуманитарного ци-

* Антиномии (*греч.*) — взаимоисключающие суждения. — *Прим. ред.*

** От названия французского журнала «Анналы», издающегося с 1929 г. по настоящее время. — *Прим. ред.*

клов. Тем не менее классическая наука, по крайней мере, ставит своей целью познание исторического процесса.

Создатели *нормативного образа истории* в принципе не задаются проблемой познаваемости истории и соответствия реальности, а исходят из других задач. Здесь предлагаемая модель истории является идеологическим продуктом. Она должна соответствовать образу Должного, вписываться в идеологию, оправдывать существующий порядок вещей, освящать власть предержащую и идеологические институты, выступать инструментом патриотического воспитания, способствовать формированию исторического оптимизма и т. д. Тут в лучшем случае речь идет об использовании произвольно отобранных данных исторической науки. Нормативный образ истории может находиться в самых разных соотношениях с исторической реальностью.

Что же касается *исторической мифологии*, то она по своей природе сложным образом соотносится с задачей адекватного осознания исторического процесса. Мифологическое (эпическое) сознание возникло задолго до историографии. Оно внеисторично по своей глубинной сути. История не что иное, как процесс количественного разворачивания и качественного развития человечества.

Между тем мифология принципиально метафизична. Она стоит на идее вечного циклического возвращения и по своей природе вневременна. Историческая мифология перетолковывает отдельные данные, как правило, относящиеся к событийному пласту исторического процесса, адаптируя их для сознания, неспособного к восприятию природы этого процесса.

Например, мы не располагаем данными, которые позволили бы развернуто охарактеризовать личность Хорста Весселя и обстоятельства его смерти. Биография создателя одного из лучших отрядов штурмовиков СА в Берлине дает основания для разных оценок. Хорст Вессель сидел в тюрьме по уголовному обвинению. Впрочем, в тюрьме сидели и сидят самые разные, в том числе очень достойные люди. Обстоятельства смерти Весселя также трактуются по-разному. Скорее всего, он укладывается в достаточно распространенную в XX веке типологию — активиста радикального движения, погибшего до прихода его партии к власти. В России в этом ряду мы можем назвать Николая Баумана (1873—1905).

В посмертной судьбе Хорста Весселя значимыми оказались несколько обстоятельств. Прежде всего, Хорст Вессель был нацистом, во-вторых, был поэтом, наконец, в 1930 году, то есть в рамках героического периода истории нацизма — до прихода Гитлера к власти, — он был убит коммунистом. В случае с Хорстом Весселем совпали условия, необходимые и достаточные для беатификации с одной стороны и актуальная на тот момент потребность в беатификации героя-страстотерпца со стороны рвущейся к власти нацистской контрэлиты*.

* Беатификация — причисление того или иного лица к категории святых. — *Прим. ред.*

Мифологизация Хорста Весселя, так же как, например, мифологизация Павлика Морозова, задавалась христианизированной массовой ментальностью, а также претензией нацистской и большевистской партий на статус носителя тотальной идеологии, или, иными словами, на статус церкви. Для людей, тысячелетия проживших в христианском мире, религиозная истина требует праведников, погибших во имя утверждения этой истины.

Доктор Геббельс точно оценил пропагандистски-мифологический потенциал, заложенный в этой истории, и Хорст Вессель был превращен в национального героя. Песня «Хорст Вессель» стала партийным гимном. О Хорсте Весселе снимали кинофильмы. Мать героя была обязательным участником официальных мероприятий. Школьники воспитывались на примере Хорста Весселя.

На полную мощность включается механизм мифологической трансформации, житийной переработки исходных эмпирических данных. Фотографии Хорста являют нам образ достаточно субтильного (тщедушного, хрупкого. — Ред.) молодого человека в форме штурмовика. А вот на плакате, посвященном фильму о павшем герое, изображен героического вида мужчина выраженного мускулинного типа, лет 35—40, с повязкой СА на рукаве. В тексте партийного гимна нацистов «Хорст Вессель» есть строки:

Мы шагаем в колоннах,
И другие наши товарищи,
Убитые «Рот Фронтом» и реакцией,
Шагают вместе с нами.

Так делается священная история.

Соотношение исторической науки и нормативной модели хорошо иллюстрирует ситуация, связанная с обстоятельствами гибели князей Бориса и Глеба. Обстоятельства жизни (а значит, и гибели) того или иного исторического персонажа — предмет исторического исследования. Для решения этих задач историческая наука располагает соответствующей методологией. В этом ряду — критика и сопоставление источников.

Борис и Глеб — первые русские святые, канонизированные задолго до становления исторической науки*. Летописная традиция исходила из жития князей-страстотерпцев. В православной империи житие святого рассматривалось как истина, сомнению не подлежащая, поскольку церковь в своих соборных постановлениях онтологически истинна. Позже признак онтологической истинности перешел к решениям съездов, пленумов, а также постановлениям ЦК КПСС.

* Борис — князь Ростовский; Глеб — князь Муромский. Оба они — сыновья Владимира Святославича, великого князя киевского. По заданию великого князя Ярослава (тоже сына Владимира) летописец изобразил организатором убийства братьев князя Святополка, сына Ярополка. В действительности Бориса убили варяги из дружины Эймунда, а Глеба — восставшие жители Мурома. — *Прим. ред.*

В свете этого дореволюционная историческая наука должна была исходить из жития святых Бориса и Глеба. То была священная истина, за которой стояла традиция и не подлежащий обсуждению авторитет церкви. Между тем во второй половине XIX века усилиями В. К. Сенковского в научный оборот была введена так называемая «Эймундова сага». Сага — документ варяжского происхождения, сохранившийся в скандинавской письменной традиции. Сага описывает историю службы у конунга Ярислейфа (князя Ярослава Владимировича) варяжского предводителя Эймунда, который долго боролся за власть с конунгом Бурислейвом (князем Борисом)*. В рамках «Эймундовой саги» обстоятельства гибели Бориса и Глеба предстают совершенно по-другому.

Попросту говоря, Святополк «Окаянный» не убивал отрока Бориса, который на момент смерти вовсе не был отроком. Учет этого исторического источника создавал иную, гораздо менее назидательную картину перипетий борьбы за киевский престол.

Аналогичная ситуация сложилась с исследованием обстоятельств смерти царевича Дмитрия (1582—1591). Как известно, девятилетний отрок был канонизирован. Каноническая версия событий называла убийцей Дмитрия царя Бориса Годунова. Если вспомнить о том, что к канонизации царевича были причастны люди, ответственные за свержение династии Годуновых, все встает на свои места. Между тем политическая логика событий и поведение Годунова после внезапной смерти отрока не дают оснований для таких обвинений. Поэтому максимум, что могла себе позволить дореволюционная историография, — высказывать сомнения в канонической версии событий.

Рассматривая эти сюжеты, будем помнить о том, что историческая наука существует с санкции и на деньги государства. Иными словами, мера свободы научного поиска задается правящей элитой и зависит от качественных характеристик политического режима. Так, нам представляется, что историки Корейской Народно-Демократической Республики существуют в более жестких рамках, нежели их коллеги в Швейцарской Конфедерации.

Иными словами, и массовая историческая мифология, и идеологические институты влияют на историческую науку. Это воздействие многослойно.

Однако существует и обратная ветвь диалектики. Самая догматизированная и циничная элита, влекомая здоровым инстинктом самосохранения, во-первых, стремится узнать, как оно «было на самом деле», и, во-вторых, осознает, что слишком большая дистанция между данными объективного, верифицируемого научного познания с одной стороны и нормативным образом истории, а также исторической мифологией — с другой, нежелательна, в стратегическом плане опасна. Защита баснословных сюжетов подрывает авторитет власти, отталкивает от нее наиболее модернизированные слои об-

* Эймунд Хрингсон, сын норвежского конунга Хринга Дагсона, в 1010-е и 1020-е годы активно участвовал в борьбе за власть в Киеве. — *Прим. ред.*

щества, дает аргументы идеологическому противнику. Отстаивание глубоко мифологизированного образа собственной истории требует ужесточения цензуры, создания «железного занавеса» и других мало симпатичных для самой элиты изменений общества и культуры.

Надо помнить и о том, что в общем случае правящая элита несколько возвышается над средним уровнем общества. Кругозор, мера рациональности сознания, способность к анализу и прогнозу последствий социальных и политических действий пастырей выше, чем у пасомых. Эта дистанция создает некоторый «запас прочности», гарантирующий общество от полной утраты адекватности.

Здесь надо подчеркнуть, что речь идет лишь о *некотором* запасе прочности, который не гарантирует элиту, а вслед за нею и заходящее в тупик общество от неадекватности.

История Нового времени свидетельствует: существует класс ситуаций кризисного исторического перехода, переживая которые отдельные общества сваливаются в безудержную мифологию. Причем всякий раз это кончается либо плохо, либо очень плохо. Общества, в которых объем мифов превышал пороговый уровень, а мера адекватности идеологического сознания объективной реальности оказывалась критически низкой, переживали катастрофу. Краху Германии в 1945 году предшествовал триумф нацистской идеологии, задававшей фантастическую картину реальности, в том числе и реальности исторической.

Историческая наука является частью рациональной культуры — воплощаемой в институтах науки, системе европейского образования, рационализованном художественном, общественном, политическом сознании, — которая развивается и утверждается в сложнейшей диалектике с исторически первичным, дорациональным и внерациональным, мифологическим по своей природе пластом культуры. Этот пласт имеет тысячи форм и обличий. Здесь массовые низовые формы соседствуют с элитными. Идеологические институты, церковные конфессии, общественные и политические движения, литература и искусство, низовая традиционная культура постоянно рождают новые формы и версии устойчивых, если не сказать вечных мифологем. Они могут принимать формы рационального знания, учитывать отдельные положения научной картины мира, адресоваться к самым разным слоям и группам общества.

По своим фундаментальным характеристикам данный пласт сознания альтернативен рациональному. Снова и снова объясняя и переживая бытие, он интегрирует (насколько это возможно для мифологического континуума) доступные знания, факты, настроения и предлагает качественно иное видение мира, соответствующее органике традиционного/архаического сознания. Все общество живет в поле нескончаемого диалога названных сущностей. В зависимости от качественных характеристик сознания, собственной культуры, личностных особенностей каждый человек в той или иной

мере открыт для сторон описанного диалога, учитывает и принимает одно, отторгает другое. В результате формируются личностная картина мира и индивидуальная система мышления.

И модернизированный слой общества как целое, и его элита, и политический класс оказываются субъектами, а также одновременно объектами этой драмы. Собственно историческая и историко-философская мифология продуцируется и активно циркулирует в среде «образованного общества». Политическая элита находится под влиянием данных представлений, участвует в диалоге, прислушивается, принимает, продвигает или отвергает те или иные идеологические и мифологические конструкции.

Существует специальная научная проблема: какие характеристики общества и исторической ситуации задают сваливание социокультурного целого в остро неадекватную мифологию? На сегодняшний день мы можем дать ответ лишь в самом общем виде.

Это происходит в том случае, когда базовые характеристики доминирующей в обществе культуры (система ценностей, устойчивые мифы и предубеждения, степень рационализации сознания и др.) не позволяют ассимилировать в устойчивую картину мира актуальную объективную реальность. Данная процедура потребовала бы такого уровня переструктурирования исходного сознания, на который общество как целое не способно. Мы говорим о крушении устойчивой картины мира, об отказе от сакрализованных ценностей, мифов и предубеждений, об образе жизни и образе действий, от которых пришлось бы отказаться, и т. д. Подчеркнем, речь идет об обществе в целом. Всегда находятся люди, способные на подобную трансформацию, но они оказываются в меньшинстве. Закономерное проявляет себя в статистически значимом выборе отдельных носителей культуры.

Разумеется, кризисная мифологизация общества не исчерпывается психологическим и культурологическим измерением. Всякий раз, когда «сон разума рождает чудовищ», за этим стоят самые разнообразные интересы (политические, финансовые, статусные) тех или иных социальных сил, идеологических институтов, групп влияния. В конечном счете все эти группы проигрывают и, более того, втягивают за собой в катастрофу все общество. Но это происходит в четвертом акте драмы, а до того можно красоваться, набивать карманы и тешиться сладкими грезами.

Если же вспомнить о России, то надо сказать, что российская интеллигенция устойчиво претендует на роль советника и наставника при Правителе. Исходно эта роль принадлежала церкви, однако Новое время и неизбежная секуляризация задали новую реальность. В идеологическом арсенале большевиков существовала такая формулировка: «царистские иллюзии». Российский интеллигент неизлечимо наделен данным комплексом представлений. Во все времена амбициозный российский интеллигент, «властитель дум», видит себя советником Вождя.

В этой связи вспоминается один сюжет. Идеология панславизма возникла в Чехии в 30-е годы XIX века. Эти идеи подхватили сначала Михаил Погодин (1800—1875), а затем славянофилы — Алексей Хомяков (1804—1856), Иван Киреевский (1806—1856), Константин Аксаков (1817—1860). В результате сложился устойчивый идейный комплекс противопоставления славянского православного мира во главе с Россией «больной», утратившей веру Европе. Наибольшего веса движение достигло в 70-е годы, особенно в период русско-турецкой войны 1877—1878 годов. Панславистские идеи нашли себе сторонников в политической элите России. Так, высокостатусные и популярные в «обществе» генералы Черняев и Скобелев были адептами панславизма*.

С самого начала панславизм осознавался как идеология имперского могущества. Здесь идеальные цели — объединение братьев-славян и триумф православия — счастливым образом сочетались с грезами о небывалом имперском величии, об обретении статуса величайшей империи Европы, а значит, и всего цивилизованного мира.

Однако с самого начала панславизм был химерой. Православными были только болгары, сербы и черногорцы. Все остальные славяне — хорваты, чехи, словаки, поляки, доминировавшие численно и территориально, наиболее модернизированные, — принадлежали западноевропейской цивилизации. Мы уже не говорим о существенном в объемном отношении секторе исламизированных славян — босняков и «потуреченных» болгар, — совершенно тупиковом в смысле цивилизационной ассимиляции.

Опыт владения царством Польским не оставлял надежд на конфессиональную, а значит, и цивилизационную интеграцию народов, принадлежащих католическому миру. Впрочем, некоторые идеологи панславизма вычеркивали Польшу из списка славянских народов как закоренелого и зловредного врага православия. Но чем остальные католические славяне лучше, не объясняли. Бесперспективность панславизма понимали даже трезвомыслящие мыслители правого толка. Константин Леонтьев (1831—1891) указывал на то, что зараженные европейским духом западные славяне бесполезны в деле противостояния Европе. Однако мифологическому сознанию свойственно видеть не то, что есть, а то, что хочется. Идеи панславизма охватывали широкие слои образованного общества. Создавались «Славянские комитеты», проводились съезды.

К концу XIX века панславистская идеология потускнела, чему во многом способствовало поведение братьев-славян. Болгарское королевство, возникшее как результат русско-турецкой войны, не обнаружило стремления существовать в фарватере России, но выбрало естественный, диктуемый экономической и геополитической логикой западноевропейский вектор развития. Черная неблагодарность «братушек» сильно ударила по панславистским

* Михаил Черняев (1828—1892) прославился захватом Ташкента в 1865 г. (получил прозвище «Ташкентский лев») и тем, что в 1876—77 гг. командовал армией Сербии, воевавшей с турками. Михаил Скобелев (1843—1882) в войну 1877—78 гг. успешно командовал отрядом под Плевной, затем дивизией в сражении при Шипке-Шейново. — *Прим. ред.*

настроениям. Что же касается западных славян, существовавших в лоне Австро-Венгрии, то они очевидным образом шли по пути европейской эволюции и в своей борьбе с Веной все менее нуждались в российском противовесе.

Некоторое оживление панславистских настроений наблюдалось перед Первой мировой войной. История мировой войны не прояснена во многих аспектах. Какие силы стояли за убийцами эрцгерцога Фердинанда? Очевидно и непреложно следующее: руководствуясь некоторыми политическим резонами, правительство царской России вступило в войну с Германией и Австро-Венгрией, которая превратилась в общеевропейскую, а затем мировую. В результате этой войны Россия понесла невиданные потери, потеряла значительные территории, пережила революцию, потерпела поражение и, заключив сепаратный мир с противником, вышла из войны. Большевистская революция и последовавшая за нею Гражданская война привели к неисчислимым жертвам и радикально изменили ход истории нашей страны. Последствия этих событий сказываются до сих пор.

Широко мыслящие исследователи все чаще приходят к убеждению, что вступление в мировую войну стало отправной точкой гигантских и глубоко драматических процессов, которые разворачиваются на отечественных просторах последние сто лет. Такое понимание остро ставит проблему причин и источников коллективного самоубийства дореволюционного российского общества. Это — широкое и слабо разработанное проблемное пространство. Укажем на один, далеко не второстепенный, аспект проблемы, обозначающий природу силы, задавшей движение общества к бездне.

В комплексе идей и настроений, толкавших как российскую политическую элиту, так и «образованное общество» к вступлению в губительную для страны войну, существенное место занимали панславистские иллюзии. Целая галерея публицистов, идеологов, ученых разрабатывала и продвигала идеи панславизма. Здесь фантастические романы Сергея Шарапова (1856—1911) соседствовали с геополитическими изысканиями Ивана Дусинского (1879—1919), а историософские построения и разработки цивилизационных моделей Николая Данилевского (1822—1885) — с публицистикой Ивана Аксакова (1823—1886), Афанасия Васильева (1851—1929) и других авторов.

Иными словами, славянофильская мифология аранжировалась в разных дисциплинарных и смысловых регистрах, охватывала собою все слои образованного общества и представала в образе устойчивой конвенции и безусловной очевидности. Со второй половины XIX века поколения русских людей получали образование и приобщались к культуре большого общества на фоне славянофильской идеологии. Сложился устойчивый славянофильский дискурс. В нем были свои символы и любимые идеи: захват проливов Босфор и Дарданеллы, водружение креста на Святую Софию, идея Константинополя как третьей столицы империи. Разворачивалась своя, славянофильская полемика. Споры шли о деталях: создавать ли единое государство или федерацию под эгидой России.

Панславизм с необходимостью толкал Россию к военному противостоянию с Османской, Австро-Венгерской и Германской империями. Других способов собрать славян, распределенных на пространствах принадлежащих или контролируемых этими государствами, не существовало. Очевидным было и то, что России придется иметь дело с коалицией названных государств. Если Османская империя, что называется, дышала на ладан, то Австро-Венгрия не уступала России, а Германия превосходила. Учитывая внутренние проблемы России, степень готовности страны к большой войне, борьба с такой коалицией ничего, кроме катастрофы, не предвещала.

Подчеркнем еще раз: основания, послужившие поводом к началу войны, полностью укладываются в логику славянофильского мышления. В консервативной государственнической среде были свои критики славянофильского соблазна, предупреждавшие власть и общество об опасностях российско-германского противостояния. Здесь можно упомянуть Петра Дурново (1845—1915), Александра Дубровина (1855—1921), Николая Маркова (1866—1945), Павла Булацеля (1867—1919). Основания, из которых исходили эти деятели, различались в деталях, но совпадали в одном: то были аргументы рационального сознания. Однако голос здравых людей и честных государственников тонул в море радостного эсхатологического возбуждения. Россия вступила в войну. Последствия данного события известны.

Эта история дает основания для некоторых выводов. Прежде всего надо сказать о том, что предшествующая историческим катастрофам кризисная мифологизация общества не возникает на голом месте. Ее основания покоятся в комфортной имперской/великодержавной мифологии, которая взращивается десятилетиями, расцветает на фоне иррационализма массового сознания, ничтожной культуры мышления, мощного общественного запроса на сладкие грезы и отторжения непривлекательной реальности.

Мифологизация исторического сознания происходит постоянно. Процесс этот разворачивается на разных уровнях. Не так давно [в 2012 г. — *Ред.*] отмечался юбилей со дня гибели Павлика Морозова*. Как сообщали газеты, в селе, где родился и жил Павлик Морозов, установлен памятник герою. Перед выпускными экзаменами школьники местной школы приходят к памятнику, вешают на него бумажки со своими фамилиями, просят Павлика посодействовать, и это помогает им в сдаче выпускных экзаменов. Как мы видим, пионер Павлик Морозов превратился в типичного местночтимого святого, покровителя детей. На этом примере можно видеть, как реальное событие превратилось в элемент нормативизованного образа истории и далее прошло переработку в чистую низовую мифологию.

---

* Павлик Морозов (1918—1932), согласно выдумке коммунистических пропагандистов, возглавлял пионерский отряд в селе Герасимовка Свердловской области. На самом деле никаких пионеров в селе тогда не было. Подросток написал в «органы» донос на своего отца из-за того, что тот ушел к другой женщине. Но советская пропаганда использовала факт убийства подростка (кстати, неизвестно кем убитого) для создания идеологизированного образа непримиримого юного борца с кулаками. — *Прим. ред.*

Как сообщала пресса, на Кубе существует поверье, что бездетная женщина, прикоснувшаяся к одежде Фиделя Кастро, обязательно забеременеет в течение года. Согласно сообщениям северокорейской печати, рождение председателя Ким Чен Ира сопровождалось чудесными природными знамениями. А сам Ким Чен Ир был способен «видеть суть вещей» на расстоянии до 200 километров. Надо отдавать себе отчет в том, что женщина, которая лечится от бесплодия прикосновением к мундиру команданте, вряд ли готова к восприятию взвешенных оценок кубинской революции, а также роли и места Кастро в истории Кубы.

Из всего сказанного выше следует простой вывод: идеологические извращения и мифологизация истории неизбежны и принципиально неустранимы. Источник этих процессов не связан с проблемами методологии исторического познания, неполнотой наших представлений, несовершенством методов, нехваткой источников и т. д. Эти обстоятельства вносят свой вклад в формирование заблуждений, которые последовательно изживаются и замещаются новыми заблуждениями по мере развития исторического знания. Мы говорим о заблуждениях, которые связаны с природой идеологии, социальными интересами элит, потребностью человека в формировании психологически комфортной картины мира и, наконец, мифологической природой массового сознания.

Однако если пустить все эти процессы на самотек, то общество, влекомое описанными импульсами и устремлениями, неизбежно сваливается в чистую, безудержную мифологию, утрачивая историческую адекватность. Зрелость политических и интеллектуальных элит поверяется тем, в какой мере элиты являются носителями объективированной позиции и рационального сознания, оплотом критики исторического опыта, препятствием для тенденций, несущих очевидные извращения здравой, согласованной с научным знанием и безусловными нравственными ценностями картины мира. Поддержание рационального сознания общества — одна из основных функций национальной элиты и одно из оправданий ее существования.

Шесть тысяч лет истории человечества свидетельствуют: творческий, успешный ответ на вызовы, перманентно возникающие перед каждым обществом, возможен только на путях адекватного понимания природы вещей. Это не единственное условие. Необходимы ещё творческий потенциал, воля к победе, способность к согласованному историческому усилию и многое другое. Однако *способность и потребность* адекватного понимания исторической реальности необходимы в первую очередь.

Об этом надо особенно остро помнить в эпохи больших кризисов. Ибо истина часто дискомфортна, а в случае кризисов она обязательно дискомфортна, болезненна, сложно воспринимаема. Резко возрастает опасность движения по пути психологически комфортной (привычной) мифологизации. А в такой ситуации мифологизация — путь в историческое небытие.

ЧТО ТАКОЕ НАЦИОНАЛИЗМ

Википедия

Национали́зм (*фр.* nationalisme) — идеология и направление политики, главным принципом которых является тезис о ценности нации как высшей формы общественного единства, её первичности в государствообразующем процессе.

Национализм проповедует преданность своему народу, политическую независимость этого народа, его культурное и духовное развитие, объединение всех территориальных, социальных, религиозных и политических групп (слоев) народа с целью защиты условий его жизни, территории проживания, экономических ресурсов и духовных ценностей — невзирая на противоположность их интересов. При такой трактовке национализм фактически тождественен патриотизму. Исторический опыт показывает, что идеология национализма часто оказывалась способной обеспечить мобилизацию населения ради общих политических целей.

В силу того, что многие современные радикальные движения подчёркивают свою националистическую окраску, средства массовой информации, а также всевозможные демагоги стремятся отождествлять национализм с этнической, культурной и религиозной нетерпимостью (или с иными формами неприязни к этническим «другим»). Однако на самом деле сторонники умеренных течений в национализме осуждают подобную нетерпимость.

Журналисты и политики-демагоги сознательно называют «национализмом вообще» лишь одну из его разновидностей, а именно — этнонационализм, причем его крайние формы (такие как шовинизм, ксенофобия), делающие акцент на тезисе о превосходстве одной национальности над другими. Действительно, проявления крайнего этнонационализма включают в себя разжигание межнациональной розни и дискриминацию по этническому признаку.

Национализм — это, прежде всего, идеология, которая включает следующие элементы:

Существование наций. Национализм постулирует, что человечество законами природы (или Богом) разделено на фундаментальные единицы — автономные и самодостаточные нации (народы), которые различаются между собой набором определённых объективных характеристик.

Право нации на самоопределение. Национальные проекты могут осуществляться только в собственном государстве. Нация имеет право сформи-

ровать своё собственное государство, границы которого должны совпадать с культурно-этническими. Таким образом, нация обладает правом на высшую (суверенную) власть над чётко ограниченной территорией, в пределах которой преобладает этнически однородное население.

Первичность нации в государствообразующем процессе. Нация является источником всей политической власти. Единственным легитимным типом правительства является национальное самоуправление. Каждый член нации имеет право непосредственно участвовать в политическом процессе. Тем самым национализм символически приравнивает тот или иной народ к элите.

Национальная самоидентификация. Национализм считает необходимой общность языка и культуры для всего населения в пределах единой административно-территориальной единицы. Люди отождествляют себя с нацией ради гражданских прав и свобод, а также личностной самореализации. С другой стороны, нация гарантирует членство и самоидентификацию даже тем, кто не чувствует себя частью никакой другой группы.

Солидарность. Единообразие достигается за счёт объединения людей на почве любви и братства, а не путём навязывания определённой культуры. Важно, чтобы члены нации ощущали узы солидарности и действовали в унисон, соизмеряя свои усилия с устремлениями других.

Нация как высшая ценность. Преданность индивида национальному государству превыше индивидуальных или других групповых интересов. Задача граждан — поддерживать и укреплять свое государство.

Всеобщее образование. Люди должны получать всестороннее формальное образование, необходимое для полноценного участия в жизни нации, а также для идентификации с её культурой, историей и языком.

Национализм подчёркивает различия, колорит и индивидуальность наций. Эти отличительные черты носят культурно-этнический характер. Национальное самосознание способствует идентификации существующих иностранных вкраплений в культуру и рациональному анализу перспектив дальнейшего заимствования из других культур на благо своей нации.

Кроме того, национализм рассматривает нацию как эквивалент индивидуума, как общественный организм. Равенство людей перед законом независимо от их социального статуса или происхождения аналогично равенству наций независимо от их размера или мощи с точки зрения международного права. В представлении националистов, нации могут обладать талантами или чувствовать себя жертвами. Нация также объединяет настоящее поколение с прошлыми и будущими, что мотивирует людей к высокой самоотдаче, вплоть до того, что они готовы ради её спасения пожертвовать своей жизнью.

Связанными с этой концепцией являются такие понятия, как «национальные ценности», «национальные интересы», «национальная безопасность», «национальная независимость», «национальное самосознание» и др.

Сказанное выше относится к национализму в целом. Его разновидности могут выдвигать также и другие идеологические требования. Например: формирование нации вокруг определённого этноса (народа).

Типология

В зависимости от характера поставленных и решаемых задач, в современном мире формируется несколько типов национальных движений. Наиболее широко используется классификация Ханса Кона, который ввёл понятия политический и этнический национализм. Большинство специалистов (в т. ч. сам Кон) считает, что каждая зрелая нация содержит в себе оба компонента.

Гражданский национализм (другое название — политический национализм) утверждает, что легитимность государства определяется активным участием его граждан в процессе принятия политических решений, то есть степенью, в которой государство представляет «волю нации». Основным инструментом для определения воли нации является плебисцит (в форме выборов, референдума, опроса, открытой общественной дискуссии и т. д.).

При этом принадлежность человека нации определяется на основе добровольного личного выбора и отождествляется с гражданством. Людей объединяет их равный политический статус как граждан государства, равный правовой статус перед законом, желание участвовать в политической жизни нации, приверженность общим политическим ценностям и общей гражданской культуре. Существенно, чтобы нация состояла из людей, которые хотят жить рядом друг с другом на единой территории.

В рамках гражданского национализма выделяют подвиды:

Государственный национализм утверждает, что нацию образуют люди, подчиняющие собственные интересы задачам укрепления и поддержания могущества государства. Он не признаёт независимые интересы и права, связанные с половой, расовой или этнической принадлежностью, поскольку полагает, что подобная автономия нарушает единство нации.

Либеральный национализм утверждает, что существуют общечеловеческие ценности, такие как права человека, по отношению к которым патриотические нравственные категории занимают подчинённое положение. Либеральный национализм не отрицает приоритеты в отношении тех, кто ближе и дороже, но полагает, что это не должно быть за счёт чужих.

Этнический национализм (другое название — этнонационализм, культурно-этнический, романтический национализм) полагает, что нация является фазой развития этноса и отчасти противопоставляет себя гражданскому национализму. В настоящее время «националистическими» называют, как правило, те движения, которые делают акцент на этнонационализме.

С его точки зрения, членов нации объединяют общее наследие, язык, религия, традиции, история, кровная связь на основе общности происхожде-

ния, эмоциональная привязанность к земле, так что все вместе они образуют кровнородственное сообщество (единый народ).

Таким образом, нация основана на общем происхождении ее членов — реальном или предполагаемом. Иными словами, принадлежность к нации определяется генетическими факторами («кровью»). Сторонники этой концепции утверждают, что национальная самоидентификация имеет древние этнические корни и потому носит естественный характер. Они высказываются за самоизоляцию культуры этнического большинства от других групп и не одобряют ассимиляцию.

Этнические националисты нередко разделяют идеи национального превосходства и национальной исключительности (шовинизм), а также культурной и религиозной нетерпимости (ксенофобию).

Иногда при классификации выделяют культурный национализм, так что этнический национализм становится более узким понятием. Культурный национализм определяет нацию общностью языка, традиций и культуры. Легитимность государства исходит из его способности защищать нацию и способствовать развитию её культурной и общественной жизни. Как правило, это означает государственную поддержку культуры и языка этнического большинства, а также поощрение ассимиляции этнических меньшинств для сохранения единообразия нации.

Крайний национализм нередко ведёт к острым внутренним или межгосударственным конфликтам. Радикальный государственный национализм является ключевой составляющей фашизма и нацизма. В большинстве стран крайний национализм официально признан социально опасным явлением, а разжигание межнациональной розни считается уголовным преступлением.

Стремление выделить для народа, проживающего в какой-либо части государства, его собственное государство на этой территории, приводит к сепаратизму.

Характерные для национализма размытость идеологии и эклектичная структура политических движений открывают возможности для политики двойных стандартов. Например, стремящиеся к сохранению своей культуры «нации-гегемоны» обвиняются в великодержавном шовинизме, а борьбу малых народов за национальную независимость называют сепаратизмом — и наоборот.

МНОГОЗНАЧНОСТЬ ПОНЯТИЯ «НАЦИОНАЛИЗМ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В современном русском языке наиболее употребительное значение слова «национализм» отличается от описываемой в этой статье идеологии и по смыслу приближается к шовинизму, этнократии и ксенофобии. Такое значение было внедрено в язык в советский период. Оно имеет выраженный негативный оттенок и делает акцент на превосходстве своей нации, национальном антагонизме и национальной замкнутости.

Советский лингвист С. И. Ожегов — составитель нескольких словарей русского языка — определил национализм как «идеологию и политику, исходящую из идей национального превосходства и противопоставления своей нации другим».

Русская языковая традиция также приравнивает понятие «нация» к этничности. По мнению историка А. И. Миллера, это связано, с одной стороны, с тем, что Россия в целом слабо знакома с идеологией национализма, а с другой стороны, с намеренным искажением в Российской империи и в СССР значения этого термина, принятого в мире. Следствием стала практика подмены терминов, которую в своих целях используют как противники национализма, так и сторонники национальной исключительности. Последние иногда называют себя «националистами в хорошем смысле слова».

Некоторые авторы утверждают, что патриот — это человек, любящий свою родину, а националист — ненавидящий другие народы и страны. В принципе, это словоблудие.

Американский историк Б. Шейфер дал следующие значения термина «национализм»:

1. Любовь к общей земле, расе, языку и исторической культуре;
2. Стремление к политической независимости, безопасности нации, забота о её престиже;
3. Мистическая преданность туманному, иногда сверхъестественному социальному организму, который известен как нация и народ;
4. Догма о том, что индивидуумы живут исключительно для нации, которая есть цель в самой себе;
5. Доктрина, что данная нация является или должна быть господствующей среди других наций.

Как известно, смысл, вкладываемый разными людьми в одни и те же термины и лозунги, нередко бывает противоположным. Так, лозунг «Россия для русских» одни трактуют как претензию этнических русских на исключительные права, а другие — как требование, что государство должно служить народу. В связи с этим некоторые российские исследователи настаивают, что слово «национализм» следует использовать сугубо для обозначения этнонационализма. Другие же полагают, что это сделает невозможной коммуникацию научной среды с обществом.

НАЦИЯ

Идея нации опирается на чувство истории, на воспоминания и традиции, которые передаются из поколения в поколение. Её существование обычно рассматривается как плавное продолжение древнего этноса либо привязывается к определённым историческим моментам её основания.

В реальности нация — это сообщество людей с перекрывающейся культурной и политической самоидентификацией, исторически возникшей

вследствие их привязанности к определённой территории. С одной стороны, это сообщество воображаемое: каждый его член несёт в себе его образ, представляет себе его границы, ощущает на себе его братские узы и убеждён в его верховной власти. Человек представляет свою жизнь как траекторию вдоль общего пути, параллельную жизням тысяч своих соотечественников, которых он никогда не видел. При этом люди, составляющие нацию, объединены общими симпатиями, посвящают себя общей деятельности, желают находиться под одним правительством и желают, чтобы это правительство состояло из их представителей.

С другой стороны, корни большинства наций сосредоточены вокруг доминирующего этнического стержня. Большинство членов нации разделяют общий образ жизни и испытывают привязанность к территории их совместного проживания с привычным узнаваемым ландшафтом. Между тем, совместное проживание приводит со временем к появлению внешнего сходства и к формированию этнической группы, представители которой верят в их общее генеалогическое происхождение в силу схожей внешности, обычаев или исторических воспоминаний. Эта общность активно способствует национальной солидарности.

Однако национальное самосознание принципиально отличается от этнического, поскольку складывается в процессе осознания обществом своих интересов по отношению к государству, тогда как этническое самосознание состоит во взаимоотношении одной этнической общности с другими. Этнические группы, вообще говоря, не привязаны к конкретной территории, тогда как нации не обязательно опираются на миф об общем происхождении.

НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО

Национальное государство — это территориальное образование, в котором сращиваются социальная организация, политическое управление и культурная самоидентификация. Стран, отвечающих всей строгости данного определения, менее 10%, однако большинство современных государств включают многие его элементы.

Современные государства управляют множеством городов и соприкасающихся регионов посредством централизованных, дифференцированных и автономных структур. Они обладают монополией на формулирование обязательных к исполнению правил и на применение силы в пределах своей территории. Таким образом они распространяют своё прямое правление на всё население на своей территории и стремятся организовать жизнь всех людей определённым образом для экономического развития или обороны.

Этим они отличаются от городов-государств, которые не стремятся к интеграции глубинки, и от империй, которые не пытаются надзирать над повседневными делами всех жителей. Кроме того, национальное государство стремится к добровольной интеграции народов, и этим тоже отличается от

империи, ставящей целью захват новых территорий, их удержание и колонизацию.

Несмотря на схожесть понятий «нация» и «национальное государство», национализм делает между ними некоторое различие. Понятия «нация», «государство» и «общество» относятся к различным уровням: культурному, политическому и социальному. Например принято считать, что армия защищает не государство, а народ.

История национализма

Национализм является продуктом Нового времени. На протяжении истории люди испытывали привязанность к родной земле и поддерживали местную власть. Однако большинство политических и культурных явлений до нового времени имело универсальный, а не национальный характер.

Термин «национализм» впервые ввел в употребление немецкий писатель, философ и богослов Иоганн Гердер в своем четырехтомном сочинении «Идеи к философии истории человечества» (1784—1791).

Ярким проявлением национализма явилась борьба элит стран Латинской Америки против испанского колониализма. Однако наиболее мощными всплесками стали революции в американских колониях Великобритании и во Франции. К 1815 году национализм уже был одной из ведущих идеологий в мире.

Если национализм конца XVIII века во Франции и США был преимущественно гражданским, то в большинстве стран Центральной и Восточной Европы он возник как реакция на французскую оккупацию и поначалу носил этнический характер. Так, объединение Германии и аннексия Эльзаса-Лотарингии были осуществлены в русле пангерманизма. Во второй половине XIX века национализм начал подрывать целостность Австро-Венгрии, Российской и Османской империй, которые после Первой мировой войны распались. В начале XX века он расцвёл в Азии и Африке, что привело в итоге к распаду колониальной системы.

Существенным элементом соглашений по окончании Первой мировой войны был план президента США Вудро Вильсона разделить Европу на моноэтнические национальные государства, для осуществления чего была создана Лига Наций. При этом война подорвала веру в гуманизм, что в сочетании с другими факторами привело к появлению итальянского фашизма и германского национал-социализма. Вслед за поражением Италии и Германии в войне последовала дискредитация всех форм крайнего национализма и связанных с ними учений.

В послевоенной Западной Европе активность национализма снизилась в связи с процессами интеграции в Европейское сообщество. Во многих странах были ликвидированы расовые и этнические дискриминационные ограничения. В посткоммунистической Восточной Европе, однако, на фоне

распространения идей построения гражданской нации происходили острые этнические конфликты и этнические чистки.

В современном мире национализм продолжает играть активную роль на международной арене и имеет множество проявлений. Представления о национальном государстве стали фундаментальной компонентой менталитета людей во множестве стран:

> Движения этнического национализма и сепаратизма возникают как в экономически развитых странах, так и в бедных. Как в федеративных демократиях, так и при жестком авторитарном правлении. Не существует надежной корреляции между религиозной идентичностью и национализмом. Сепаратизм может быть католическим, исламским, протестантским и т. д.

НАЦИОНАЛИЗМ И КУЛЬТУРА

С конца XVIII века национализация государства шла параллельно с национализацией образования и общественной жизни. Поэты и учёные приступили к реформе родного языка, подняв его до уровня литературного. Их труды в области истории подготовили почву для политических требований в отношении национальной государственности.

В национальных государствах появились новые ритуалы: фестивали, праздники, флаги, музыка, поэзия, патриотические речи. Со временем национальные элементы стали проявляться в сказках, архитектурном стиле, муниципальных законах и т. д.

Политическая роль религии постепенно сошла на нет, а владение государственным языком стало играть принципиальное значение. Последнее было связано с развитием коммуникационных технологий и капитализма, который был заинтересован в расширении границ единого рынка. Правда, национализм отнюдь не всегда опирался на устоявшиеся языковые традиции. Во многих случаях он продвигал местные наречия в противоположность языку аристократических кругов. Иногда происходило возрождение малоупотребительных языков, иногда — интеграция нескольких диалектов в новый общий язык.

В то время как доиндустриальное общество было поделено в основном на вертикальные слои, в Новое время политика государств стала способствовать преодолению этого деления. Благодаря национализму высокая культура охватила всё общество, стала определять его и получила политическую поддержку.

Поскольку национализм стремится к идентификации человека с национальной культурой и языком (в противоположность идентификации с религией, местом проживания, родом и т. д.), важную роль стало играть образование. Система всеобщего образования не только наделяет население базовыми профессиональными навыками (в первую очередь, обучает грамоте), но и

позволяет национальному государству эффективно общаться напрямую с гражданами. Система образования также может способствовать поддержке ценностей, культуры, истории и языка этнического большинства.

Особое внимание национализм уделяет трактовке и преподаванию истории для воспитания чувства отождествления себя с нацией. Многие исследователи полагают, что такое внимание носит идеологический характер и осуществляется с целью создания мифологической основы для своих требований. В этой связи Эрнест Ренан в 1882 г. сказал:

> Забвение или, лучше сказать, историческое заблуждение является одним из главных факторов создания нации, и потому прогресс исторических исследований часто представляет опасность для национальности.

В большинстве стран мира национализм стал частью самой структуры общества. Население воспринимает его как привычное явление и даже не реагирует на националистическую риторику, если только она не угрожает общественному порядку или не связана с каким-то объективным кризисом. У людей возник ряд привычек идеологической окраски, которые обеспечивают непрерывное воспроизводство нации («банальный национализм»).

Пятнадцать лет ежедневного отравления путинской телевизионной щелочью привели к тому, что среднестатистический россиянин стал воспринимать окружающий мир как нечто чуждое и враждебное по отношению к его стране. Рисунок Васи Ложкина; Интернет

КРИТИКА

По мнению исследователей, гражданский национализм не способен сам по себе обеспечить единство нации, поскольку основан преимущественно на рассудке и поскольку основные категории гражданского национализма (гражданство, политические права и т. д.) являются «внешними» для человека. Поэтому на практике национализм всегда содержит культурный элемент, который существенно более эмоциональный и оперирует «внутренними» категориями (религия, традиции и т. д.).

Гражданский национализм также не способен внести ярко отличительные черты в национальную самоидентификацию. Его вклад в формирование национальной уникальности отчасти опирается на территориальную привязанность, однако распространение демократии привело к сглаживанию остальных различий между европейскими государствами.

Между сторонниками этнического и гражданского национализма бывают острые противоречия. Националисты утверждают, что гражданский национализм даёт некорректное толкование понятию «нация», и склонны считать его формой интернационализма. Они отрицают, что нация может включать в себя разные национальности, хотя иногда готовы делать исключение для быстро ассимилирующихся некоренных национальностей.

Критики этнического национализма отмечают, что этническая принадлежность — это лёгкий способ выражения чувства коллективной идентификации, которая сближает «своих», подчёркивая отличия от «чужих». При этом далеко не всегда очевидно — что именно является общим для «своих», кроме как отличие от «чужих».

Так, процессы ассимиляции показывают, что этническая принадлежность группы способна к эволюции. Политические и культурные нормы усваиваются наиболее быстро. Физическая внешность иммигрантов часто не соответствует нормам коренного населения, однако у их потомков эти различия сглаживаются благодаря межнациональным бракам. В силу этого, теории «исконной» национальности лишены оснований.

В то же время этнический национализм крайне замедляет процесс приобщения к нации для «посторонних», поскольку поменять собственные гены или своих предков невозможно. По этой причине многие социологи считают, что этнические ценности не должны простираться за пределы личной сферы жизни.

Левые движения часто рассматривают национализм как правую идеологию, поддерживающую консервативно-авторитарные режимы и враждебную социал-демократии. Однако есть и другой взгляд, согласно которому лишь сообщество, имеющее представление об общей судьбе и охваченное узами взаимного доверия благодаря сильной национальной идентичности, способно достичь социальной справедливости и демократии.

Космополиты утверждают, что людей в первую очередь должны волновать общечеловеческие вопросы, которые не признают границ или различий

по расе, религии, культуре и т. п. Космополиты указывают на существование вопросов, которые шире национальной политики и могут решаться только на транснациональном уровне. Следует отметить в этой связи, что космополиты как правило не уделяют должного внимания проблеме обеспечения безопасности и порядка и подразумевают её решённой. Между тем, безопасность на практике поддерживается силовыми структурами именно национальных государств. Космополиты также усматривают шовинистический потенциал в умеренных формах национализма и видят их опасность в перспективе перерождения в нацизм. Комментируя подобные утверждения, М. Уолцер сказал:

> Преступления в XX веке совершали как извращенные патриоты, так и извращенные космополиты. И если фашизм представляет первое из этих извращений, то коммунизм, в его ленинской и маоистской версиях, представляет второе.

Примеры национализма

Польский национализм

Польский национализм стал формироваться во время Речи Посполитой — федерации Королевства Польского (КП) и Великого Княжества Литовского (ВКЛ).

В это же время стал формироваться особый национализм на основе польско-литовской идентичности, которая объявляла многоконфессиональную и многонациональную Речь Посполитую образцом более гуманного и благородного государства. Национализм польско-литовской идентичности был распространён среди польской шляхты и основывался на идеях сарматизма и культурных ценностях Золотой вольности.

Большое значение в развитии польского национализма приобрёл католицизм, который использовался националистической мыслью как элемент мессианизма польского народа и его самоидентификации. В настоящее время в политической мысли в Польше превалирует политологическая концепция Ежи Гедройца, которая предполагает построение независимых от России и управляемых Польшей линии государств Литва-Беларусь-Украина как элемента противовеса и ослабления России.

Русский национализм

Первым россиянином, начавшим употреблять слово «национализм», стал Александр Герцен, записавший в дневнике 1844 года:

> ...западно-либеральные головы считают национализм подпорою правительства.

В период правления Петра I сподвижники царя доброжелательно смотрели на европейцев как на равных. Однако к концу XVIII века вокруг отношения к Западу возникли разногласия. Дефицит равенства, свободы и уважения к личности на родине по сравнению с западными странами вызывал у русских патриотов чувство стыда.

Этот удар по национальной гордости привёл к возникновению двух противостоящих друг другу групп.

Западники считали, что Россия должна идти вслед за прогрессивными и либеральными силами по тому же пути, на который вступили Западная Европа и США, славянофилы же не соглашались видеть в Западе лидера и, тем более, образец для подражания. Они верили, что у России особый путь в связи с её географическим положением, авторитарным и православным прошлым. Славянофилы приписывали русскому характеру терпимость, жажду истины, спонтанность, сердечность, душевность, великодушие, безразмерность, соборность (склонность принимать решения коллективно). Это противопоставлялось обобщённому западному характеру, которому якобы свойственны жадность, лживость, эгоизм, холодная расчётливость.

Восстание декабристов 1825 г., призвавших к ликвидации самодержавия, потрясло высшее общество, и большинство стало видеть в западных ценностях прямую угрозу для России. Польское восстание 1830—1831 гг. и события в Европе подтвердили эти опасения. Это привело к ещё большей поляризации западников и славянофилов. В 1833 г. граф Сергей Уваров выдвинул тезис, что «собственными началами России являются Православие, Самодержавие и Народность».

Поскольку Россия была империей, власть враждебно относилась к национализму меньшинств и в то же время опасалась опираться на этнонационализм русского большинства в силу его стихийности.

При этом она пыталась использовать национализм меньшинств в других государствах в своих внешнеполитических интересах. Так, она поддерживала панславизм в Австро-Венгрии и Османской империи, несмотря на ответное настороженное или враждебное отношение. В начале XX века, когда в России начался упадок абсолютизма, власть начала прибегать к услугам черносотенцев и провоцировать межнациональные трения в самой империи.

Придя к власти в 1917 году, большевики подавили существовавшие движения русских националистов. Официально заявлялось, что великодержавный национализм был одной из враждебных идеологий и ему противопоставлялась идея интернационализма. Благодаря этому широкое распространение получил взгляд, что национализм (во всех его вариантах) советским режимом подавлялся.

Некоторые авторы утверждают, что в СССР доминировал «социалистический патернализм», делавший акцент на нравственном характере отношений между людьми и государством в связи с их правами на долю в распре-

деляемом общественном продукте. В отличие от национальных государств, в СССР от граждан не требовались ни политическая активность, ни этническая схожесть; они должны были с благодарностью принимать то, что государство им давало.

Вместе с тем некоторые элементы политики носили национальный характер. Так, программа русификации началась в XX веке при царе и была продолжена советской властью. Во время Второй мировой войны И. В. Сталин взывал к национальному чувству и патриотизму, а сразу после войны провозгласил русских «руководящим народом». Это сочеталось с разжиганием фобий по отношению к «народам-предателям» и этническими чистками. В период правления Л. И. Брежнева разрабатывалась концепция «единого советского народа», которая включала в себя элементы политической нации, хотя и не наделяла её национальным духом.

Тем не менее, советская Россия никогда не занималась целенаправленным строительством нации. В СССР под «национальной политикой» понималось решение проблем нерусских народов. Российская Федерация не считалась национальной республикой, а русское население — носителем особой этничности. В бытовой повседневности большинство людей определяли себя только по отношению к государству, и основным параметром был ранг во властной иерархии. В 1991 г. большинство русских (80%) своей родиной называло весь Советский Союз.

Перестройка дала начало масштабным демократическим реформам (до конца не реализованным), однако привела к росту национализма и сепаратизма в ряде республик.

В постсоветский период распад СССР, крушение социалистических идеалов и разочарование в экономических реформах заставили многих людей обратиться к партиям и движениям, действующим в соответствии с идеями национализма, в том числе в его крайних формах. В настоящее время национализм набирает популярность в массах, однако тяготение к этническому и гражданскому национализму до сих пор находится в неустойчивом равновесии.

Согласно распространённой точке зрения, переход России от имперского к национальному государству до сих пор не завершён, и на эту тему продолжаются дискуссии. Традиционалисты отстаивают идею укрепления вертикальных опор государства, тогда как модернисты призывают к усилению горизонтальных общественных связей.

Украинский национализм

Основание теории украинского национализма было заложено в «Книге бытия украинского народа», написанной историком Николаем Костомаровым, членом Кирилло-Мефодиевского братства. Костомаров выдвинул тезис о двух русских народностях, доказывая существование отдельной «южнорусской» народности.

Дальнейшее развитие концепция украинского национализма получила в трудах Михаила Грушевского («История Украины — Руси» в 13 книгах, 1898—1936 гг.), стремившегося довести историю украинского народа до периода, предшествующего появлению Киевской Руси. Наиболее крайние, агрессивные формы теоретический украинский национализм приобрёл в работах Николая Михновского (он, в частности, выдвинул лозунг «Украина для украинцев») и Дмитрия Донцова. «Государственнический национализм» отстаивал публицист и теоретик польского происхождения Вячеслав Липиньский.

К началу XX века этноним «украинцы» использовался в основном в литературе и не употреблялся простыми носителями украинского языка (ранее малорусское наречие русского языка). Эти носители проживали в основном в Российской империи. В Волынской, Екатеринославской, Киевской, Подольской, Полтавской, Таврической, Харьковской, Херсонской, Холмской, Черниговской губерниях и Кубанской области они составляли большинство населения. Еще в пяти губерниях (Бессарабской, Воронежской, Гродненской, Курской, Ставропольской) в Области войска Донского — более 20% населения.

Украинцы также жили в Австро-Венгрии (Королевство Галиции и Лодомерии, Герцогство Буковина, комитаты Берег, Марамарош, Угоча, Унг).

Появились первые партии, выступавшие за создание политической автономии на всей этнической территории украинцев. Власти Австро-Венгрии поощряли украинских националистов, чьи требования не выходили за рамки национально-культурной автономии, и подвергали репрессиям русинов, считавших себя частью единого русского народа. Политика российских властей была симметричной. В результате распада обеих империй, на несколько лет возникла независимая Украинская Народная Республика. Однако после советско-польской войны Галиция и Волынь отошли к Польше, а оставшаяся часть УНР вошла в состав СССР как УССР.

Национально-освободительная борьба украинских националистов (в том числе вооружённая) продолжилась и в различные периоды была направлена против насильственной полонизации, русификации, коммунизма и немецкой оккупации. Порой она принимала крайние формы, в частности, отряды националистов устраивали еврейские погромы и массовые убийства польского населения. В 1930—50-е гг. крупнейшей националистической организацией была ОУН. В 1950—60-е гг. на территории Украины действовал ряд подпольных организаций националистов. В настоящее время в Украине официально признаны ряд националистических организаций.

ЛИТЕРАТУРА

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: «Канон-Пресс-Ц», 2001. — 320 с.

Андерсон Б., Бауэр О., Хрох М. и др. Нации и национализм. М.: «Праксис», 2002. — 416 с.

Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: «Логос-Альтера», «Ecce Homo», 2003. — 272 с.

Биллиг М. Нации и языки // «Логос», 2005. Вып. 4 (49), с. 60–86.

Геллнер Э. Нации и национализм. М.: «Прогресс», 1991.

Гринфельд Л. Национализм: Пять путей к современности /Пер. с англ./ М.: ПЕР СЭ, 2008.

Дойч К. Национализм и его альтернативы (1969) // Интернет-ресурс.

Кедури Э. Национализм / Пер. с англ./ СПб.: «Алетейя», 2010.

Кирчанов М. В. Интеллектуальная история беларуского национализма: Краткий очерк. Смоленск: «Посох», 2011. — 212 с.

Кон И. С. К проблеме национального характера. // Интернет-ресурс.

Кон И. С. Психология предрассудка (О социально-психологических корнях этнических предубеждений). // Психология национальной нетерпимости. Минск: «Харвест», 1998, с. 5—48.

Ноженко М. Национальные государства в Европе. СПб.: «Норма», 2007. — 344 с.

Паин Э. Между империей и нацией. /2-е изд., доп./ М.: Новое изд-во, 2004. — 248 с.

Смит Э. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. М.: «Праксис», 2004. — 464 с.

Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб.: «Алетейя», 1998. — 306 с.

О ПРИЧИНАХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ УКРАИНСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Д. А. Ахременко

Из журнала «Русин», 2015, № 1 (39), с. 116—128.

В последнее время украинство (украинофильство) стало одной из самых обсуждаемых тем в мировом сообществе. Одни называют его «украинским национальным освободительным движением» от захватчиков — «москалей», другие говорят о том,что его основатели и последователи были сепаратистами и марионетками в руках третьих держав. Популярна и теория «малого национализма». Согласно этой теории, украинство воспринимается как местное, краевое движение, которое, отрицая идею «большой русской нации», ставит в один ряд с национальными, по сути, краевые особенности Юго-Западной Руси, чтобы на их основе создать отдельную нацию.

Цель автора — выявление сути украинского национального движения. Для этого надо определить причины возникновения украинского национализма, внутренние и внешние предпосылки появления и развития его первой формы — движения украинофилов.

По мнению автора, на развитие украинофильства оказали воздействие различные факторы. В частности, политика российского самодержавия в отношении украинофилов, которая включала в себя разные тенденции.

Ещё одним фактором являлась позиция русской общественности. Великороссы именовали своих соотечественников,проживавших на территории современной Украины, руссинами (непременно с двумя «с», чтобы подчеркнуть единство с русским народом), малороссами или малороссиянами. Таким образом, понятие «русский» в XIX веке включало в себя жителей центральных губерний России, а также Западного края, то есть украинцев и белорусов.

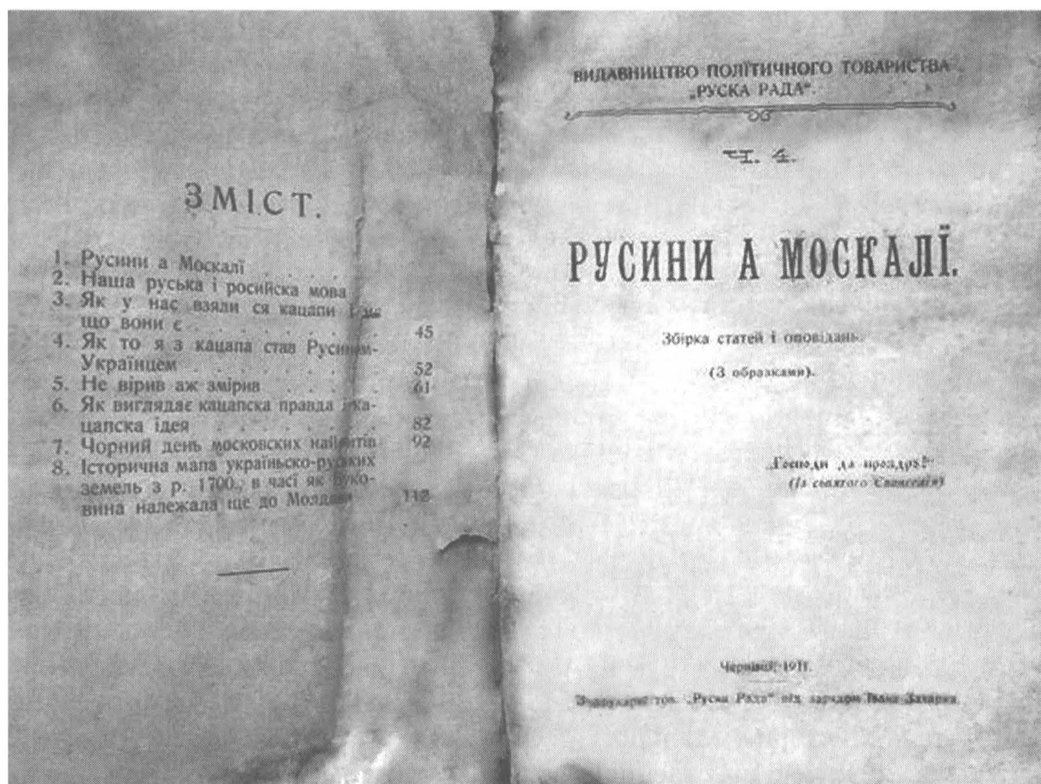
Эта концепция отрицала различия между восточными славянами, включая их в единую этническую общность. По этой концепции русский народ (куда, помимо собственно великороссов, входили жители Западного края) противопоставлялся другим народам и народностям империи. Такое отношение к малороссам и белорусам сохранялось вплоть до конца империи Романовых. Даже в начале XX века на фоне роста шовинистических настроений в российском обществе малороссов и белорусов не именовали инородцами.

Заметим, что принадлежность к теории «единого русского народа» не означала, что ее сторонники не видели отличий между великороссами и жителями Южной Руси. Так, русский писатель Иван Бунин в 1898 году в

рассказе «Казацким ходом» писал, что он сразу заметил разницу между ухоженными малороссийскими крестьянами и невзрачными, одетыми в лохмотья великорусскими «мужиками». Однако эти различия показались ему различиями среди одного народа, проживающего в разных губерниях.

В этой связи патриотизм малороссов, их культурная и историческая специфика воспринимались русской общественностью достаточно терпимо, и в первой половине XIX века украинофильские течения стали проникать в Москву и Петербург. Однако это был более мягкий вариант украинства, нежели тот, который зарождался в Малороссии. Московские и петербургские последователи украинства рассматривали его как романтичный вариант русскости, не выделяя малороссов в качестве отдельного народа.

К внешним факторам относится отношение к украинофилам польской общественности. Поляки считали, что земли, занятые русскими в результате разделов Речи Посполитой, являются ее восточными окраинами (Kresy Wschodnie) и по праву принадлежат им. Российские власти и общественность воспринимали эти земли как Западный край Российской империи. В свою очередь Западный край империи делился на Юго-Западный (куда входили Подольская, Волынская и Киевская губернии) и Северо-Западный (Виленская, Ковенская, Могилёвская, Минская и Витебская губернии). Левый берег Днепра именовался Малороссией, а побережье Черного моря —

ЗМІСТ.

1. Русини а Москалі
2. Наша руська і росийска мова
3. Як у нас взяли ся кацапи [illegible] що вони є . . . 45
4. Як то я з кацапа став Русин[illegible]-Українцем . . . 52
5. Не вірив аж зміри[illegible] . . . 61
6. Як виглядає кацапска правда [illegible]кацапска ідея . . . 82
7. Чорний день московских [illegible] . . . 92
8. Історична мапа українсько-ру[illegible] земель з р. 1700., в часі як [illegible]вина належала ще до Молд[illegible] . . . 112

ВИДАВНИЦТВО ПОЛІТИЧНОГО ТОВАРИСТВА „РУСКА РАДА“.

Ч. 4.

РУСИНИ А МОСКАЛЇ.

Збірка статей і оповідань.

(З образками).

[illegible]

Черні[illegible] 1911.

[illegible] „Руска Рада“ [illegible]

Ареал расселения украинского этноса

Новороссией. В целом же территория современной Украины именовалась в то время Южной Русью.

Надо отметить, что поляки называли православных и униатов, проживавших на землях нынешней Украины, rusini (особо подчеркивалось написание с одной «с»), противопоставляя их великороссам (которых поляки называли moskali). До середины XIX века поляки считали русинов такой же частью польского народа, как и, например, мазуров.

Малороссийское национальное движение зародилось в 40-е годы XIX века на территории Российской империи. Появление такого явления, как украинофильство, именно в этот исторический период объясняется, по мнению современного российского историка О. Б. Неменского тем, что в первой половине XIX века уже сформировалась единая русская культура. Украинские интеллектуалы боролись за право иметь свою, местную культуру, однако считали себя и свой народ русскими, называя Московскую Русь государствообразующей. Это желание южной культуры Российской империи занять достойное место в общерусской культуре и породило такое явление, как украинофильство.

Первая половина XIX века стала эпохой создания ряда произведений, описывавших историю Малороссии.Они были призваны познакомить широкую российскую общественность с неизвестными ей фактами из истории

южных соотечественников и напомнить верхушке государственной власти Российской империи о правах на автономию малороссийского дворянства, «имеющего казацкие корни». Своеобразной библией южнороссийского национального движения стала небольшая книга «История русов, или Малой России» (1846 г.).

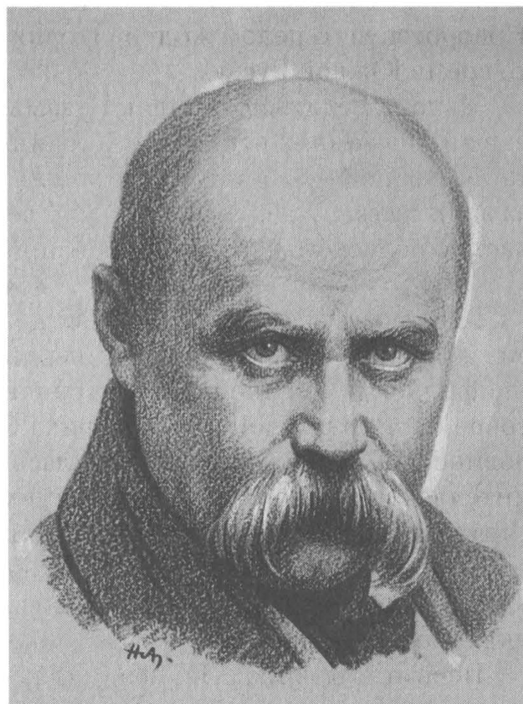
Ее содержание можно назвать в большей степени идеологическим, нежели научным. Книга оказала огромное влияние на национальное самосознание жителей Южной России и на зарождавшееся движение украинофилов. Однако при изучении текста этого произведения читатель приходит к выводу, что автор хотел показать не то, что украинцы — особая нация, отличная от русских, а лишь то, что Украина занимает значимое место в истории и культуре Русской земли, что «история Малой России... соединена с историею всея России» (История русов, с. 1).

У истоков украинофильского движения стояли члены тайного Кирилло-Мефодиевского общества, созданного в Киеве. Его основателями были Николай Костомаров (1817—1885), Пантелеймон Кулиш (1819—1897), Николай Гулак (1822—1899), Василий Белозерский (1825—1899), позже к ним примкнул Тарас Шевченко (1814—1861). Кстати говоря, П. А. Кулиш создал одну из ранних версий украинского алфавита, так называемую «кулешовку».

Основной задачей общества было национальное и социальное освобождение Украины и создание

Никлай Гулак

Тарас Шевченко

Всеславянской федерации, в которую вошли бы, помимо Украины, Россия, Чехия, Сербия, Болгария и Польша.Определяющую роль в этой федерации украинофилы отводили, безусловно, Украине.

Отметим, что в современной историографии Кирилло-Мефодиевского общества наметилась тенденция отождествлять украинофильство со славянофильством. Но если славянофилы считали, что определяющую роль в будущей Всеславянской федерации должна играть Россия, то украинофилы в этой роли видели Украину.

Идеологическую основу общества составили два документа — «Закон Божий (Книги бытия украинского народа)» Н. И. Костомарова и «Устав славянского общества святых Кирилла и Мефодия» В. М. Белозерского.

Основной идеей «Закона Божьего (Книги бытия украинского народа)» являлась мессианская рольУкраины, которая должна спасти славянство, исполнив тем самым волю Божью. Историк указывал на то, что первыми Господь создал евреев, но они нарушили Божий закон, избрав себе царя, поэтому Творец отвернулся от этого народа. После благодать Божья снизошла на греков, но «так как те были язычниками и не пришли к правильной вере», то и от них Господь отвернулся. После этого богоизбранным народом стали славяне, которые вскоре образовали три царства: Московию, Польшу и Литву. И лишь свободолюбивая Украина, по мнению Н. И. Костомарова, «не любила ни царя, ни господина, а сотворила себе казачество» и любила одного только Бога. Именно поэтому она и должна стать во главе Всеславянской федерации (Костомаров, с. 17). Основные положения «Закона Божьего» нашли свое отражение в уставе общества.

В марте 1847 года Кирилло-Мефодиевское общество было разогнано правительством, его создатели арестованы*. Но в первый год правления Александра II их освободили и восстановили в правах.

Кирилло-Мефодиевское общество (братство) стало первой малороссийской организацией украинофильского толка. Очевидно,что зарождение и дальнейшее развитие украинофильского движения стали возможны благодаря непоследовательной политике императорской власти, которая невольно возвела украинофилов в ранг мучеников и борцов за свободу, а освободив их, дала им возможность беспрепятственно распространять свои идеи.

С разгромом Кирилло-Мефодиевского братства деятельность украинофильского движения не прекратилась. В 1860-е годы популярность в

* Автор статьи не говорит всей правды. Членов общества арестовали на основании доноса провокатора, студента М. А. Петрова, вступившего в общество по заданию полиции.

Н. И. Костомаров год просидел в тюрьме, потом его выслали в Саратов. Н. И. Гулак был заключен в Шлиссельбургскую крепость на 3 года (1847—50) , затем 5 лет (1850—55) находился в ссылке в Перми. Т. Г. Шевченко на 10 лет отдали в солдаты (1847—57). Остальных членов общества сослали. В ссылке они находились до конца 1855 г.

Александр II взошел на престол 18 февраля 1855 г. В связи с началом своего царствования и под влиянием поражений России в Крымской войне он объявил амнистию многим жертвам политических преследований в годы правления его отца Николая I. — *Прим. ред.*

Малороссии приобрели идеи народнического национализма, ярким представителем которого был Михаил Драгоманов (1841—1895). Правда, до 1861 года юный Драгоманов был по своим взглядам космополитом, а не борцом за автономию Малороссии. Изменило его взгляды восстание в Польше 1863 года. По признанию самого Драгоманова, «польское движение имело большое влияние» на его политические взгляды:

> Рожденный на левом берегу Днепра, я не имел наглядного понятия о поляках и сочувствовал им как жертвам русского деспотизма... Приехав на правый берег Днепра, в Киев, я увидел, что поляки здесь — аристократия, а не народ, и был поражен тем, что даже студенты-поляки бьют своих слуг и ходят в костелы, где усердно стоят на коленях...
>
> Вместе с тем мне бросилась в глаза нетерпимость поляков относительно русских и в особенности малороссов, или украинцев... Между тем польское восстание приближалось к Киеву. Поляки, даже демократы, серьезно доказывали, что имеют право на З[ападную] Украину, потому что в ней дворянство, или, как тогда стали говорить, «интеллигенция», — польское. Реакция этим польским стремлениям давала силу среди киевской православной молодежи украинцам. Кредит «космополитов» падал по мере того, как становилось известным, что составленные столичные кружки безусловно становились

Василий Белозерский

Николай Костомаров

на сторону поляков. Видя ошибки «космополитов» и не разделяя многого в стремлениях украинцев, я стал охладевать к политике студенческих «кружков» (Драгоманов, с. 43—44).

Одним из «доказательств угнетения» их народа и языка явился для украинских националистов так называемый Валуевский циркуляр 1863 года. Дело в следующем.

На волне либеральных реформ правительства Александра II украинское национальное движение развивалось и укреплялось. С 1859 года открывались воскресные школы, где преподавание велось на «малороссийском наречии» (то есть на украинском языке). В этой связи появились учебные пособия на этом наречии: «Граматка» П. А. Кулиша, «Букварь» Т. Г. Шевченко, «Арихметика, або Щотниця» Д. К. Мороза. «Метелики» (дешевые издания отдельных произведений украинских авторов, в основном Т. Шевченко) получили широкое распространение.

В январе 1861 года в Петербурге начал издаваться южнорусский литературный вестник «Основа», который стал главным печатным органом движения украинофилов. Редактором и постоянными авторами журнала были все те же бывшие члены Кирилло-Мефодиевского братства — В. М. Белозерский, Н. И. Костомаров, П. А. Кулиш. Но в сентябре 1862 года журнал «Основа» прекратил существование*.

Михаил Драгоманов

Советские и современные украинские историки в качестве доказательства угнетения малороссов российскими властями приводили цитаты из Валуевского циркуляра.

Отметим, что еще 29 июня 1862 г. военный министр России граф Дмитрий Милютин написал князю Василию Долгорукову, бывшему в то время шефом жандармов, что в Киеве «действует общество хлопоманов», которое ставит перед собой задачи «возмущения крестьян против помещиков и распоряжений правительства с целью восстановления независимости Малороссии» (Миллер, с. 98). В записке Милюти-

* По мнению автора статьи, причиной стало отсутствие подписчиков. А вот члены редакции журнала утверждали, что его закрыли власти. Думаю, что они лучше знали суть вопроса. — *Прим. ред.*

на говорилось о ячейках «Громады» (в переводе с украинского — общество, община), возникавших с конца 1858 года в качестве культурно-просветительских центров. Инициаторами создания «Громады» были Н. И. Костомаров, П. А. Кулиш, Т. Г. Шевченко. Изначально деятельность организации носила культурно-просветительский характер. Но к 1863 году, в основном под влиянием польского национального движения, среди членов «Громады» начали преобладать националистические настроения.

После этого письма было проведено расследование, по результатам которого шеф жандармов предписал генерал-губернатору Юго-Западного края Н. Н. Анненкову предпринять меры для того, чтобы прекратить деятельность «Громады».

Пантелеймон Кулиш

В марте 1863 года шеф жандармов получил анонимное письмо, в котором содержалось требование о запрете перевода Евангелия на «малороссийское наречие». Долгоруков переслал письмо в Киев генерал-губернатору, чтобы узнать его мнение. Анненков посчитал необходимым запретить перевод Евангелия на украинский, так как это позволит украинофилам говорить об автономии Малороссии, опираясь на самостоятельность языка. Именно письмо Анненкова послужило толчком для появления Валуевского циркуляра.

По распоряжению императора 2 апреля 1863 года Долгоруков послал письмо министру внутренних дел России П. А. Валуеву, в котором ввел его в курс дела. Министр, в свою очередь, послал запрос обер-прокурору Синода А. Ахматову с приложением письма киевского генерал-губернатора. Ахматов ответил, что когда проект перевода поступит к ним, представители Синода учтут мнение Анненкова. В мае 1863 года Валуев вновь послал записку Ахматову с вопросом о запрещении перевода на украинский язык Евангелия. После этого Ахматов дал указание проект перевода не издавать.

Одновременно в июне 1863 года в газете «Московские ведомости» Валуев инициировал спор между украинофилами и российским публицистом Михаилом Катковым (1818—1887) с целью «разоблачения истинных намерений» сторонников автономии. После всего этого 18 июля 1863 года министр

внутренних дел направил циркуляр в Московский, Петербургский и Киевский цензурные комитеты. В нем говорилось:

> Принимая во внимание, с одной стороны, настоящее тревожное положение общества, волнуемого политическими событиями, а с другой стороны, имея в виду, что вопрос об обучении грамотности на местных наречиях не получил еще окончательного разрешения в законодательном порядке, министр внутренних дел признал необходимым, впредь до соглашения с министром народного просвещения, обер-прокурором Св. Синода и шефом жандармов относительно печатания книг на малороссийском языке, сделать по цензурному ведомству распоряжение, чтобы к печати дозволялись только такие произведения на этом языке, которые принадлежат к области изящной литературы; с пропуском же книг на малороссийском языке как духовного содержания, так учебных и вообще назначаемых для первоначального чтения народа, приостановиться (Лемке, с. 304).

Таким образом, Валуевский циркуляр не запрещал в Российской империи «малороссийское наречие» как таковое. Запрету подверглись книги на религиозную тему и учебная литература с той целью, чтобы украинофилы не могли распространять свои идеи среди неграмотных и малограмотных слоев населения Малороссии.

Украинофилы встретили циркуляр министра внутренних дел с негодованием. Костомаров обратился к Валуеву с письмом, в котором просил отменить запрет на издание научной литературы на малороссийском наречии. Однако здесь историк лукавил: в тексте циркуляра не сказано о запрете на издание научной литературы.

Тем не менее, с подачи Костомарова следующие поколения украинофилов стали говорить, что Валуев запретил малороссийский язык, сказав, что такого не существовало и не будет существовать. Действительно, в тексте циркуляра содержится подобная формулировка, но слова эти принадлежали не министру, а кому-то из доносчиков. Валуев эти слова лишь процитировал*.

Валуевский циркуляр подвергся резкой критике со стороны не только украинофилов, но и российских либералов, особенно петербургской прессы.Так, в 1863—64 гг. в журнале «День», редактором которого был славянофил Иван Аксаков (1823—1886), опубликовали ряд статей украинофилов, в которых резко критиковался циркуляр министра. Сам И. С. Аксаков указывал, что такие действия со стороны министерства приведут лишь к тому, что украинофилы встанут на позицию врагов России (Аксаков, с. 201—202). Ярым противником украинофилов оставался лишь редактор «Московских ведомостей» М. Н. Катков.

---

* Отметим, что украинофилы были правы. Валуев цитировал указанный пассаж именно потому, что полностью разделял мнение анонима. — *Прим. ред.*

Даже среди петербургских чиновников нашлись лица, которые с возмущением встретили циркуляр министра внутренних дел. В частности, это министр народного просвещения Александр Головнин (1821—1886), считавший, что своими действиями П. А. Валуев не дает развиваться Малороссии в культурно-просветительском плане.

Не остался равнодушным к циркуляру министра и Драгоманов. Его взгляды радикализировались. С того времени можно говорить о Драгоманове-украинофиле. Однако во второй половине 1860-х гг. Драгоманов был националистом-теоретиком. В 1864 году он стал приват-доцентом, а в 1873 году — штатным доцентом Университета св. Владимира в Киеве. Именно там Драгоманов попал под огромное влияние одного из основателей украинской «Громады» Владимира Антоновича (1834—1908) — основателя украинской историографии, этнографа и историка.

С начала 1870-х гг. деятельность украинофилов активизировалась. Это было связано с либеральной политикой, проводившейся Петербургом. Так, в 1873 году по решению русского правительства открылся Юго-Западный отдел Русского географического общества. Инициаторами его создания выступили видные борцы с украинским национализмом — Михаил Юзефович (1802—1889) и Виталий Шульгин (1822—1878). Они верили в то, что украинофильское движение возникло и развивается исключительно за счет покровительства поляков. Если дать малороссам культурно-просветительскую автономию в рамках общерусской культуры, то это позволит, по мнению Юзефовича и Шульгина, покончить с украинофильством*. Такие же надежды питали власти, которые в лице киевского генерал-губернатора А. М. Дондукова-Корсакова поддержали инициативу Шульгина и Юзефовича. Однако их надеждам не суждено было сбыться. Работа Юго-Западного отдела вскоре оказалась всецело в руках украинофилов, в частности М. П. Драгоманова, В. Б. Антоновича и П. П. Чубинского (1839—1884).

С 1874 года Драгоманов стал фактическим редактором «Киевского телеграфа» — небольшой газеты, дела которой до того времени шли довольно плохо. Владелица газеты Е. И. Гогоцкая была абсолютно равнодушна к политическим взглядам украинофилов, она пригласила Драгоманова редактором лишь для того, чтобы поднять авторитет издания. В обновленный редакционный отдел вошли украинофильски настроенные члены Юго-Западного отдела Русского географического общества. В результате «Киевский телеграф» стал основной платформой для борьбы с имперским курсом «Киевлянина» В. Я. Шульгина. Украинофилы планировали открытие музеев украинского народа, создали широкую сеть корреспондентов «Киевского телеграфа» по всему Юго-Западному краю. Это вызвало озабоченность в Петербурге, в

* Летом 1864 г. В. Я. Шульгин основал газету «Киевлянин», которая издавалась 45 лет, до 1919 года! Суть взглядов редактора и редакции газеты ясно выражал эпиграф, неизменно печатавшийся с первого номера, вышедшего 1 июля 1864 г.: «Этот край русский, русский, русский!». — *Прим. ред.*

1876 году последовала реакция властей на рост украинофильских настроений среди малороссов — император Александр II подписал Эмский указ.

Как и в случае с Валуевским циркуляром, Эмскому указу предшествовала серьезная предварительная работа. 27 августа 1875 года А. Л. Потапов, бывший в то время начальником III отделения, направил письмо министру внутренних дел А. Е. Тимашеву, министру народного просвещения Д. А. Толстому, обер-прокурору Святейшего Синода К. П. Победоносцеву, а также М. В. Юзефовичу*. В нем говорилось:

> Государь император, ввиду проявлений украинофильской деятельности и в особенности переводов и печатания *учебников и молитвенников* [курсив мой. — *Д.А.*] на малорусском языке, высочайше повелеть соизволил учредить под председательством министра внутренних дел совещание из министра народного просвещения, обер-прокурора Святейшего Синода, главного начальника III отделения собственной его императорского величества канцелярии и председателя Киевской археологической комиссии тайного советника Юзефовича для всестороннего обсуждения этого вопроса (РГИА 3, с. 1).

Главным пунктом обвинения украинофилов фигурировало издание книг на малороссийском диалекте для народа, что было запрещено циркуляром министра внутренних дел Валуева, одобренного императором в 1863 году.

В сентябре — начале октября 1875 года по поручению Тимашева эксперты Главного управления по делам печати составили записку, в которой указывалось:

> ...допустить обособление, путем возведения украинского наречия в степень литературного языка, 13 миллионов малороссов было бы величайшею политической неосторожностью, особенно ввиду того объединительного движения, какое совершается по соседству с нами у германского племени (РГИА 3, с. 25 об.—26 об.).

Выход Малороссии от Российской империи трактовался в записке как главная цель подрывной деятельности поляков, чтобы тем самым обеспечить себе возвращение инкорпорированных малороссийских земель. Мысль о том, что малороссийские деятели могут поставить своей целью собственную независимость не приходила им в голову.

Вторую записку составил М. В. Юзефович. Основной ее идеей была мысль о триединой русской нации. Воззрения украинофилов Юзефович характеризовал как «измышление австро-польской интриги». В качестве доказатель-

* М. В. Юзефович, бывший помощник попечителя Киевского учебного округа, с 1856 г. находился в отставке и «на общественных началах» вел яростную борьбу с украинофилами. О сути его взглядов убедительно говорит следующий факт. Будучи председателем комиссии по устройству памятника гетману Богдану Хмельницкому он настоял на том, чтобы на постаменте памятника (открытого в Киеве 11 июля 1888 г.) появились две надписи: «Хотим под царя восточного, православного» и «Богдану Хмельницкому от единой и неделимой России». За это царь Александр даровал ему чин действительного тайного советника. — *Прим. ред.*

ства своей мысли он приводил историю посвящения в украинофильство Кулиша М. Грабовским, который впоследствии стал министром просвещения в Царстве Польском (Савченко, с. 375).Труды Костомарова Юзефович считал направленными на уничтожение в сознании малороссов сочувствия к Русскому государству путем «унижения и опозорения его истории» (Савченко, с. 376).

Главное управление по делам печати подготовило дополнительные сведения для совещания. В журнал совещания вошли выводы экспертов этого учреждения, в частности:

> ...стремление украинофилов породить литературную рознь... представляется опасным и потому еще, что совпадает с однородными стремлениями и деятельностью украинофилов в Галиции, постоянно толкующих о 15-миллионном южнорусском народе, как о чем-то совершенно отдельном от великорусского племени.Такой взгляд рано или поздно бросит галицийских украинофилов, а затем и наших, в объятия поляков, не без основания усматривающих в стремлениях украинофилов движение в высшей степени полезное для их личных политических целей. Несомненным доказательством этому служит поддержка, оказываемая галицкому украинофильскому обществу «Просвита» сеймом,в котором преобладает и господствует польское влияние (ГАРФ, с. 25—27об.).

Боязнь австрийского и польского вмешательства подтолкнула членов совещания к подготовке соответствующего документа. Он состоял из 11 пунктов, первые три из которых посвящены запрету на распространение литературы на малороссийском языке, ввоза ее из-за рубежа и использования «кулешовки». Печатать разрешалось только произведения «изящной литературы». Зато запрещались спектакли на малороссийском языке. Запрету подлежало и использование вместо буквы «и» букв «і» и «I» (РГИА 3, с. 66—67).

Император Александр II подписал этот документ 18 мая 1876 года в городе Эмс (Германия), куда он приехал. По названию города документ назван Эмским указом. После подписи императора немедленно были закрыты Малороссийский отдел Русского географического общества и «Киевский телеграф».

Своеобразным каналом для проникновения националистических взглядов в Юго-Западный край Российской империи явилась территория современной Западной Украйны (Буковина, Галиция,Закарпатье), которая в то время входила в состав Австро-Венгерской империи. Движение русинов играло немаловажную роль в политической и общественной жизни в этих регионах Австро-Венгрии*.

Однако репрессии австро-венгерских властей против русского населения в Галиции в начале 80-х гг. XIX века и последовавшая за этим активи-

* Кстати говоря, один из пунктов Эмского указа предусматривал финансирование русофильской газеты «Слово», выходившей в австрийском Львове. — *Прим. ред.*

зация украинофильского движения привели к тому, что определенная часть жителей восточных окраин Австро-Венгрии (русины) постепенно уезжала в Россию. Наблюдался и обратный процесс: российские украинофилы переезжали в империю Габсбургов.

В своем формировании и развитии украинское национальное движение прошло несколько этапов.

На первом этапе (1840—1860-е гг.) оно только зарождалось. Этот этап характеризуется умеренными требованиями украинофилов, которые говорили в основном о культурной автономии Малороссии, о Славянском союзе, где Малороссия играла бы главенствующую роль.

Второй этап (1860—1870-е гг.) отмечен спадом украинофильского движения в результате репрессий властей империи.

Третий этап (1870-е гг. — начало XX века) — радикализация украинофильского движения, увеличение иностранного влияния на украинофилов России через Галицию — австрийскую часть Украины.

В итоге украинофильское движение, зародившееся как одна из ветвей славянофильства с народническим уклоном, трансформировалось, с одной стороны, в националистическую идеологию (у большинства украинофилов), а с другой — в социализм (например, у Драгоманова).

Существовали как внутренние причины возникновения украинского национализма (борьба малороссийской и петербургской интеллигенции за расширение культурной автономии Западного края), так и внешние (поддержка националистов со стороны Австро-Венгрии, позже — Германии).

ЛИТЕРАТУРА

Аксаков И. С. Сочинения. Том 3: Польский вопрос и западнорусское дело. Еврейский вопрос. 1860—1886. СПб., 1900. — 570 с.

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109. Оп. 50. Ед. хр. 85 (1875 г.).

Драгоманов М. П. Литературно-публіцистичні праці: Київ, 1973. Том 1. — 532 с.

История русов, или Малой России. М., 1846. — 320 с.

Костомарів М. Книги битія українського народу. Львів — Київ,1921. — 24 с.

Лемке М. К. Эпоха цензурных реформ 1859—1865 гг. СПб., 1904. — 300 с.

Миллер А. И. Украинский вопрос в Российской империи. Киев, 2013. — 416 с.

Неменский О. Б. Чтобы на Руси не было Руси: исторические особенности идеологии украинства // «Вопросы национализма», 2011, № 1, с. 79.

Савченко Ф. Я. Заборона українства 1876 р. Харків — Київ, 1930. — 464 с.

РГИА — Российский государственный исторический архив. Ф. 1282. Оп. 1. Ед. хр. 352.

ПОЛИЭТНИЧНАЯ (ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ) КОНЦЕПЦИЯ ЭТНОГЕНЕЗА БЕЛАРУСОВ И ЕГО ПЕРИОДИЗАЦИЯ

Сергей Витязь,
доктор исторических наук

Источник: Гісторыя, культуралогія, мастацтвазнаўства (Матэрыялы III міжнароднага кангрэса беларусістаў «Беларуская культура ў дыялогу цывілізацый»). Мн.: «Беларускі кнігазбор», 2001, с. 28—33.

Существующие концепции этногенеза беларусов отражают в большинстве идею их моноэтнического происхождения, именно — славянского. При этом предыдущие этнические влияния (среди которых выделялись балтский и финно-угорский) характеризуются преимущественно как малозначимые. Такой подход принципиально очерчивает относительно узкие границы этногенеза: V—XIII века н. э.

Главные тенденции современных исследований — выявление взаимосвязей, целостности и особенно преемственности этнических процессов. В названный период эти процессы демонстрируют, с одной стороны, несомненную выразительность и оригинальность этнического облика жителей территории Беларуси, а с другой — общность их исторической судьбы с обитателями соседних территорий, прежде всего — России и Украины. Очевидно, что истоки данного перекрестия необходимо искать во временах до V века, когда формировался фундамент местного этнического своеобразия.

При этом стоит подчеркнуть, что территория Беларуси представляет особое для истории сочетание климата и ландшафта, среди главных черт которого — жесткость и консерватизм биосферного воздействия, что, несомненно, сдерживало в древности динамику внешних влияний и создавало условия для высокой внутренней этнической преемственности. Высказанное положение естественно приводит к необходимости расширения хронологических границ этногенеза беларусов.

Принципиально глубину этого расширения возможно определить на основе данных антропологии, которые утверждают генетическую однородность и соответствующую этническую подражательность местного населения на протяжении 150—180 поколений. Это направляет исследование к хронологическому отсчету 2-го тыс. до н. э. (1). Выделенная (временная) граница, как известно, соответствует периоду заселения территории Беларуси индоевропейцами (2). Таким образом, общий этногенез беларусов возможно разделить на два этапа: предшествующий, или автохтонный — от первона-

чального заселения территории до указанного рубежа, и последующий — индоевропейский. Приведем их периодизацию и этническую характеристику, которые основываются преимущественно на данных археологии и лингвистики.

1-й период — автохтонный (26—2-е тыс. до н. э.). Имеющихся сведений об этом периоде недостаточно для выполнения полной этноидентификации населения, за исключением локального влияния археологической культуры (далее АК) гребенчато-ямковой керамики, принадлежащей, как известно, финно-угорскому этносу. Носители этой фундаментальной культуры Волго-Уральского региона осуществили до 3-го тыс. до н. э. глобальное заселение пространств Восточной Европы, одно из направлений которого стремилось на побережье Балтики.

Представители названной культуры появились в середине 3-го тыс. до н. э. в северо-западной части территории Беларуси, войдя в контакт с местным населением (нарвенской АК). Непосредственное присутствие финно-угров было очерчено территориально (бассейны Вилии — Дисны — Дрисы) и хронологически (до начала 2-го тыс. до н. э.) (3). Данные лингвистики и археологии 1-го тыс. до н. э. локализуют этническую границу с финно-уграми вне территории Беларуси (севернее направления Лиепая — Рига — Резекне) (4). В результате можно засвидетельствовать скромное участие финно-угорского компонента в этногенезе беларусов.

В целом, автохтонное население вошло в состав последующих поселенцев, и некоторое время (до середины 2-го тыс. до н. э.) их влияние ощущалось в обновленной местной среде.

2-й период — балтский (2-е тыс. до н. э. — VII век до н. э.). Известно, что индо-европейцы, двигаясь с востока, заняли огромные пространства Европы — от Волги на востоке до Рейна на западе, от южной Скандинавии на севере до Поднестровья и Среднего Поднепровья на юге, охватив и территорию Беларуси, новые обитатели которой определяются лингвистами как носители балтского индоевропейского языкового диалекта (5). Вскоре после расселения часть балтов отделилась от основного ареала и двинулась в регион Центральной Европы, где вошла в динамичный контакт с местными группами индоевропейцев, положив начало протославянскому сообществу (согласно Висло-Одерской концепции этногенеза славян Лер-Сплавинского — Топорова — Мартынова).

На территории Беларуси, как отмечалось, происходила интеграция пришлых индоевропейцев (балтов) с автохтонным населением (до середины 2-го тыс. до н. э.), в результате чего в течение почти тысячелетия (приблизительно до середины 1-го тыс. до н. э.) там бытовал практически однородный (балтский) контингент жителей (АК тшинецкая, сосницкая, средней и поздней бронзы Поозерья).

3-й период — иранский (VII век до н. э. — II век н. э.), включает два подпериода.

Первый подпериод (VII–II века до н. э.) связан с прямым влиянием иранцев (в первую очередь, скифов) на культуру южной части территории Беларуси (милоградская АК) (6) и посредством ее на других жителей данной территории. К этому стоит добавить сведения об интенсивном воздействии скифов в VI–V веках до н. э. на жителей региона Центральной Европы (7), часть которых составила ядро следующих насельников на территории Беларуси – в IV–III веках до н. э. (поморская АК) и в III веке до н. э. (зарубинецкая АК).

Косвенно о высокой степени скифского воздействия свидетельствует также и славянское наследие (праславяне в то время находились в регионе Центральной Европы, в составе лужицкой АК), которое демонстрирует представительный круг иранских языковых инноваций, особенно в области сакральной лексики и мифологии (их ярким отражением стал более поздний, преимущественно праиранский пантеон языческих Богов Киевской Руси (X век н. э.) (8).

Рассматриваемое время отмечено еще одним существенным внешним этническим воздействием – кельтским. Оно с разной глубиной влияния затронуло балтов, и довольно существенно (в III–II века до н. э.) – праславян, будущих обитателей территории Беларуси (9).

Второй подпериод (II век до н. э. – II век н. э.) представляет трансляцию и распространение иранского и кельтского влияний, к которым в то время добавилось и внешнее романское воздействие – косвенным образом, через масштабные движения переселенцев – милоградской, поморской, зарубинецкой АК (осваивавших южную часть территории Беларуси), а также через контакты с праславянским населением (которое сохраняло свое положение в центрально-европейском регионе).

Специально подчеркнем отмеченный основательный факт – возобновление устойчивых связей между балтами и праславянами. Говоря шире – между корневым ареалом балтов (охватывавшим территорию Беларуси) и отошедшим, как упоминалось выше, его ответвлением, приобретшим далее оригинальные особенности – праславянами. Так, например, по данным лингвистики, в течение бронзового века (до VII века до н. э.) балты и праславяне имели разные названия эпохального металла (меди), что свидетельствует о независимых путях их хозяйствования. Но позже, с наступлением железного века они получили очень близкие, однокорневые названия нового эпохального металла (железа) (10).

4-й период – германский (II–V века), достаточно локальный по масштабам воздействия на территорию Беларуси, напрямую касается относительно небольшой ее части – юго-западной (вельбарская АК) (11). Но он заслуживает самого внимательного изучения, поскольку принес колоссальные перемены в судьбе всего Европейского континента. Данный период связан с настойчивым продвижением по материку северных германцев (прежде всего готов). Это продвижение отличалось чрезвычайной широтой своей геогра-

фии и динамикой внешних взаимоотношений. Преимущественно при германском посредничестве получило дальнейшее распространение и косвенное романское влияние.

Среди непродолжительных воздействий этого времени необходимо выделить разрушительное нашествие (в IV—V века) гуннов (объединение разноэтничных племен — тюркских, финно-угорских, сарматских), затронувшее юго-восточную часть территории Беларуси (12), возможно, что и центральные районы (легендарные сведения скандинавской «Саги о Тедрике Бернском» (середина XIII века) отмечают, что «гуннами Атилы был взят Полоцк»). Главным результатом гуннского нашествия стало прекращение прямого присутствия германцев на территории Беларуси. Вместе с тем, сохранилось их косвенное влияние через полиэтничные культуры (киевская, черняховская и другие АК) районов, примыкающих с юга.

Другим следствием названных событий явилось масштабное расселение в середине 1-го тыс. н. э. славянских племен из пространства Висло-Одерского междуречья, в частности — в восточном направлении, во время которого славяне появились и в юго-западной части территории Беларуси (пражско-корчакская АК), вскоре оставленной германскими племенами (13). Это событие определило начало нового периода этногенеза беларусов.

5-й период — славянский (V—VIII века), характерен закреплением славян в отмеченном юго-западном регионе с последующим продвижением на восток.

Это время также отличается косвенным комплексным этническим воздействием (2-я половина VI — начало VIII вв.) в связи с нашествием в соседнее Повисленье тюрков (аваров) и подвластных им германцев (гепидов и лангобардов) (14), что вызвало локальные военные конфликты и племенные сдвиги на территории Прибалтики, повлияв и на территорию Беларуси.

Данный период был завершен решительным расселением славян на северо-восток, которое постепенно охватило всю территорию Беларуси, но в меньшей степени затронуло западный регион (бассейны Немана и Вилии).

6-й период — древнерусский (IX—XI вв.). Упомянутое выше славянское расселение не было локальным событием, но являлось фрагментом масштабных передвижений славян, обозначаемых как распад общеславянского языкового единства (VIII—IX вв.). С этих времен их местное ответвление определяется как «восточно-славянское».

Содержанием данного периода было широкое комплексное многоэтничное взаимодействие, во время которого образовывалось как само понятие «русь», так и его фактическое содержание. Результатом этого глобального симбиоза стало рождение в интегрирующей восточно-славянской среде оригинального полиэтничного объединения племён — конфедерации «Киевская Русь».

Эта конфедерация почти полностью включила территорию Беларуси, где начало формироваться местное этническое сообщество с участием трех

основных составных элементов: двух сравнительно стационарных — местного балтского и пришлого восточно-славянского, и одного динамичного — германского (скандинавского). В то же время западный регион (бассейны Немана и Вилии) оставался относительно обособленным, сохраняя преимущественно балтское этническое содержание (15).

Германцы придали базовым местным балто-славянским взаимоотношениям черты динамизма, конструктивизма и интеграции. Но к концу рассматриваемого периода они остановили возобновление своего влияния на территорию Киевской Руси, кстати, как и на другие европейские земли — «варяжский» этап истории был реализован (16).

7-й период — беларуский (XI–XIII вв.), характерный интенсивными внутренними преобразованиями в Киевской Руси, которые завершились ее распадом и формированием местных влиятельных центров, консолидировавших жителей прилегающих территорий и создававших тем самым новые устойчивые, этнически однородные территории. Обобщенное содержание и пропорции этнических составных элементов образовывались как в процессе единого хозяйствования и сосуществования, так и в результате военных конфликтов, посредством которых, в частности, было значительно увеличено славянское присутствие в западной части территории Беларуси (войны киевских, волынских и польских князей с ятвягами и «литвой» в X–XIII вв.).

Косвенную, но значительную роль в этот период сыграло также появление концентрированных внешних угроз — с северо-запада от крестоносцев (с начала XIII века), и с востока от монголо-татар (с 1-й половины XIII века). Это внешнее давление имело ограниченное прямое воздействие на территорию Беларуси, но кстати избавило от военного прессинга со стороны этнически близких соседей (Польши и княжеств бывшей Киевской Руси), определило границы с ними, способствовало внутренней мобилизации и консолидации в единое жизнеспособное общество.

Очевидно, определенную роль в выделении и фиксации местного этнического своеобразия сыграл здешний ландшафт — устойчивый и консервативный.

Основным результатом указанных процессов стало проявление и утверждение несомненно оригинального местного этнического сообщества, которое выделилось из общерусского наследия — сообщества беларусов.

В целом, изложенные сведения отражают концептуальный факт полиэтничного, но родственного — индоевропейского происхождения беларуского этноса, в котором приняли содержательное участие балты, иранцы, германцы (преимущественно скандинавы) и славяне. Это, кстати, позволяет рассматривать Беларусь как хранителя древнего индоевропейского генофонда.

Отмеченный результат имеет естественный методологический вывод: изучение этногенеза беларусов необходимо решительно выводить за традиционные рамки, принципиально направляя внимание на исследование генези-

са, движений, влияний и т. д., как минимум четырех названных этнических группировок, что явно требует скоординированных междисциплинарных усилий.

ИСТОЧНИКИ ССЫЛОК

1. Мікуліч Л. Этнічная гісторыя беларусаў паводле антрапалагічных дадзеных // «Беларускі гістарычны часопіс», 1999, № 2, с. 7—11.

2. Крывальцэвіч М. Шнуравой керамікі культура // Археалогія і нумізматыка Беларусі. Энцыклапедыя. Мн., 1993, с. 658—659.

3. Чарняўскі М. Культура тыповай грабенчата-ямкавай керамікі // Археалогія Беларусі. Том 1. Каменны і бронзавы вякі. Мн., 1997, с. 206—210.

4. Денисова Р. Я. Антропология дрсвних балтов. Рига, 1975, с. 120—121.

5. Мартынов В. В. Праславянский язык и его место в западнобалтийском континууме. Мн., 1988.

6. Рассадзін С. Да пытання аб сувязях старажытнага насельніцтва Беларусі са скіфскімі землямі ў VIII—III ст. да н. э. // Весці Акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук, 1992, № 2, с. 66—74.

7. Pradzieje ziem Polskich. T. I. Cz. 2. Epoka brazu i poczatki epoki zelaza. Warszawa; Lodz, 1989, s. 551—559.

8. Васильсв М. Л. Язычество восточных славян накануне крещения Руси: Религиозно-мифологическое взаимодействие с иранским миром. Языческая реформа князя Владимира. М., 1999.

9. Седов В. В. Славяне в древности. М., 1994, с. 149—165.

10. Мартынов В. В. Этнографическая интерпретация славянских названий меди и железа // Тыпалогія і ўзаемадзеянне славянскіх моў і літаратур. Мн., 1973, с. 151—152.

11. Вяргей В. Помнікі вельбарскай культуры // Археалогія Беларусі. Том 2. Жалезны век і ранняе сярэднявечча. Мн., 1999, с. 298—316.

12. Шадыра В. Да пытання аб ролі еўрапейскіх этнакультурных працэсаў I тыс. н. э. у этнагенэзе беларусаў // Славяне и их соседи (Археология, нумизматика, этнология). Мн., 1998, с. 86—90.

13. Кухаренко Ю. В. Полесье и его место в этногенезс славян // Полесье (Лингвистика. Археология. Топонимика). М., 1968, с. 18—46.

14. Кулаков В. И. Забытая история пруссов. Калининград, 1992, с. 15—25.

15. Седов В. В. Ятвяги // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Серия Археология СССР. М., 1987, с. 411—419.

16. Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985, с. 22, 260.

ОБ АВТОРЕ

Сергей Витязь является заместителем директора по научной работе в Центре исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси. Автор монографии «Прусы і яцвягі ранняга сярэднявечча: этнакультурная трансфармацыя ў Верхнім Панямонні» (2012 г., 412 стр.) и ряда других научных работ.

ИСТОКИ БЕЛОРУССКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Вячеслав Носевич,
кандидат исторических наук

Источник: Газета «Наша Нива», 11 февраля 2015 г.

Прежде всего оговорю, что я рассматриваю идентичность как многоуровневое явление. Человек склонен отождествлять себя с кругом своих родственников, социальной либо профессиональной группой, землячеством (малой родиной), этносом (нацией), цивилизационными или конфессиональными сообществами (христианин, европеец).

Проявления белорусской идентичности могут иметь как минимум две формы: можно считать себя белорусом и одновременно представителем более широкого сообщества (поляком, русским, советским и т. п.), а можно придавать своей белорусскости исключительное значение, использовать ее для противопоставления другим сообществам.

Ранние проявления белорусской идентичности касаются, безусловно, первого варианта. Необходимым условием для их появления было закрепление «блуждающего» понятия «Белая Русь» (AlbaRussua) за конкретной территорией — одним из регионов ВКЛ, который раньше назывался «Русью» в узком смысле слова (это северо-восточный регион современной Беларуси).

Использование хоронима «Белая Русь» в местном обиходе стало общепринятым, видимо, в первой четверти XVII века. Так, московский патриарх Филарет в 1619 г. упоминал православных «Польского и Литовского государства», которые «там называются белорусцами» [2].

Но в Речи Посполитой уроженцы Белой Руси не имели особых оснований подчеркивать свою региональную идентичность. Намного более важной являлась принадлежность к конфессии (православная вера в Речи Посполитой обычно обозначалась как «греко-русская», униатская — как просто «русская»), а для шляхты — принадлежность к политической нации «литвинов» и «польское» гражданство Речи Посполитой в целом. Для отличия от этнических балтов славянское население ВКЛ обозначалось как «Русь» или «русские», а основ для противопоставления украинцам в то время еще не было. В крайнем случае жителей современной Беларуси можно было определить по государственной принадлежности, и тогда они выступали как «литвины» в широком смысле.

Проявления белорусской идентичности в XIX веке настолько немногочисленны, что упоминания о них странствуют из одной публикации в другую. Не претендуя на нечто новое, попытаюсь их систематизировать.

В 1810-е годы в среде элиты западных губерний Российской империи зародился процесс, который обозначается как первая фаза конструирования модерной белорусской нации. Это этнографический интерес к культуре и языку «простого люда», сбор и публикация его фольклора, а также попытки научной классификации «русского» канцелярского языка ВКЛ.

Начало процессу положили две публикации: М. Чарноцкой «О пережитках славянской мифологии, что сохранились в уставах деревенского люда на Белой Руси» (1817 г.) и этнографический очерк И. Шидловского о свадебном обряде в Гайненском приходе Борисовского уезда (1819 г.). Обе они, как и работы К. Фалютынского, А. Рыпинского, Я. Чечота, последовавшие за ними в 1820—40-е годы [3], публиковались на польском языке, за исключением русскоязычной работы К. Калайдовича «О белорусском наречии» (1822 г.).

Для их авторов, в большинстве выходцев из местной католической шляхты, доминирующей региональной идентичностью была «литвинская», а в национальном смысле они являлись участниками процесса формирования модерной польской нации, который бурно происходил в то время и в котором выходцы из современной Беларуси играли едва ли не главную роль (яркие примеры — Томаш Зан и Адам Мицкевич).

Исключение, помимо колоритной фигуры Тадеуша (Фаддея) Булгарина (1789—1859), представляла собой в 1820-е годы группа преподавателей Виленского университета, происходивших из униатского духовенства Белосточчины: Михаил Бобровский (1785—1848), Игнат Данилович (1787—1843) и другие. Несмотря на работу в университете, игравшем роль одного из «реакторов» польского национального проекта, их нешляхетское и некатолическое происхождение не позволяло однозначно присоединиться к этому проекту. Но выработать альтернативную идентичность в тех условиях было сложно.

По эпистолярному свидетельству М. Бобровского, его друг И. Данилович после переезда в Харьков и столкновения с украинским национальным движением, зарождавшимся там, «полностью схохлился или также оказачился» [4]. Для самого Бобровского в конце жизни доминантной стала, видимо, общеславянская идентичность, чему способствовали профессиональные занятия славянским языковедением.

На протяжении 1830—1840-х гг. выходцы из униатского духовенства белорусских в тогдашнем понимании губерний, то есть Витебской и Могилевской, неоднократно определяют себя как «белорусов» или «белорусцев» — но не в этническом, а скорее в региональном смысле. Это были, в частности, издатели поэтического сборника в Петербурге в 1837 г. трое братьев Гржималовских, ученый-лингвист К. Касович (который использовал псевдоним «Белорус К.К.»), автор статьи «Два слова о языке и грамотности Белой Руси» (1843 г.) И. Титович. Последний при этом заявлял, что изучение белорусского диалекта «может послужить к обогащению и украшению родного русского языка»[5], выступив тем самым предтечей «западнорусизма».

К середине XIX века стало более или менее очевидно, что этнографические особенности Белой Руси не имеют принципиальных отличий от территории на юго-запад от нее, которая раньше (также с начала XVII века) частично обозначалась как «Черная Русь», а частично — как «Литва». Вскоре это привело к распространению на всю эту территорию термина «Белоруссия», который приобрел, таким образом, роль этнокультурного маркера. Минский православный епископ М. Голубович в 1866 году уже уверенно утверждал:

> В состав Белоруссии входят губернии Витебская, Могилёвская, часть Виленской, Минская и Гродненская [6].

Едва ли не первое свидетельство самоидентификации мелких чиновников в качестве белорусов имеется в мемуарах И. Захарьина, который так характеризовал низовых урядников Могилевской губернии, с которыми работал в 1860-е годы:

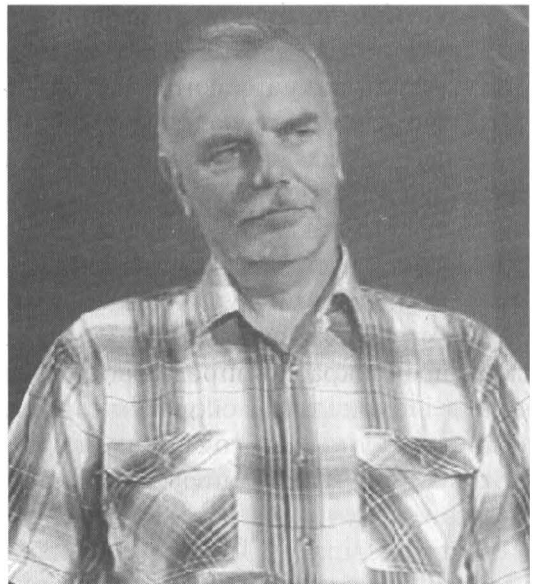
> Это были местные уроженцы — «белоруссы», как они стали называть себя после усмирения восстания.

По его мнению, они «вредили, насколько могли, русскому делу» [7].

Представляет интерес идентичность Адама Киркора (1818—1886), выходца из католической шляхты Мстиславщины. Он безусловно находился под воздействием идей «литвинства» и «краёвости», но в переписке со славянофилом М. Катковым называл себя «не природным поляком, а белорусом» [8]. Его и его единомышленников касается оценка М. Кояловичем взглядов «лучших людей, представителей польской партии» в Вильне 1850-х гг., согласно которым «история выработала для белорусов особую национальность» [9]. Сам Киркор, уже будучи в Петербурге, писал в 1872 г. Юзефу Крашевскому:

> Есть еще мысль, сильная и многочисленная, которая не хочет общности ни с Польшей, ни с Москвой, ни с малорусами — а хочет собственнойлитовско-белоруской жизни, конечно, на федеративных основах [10].

При таких взглядах влиться в российскую культурную элиту он, в отличие от Булгарина, не смог, а в последние годы жизни, проведенные в Кракове, не стал своим и для местных поляков. Видимо, его взгляды

Вячеслав Носевич

еще раз имел в виду Коялович в 1882 году, упоминая приходящие ему «из Варшавы через Краков» пожелания белорусскому краю «самостоятельного развития в ряду других славянских народов» [11].

Но в целом католическая шляхетская среда продолжала формировать польских патриотов, которые на региональном уровне ощущали себя литвинами. Часто они с симпатией высказывались о беларуских крестьянах, не отождествляя при этом себя с ними. В этой линии можно особенно выделить Винцента Дунина-Марцинкевича (1808—1884), Владислава Сырокомлю (1823—1862) и Викентия-Константина Калиновского (1838—1864), позже ее в определенном смысле продолжил Юзеф Пилсудский (1867—1935).

Для православной молодежи идентичность на региональном уровне была, как правило, белорусской, а на национальном — великорусской. Такими были, например, взгляды этнографа-любителя, выходца из семьи православного священника, Павла Шпилевского (1823—1861). Анонимный автор опубликованных в 1862 году «Рассказов на белорусском наречии» придерживался аналогичной иерархии: «Мы сами по соби народ особный — Белоруссы!». И в то же время: «Русскими, а не Поляками мы повинны называтца» [12].

Идейный лидер «западнорусизма», тоже сын священника, Михаил Коялович (1828—1891) в 1850-е годы определял себя как «литвина», в публикациях 1860-х годов допускал выражения вроде «у нас, в Белоруссии», но полностью подчинил региональное самосознание чувству принадлежности к великорусской нации, называя себя «западно-руссом».

Поколением позже подобную двухуровневую идентичность имел еще один «попович» — языковед Ефим Карский (1860—1931), который своим творчеством завершил этнографическую фазу конструирования нации. На старте научной карьеры в 1885 году он характеризовал себя как «природного белоруса, получившего образование и воспитание среди белорусов» [13]. При этом в XX веке он отличался крайне скептическим отношением к идее белорусской государственности и перспектив белорусского литературного языка.

Но к тому же поколению принадлежал и А. Марченко (1860 — после 1889), едва ли не первый белорусский крестьянин, сумевший поступить в университет. Примкнув к народникам, он оказался в числе организаторов белорусской фракции «Народной воли» в Петербурге, заявляя в 1884 году вместе со своими товарищами на страницах подпольного журнала «Гоман»: «Мы — белорусы и должны бороться за местные интересы белорусского народа и федеративную автономию страны» [14]. Это был первый в истории текст, в котором понятия «белорусы», «народ» и «страна» были поставлены в один смысловой ряд.

Вскоре вступил на научное поприще Митрофан Довнар-Запольский (1867—1934), выходец из мелкой неополяченной шляхты, сын провинциального жандармского чиновника. Уже в первых его очерках «Белорусское

прошлое», опубликованных в 1888 году в «Минском листке», исторический опыт полонизации и русификации белорусов оценивался одинаково негативно [15]. В XX веке он стал основоположником национальной белорусской историографии и, в отличие от Карского, горячим сторонником создания белорусского государства.

Важный вклад в процесс нациотворчества сделал в 1890-е годы Франтишек Богушевич (1840—1900), чья фигура парадоксальна. Все, что касается социальной роли, которую он исполнял, в целом укладывается в схему двухуровневой литвинско-польской идентичности: шляхтич-католик по происхождению, участник восстания 1863 года, польскоязычный литератор и активный корреспондент журнала «Kraj», активист сбора средств на памятник Адаму Мицкевичу в Вильне, организации нелегальных польских школ, он воспитал собственных детей убежденными поляками. Позже сын Богушевича отказался передать отцовский архив деятелям белорусского движения именно по идейным соображениям — по оценке Александра Цвикевича он был «зоологическим польским шовинистом» [16].

Но именно Богушевич, по примеру более ранних «хлопоманов» (Чечёта, Дунина-Марцинкевича и др.) издал в 1891 году на «мужицком» языке сборник стихотворений «Дудка беларуская». Программная роль в нем, вероятно, предназначалась стихотворению «Крестины Мацюка», сюжетом которого является самоопределение крестьянина-католика Мацея под воздействием казацкой нагайки: «О так-то хрысцілі мяне казакі з тутэйшага ды у палякі!». Спрятав эту «идеологическую бомбу» среди политически нейтральных стихотворений, Богушевич решил для большего эффекта создать литературную мистификацию, добавив к сборнику предисловие от лица того же персонажа. Но из уст вроде бы окончательно перекрещенного в поляки Мацея Бурачка выходят неожиданные слова: «Наша мова для нас святая, бо яна нам ад Бога даная».

Мне кажется, что слова эти не были выношенными, обдуманными. Нет, они родились в результате озарения, и, возможно, автор «Дудкі беларускай» удивился им не меньше, чем автор «Анны Карениной» — попытке Вронского застрелиться. Вжившись в образ своего персонажа, Богушевич вдруг ощутил, что, в отличие от него самого, для Мацея не было комфортного пути ни в поляки, ни в великороссы — Богом данный язык требовал соответствующей этнической самоидентификации, а отказ от него означал духовную смерть: «Не пакідайце ж мовы нашай беларускай, каб не ўмерлі!»

Эта романтическая сакрализация языковой самобытности сыграла роль катализатора, открыв путь к другой форме белорусской идентичности — доминантной относительно всех других иерархических уровней, то есть национальной. Язык дан Богом, а что может быть важнее выполнения Божьей воли?

С границы XX века процесс нациотворчества переходит во вторую фазу — стадию национальной агитации. В 1902 году в Петербурге Бронислав

Эпимах-Шипила создает «Кружок белорусского народного образования и культуры»; в 1906 году выходят газеты «Наша Доля» и «Наша Ніва». Почти сразу же результаты проявляются в деревенской глубинке и среди диаспоры. Уроженец Логойщины и национальный активист 1930-х годов Адам Варлыга вспоминал, что впервые слово «беларус» он услышал в 15-летнем возрасте, летом 1905 года, от нового местного ксендза-жмудина, выходца из кружка Эпимаха-Шипилы, а «Нашей Нивой» его обеспечивал сын местного еврея-трактирщика [17]. В 1907 году из далекого Нижнего Новгорода прислал в «Нашу Ниву» свой первый белорусскоязычный рассказ 16-летний Максим Богданович. А. Латышонок приводит семейные воспоминания о том, как в те же годы младший брат его деда, потрясенный открытием своей национальной идентичности, рвал на груди сорочку и кричал: «Я — беларус!» [18].

Правда, количественные результаты этой агитации были достаточно скромными — почти все XX столетие цифра убежденных националистов колебалась на уровне десяти тысяч человек, то есть доли одного процента. Эта цифра повышалась в благоприятные периоды (напр., во время политики «белорусизации» 1920-х гг. в БССР) и понижалась в неблагоприятные (в период репрессий 1930-х и 1944—53 гг.).

Но качественные итоги оказались фантастически успешными. В 1917 году Вацлав Ластовский впервые заговорил о возможности создания независимого белорусского государства, а всего через год была совершена попытка его провозглашения в форме БНР — ненамного более провальная, чем значительно лучше подготовленная украинская.

Прямым следствием её стало эфемерное создание в начале 1919 года БССР, которая, несмотря на искреннее непонимание многих участников («ни один рабочий и крестьянин так называемой Белоруссии белорусом себя не считает, а искони знает в себе русского» [19]), в 1920 году была восстановлена и с той поры существовала непрерывно, оказавшись в числе инициаторов создания СССР и затем его роспуска, и даже среди стран-основательниц ООН.

Помимо благоприятных политических обстоятельств, сыграла роль и качественно проведенная «этнографическая» стадия: к началу XX века самостоятельный этнический статус белорусской территории стал общепризнанным, а это предусматривало и какую-то форму автономии — вплоть до псевдогосударства, рожденного политическими играми.

Многолетнее существование БССР, на фоне урбанизации и других эпохальных сдвигов, создало окончательные условия для оформления нации. К 1960—70 годам было обеспечено нормирование языковой практики. И не важно, что для горожан языком ежедневного обихода стал русский, а для селян — так называемая «трасянка». Важно, что отступили в тень особенности местных диалектов.

На почве атеизма легко и безболезненно произошла ранее недосягаемая интеграция католиков и православных. Только часть крестьян-католиков,

на уровне 4% населения, сохранила польскую идентичность (но не язык). В остальной массе установилась двухуровневая идентичность: «белорус» на региональном уровне и «русский» либо «советский человек» — на национальном.

В отличие от Прибалтики, Закавказья и Средней Азии, для большинства белорусов иерархия ценностей была именно такой — сошлюсь, за отсутствием статистики, на собственный опыт и тогдашние взгляды практически всех своих родных, друзей и знакомых. Исключение составили обозначенные выше доли процента принципиальных белорусофонов. Новый всплеск национальной агитации в конце 1980-х изменил эту ситуацию непринципиально — разве что поднял количество людей, придающих языку сакральный характер, до нескольких процентов.

Завершающий шаг был сделан после 1991 года. Основания для «советской» идентичности вдруг исчезли — не только без усилий со стороны большинства белорусов, но и вопреки их желанию (на референдуме 17 марта 1991 г. за сохранение СССР высказались 82,7% проголосовавших жителей БССР, против — 16,1). Это вызвало глубокий духовный кризис, выход из которого был очевиден: придание своей сохранившейся белорусскости национального статуса.

Одни совершили эту ментальную перестройку легко и быстро, для других она растянулась на годы, для кого-то не завершилась и сейчас. При опросе Независимого института социально-экономичных и политических исследований (НИСЭПИ) [20] в декабре 2005 г. в ответ на прямой вопрос об идентичности 43,7% пожелали назваться белорусами, 44,3 — гражданами Республики Беларусь, и только 4,1 — русскими, 1,4 — гражданами СССР (при том, что по переписи населения 1999 года этнических белорусов насчитывалось 81,2%, русских — 11,3, поляков — 3,9). В октябре 2006 г. к белорусской культурной традиции причислили себя 64,2%, к русской — 13,6, к советской — 13,3. Поляки, видимо, вошли в зачет сторонников общеевропейской традиции (8,1%).

Двухуровневая идентичность сохранилась: в июне 2006 года 53,7% опрошенных готовы были согласиться с высказыванием В. Путина «мы и белорусы, по большому счету, — одна нация», а в августе того же года 65,7% выбрали из нескольких предложенных вариантов ответ «белорусы, русские и украинцы — три ветви одного народа». Но изменилась значимость уровней. На протяжении 2004—2009 гг. объединение в одно государство с Россией называли лучшим вариантом интеграции от 8 до 15% опрошенных, что на уровне погрешности соответствует количеству этнических русских.

В этом заключается коллективный ответ на знаменитое предложение Путина «отделить мух от котлет», то есть определиться, чего белорусы действительно желают: интеграции с Россией (но такой, при которой голос Беларуси был бы эквивалентен ее трехпроцентной доле в общей экономике) либо суверенитета.

Подчеркну, что белорусы, выбравшие суверенитет, в массе своей русскоязычные. На переписи 1999 года русский язык указали в качестве языка ежедневного употребления 62,8% населения, включая 58,6% белорусов. По опросам 2006—2009 гг. только русским языком пользовались от 52,3 до 61% респондентов, а только белорусским — от 2,2 до 7,8. Июньский опрос 2010 г. дал крайние цифры: соответственно 63,8 и 2,1%. Среди остальных 12,1% пользуются обоими языками (непонятно, в каком соотношении), а 21,8 — «трасянкой». При опросе в октябре 2006 г. 72,9% тех, кто пользуется в повседневной жизни русским языком, отметили, что говорят на нем с детства.

Вопрос о том, какая часть населения активно владеет литературным белорусским языком (свободно на нем говорит и пишет), долго оставался вне внимания социологов. Только лаборатория социологических исследований «Новак» в 2009 и 2012 гг. задавала его своим респондентам. В 2009 г. о свободном владении литературным языком заявили 34,2% опрошенных, а всего через три года их количество сократилось до 23,4% [21]. Но ведь язык, который действительно знаешь хорошо, невозможно потерять за такой короткий срок, даже если совсем не пользуешься им. Вероятно, значительное количество положительных ответов принадлежит выпускникам белорусскоязычных школ, которые овладели языком только в границах школьной программы. Теперь этот навык, не получая подкрепления, постепенно теряется.

Во время опроса 2012 г. был и вопрос относительно родного языка респондентов, при этом можно было назвать несколько языков. В результате белорусский назвали родным 57,2%, а русский — 78,7%. Это значит, что 35% белорусов признали наличие у себя двух родных языков. При этом белорусский для большинства из них имеет статус «второго родного», а фактически — ритуального («священного»), употребляемого в исключительных случаях — подобно тому, как А. Г. Лукашенко приносил на нем президентскую присягу, а в последнее время использует в определенных (так сказать, сакрализованных) частях речей на официальных торжествах.

В целом сегодняшнее самочувствие русскоязычных белорусов соответствует критериям «нормальной» нации, имеющей общий язык с исторической метрополией — такой, как американцы, австралийцы, бразильцы или мексиканцы. Наиболее близкой кажется аналогия с австрийцами — страна которых похожа на нашу по размерам, количеству населения и даже по историческим особенностям: у них была империя Габсбургов, а у белорусов — ВКЛ*. При этом «родным языком» в окрестностях Вены был восточнобаварский диалект, от которого австрийцы отказались в пользу литературного языка, созданного в соседнем, хотя и этнически родственном государстве. Это обстоятельство однажды послужило основанием для упразднения австрийской государственности, но не помешало ее восстановлению, как только нормализовались международные отношения.

* Австрия: площадь 83,8 тыс. кв. км; население — 8,2 млн чел. (население столицы 1,5 млн чел.). Беларусь: площадь 207,6 тыс. кв. км; население — 9,5 млн чел. (в столице — 1,8 млн). — *Прим. ред.*

Поэтому и белорусам не стоит бояться «аншлюса» со стороны России, пока действует международное право. В случае же его замены на право силы — не спасет и языковая самобытность, как не спасла она от агрессии ни одну страну во время Второй мировой войны. Тут надо искать совсем другие гарантии.

Таким образом, в Беларуси был реализован совсем не тот способ построения нации, к которому призывали национальные агитаторы. Он мало зависел от сознательных усилий элиты и проявлялся скорее как стихийная реакция на бурные изменения во внешней действительности. Но результат, тем не менее, в наличии.

ССЫЛКИ НА ИСТОЧНИКИ

[2] Макарий, митрополит Московский. История Русской церкви. Том 11. СПб., 1903, с. 30—31.

[3] Пыпин А. Н. История русской этнографии. Том IV: Белоруссия и Сибирь. СПб., 1892, с. 31—37.

[4] Терешкович П. В. Этническая история Беларуси XIX — начала XX в.: В контексте Центрально-Восточной Европы. Мн.: БГУ, 2004, с. 70.

[5] Хаўстовіч М. Ігнат Даніловіч і «Катэхізіс» 1835 г. // «Białoruskie Zeszyty Historyczne», 1999, № 12, s. 147.

[6] Миловидов А. Распоряжение и переписка графа М. Н. Муравьева относительно римско-католического духовенства в Северо-Западном крае. Вильно, 1910. // Цитата из «Białoruskie Zeszyty Historyczne», 2005, № 24, s. 90.

[7] Захарьин И. Н. Воспоминания о службе в Белоруссии 1864—1870 гг. (Из записок мирового посредника) // «Исторический вестник», 1884. Том 16, с. 65.

[8] Цвікевіч А. «Западно-руссизм», с. 214.

[9] Коялович М. Несколько слов о народном движении в Белоруссии // «День», 1863, № 18. Цвікевіч А. «Западно-руссизм», с. 156—157.

[10] Цит. по: Латышонак А. Нацыянальнасць — Беларус, с. 387.

[11] Коялович М. Польское приглашение белорусского юношества к сепаратизму // Литовские Епархиальные Ведомости, 1882, № 10.

[12] Цит. по: Латышонак А., с. 432, 435.

[13] Карский Е. Ф. Обзор звуков и форм белорусской речи / Из X тома Известий Историко-Филологического Института князя Безбородко в Нежине. М., 1885, с. 3.

[14] Публицистика белорусских народников / Сост. А. Александрович, И. Александрович/. Мн., 1983, с. 60.

[15] Довнар-Запольский М. Исследования и статьи. Том 1, Киев, 1909, с. 333—-335.

[16] Цвікевіч А. «Западно-руссизм», с. 190.

[17] Варлыга А. Карэнщчына // «Літаратура і мастацтва», 1994, № 14—15.

[18] Латышонак А., с. 408.

[19] Калубовіч А. «Айцы» БССР і іхны лёс / Выд. 2-е/ Клыўлэнд, 1985.

[20] http://www.iiseps.org/

[21] http://budzma.org/news/belaruskaya-mova-mova-elity-i-apazicyi.html

ИСТОРИК О НАЦИОНАЛЬНОМ САМОСОЗНАНИИ

Что вы слышали от своих друзей из-за границы о белорусах? Наверное то, что мы тихий, дружелюбный народ, который мухи не обидит. На фоне событий в соседних странах Беларусь выглядит островом спокойствия. Это, в общем, хорошо. Но каковы корни нашего спокойствия в этом беспокойном мире? Не в том ли, что все белорусское — язык, литература, история, искусство — не вызывает у большинства соотечественников никаких эмоций? И все-таки находятся люди, которые считают, что поводы для гордости есть. Они уверены, что, пройдя долгий нелегкий путь, мы в конце концов осознаем свою уникальность, значимость нашей истории и культуры. Один из таких людей — Антон Астапович.

Пан Антон — председатель Белорусского добровольного общества охраны памятников истории и культуры. Помимо этого, он является соучредителем агентства путешествий «Куфэрак падарожжаў», и не просто соучредителем, а неизменным гидом в многочисленных «вандроўках».

Как могло случиться так, что, живя в независимом государстве уже четверть века, большинство из нас не может сформулировать, кто такие белорусы, чем они отличаются от своих соседей и почему «белорус» — это звучит гордо? Об этом — наш сегодняшний разговор с ним.

— Антон, в недавнем разговоре мой товарищ высказал мысль: мы пустые люди. Он вспоминал еврейские, грузинские, итальянские семьи, где есть четко выраженные традиции, и сравнивал с нашими — по его мнению, совершенно безликими. Говорит, все дело в потерянных корнях, оторванности от национальной культуры. Так ли это?

— Во многом — так. На протяжении последних столетий белорусам не очень-то везло. Разделив общество на знать (шляхту), средний класс (буржуазию) и простой люд (крестьян), мы увидим, что веками в стране происходили процессы, которые стерли белорусскость с каждого из этих слоев.

В XVII–XVIII веках шляхетское сословие (элита) практически полностью повернулось в сторону польской культуры. Получился огромный разрыв между культурой шляхты, которая обслуживалась польским языком, но при этом обозначала себя литвинами, и крестьянами, говорившими по-белорусски. А средний класс (буржуа̀зия) у нас полноценно не сформировался, и это было огромной трагедией.

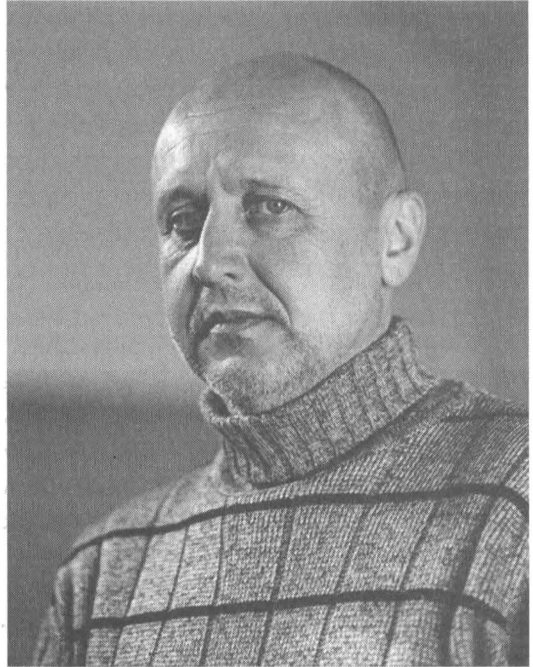
— Почему?

— Потому что Карл Маркс был прав, связывая возникновение буржуазной формы общества и национальной государственности.

В любой лоскутной феодальной стране, которая держалась на сословном принципе, вопросы нации стояли максимум на втором, а то и на третьем месте.

Когда набирают обороты буржуазные отношения, формируются более глубокие экономические связи в рамках государства. Под давлением этих факторов сословные ценности постепенно трансформируются в ценности национальные. Мол, мы — одно целое, мы — нация. Это можно было увидеть во время Французской революции, которая имела признаки не только смены социально-экономической формации, но и объединения жителей французских земель в единую нацию. Начало войны за независимость в США — это момент, когда разрозненные штаты колонистов почувствовали, что они не часть Британской империи, а самостоятельный организм, что у них есть хорошо налаженные торговые и социальные связи, свой единый рынок и что Британия им не нужна.

Буржуазия — это локомотив национального развития. Но у нас, к сожалению, она была очень малочисленна.

Антон Астапович

— А что с крестьянами?

— Пока они не владеют землей, пока продукция из деревни не становится товаром, о национальных принципах никто в деревне не задумывается. Сельская община — это замкнутый мирок, который живет циклом «посевная — уборочная». И только когда появляется возможность налаживать сначала торговые, а затем социальные связи с другими населенными пунктами, тогда развиваются «горизонтальные связи» в государстве.

Появляются интересы, общие для большого количества людей, их благосостояние растет, они начинают понимать, что способны влиять на судьбу своей страны, чувствуют себя гражданами. Именно поэтому во многих странах право участвовать в выборах формировалось на основе имущественного ценза.

В Беларуси к концу XVIII века мы имели сильное расслоение.

Шляхта — польскоязычная культурная прослойка, которая придерживалась своих сословных правил и в меньшей степени обращала внимание на национальные интересы.

Малочисленный средний класс, который постепенно наполнялся представителями еврейского этноса. Надо было возрождать города после опустошительной войны 1654—1667 годов, и этому помогло то, что из Европы в очередной раз пришла еврейская диаспора.

И крестьянство, которое жило своей традиционной экономической и культурной жизнью, никаких национальных идей не генерировало.

— Но потом, несмотря ни на что, произошло восстание Калиновского...

— Восстание 1863 года царские власти очень удачно использовали для того, чтобы окончательно развести две социальные группы — шляхту и крестьян. В 1861 году было отменено крепостное право, и восстание Калиновского царизм сумел преподнести крестьянам как выражение недовольства этими переменами со стороны шляхты. Результат известен: простолюдины сами ловили повстанцев и сдавали их царским властям, получая за это медали и премиальные. Белорусы шли против белорусов, между ними уже была пропасть.

Справедливости ради стоит еще отметить, что повстанцы не ставили своей целью возрождение Беларуси, они даже словом этим не пользовались. Они считали себя литвинами, и целью их было возрождение Речи Посполитой в ее прежних границах, то есть Польша + Литва + Беларусь + часть Латвии (Инфлянты) + часть Украины.

Но самый страшный процесс происходил в конце XIX — начале XX века, когда возникло и стало набирать силу движение за белорусское национальное возрождение. Это было возрождение крестьянской нации в полном отрыве от уничтоженной элиты — образованной, с богатыми культурными традициями, сформировавшей профессиональную культуру. Мы, по сути дела, теперь растем из лаптей, из традиционного общества, из этнографизма, не имея ориентиров аристократической прослойки, за которой можно было бы тянуться.

— Эти идеи очень хорошо легли в концепцию революции 1917 года.

— Именно так. Белорусский проект получился, к 1917-му был заложен хороший фундамент для формирования белорусской нации. К слову, «национальное возрождение» быстро кончилось. Вы помните, что стало в 30-е годы прошлого века с теми, кто ратовал за белорусизацию?

Вскоре в стране, где бóльшая часть населения — это крестьяне, основной формой хозяйства стал колхоз, а колхозником был человек без паспорта и без прав (паспорта начали давать селянам только в конце 1960-х). Такая система никак не могла способствовать формированию национальной идеи.

Колхоз считался социальным дном. Для многих это значило, что белорусский язык, язык деревни — язык социального дна. И когда человек вырывался из этого окружения в город, поднимался на более высокую ступень в обществе — он сразу старался избавиться от всех примет колхоза и в первую

очередь от языка. Вспомните, в Советском Союзе практически всех, кто использовал белорусский язык, в городе звали колхозниками. И это тоже очень сильно повлияло на ментальность белорусского народа.

В итоге получился культурный вакуум. Тем более что и государство активно тому способствовало. Сужалась официальная сфера применения белорусского языка, в городах были закрыты практически все белорусскоязычные школы, их не было даже в райцентрах, а в деревнях — только до 8-го класса.

Я никогда не забуду время, когда сам учился в школе в своих родных Осиповичах. У нас в 9—10-й класс приходило много учеников из близлежащих деревень. Ребята говорили на чистом, красивом белорусском языке, но они очень хотели, чтобы их не считали колхозниками, и уже через полгода учебы в городе переходили на жуткую «трасянку», видимо считая ее меньшим злом. То же самое происходило в Минске, где я учился в медучилище, а затем в институте. Уже через полгода мои однокурсники из глубинки переходили на «трасянку», потом — на литературный русский язык, но с сочным белорусским прононсом.

Эти процессы происходили у меня на глазах. И я считаю, что это отказ от самого себя. А когда ты это делаешь, зачем тебе культурное и языковое наследие, зачем тебе памятники истории? Начиная свое культурное развитие с нуля, ты воспринимаешь их как ненужный багаж. Значит, плевать на усадьбы, на дворцово-парковые ансамбли. Нас полвека учили, что религия — это зло, значит, костёлы, церкви, синагоги тоже не стоят нашего внимания. Язык мешает нам жить — отказываемся и от него. Вот так мы отказались от всего...

— Но все-таки случилось чудо: несмотря на то, что мы так отчаянно отказывались от самих себя, нам подарили страну.

— Независимость свалилась на нацию без стойких национальных традиций, без культурного наследия, без своего языка. Мы же практически все это отбросили. Все эти вопросы если и поднимались, то лишь в узком круге интеллектуалов. Население БССР вошло в Республику Беларусь неготовым к независимости. Отсюда все и идет. И вот сейчас, полностью отказавшись от своих корней, мы пришли в современность.

— А может, это и не так плохо? В соседней России и соседней Украине всегда кивают на белорусов как на пример толерантности, терпимости...

— Да потому что мы им не мешаем. Думаю, если бы белорусский народ имел сильный национальный дух, он бы имел и определенные национальные претензии. Мы безобидные и бесперспективные. Повод ли это для гордости? Мне очень не нравится посыл, что мы — бедные-несчастные, которых все обижали, завоевывали и использовали как только могли.

Давайте поразмыслим над некоторыми историческими мифами и фактами. Один миф — о том, что Тевтонский орден нападал на ВКЛ, мы от него постоянно отбивались. И только под Грюнвальдом мы остановили его агрессию. Где Грюнвальд находится? Это далеко не территория Беларуси, совсем не территория ВКЛ, а территория ордена.

Великий князь Гедимин, защищая свою родину, погиб почему-то на территории Ливонского ордена. Староста Гродно Давыд Городенский погиб, защищая родину, под Бранденбургом... Что они там делали?

Может, хватит скулить? Как и любое молодое феодальное государство, мы были агрессивными, развивались экстенсивно, за счет прироста территории.

А сегодня мы живем в состоянии ментального надлома. Пока мы его не переболеем, не переосмыслим, придется пройти долгий тяжелый путь. Это вопрос десятилетий. Радует только одно — у нас появился опыт жизни в независимом государстве. Даже если анализировать социологические опросы, которые проходили на протяжении последних двух десятков лет, видно, что все больше людей ценят то, что они живут в своей стране.

— Но вместе с тем о некоторых исторических событиях, личностях белорусы говорят со все большей гордостью.

— Да, перемешивая исторические факты со сказками. Для создания национальной идеи надо отказаться от мифов и смотреть на свое прошлое объективно, потому что любой миф — это обман. Я с детства помню бабушкину чудесную поговорку: «Падманам можна ўвесь свет прайсці, толькі куды ты вернешся?»

— Что это за мифы? Перечислите навскидку.

— Например, миф о Беларуси «от моря до моря» и про то, что все это было белорусским государством. А где в таком случае были украинцы, где были балтийские народы? Да и как можно говорить про национальный характер феодального государства, когда это государство по самой своей сути сословное, а не национальное?

Второй миф — о том, что восстание 1863 года — это восстание за белорусскую державу. Как мы уже говорили, целью повстанцев было возрождение Речи Посполитой и отстаивание определенных интересов шляхты. Бесспорно, партия «красных» ставила вопросы широкой автономии Литвы в составе Речи Посполитой, но про Беларусь разговоров не было.

Третий миф — про то, что БССР было белорусским государством. У нас не было своей финансовой системы, собственной внешней политики, армии, и мы никогда не были гражданами БССР, у всех в паспортах стояло «гражданин СССР».

Ну и, наконец, еще один миф — про Беларусь, которая «краіна замкаў». Сегодня даже в разрушенном состоянии в стране есть всего-навсего 13 зам-

ков. В одной только Тернопольской области Украины (которая сравнима по площади с Минской областью) их 31. Если проанализировать, что представляли собой более 100 замков, которые находились на территории современной Беларуси, окажется, что подавляющее их большинство исполняли оборонительную функцию, были совершенно неприглядными с точки зрения обывателя. Это абсолютно не те представительские резиденции, которые можно увидеть в Польше, Чехии, Германии.

— Должны же оставаться поводы для гордости за свою страну...

— А у нас их много, просто не надо выдумывать сказки. Все относительно. Да, если брать то же ВКЛ — это историческая форма нашей государственности. И это государство, которое в XV веке было самым влиятельным на европейской арене. Действительно, весь XIV век и первую половину XV наше государство имело огромный вес в Европе. А в XVI—XVII веках мы еще достаточно сильно влияли на политику в восточной части Европы.

Нам надо определиться: мы должны быть хорошими для кого-то или нам надо осознать, кто мы есть на самом деле? Надо понять, что все в этой стране наше и что мы никому это не отдадим. Тогда и появится реальный повод для гордости.

Лично я, как человек — такой, какой есть. Зачем мне павлиньи перья распускать? Я всего лишь хочу, чтобы окружающие воспринимали меня таким, каков я есть, не приукрашивали, но и не хаяли понапрасну. И страна должна быть такой же: не надо никому пускать пыль в глаза, главное — быть самодостаточными.

Интернет, 16 февраля 2016 г.

3 Зак. 1346

ПОЧЕМУ БЕЛОРУСИЗМ ТЕРПИТ ПОРАЖЕНИЯ

Павел Бич,
кандидат технических наук

Перевод А. Е. Тараса

У национализма все еще больше плюсов, чем минусов. Он абсолютно необходим в горячих (негражданских) войнах; он нужен для борьбы с ползучей оккупацией (которую осуществляет у нас Россия); без него не обойтись в жестоких торговых и культурных войнах, непрерывно идущих в мире; наконец, он пригодится при смешении народов, рас и религий. Национализм дает людям честь и достоинство, а они нужны трудящимся, чтобы бороться за свои права и благополучие.

Но у нас с национализмом проблемы — народ не говорит на своем языке, повсюду господствует русская культура. Оппозиция этого не понимает, потому что если бы понимала, разработала бы стратегию дискурса «мы оккупированные» вместо «у нас диктатура». Пару лет назад широко обсуждалась тема нашей идентичности и гуманитарной безопасности страны. Много было сказано правильного. Но положительного эффекта от этих обсуждений не видно.

Национальное — это отпечаток окружающей среды в человеке. Среди них климат, ландшафт, язык, антропология, обычаи народного быта, особенности традиционной кухни, народное искусство, историческая память (если она есть), письменная история и многое другое. Естественно, отпечатки непостоянны — одни отмирают, другие рождаются. Они не являются и твердо определенными — связаны между собой, влияют друг на друга. Например, климат задает особенности традиционного питания и темперамент людей; язык не может не оказывать влияния на культуру. Можно долго, но безрезультатно спорить о том, какой отпечаток главный.

Для существования Национального ему нужно имя. Если Имя объединяет разнородные феномены и придает им смысл, оно становится кодом. Вокруг этого кода как своеобразного стержня организуются все другие отпечатки. Понятно без лишних слов, что код-название должен иметь мобилизующий, гордый характер — народ львов, народ сокола, народ грома. Или, по крайней мере, нейтральный — народ земледельцев, народ равнины, лесной народ и т. п. В обоих случаях такое название можно полюбить и строить вокруг него свою культуру.

Ну, а что произойдет, если один народ, покорив другой, даст ему новое название — унизительное, либо как-то связанное со своим названием? На-

пример, племя которое называлось «черным», завоеванному им племени, которое называлось «белым», даст название «черное» с крапинками «белого», т.е «пестрое». Может ли такое название, утратив прежнюю оригинальность, стать кодом для Национального? Может ли народ полюбить такой код? О значении кода-названия свидетельствует и то, что у каждого народа есть презрительные коды-названия для соседей: чурка, хохол, кацап, рашка, белый рашка (так нас называют в мире), колбасник, жидяра, лягушатник, лабус и т. д.

Когда по приказу Екатерины Второй у нас отобрали наше старое имя «литовцы — Литва» и дали новое «белорусы — Белая Русь», мы сразу утратили свою отличительность и честь — стали придатком русского народа, у которого в прошлом не было ничего положительного или гордого. Части нашей элиты новое название понравилось, но народу — нет*. Так между нашей элитой и народом, и не только им, но и всем миром встала стена непонимания. Элита доказывает что «белорусское» — это «не русское». А весь мир говорит, что речь идет о несущественном различии, поэтому вполне можно отказаться от своего и перейти в русскую нацию, или, по крайней мере, не считать русскую культуру чужой (суждение о том, что она нам не чужая, чрезвычайно распространено).

Новое название нашего народа стало тем окуляром, через который начали воспринимать нас все другие народы. Офицер НКВД, осмотрев осенью 1939 года в Вильне белорусский музей имени Ивана Луцкевича, на прощание сказал его брату Антону: «очень хорошо, что вы сохранили здесь русскую культуру». Ученики гродненской школы на вопрос — кто у вас в классе говорит на белорусском языке, ответили: «только один ученик, потому что он поляк».

Название «белорус» народ полюбить не может! Почему в Свете нет народов с названиями «коричневый англичанин», «черный португалец», «желтый испанец»? Казалось бы, и англичане, и испанцы, и португальцы, имея много колоний и передав народам этих колоний свой язык, такие названия могли бы изобрести? Но их нет. Люди берут чужой язык, пользуются им, однако их собственное оригинальное название защищает их честь и достоинство. Они всегда могут сказать: «да, я говорю по-английски, -испански, -португальски, но я не англичанин, не испанец, не португалец». Одного отпечатка Национального (своего родного языка) у них нет, но зато сохранен стержень-код для восстановления Национального.

У нас всё не так. У нас язык есть, а кода нет. Точнее, он есть, но, по выражению Валерия Булгакова, он очень слабый. Выражение «белорусский» это «не русский», которое по замыслу должно бы усилить название «белорус», абсолютно не убедительно, потому что определяющим здесь является корень «рус»; он важнее, чем прилагательное «белый». (Исторические проб-

* Та часть элиты, которая не согласилась с новым названием, записалась в поляки, среди них такие личности, как Юзеф Пилсудский и Эдмунд Дзержинский.

лемы возникновения русского языка и понятия «Русь» тут не рассматриваются, потому что они принадлежат украинцам). Франтишек Богушевич, считавший язык своего народа кодом Национального («не пакідайце ж мовы нашай, каб не ўмерлі), сильно ошибся. Точно так же ошибались наши «возрожденцы» первой трети XX века и так до сих пор ошибаются наши гуманитарии. Я же согласен с мыслью императрицы Екатерины: новое название для нас смертельно.

Сравнение с нашими соседями подтверждает это. Жамойты (теперешние литовцы), перехватив наше название Литва, успешно возродили и отстроили заново своё Национальное. Украинцы, отвергнув название «малороссы», которое пытались навязать им россияне, успешно отстраивают свое Национальное. Можно только удивляться предусмотрительности Екатерины, предвидевшей, что приняв название «белорусы», наш народ отвергнет все свое прошлое.

Военнослужащие, для которых прошлое (в виде традиций и гордости за былые победы) является главным предметом, формирующим их мировоззрение, высказывают постоянное отвращение к нему. Господствующий код «белорусы» удерживает их в виртуальном пространстве «русского мира». А труды, казалось бы, национально ориентированных историков, зависших в пространстве Литвы-Руси, не развеивают сомнений. Не удивительно, что на вопрос офицерам о нашем прошлом слышу в ответ: «я тогда не жил, мне это не интересно». Книжки этих историков воспринимаются людьми словно какой-то бред. Сами же эти историки свою трусливую позицию (преувеличение феномена Руси) называют объективностью, которая, как известно, в историографии недостижима в принципе.

Подозреваю, что наши враги прекрасно знают о смертельной силе названия «Белая Русь». Никаким иным образом я не могу объяснить себе смысл многочисленных бигбордов «Я — Беларусь» на фоне уничтожения (или преступного безразличия) нашего языка и культуры со стороны всей системы власти якобы независимого и суверенного государства. Не могу как-то иначе объяснить также тот факт, что мы единственный народ среди народов всех бывших «союзных республик», который за 20 с лишним лет независимости не смог возродить свою национальную культуру и подвергся повальной русификации. Почему родители, прекрасно зная, что они белорусы, не требуют в школах обучения своих детей на белорусском языке? Объяснение, что в этом виноваты Лукашенко и чиновники, я отвергаю. Так, как думают они, думает множество людей. И всё это потому, что название-код «белорус» убивает в них Национальное.

У наших людей настолько велико отвращение к «белому русизму», что они не хотят его в любой форме, как на белорусском языке, так и на русском (на привлекательность второго варианта, кажется, надеялся Анатоль Тарас, когда начинал свою работу по пропаганде белорусской истории и культуры

на русском языке — языке большинства населения). Вследствие того, что им этот «белый русизм» навязывали не только царские чиновники, но и «возрожденцы» начала XX века, и советская интеллигенция (которую за это убивали большевики), и нынешние гуманитарии типа Сергея Дубовца или Винцента Вечерки, — наши работяги (в широком смысле — негуманитарии) воспринимают свою истинную национальную сущность как некое природное или Божественное явление. Естественно, что это чувство находится у них в подсознании, а потому на уровне сознания неприятие «белорусскости» они выражают следующим образом: «не хочу читать ваши книжки потому, что они написаны на белорусском языке», или же «не хочу читать ваши книжки потому, что они написаны на русском языке».

И здесь работяги совершенно правы, ибо они действуют в полном соответствии с последним принципом постмодернистов — «самообраз и образ прошлого создаются вместе».

Следовательно, те историки которые остаются на платформе «Белой Руси» и «беларушчыны» (а это практически все, за исключением Вадима Деружинского), пишут книжки, которые работяги читать никогда не будут — независимо от того, на каком языке они изданы.

Галстуки-бабочка в тиле «вышиванка»

Часть 2
СТРАНИЦЫ НАШЕЙ ИСТОРИИ

ИСТОРИЯ БЕЛАРУСИ В ИЗЛОЖЕНИИ РОССИЙСКИХ АВТОРОВ

По книге Д. Калюжного и Я. Кеслера «Забытая история Московии». Москва, издательство «Вече», 2007 г.

1. БЕЛАРУСЬ ДО ВОЗНИКНОВЕНИЯ ВЕЛИКОЙ ЛИТВЫ

Про начало истории Беларуси, княжества которой стали в XIII веке главными составляющими Великого Княжества Литовского (ВКЛ), нам, как и в случае с историей Москвы, приходится рассказывать на основе сомнительных документов. Та хронология, что изложена ниже, легендарна, — она мифична не в меньшей степени, чем Киевская и Московская, как минимум — до начала XV века. Но мы приводим ее, чтобы читатель мог сориентироваться в схождениях и расхождениях между разными версиями истории, а мы — эти расхождения прокомментировать.

Далее мы широко используем книгу Игоря Литвина «Затерянный мир, или Малоизвестные страницы белорусской истории» (ее текст любезно предоставил нам сам автор) и «Хронологию памятных событий и дат в истории Беларуси»*.

VI—VIII века. — Начало славянизации территории Беларуси.

VIII—X века. — Основание союза летописных племен кричивей, драговичей и радимичей.

862. — Первое летописное упоминание Полоцка.

Середина X века. — Появление Полоцкого княжества, первой старобелорусской державы.

947. — Первые известия о Витебске.

Около 980. — Летописные предания о первом князе Рогволоде.

992. — Появление Полоцкой епархии.

Согласно устоявшемуся стереотипу, новгородский князь Владимир Святославич захватил Полоцк, убил родителей Рогнеды, женился на ней, а затем, захватив еще и Киев, крестил Русь. О том, были ли такие события на самом деле, могли бы поведать полоцкие летописи, — но, к сожалению, они

* В авторском тексте использовалось название Белоруссия, которое я заменил на Беларусь. Кроме того, исправил ряд фактических неточностей и явных ошибок авторов. — *Прим. ред.*

исчезли, последним их видел историк Василий Татищев, а он умер в 1750 году. Источник существующей ныне официальной версии — Радзивиловская летопись, — явно тенденциозна, она приукрашивает Киевскую Русь и чернит соседей, поэтому не может быть признана объективной*. Игорь Литвин пишет:

> Следует помнить, что во времена написания Радзивиловской летописи конкуренты Киева — Полоцкое и Новгородское княжества — сблизились и образовали союз. Возможно, накануне свадьбы новгородского князя Александра (будущего Невского) и полоцкой княжны Александры Брачиславовны киевский летописец хотел подлить ложку дёгтя рассказом о кровавой свадьбе новгородца Владимира и полочанки Рогнеды...

(Заодно вспомним сказку о том, как Юрий Долгорукий якобы женил своего сына Андрея на Улите, дочери московского боярина Кучки, а самого Кучку, свата любезного, убил).

Причем, если о крещении в 988 году Киева тем же Владимиром летописи сообщают, совсем неизвестно, когда и как происходило крещение Полоцка. Никаких сведений о насильственном крещении белорусских земель нет. Между прочим, «незамеченная» летописцами христианизация Полоцка сводит сообщение о крещении Киева в разряд чистейших легенд. Культуры народов, в том числе язык и верования, эволюционируют постепенно, а возникновение легенды о крещении Киева, как и запись «кто первее в Киеве начал править», определялось четким политическим заказом.

Затем, если бы христианство было навязано полочанам силой, избавиться от него они могли много раз, хотя бы в годы правления Всеслава Брачиславича «Чародея» (1044—1101). Но вместо избавления от «навязанного» христианства полочане в 1044—1066 годах построили Софийский собор.

Главный собор святой Софии был построен в столице Византийской империи — Царьграде (Константинополе), полагают, еще в VI веке. В 1040-е годы, еще до разделения христианства на католичество и православие, были построены храмы святой Софии в соперничавших друг с другом городах: Полоцке, Новгороде и Киеве.

Соборы символизировали равенство городов между собой и уважение Царьграду (Константинополю). Отметим попутно, что в Москве Софийского собора никогда не было. Факт, четко указывающий на то, что она долгое время представляла собой захолустье.

---

* Радзивиловская, или Кёнигсбергская летопись — это рукописная копия конца XV века с другого летописного сборника, составленного, по мнению исследователей, в начале XIII века. В этот сборник входят «Начальная летопись» киевского монаха Нестора, а также часть «Владимирской летописи» с перечнем событий за 1112—1206 гг. К этим двум текстам в Радзивиловской летписи добавлено «Хождение Даниила игумена».

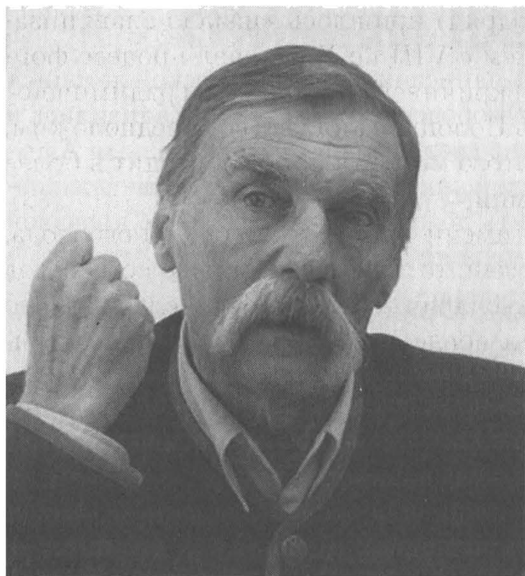
По завещанию последнего владельца, князя Богуслава Радзивилла, она в 1671 г. была передана в королевскую библиотеку Кёнигсберга. В 1758 г., когда русские войска захватили Кёнигсберг, библиотека была ограблена. Много редких книг и рукописей захватчики вывезли в Россию, в т. ч. Радзивиловскую летопись. — *Прим. ред.*

1003–1044. – Княжение в Полоцке Брачислава Изяславича.

1005. – Основание Туровской епархии.

1021. – Войска полоцкого князя Брачислава овладели Новгородом. Битва с дружиной Ярослава Владимировича («Мудрого») на реке Судоме.

Я. Кеслер

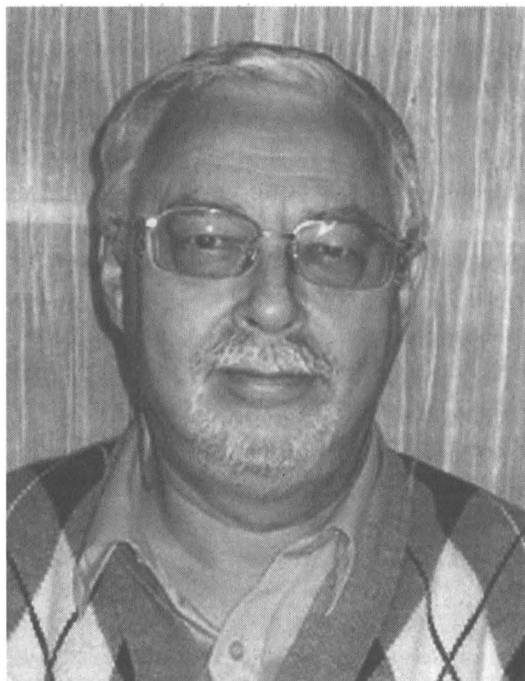
1029. – Родился князь Всеслав, прозванный позже Чародеем.

1044. – Начало княжения Всеслава Брачиславича в Полоцке (умер в 1101).

1066. – Всеслав Брачиславич взял штурмом Новгород и снял с его Софийского собора колокола, перенеся их на звонницу Софийского собора в Полоцке.

1067, 3 марта. – Битва на Немиге между войсками Всеслава и дружинами князей Киева. Первое летописное известие о Менске.

В XI веке Менск имел совсем небольшую площадь и был пограничным городом Полоцкого княжества. Название города по-польски звучит как «Миньск», но белорусы звали его Менском; только в 1939 году правительство БССР (по указанию Сталина) приняло постановление о переименовании Менска в Минск.

Д. Калюжный

1068–1069. – Княжение Всеслава Брачиславича в Киеве.

1078. – Победа полочан над войсками Владимира Всеволодовича «Мономаха».

1097. – Первое летописное упоминание Пинска.

1101–1119. – Княжение в Менске князя Глеба Всеславича, сына «Чародея».

Прежде чем двинуться дальше, задумаемся над этой хронологией и

списком князей. Прошло почти 10 тысяч лет, то есть 100 веков с тех пор, как после окончания последнего оледенения на территории Беларуси появилось постоянное население. Ничего о его жизни — в смысле событий, датировок, языка, веры, имен людей, названий племен и селений — мы не знаем.

На VI—VIII века (три столетия подряд) пришлось «начало славянизации» (долго же она начиналась), а затем с VIII по X век шел процесс формирования «союза летописных племен кричивей, драговичей и радимичей». Наконец, в середине X века появилось Полоцкое княжество (предположим, округляя, что в 950 году), и только с этого момента история входит в более или менее четкие хронологические рамки.

К 980 году относят упоминание имени первого князя — Рогволода. С 988 года правит Изяслав, то ли его сын, то ли внук, а дальше по 1119 год идут прямые потомки: Брачислав Изяславич, Всеслав Брачиславич, Глеб Всеславич. В белорусской хронологии после Глеба полоцкие князья длительное время не показаны, а только смоленские и другие, да и Глеб правил в Минске, поэтому ограничимся этой династией.

С момента появления княжества (950) до смерти Глеба (1119) прошло 169 лет, и было шесть правителей. Поделив 169 на 6, получим средний срок правления 28 лет.

Существует физиологический аспект династических историй. Средний срок правления в династии, когда власть переходит от отца к сыну, не может более чем на два-три года превышать срок половой зрелости, что подтверждается достоверной историей династий недавнего прошлого. И мы понимаем: 28 лет, приходящиеся в среднем на смену владык в династии Рогволода, слишком много, чтобы эта хронология была верной.

Но это еще не все проблемы. Дело в том, что вопрос наследования власти долго не удавалось решить однозначно ни в одной стране. Переход трона от отца к старшему сыну стали практиковать с XIII века, да и то войны за наследство между разными сыновьями были делом обыденным. А раньше действовало правило, пришедшее со времен родового строя, когда власть наследовал не сын, а самый старший в роду, а это чаще всего был брат умершего вождя.

У С. М. Соловьева читаем:

> Славяне жили особыми родами. «Каждый жил с родом своим, на своем месте, и владел родом своим», — говорит наш древний летописец... Старшиною рода становился следующий за ним брат и так далее, всегда старший в целом роде. Таким образом, старшинство не переходило прямо от отца к сыну, не было исключительным достоянием одной линии, но каждый член рода имел право в свою очередь получать его.

А вот в Полоцке идеальная картина: завершение славянизации, появление первого князя, и — решение династических проблем, словно по наитию. Но вот что интересно: дальше вплоть до Миндовга династии вообще не про-

слеживаются, а правят всё какие-то заезжие молодцы, лишь в 1132 году появляется внук Всеслава Брачиславича — Василько Святославич*. А позже вообще «бескняжий» период.

Все эти соображения подтверждают мифичность, сконструированность традиционной истории более поздними авторами. Мы отнюдь не хотим этим сказать, что событий, изложенных в белорусской или любой другой истории IX—XIII веков, не было. За исключением чисто литературных выдумок, которые, конечно, иногда принимаются за реальные факты, события были, — но насколько верно они «привязаны» к месту и времени?..

Возьмем для примера историю полоцкого князя Всеслава Брачиславича, прозванного Чародеем. Белорусы полагают его одним из самых славных властителей старобелорусского государства. А российская историография его просто не упоминала.

Да, история удобная наука: можно выпячивать одних героев — и не упоминать, а то и чернить других. Вот и судите сами, что «лучше»: излишне выпячивать, намертво замалчивать, чернить или обелять. На наш взгляд, надо просто избегать эмоций. В книге И. Литвина о белорусской истории — которая хорошо написана и в целом нам нравится, — автор с гневом и болью за родную страну нападает на русскую (и не только) историографию, которая умаляет вклад белорусов в историю. И тут же делает то же самое по отношению к истории других народов.

Например, он совершенно правильно отмечает, что в исторических повествованиях разных стран, описывающих Грюнвальдскую битву (июль 1410), преувеличена роль поляков и русских, принижен вклад белорусов в победу над Тевтонским орденом. Затем, основываясь на тех же данных, что и все другие историки, он дает свой очерк. В нем отчаянные белорусы в компании с татарами гоняют по полю тевтонов, а польский король в это время валяет дурака, разыгрывая посвящение тысяч своих воинов в рыцари, и, как истый католик, пугается штандарта папы римского, в бой не спешит. Русских там вообще нет.

Но вернемся пока к истории Всеслава Чародея. И. Литвин пишет:

> Всеслав Чародей — из тех фигур прошлого, которую освещали негативно, что удавалось во многом лишь на половинчатом освещении битвы полоцких и киевских войск на Немиге. Сведения о битве 1067 года воспроизводятся только в редакции одной из противоборствующих сторон — киевлян, естественно, заинтересованных в приукрашивании себя и представлении противника в невыгодном свете. Могли ли они быть объективными?

В случае с битвой на Немиге даже по версии событий, основанной на киевской летописи Нестора, вырисовывается картина победы полочан. Дело было так. Зимой 1066—67 гг. Всеслав двинулся на Новгород, а киевские князья —

---

* Сколько лет он правил — неизвестно. В Псковской летописи сказано, что в 1143 Василько выдал свою дочь Марию за Святослава, сына киевского великого князя Всеволода Ольговича. — *Прим. ред.*

братья Ярославичи — не стали дожидаться, когда придет их черед, и решили сами пойти в поход на Полоцк. Путь им преграждал пограничный Менск. Несмотря на неравенство сил, горожане решили защищать свой город.

Судя по летописи, сопротивление не было символическим. Свирепость захватчиков, не пощадивших «...ни челядина, ни скотину», свидетельствует о стойкости горожан. Всеслав, совершив марш-бросок от Полоцка к Менску, застал уже пепелище. Состоявшаяся затем битва отличалась крайней жестокостью.

И вот киевский летописец пишет, что Всеслав Полоцкий был побежден, и с ним были начаты переговоры. Но если его победили, зачем вести переговоры? О чем? По военным канонам того времени победителем считался тот, кто остался стоять на поле боя, «на костях», а это был Всеслав, отступили киевляне.

Спустя несколько месяцев, летом 1067 года, Ярославичи повторили попытку поставить Полоцкое княжество в зависимость от Киева. Напомню, что в первый раз киевские князья пошли в поход, опасаясь, что Всеслав, захватив Новгород, нападет на них. Только в этом и заключалась их «победа»: они предотвратили возможное нападение.

На этот раз по Днепру киевское войско дошло до Орши. Здесь две армии долго стояли друг напротив друга, — никто не решался переправляться через Днепр. Явным преимуществом не обладала ни одна из сторон, и братья Ярославичи предложили мирные переговоры, для чего пригласили Всеслава переплыть в лодке на их берег, а как гарантию безопасности на виду обеих армий целовали крест. Но как только челн Всеслава с сыновьями причалил к берегу, его схватили, а затем отвезли в Киев и посадили в темницу.

В темнице Всеслав пробыл недолго: в 1068 году киевляне изгнали князя Изяслава Ярославича, а Всеслава не только освободили, но и пригласили на престол. После удачного похода на Тмутаракань, которым он руководил, под властью Всеслава оказалась огромная территория от Балтийского моря до Черного. Поразительная история: и ста лет не прошло от появления первого в Беларуси княжества, и вот уже налицо Великий Полоцк — предшественник Великой Литвы, до которой жить еще триста лет!

Всеслав неоднократно упомянут в «Слове о полку Игореве», откуда, собственно, и взяты многие факты его жизни: в Киеве он слышал звон колоколов Софии Полоцкой, мучила его ностальгия:

> Всеслав князь людям суд правил, князьям города рядил, а сам ночью волком рыскал; из Киева до петухов, великому Хорсу волком путь перебегая, в Тмутаракань добирался. Ему в Полоцке звонили заутреню рано у святой Софии в колокола, а он звон тот в Киеве слышал.

И однажды вывел князь киевлян в поход на польского короля Болеслава II, а сам с верным отрядом вернулся в Полоцк. Это что, исторические дан-

ные или все же литература? Кстати, полагают, что «Слово» написано около 1186 года, через 120 лет после этих событий*.

Согласно же русской истории, Изяслав Ярославич сумел выгнать Всеслава из Киева и вернул себе киевский престол в 1069 году, причем с помощью того же польского короля Болеслава II «Храброго», на которого пошел Всеслав в поход, да загрустил о «малой родине» и сбежал в родные края. Дальше вокруг Киева разгорелась нешуточная борьба между братьями и племянниками Ярославичами, пока в 1093 году не умер последний Ярославич, Всеволод.

Нам кажется уместным сообщить, что в некоторых польских книгах сказано, что упомянутый Болеслав II «Храбрый» в 1025 году основал Польское королевство, и что он в 1079 году не то убил, не то казнил епископа Станислава. А другие польские историки утверждают, что королевство основал Болеслав I «Смелый», а убил епископа уже Болеслав II «Щедрый». Куда подевался в таком случае Болеслав II «Храбрый», мы сказать не можем. Это к вопросу о достоверности источников и их толкований. Не история, а сплошная мифология!

1116. — Первое упоминание Слуцка.

1127. — Первые летописные известия о Гродно.

1127—1159. — Княжение в Смоленске Ростислава Мстиславича.

1142. — Первое летописное упоминание Гомеля.

Зимой 1127—1128 годов был страшный голод в Полоцком и Новгородском княжествах. Люди ели мох и солому; в Новгороде родители, чтобы спасти от смерти своих детей, бесплатно отдавали их в рабство. Полагают, что именно в те времена появились так называемые «Борисовы камни»; семь огромных валунов с надписями, сделанными по приказу полоцкого князя Бориса Всеславича: «Господи, помоги рабу своему Борису».

Киевом тогда правил Мстислав, сын умершего к этому времени Владимира Всеволодовича. Киевские князья воспользовались слабостью северных соседей и напали на них. Борис принял кабальные условия киевлян, но через год умер, а полочане ввиду его смерти сочли себя свободными от навязанных силой обязательств и на приказ Мстислава идти вместе с ним в поход на половцев ответили отказом, притом в оскорбительной форме. Поэтому после победы над половцами Мстислав пришел в Полоцк со своим войском и затеял судить непокорных полоцких князей. Но показательный суд приговорил их в 1129 году не к заточению, а к ссылке: пятерых князей отправили ко двору их родственника, византийского императора Иоанна II Комнина**. Опять вопрос: каким образом целая пачка полоцких князей оказалась родственной базилевсу в Константинополе?

* Почти с самого момента первой публикации «Слова» (в 1800 г.) многие ученые утверждают, что эта поэма является гениальной стилизацией под древнерусский текст. Критики полагают, что она была написана в последней четверти XVIII века. — *Прим. ред.*

** Это были Давыд, Ростислав и Святослав Всеславичи, Василий и Иван Борисовичи. — *Прим. ред.*

Хотя Мстислав Владимирович и сумел кое-что сделать для объединения княжеств (Полоцкая империя Всеслава Брачиславича уже почему-то распалась), действовал он чрезвычайно жестоко, не оставляя никаких шансов местным князьям. Неудивительно, что после его смерти в 1132 году начался откат к раздробленности. В Киеве затеяли распри теперь уже потомки Мономаха, а в Полоцке, как только Киев ослаб, избрали князем внука Всеслава Чародея — Василька. Киевский ставленник Святополк, чтобы не оказаться на Друцком невольничьем рынке, сбежал.

Специалисты — Пётр Голубовский (1857—1907), Митрофан Довнар-Запольский (1867—1934), Николай Ермолович (1921—2000), Дмитрий Александров (1971 г. р.) и другие — сходятся на том, что из-за войн Полоцка с Киевом и внутренних усобиц в том и другом княжестве смоленские князья постепенно приобрели «большое влияние на ход дел в Полоцкой земле» — по выражению Василия Данилевича (1872—1936). А затем и вовсе подчинили ее себе.

Апогеем влияния Смоленска на полоцкие дела, как считал доктор исторических наук Леонид Алексеев (1921—2008), были 1160—1170-е годы, когда Всеслав Василькович отдал смоленским князьям Витебск, а сам стал их вассалом. Однако в конце того же столетия влияние смолян упало: Витебск они потеряли, от притязаний на Полоцк отказались.

Торговый путь «из варяг в греки» по Двине и Днепру не только в четыре раза короче обходного пути вокруг Европы. Торговля приносила огромные барыши купцам, и посреднические доходы тем, кто «держал» путь, а именно транзитным государствам — Полоцкому, Киевскому и Смоленскому княжествам. За этот доход князья и дрались. Не удивительно, что нашлись также другие желающие участвовать в дележке.

Около 1186 года к молодому полоцкому князю Володше, вместе с купцами из германского города Бремена прибыли католические монахи-миссионеры*. Они просили разрешения проповедовать слово Божье среди язычников — подданных князя, живущих в низовьях Западной Двины.

Князь Володша не увидел в намерениях монахов ничего опасного для интересов своего княжества. К тому же его благосклонность к латинянам не была бескорыстной, ведь полоцким купцам были выгодны таможенные льготы, предоставляемые Бременом и Любеком; вдобавок монахи привезли богатые подарки.

Монашеский приход в устье Двины постепенно расширился и превратился в епископство во главе с епископом Мейнардом фон Зегебергом. Немцы, конечно, проповедовали христианство среди язычников-ливов, но затем... взяли на себя сбор налогов для Полоцка. В прежние времена полоцкие князья заставляли племена ливов платить дань, однако силу применяли лишь в особых случаях. Немцы же не считали язычников за людей и без сомнения

* Отметим, что Володша — языческое имя. В «Хронике Ливонии» Генриха Латвийского он упоминается под именем Вольдемар. Володша умер в 1216 г. — *Прим. ред.*

пускали в ход мечи, а поскольку это мотивировалось сбором дани для Полоцка, то у населения формировалось негативное отношение к князю Володше.

На левом берегу устья Двины и в других местах началось строительство замков. Ливам монахи объясняли это необходимостью защиты их от Полоцка, а князю они говорили, что озабочены защитой Полоцка от ливов. Вряд ли Володша в это верил. Но таможенные льготы, предоставляемые Бременом и Любеком, приносили неплохие дополнительные доходы. Кроме того, Рижское епископство теснило конкурентов полочан — новгородцев. Поэтому князь смотрел на строительство замков «сквозь пальцы».

Когда епископ Мейнард в 1196 году умер, новый епископ Бертольд Шульте продолжил его усилия по завоеванию туземцев. Бертольд столь рьяно крестил и подчинял ливов, что начались восстания местных жителей. Во время одной из битв (в 1198 г.) напуганный конь Бертольда занес хозяина в самую гущу противников, и он погиб. Смерть епископа на время охладила энтузиазм крестоносцев. Язычники стали возвращаться к старым обычаям: смывали в Двине христианское крещение, пускали по реке выкорчеванные кресты, ставили новых идолов.

Но Бертольда сменил Альберт Буксгевден. Он полоцкому князю подарков не делал. Вместо этого в 1201 году основал город Ригу, а выплату дани Полоцку прекратил. Для обороны от полочан и от ливов епископ Альберт в 1202 году учредил духовно-рыцарский орден «Братьев Христова воинства», членов которого стали называть меченосцами. Постепенно Ливонский орден поставил под контроль не только ливов, но и другие племена — земгалов, куршей, эстов. Так в торговой цепочке Север — Юг Европы появился еще один посредник.

Противостояние нарастало; недовольны были и ливы, и князь Володша. Он затеял переговоры с Новгородом о создании коалиции; одновременно готовилось восстание ливов против крестоносцев. В 1203 году все было готово к походу, однако новгородцы надеялись, что рыцари дальше берегов Двины не пойдут, и что угрозы их городу нет. Они припомнили полочанам старую обиду: как Всеслав Брачиславич снял колокола с новгородской Софии, — и от похода отказались. Володша отправился на войну без них, взял два или три замка меченосцев на подступах к Риге.

Однажды среди пленных меченосцев оказались специалисты-оружейники; полочане заставили их сделать пять осадных машин. И вот, когда у крепости Гольм решили испытать эти машины, пленные немцы, обслуживавшие орудия, что-то сделали с ними, снаряды полетели в обратную сторону. А все пять машин стояли напротив стены крепости, за ними в готовности к штурму войско. Хотя погибли только 15 полочан, моральный эффект был очень большим: пока княжеское войско пребывало в растерянности, открылись ворота замка, и рыцарская конница выиграла сражение. Так северные ворота торгового пути «из варяг в греки» оказались под контролем Ордена меченосцев.

Тем временем латиняне замыслили взять Царьград (Константинополь), являвшийся южными воротами торгового пути «из варяг в греки». В 1204 году, во время Четвертого крестового похода, организованного Папой римским Иннокентием III, они это сделали.

Византия развалилась. На европейской части ее территории завоеватели создали Латинскую империю, существовавшую 57 лет — до 1261 года. В северо-западной части Малой Азии в 1204 году появилась Никейская империя, которую возглавил Федор Ласкарис. В северо-восточной части полуострова братья Алексей и Давид Комнины (внуки императора Андроника I) создали Трапезундскую империю, существовавшую 257 лет — до 1461 г. А на западе Балканского полуострова Михаил Ангел — родственник бывшего императора Алексея III — основал небольшое государство под названием Эпирское царство*.

Весь регион Восточной Европы, включая Польшу и большинство земель, составивших вскоре Великое Княжество Литовское, долгое время был охвачен нестабильностью. Земли объединялись и разъединялись. Князья православных земель воевали с язычниками и разрешали католикам крестить этих язычников, а потом воевали с теми же католическими князьями и объединялись с язычниками.

Полоцкий князь Володша правил 30 лет и вторую половину своего правления пытался избавиться от крестоносцев. Он несколько раз пытался вернуть свои земли, но не терял времени и Орден меченосцев: подкупом и льготами он привлекал на свою сторону вождей местных племен, хотя не всегда удачно.

Источники дают интересную картину того времени. В первую очередь скажем о западнорусских «крониках» — «Литовской и Жмойтской» и «Быховца». В «Кронике Литовской и Жмойтской» содержится ряд известий, относящихся к полоцкой истории XII—XIII веков (то есть до Володши и в его времена). Причем специалист по этому периоду А. В. Рукавишников сделал вывод, что события логически связаны между собою, ибо расставлены составителем «Кроники» и «отредактированы» им же согласно общей идее — исторической принадлежности Полоцка литовским князьям.

Очень интересны следующие сообщения: «О полоцкой свободности або Венеции», «О взятии Полоцка през Мигайла княжити», «Княжение Бориса в Полоцку, благочестивого князя», ряд более мелких сообщений. (См. Полное собрание русских летописей. М., 1975. Том 32, сс. 17, 18, 20—23).

Например, отрывок «О полоцкой свободности...» хорошо показывает суть общественно-политической жизни Полоцка в это время. Посмотрим же на нее.

Верховная власть в городе принадлежит «полочанам». Высший орган «республики» — вече, куда собиралась вся община из посада и окрестных

* В 1261 году никейский император Андроник III Палеолог восстановил Византийскую империю. В 1337 г. Эпирское царство было присоединено к ней. — *Прим. ред.*

волостей по звону вечевого колокола. Однако реальная власть находилась в руках «30 мужей», занимавшихся «поточным» (текущим, как сказали бы сейчас) управлением. Тридцать мужей назначали в этой «республике» судей и сенаторов, то есть высших магистратов, причем явно из своего числа. Велика была роль епископа, назначавшегося напрямую патриархом Константинопольским и совершавшего «справы грецкие». Относительно 1240 годов прямо говорится об отсутствии князя в городе.

В этих условиях полочане продолжали бороться за возвращение утраченных земель, а между тем из-за частых боевых действий в регионе от Полоцка до Риги купцы стали осваивать новые торговые пути, в частности через бассейн Немана.

Объект притязаний сторон — река Западная Двина, теряла значение как торговая артерия. Перенос торговых, значит и финансовых потоков, с двинских берегов на неманские постепенно приводил к ослаблению и Полоцка, и Риги, но тот же фактор усиливал перспективы нового государства — княжества Литовского. Постепенно в летописных описаниях совместных походов против меченосцев фраза «Полоцк и Литва» уступала место новой — «Литва и Полоцк».

Как обычно бывает в истории, чужой пример ничему не учит. Вот и опыт князя Володши не пошел на пользу прочим владыкам: через 8 лет после его смерти польский князь Конрад Мазовецкий разрешил рыцарскому ордену Святой Девы Марии, больше известному как Тевтонский, «нести слово Божье» язычникам — прусам. До этого тевтоны частью истребили, частью крестили и онемечили полабских славян, а их земли сделали «исконно немецкими» (Любчин стал Любеком, Зверин — Шверином, остров Руяна — Рюгеном и т. д.). Теперь пришла очередь прусов, а когда тевтоны истребили/покорили их тоже, они продолжили свою экспансию на соседние земли.

В 1234 году новгородский князь Ярослав Юрьевич нанес тяжелое поражение меченосцам в битве под Юрьевом (нынешний Тарту). А в 1236 году объединенные силы литвинов и земгалов в битве под Шавлями (современный Шауляй) наголову разгромили Орден меченосцев. В битве погиб их магистр. Обескровленным меченосцам в следующем году пришлось присоединиться к Тевтонскому ордену.

В начале 1240 годов хан Бату (Батый) создал свое государство — Золотую Орду — со столицей в новом городе Сарай-Бату (неподалеку от нынешней Астрахани).

Школьный курс истории достаточно ярко описывает монголо-татарское иго на Руси. Подробности его настолько вызубрены, что россияне не верят, что на территории Беларуси «ига» никогда не было, никакой орде здешние княжества не платили дань, и вообще нет сведений, указывающих на их подчиненность монголам или татарам. Правда, они все время воевали с крестоносцами.

Но что совсем интересно, и для Московии тоже нет археологических находок, дающих четкое представление о монгольском государстве. Было ли оно, и если да, — то где и какое?

После смерти новгородского князя Ярослава два его сына — Андрей и Александр — поехали в Сарай-Бату, где Андрей получил ярлык на Владимирское княжество, Александр — на Киевское, Новгородское и Переяславское. Основой его власти был военно-политический союз с Полоцком. Полочане активно поддерживали Александра Ярославича, — так, в битве на Неве (1240) треть его войска составил отряд Якова Полочанина.

Разумеется, полочане тоже требовали от Александра поддержки, в том числе в борьбе против Ордена меченосцев. Если бы произошло крещение Новгорода и Киева в католичество, Полоцкое княжество оказалось бы с трех сторон окруженным латинянами. Поэтому отказ Александра от предложения Папы римского ввести католичество означает, что интересы Полоцка он считал более важными, чем проблемы «угнетенных монголами» русских княжеств.

Новгород и Полоцк были самостоятельными княжествами. В первой трети XIII века и проблемы у них были одни и те же: укрепившиеся в устье Двины меченосцы препятствовали торговле и непрерывно нападали на соседей. Объединение в 1237 году Ливонского и Тевтонского орденов требовало консолидации Новгорода и Полоцка, что нашло свое воплощение в династическом браке Александра с Александрой, дочерью полоцкого князя Брачислава, состоявшемся в 1239 году.

Эта женщина похоронена во Владимире:

> Во Владимирском Успенском монастыре имеется надгробие некой княжны Вассы (или Василисы), где указано, что она была супругой Александра Невского (см. С. Булацкий. Правители России. Москва, 2001).

Слово «Василиса» не есть просто женское имя. Basilik по-гречески означает «царский дом», а Василий и Василиса — «царь» и «царица».

Между тем основным занятием Новгорода была международная торговля: между странами вокруг Балтийского моря и странами Востока (в первую очередь с Персией), его экономические интересы противоречили интересам ордынской власти. А представлял эту власть здесь как раз Александр Невский со своими посадниками. Понятно, почему противостояние приобрело ожесточенный характер. Вопреки мнению вече, Александр — в обход «Новгородской правды», то есть основного закона государства — лично выносил судебные решения таким образом, что расширял свои земельные владения и земли своих сторонников за счет неугодных ему людей.

В 1257 году новгородцы убили его ставленника, посадника Михаила. Против Александра выступил даже его сын Василий. Александр Ярославич со своей дружиной и «монголами» жестоко подавил восстание. Простым людям некуда было деваться, а Василий бежал в Псков. Как только Александр

уехал из Новгорода, горожане убили его очередного ставленника; только в 1259 году, получив известие о приближении большого ордынского войска, новгородцы были вынуждены подчиниться.

2. ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ

Около 1248—1263. — Княжение в Новогрудке князя Миндовга, первого великого князя ВКЛ (первые летописное сообщение о самом Новогрудке относится к 1044 году и связано с походом Ярослава Всеволодовича против Литвы).

В XIII веке по всей Евразии происходили колоссальные военно-политические потрясения. Но в письменных упоминаниях об этих событиях очень трудно отделить правду от вымыслов.

Например, одни летописи сообщают, что в 1249 году татары во главе с ханом Койданом и союзные им галицкие князья Данила и Василько Романовичи вторглись в Литву, чтобы отомстить Миндовгу за набеги на Волынь. Однако возле деревни Крутогорье (ныне это город Дзержинск в Минской области) они потерпели полное поражение от войска Миндовга. Другие летописи датируют битву 1241, 1272 и даже 1276 годом. Третьи вообще не упоминают это великое сражение. Четвертые заявляют, что хана звали Балаклай (или Булаклай) и что его разбил не Миндовг, а великий князь Скирмунт. Историки же утверждают, что и Балаклай, и Скирмунт — мифические фигуры, и что сама Койдановская битва — тоже миф, созданный в XVI веке!

Один летописец пишет, что в 1259 году на Великое Княжество Литовское пошли походом татары, а другой — что в 1260 году войска ВКЛ разбили крестоносцев на берегу озера Дурбе. Получается, что на Литву движется масса татар, после чего войска этого княжества бьют... крестоносцев. Вот и пойми, что происходило на самом деле!

После переноса в 1309 году столицы Тевтонского ордена из Венеции в Мариенбург (ныне Мальборк в Польше) набеги орденских отрядов происходили по несколько в год. И лишь Грюнвальдская битва (15 июля 1410) положила им конец. А что касается Золотой Орды, то в 1362 году, после победы войск великого князя Ольгерда над ее силами на реке Синяя Вода, от нее откололись и вошли в состав ВКЛ Киевская, Черниговская, Волынская, Подольская и Переяславская земли. Так через триста лет словно возродилась империя князя Всеслава Чародея.

Но вернемся немного назад.

1264—1267. — Княжение великого князя Войшелка (сына Миндовга).

1267. — Первое летописное известие о Могилёве.

1295. — «Погоня» стала гербом Великой Литвы.

1307. — Добровольное вхождение Полоцкой земли в состав Великого Княжества Литовского.

Так насколько достоверна история монголо-татарского ига, которую нам преподавали в школе? Ведь получается, что Московия прикрывала Европу от нашествия с Востока, тогда как Беларусь прикрывала собой Восток от нашествия из Европы! А на деле Западная Европа и Византия вели передел мира, в котором и Киевщина, и Беларусь, и Владимирщина были ареной столкновений за контроль над торговыми путями.

Вспомним еще одну загадку: перенос киевской православной митрополии в Москву в 1299 (или 1300) году. Традиционно считается, что это было сделано для духовной поддержки борьбы русского народа против монголо-татарского ига. То есть картина такая: Орда владеет Киевом и обирает Москву, и вот, чтобы Москве было удобнее с Ордою бороться, Киев направляет в Москву главного идеологического руководителя.

На деле же к тому времени Киев потерял значение крупного торгового центра; торговые пути обходили его. Перенесение престола митрополита последовало после уже состоявшейся утраты этим городом прежнего значения в международной экономике и политике, сделать же такой перенос можно было только с разрешения константинопольского патриарха. Киев вновь стал митрополией в следующем столетии, уже в ВКЛ. Впрочем, эта история тоже весьма запутана. Так, по мнению украинских историков, престол митрополита Киевского во второй половине XV—XVI веков был не в Москве, а в Новогрудке, хотя номинально его связывали с Киевом!

Игорь Литвин пишет:

> Современные литовцы необоснованно приписывают себе историю Великого Княжества Литовского. При этом ставится знак равенства между современными литовцами и жителями ВКЛ — литвинами... Древняя столица ВКЛ — Вильня, досталась литовцам совсем недавно: в октябре 1939 года, благодаря И. В. Сталину. Среди жителей Вильни представители современной литовской национальности составляли тогда всего 3%... Литовская республика имеет такое же отношение к Великому Княжеству Литовскому, как современная Македония к империи Александра Македонского, т. е. составляет мизерную часть площади когда-то огромного государства.

Правда, и Беларусь не может только себе «приписывать историю» Великого Княжества Литовского. Ведь оно включало в себя, помимо всех земель Белой Руси и нынешней Литвы (Летувы), еще и значительную часть современной Латвии, России, Украины, Молдавии, Польши. Но и то правда, что в современную Литовскую республику входят лишь две небольшие области бывшего княжества, Жамойтия и Аукштайтия, которые когда-то служили «разменной монетой»: так, знаменитый великий князь Литовский Витовт четырежды (в 1384, 1390, 1398 и 1404 гг.) отдавал Жамойтию Тевтонскому ордену.

Земли жамойтов (жмуди) вошли в состав ВКЛ только в 1422 году, через 12 лет после Грюнвальдской битвы, и тогда же, чтобы подчеркнуть свое от-

личие от Литвы, жамойтские старейшины выхлопотали отдельное упоминание своей страны в названии государства: Великое Княжество Литовское, Русское и Жамойтское.

А какой язык использовали в этом государстве при издании указов, при чеканке монет? На каком языке говорили князья Литвы? И вот выясняется, что, например, великий князь Ягайло (1352—1434) указ о назначении своего брата Скиргайлы (1354—1394) наместником в Полоцке издал в 1377 году на языке, вполне понятном русскому или белорусу, но не современному литовцу. Князь Витовт (1350—1430), уничтожавший язычников-жамойтов без счета, теперь стал национальным героем Литовской республики «Витаутасом», но нет документов, в которых было бы написано «Я, Витаутас...», зато есть другие, написанные на языке, понять который русский читатель может без переводчиков: современные специалисты называют его «старославянским».

Для князей ВКЛ этот язык был не «старым» или «древним», а вполне современным, и называли они его русским. Сегодня, для отличия от современного «русского», литовские лингвисты называют тот язык «руским» с одной буквой «с», а российские и белорусские — «старобелорусским».

Тот язык, который сейчас называют литовским, впервые встречается в документах только в 1522 году. Художественная литература, написанная на нем, сформировалась намного позже — в XIX веке. Интересно, что в 1919 году, после получения литовцами независимости, они потребовали от России возврата старинных литовских летописей. Советское правительство «пошло навстречу» и предложило простой критерий отбора: все документы на литовском языке будут возвращены. Литовцы согласились — и остались ни с чем; среди более чем 500 томов метрики ВКЛ таких текстов не нашлось ни одного! Абсолютное большинство документов написано на старославянском, часть на польском, немецком или латыни.

В княжестве жили люди разных верований: православные, католики, язычники. В зависимости от направления текущей политики, князья выбирали ту веру, которая была нужна им в данный момент, при этом брали и новое имя; в итоге у каждого князя был «комплект» из трёх имён: языческое + православное + католическое. Это вносит дополнительную путаницу, когда исследуется история ВКЛ.

А после вхождения Великого Княжества в состав Речи Посполитой началась полонизация: православные имена князей, да и других исторических персонажей вымарывали из летописей при их копировании! Когда Белая Русь и другие земли вошли в состав Российской империи, произошло то же самое, но уже в отношении католических имен. Сегодня оставшиеся в истории языческие имена князей «национализируют» литовские историки, добавляя к ним свои окончания. Например, полоцкий князь Товтивил не только остался без православного имени, но и превратился в «Таутивиласа».

Нет сомнений, что в некоторых случаях человека с разными именами принимают за разных людей. К сожалению, «разделить» их теперь бывает

трудно, а то и невозможно, остается только делать предположения, выстраивать версии.

Древняя столица Литовского княжества — Новогрудок (ныне в Гродненской области) был резиденцией князя Миндовга, перешедшего в связи с этим в православие. Историкам это известно:

> После объединения летописной Литвы с Новогородским княжеством и создания таким образом нового государства, язычник Миндовг вынужден был принять христианство. Согласно Густынской летописи, уже в 1246 году в собственной резиденции в Новогородке он крестился в православие — веру своих подданных — белорусов.
>
> Однако политическая ситуация заставила Миндовга спустя некоторое время еще раз изменить вероисповедание (см. Орлов В., Саганович Г. Десять веков белорусской истории).

Причем крещение Миндовга в Новогрудке в 1246 году противоречит официальной хронологии, утверждающей; что князем он стал около 1248 года.

В 1253 году Миндовг принял от папы римского Иннокентия IV корону, которой и короновался в том же Новогрудке, а государство официально стало именоваться королевством. Вскоре политические обстоятельства изменились, вооруженные конфликты с тевтонскими рыцарями за обладание Жамойтией, привели к разрыву с папством и положили начало затяжной борьбе с Тевтонским орденом.

Орден, окончательно завоевав к 1283 году Пруссию, с 1284 года начал экспансию на восток. А с переносом в 1309 году его резиденции в новый замок Мариенбург, построенный в Пруссии, военные действия в пограничном регионе между Орденом и Великой Литвой стали обычным делом; земли переходили из рук в руки по много раз.

В 1314 году поход тевтонов на Новогрудок возглавил маршал ордена Генрих фон Плоцке. На пути он оставил под охраной два обоза с награбленным имуществом, с тем расчетом, чтобы забрать их при возвращении. Давыд, наместник князя Гедимина в Гродно, не пошел ему наперерез, а пока тевтоны осаждали замок, двинулся по их следу, уничтожая обозы. Затем побил крестоносцев возле стен Новогрудка. Когда они отступили в надежде на резервные базы, то не нашли их и были почти все уничтожены. Но маршал уцелел.

Помимо православных жителей, тевтонов по возможности били смелые ребята языческих племен. В 1326 году на лесной дороге под Медниками (ныне Медининкай в Летуве) в засаду жамойтов попал большой отряд тевтонов, возглавляемый тем же маршалом Генрихом фон Плоцке. Маршала убили на месте, а его заместителя взяли в плен и стали готовить для него жертвенный костер. Испугавшись, он попытался соблазнить жамойтов большим выкупом. Но жамойты подошли к делу принципиально, и принесли рыцаря в жертву вместе с его конем.

1316. — Начало княжения великого князя Гедимина (до 1341).

1317. — Основание Литовской митрополии.

1320. — Вхождение Витебского княжества в состав ВКЛ.

1323. — Перенесение столицы державы из Новогрудка в Вильню.

1331. — Победа войск Гедимина над рыцарями Тевтонского ордена на реке Окмяне.

На севере княжество выходило к Балтийскому морю, а на западе граница проходила далеко по территории современной Польши. Войско литвинов только из одного похода 1324 года привело 25 тысяч пленных поляков. Отметим, что цифра явно преувеличена — раз этак в десять.

В 1326 году посланный Гедимином отряд дошел до Франкфурта-на-Одере; при возвращении из похода отряд потерял командира, князя Давыда Городенского: его убил польский рыцарь Андрей Гост. После расправы с убийцей дружинники на щитах принесли тело Давыда в Гродно, где его похоронили на погосте Борисоглебской церкви. В польской историографии убийство Давыда Городенского оценивается положительно, ибо оно предотвратило опустошение мазовецких земель.

В 1341 году во время осады тевтонского замка Баербург немецкая пуля пробила панцирь Гедимина. Его сыновья Кейстут и Ольгерд после похорон отца стали соправителями ВКЛ: его северо-западная часть, превышавшая по площади Польшу, со столицей в Троках (с 1917 года — Тракай) досталась Кейстуту, а юго-восточная часть со столицей в Вильне — Ольгерду.

И опять мы вынуждены сказать, что так же, как мифологизировалась за долгие столетия история многих стран, приобрела легендарный характер и старинная история ВКЛ. Древнейшая история его земель изложена в «Початке Великого княжества Литовского»; историки датируют этот документ первой половиной XIV века, тогда как написан он гораздо позже. Вот и о смерти Гедимина мы знаем из источника более позднего происхождения.

Например, записано, что он был «от немцов в Прусех забит з ручницы», то есть застрелен из пищали, и его похоронили «в труну зашпунтовавши». Между тем пищаль-ручница даже по традиционным представлениям сконструирована в начале XV века, а слово «шпунт», от которого произведен глагол зашпунтовать, заимствовано из немецко-голландского языка, в нем оно появилось вообще только во второй половине XVI века!

В характерном рассказе о литовских погребениях — «Погребы якие были литовские» — тоже имеются характерные особенности, выдающие реальное время написания текста — не ранее второй половины XVI века. Во-первых, среди них есть позднелатинские заимствования, пришедшие через польский язык: слова «уфундовал» — обеспечил (ср. фонд, англ. fund) и «офери» — жертвы (ср. англ. offer). Во-вторых, имеется двоякое написание имени князя Кгермонт и Гермонт, выдающее онемеченный взрывной характер первого «г», а не палатальное «украинско-греческое». Слово шата (плащ) не древне-

немецкое, как обычно считают, — оно обозначало русскую выходную шитую верхнюю одежду XV–XVI веков.

Короче говоря, версии древней истории Литвы, как и древней истории московской Руси, строились на основе источников, появившихся значительно позже событий.

Но здесь мы вынуждены приводить традиционную хронологию. Надеемся, что когда-нибудь профессиональные историки обратят свое благосклонное внимание на высказываемые нами соображения.

1348. — Победа войск ВКЛ над рыцарями на реке Стреве.

Это был период расширения княжества Литовского.

Польский король Владислав I «Локеток» (Локоток) заключил союз с Кейстутом, обеспечив себе безопасность тыла и помощь в борьбе с Бранденбургом. После смерти Владислава его наследники, вместо благодарности литвинам, поспешно разорвали союз. В ответ Кейстут в 1350 году занял Варшаву и всю Западную Мазовию.

Активно расширялась и та часть княжества, которая принадлежала Ольгерду. В 1362 году в битве на реке Синяя Вода — левом притоке Южного Буга, князь, в войске которого были витебские, полоцкие и новогрудские полки, разгромил три орды: Крымскую, Перекопскую и Ямбалуцкую. В результате обширная территория современной Украины, входившая в юрисдикцию этих орд, а именно Киевская, Черниговская, Волынская, Подольская и Переяславская земли, перешли в состав ВКЛ. Теперь оно включало земли вплоть до устья Днепра; черноморское побережье в районе современной Одессы долгое время было литовским.

И вот мы должны сказать, что хотя с определением восточной границы ВКЛ вопросов намного больше, нежели с определением его северной, западной и южной границ, все же проходила она как раз по реке Оке. Князь Ольгерд устанавливал ее по Можайску и Коломне, — другое дело, соглашались ли с ним московские князья.

Из некоторых источников можно сделать вывод, что под властью Ольгерда была территория, занимаемая ныне Смоленской, Брянской, Калужской, Тульской, Курской, Орловской, Псковской и Новгородской областями. Тверь периодически то входила в состав Литвы, то поддерживала с нею союз. Пограничные города вроде Коломны периодически оказывались то по одну, то по другую сторону границы.

А основу оборонительной системы вокруг Москвы составляли города «девятиугольня» со вполне понятной «прорехой» в сторону Владимира: Коломна, Серпухов, Верея, Можайск, Руза, Звенигород, Волоколамск, Дмитров и Троице-Сергиев монастырь. Самый интересный среди них — Коломна. Он стоит на Оке в устье Москва-реки, то есть представляет собою как бы прямое продолжение Москвы. Московские князья часто собирали войско, женились и принимали власть именно в Коломне.

В 1350 году Ольгерд закрепил свои отношения с Тверью династическим браком: тверской князь Всеволод отдал за него свою дочь Ульяну. Так Тверь, не желавшая подчиняться Москве, стала постоянным союзником Вильни и искала у нее защиты. А вскоре эта защита и потребовалась: в 1368 году московский князь Дмитрий (названный много позже Донским) послал войска завоевывать тверские земли на правобережье Волги, а затем пригласил к себе в Москву тверского князя Михаила, арестовал его и бросил в темницу. Выйдя на волю, Михаил сразу же поспешил к Ольгерду с просьбой о заступничестве.

Готовясь к войне с Литвой, Дмитрий Иванович еще в 1367 году приказал срочно возводить в Москве «город каменный» (скорее не сам Дмитрий, которому в 1367 году стукнуло 17 лет, а митрополит Алексий, он же Елевферий Бяконт, фактически правивший в то время). Однако на границе долгое время было тихо. Только осенью 1368 года Ольгерд повел войска на Москву из Витебска. Шли они скрытно, поэтому в Москве не сразу узнали об опасности. Получив известие, московский князь разослал по всей стране грамоты с приказом как можно скорее вести к столице собранных ратников.

Белорусские историки пишут:

> Навстречу Ольгерду вышел воевода Дмитрий Минин, возглавлявший передовой полк, который был сформирован из москвичей и жителей близлежащих городов. В битве у Волока Ламского, недалеко от реки Тросны, наши хоругви наголову разгромили это войско и пошли прямо на Москву. Не встречая больше никаких препятствий, Ольгерд вскоре появился у стен Кремля.

Далее следует удивительная история: князь московский с войском затворился в Кремле, а Ольгерд, три дня и три ночи простояв у стен, «с пленными и богатой добычей» покинул Москву и спокойно возвратился к себе домой. Что там происходило на самом деле, почему «война» носила такой странный характер, — историки ответа не знают.

Но странности на этом не кончаются. Осенью 1370 года Дмитрий вновь напал на Тверь, опустошил много городов и волостей. Опять тверянин Михаил обратился к Ольгерду, и тот опять пришел в Москву, да еще с сыновьями и братьями, а также привел смоленского князя Святослава с войском. И опять князь Дмитрий закрылся в Кремле, и опять пришлые воины потоптались возле твердыни, да и начали переговоры. Дмитрий прислал боярина с предложением мира, а Ольгерд «сжалился» над московским правителем, «любовь свою над ним учинил, из Москвы его не добывал и мир с ним взял», — так сообщает летописец. Соглашение подкрепили династическим браком: брат Дмитрия женился на дочери Ольгерда Елене.

В 1372 году история повторилась один в один, разве что без свадьбы: Дмитрий «наехал» на Тверь, Михаил кинулся к Ольгерду, тот пришел к Москве и согласился на очередное перемирие. Что-то, наверное, было «сугубо личное»

в отношениях между этими тремя князьями, чего мы не знаем и никогда не узнаем.

В 1377 году князь Ольгерд умер. Православные историки пишут, что его похоронили по православному обряду, только вот имени его православного не знают, в историю он вошел с языческим именем. Был ли он в самом деле православным — неизвестно. А его противоречивое завещание привело к смуте, поскольку свою часть — Виленскую часть Великого княжества — он завещал не старшему сыну от первой жены, Андрею Полоцкому, а Ягайле, сыну от второй, тверской жены.

К сожалению, точно не известен весь комплект имен тогдашних князей; Дмитрий и Андрей — христианские имена, Ольгерд — языческое. Этот период Средневековья для историков очень проблематичен из-за сложностей с идентификацией личностей. Кое-что известно: например, Скиргайло был еще и Иваном, Свидригайло — Львом и Болеславом. Единокровный брат князей Дмитрия и Андрея, Яков, имел языческое имя Ягайло и католическое Владислав. Двоюродный их брат, Юрий, был «по совместительству» язычником Витовтом и католиком Александром. Причем в католичество он крестился трижды!

1385. — Кревская уния Великого Княжества Литовского и Польского Королевства. С юридической стороны уния означала инкорпорацию Литвы в состав Польши. Многие историки считают этот документ более поздней фальсификацией, о чем будет сказано ниже.

1387. — Вильня первой из белорусских городов получила от великого князя магдебургское право, то есть самоуправление.

На Рождество 1390 года в Коломне сыграли свадьбу сына Дмитрия (Донского) Василия с литовской княжной Софьей. И в заключение: в 1425 году, когда умрет Василий I Дмитриевич, великий князь Витовт станет опекуном его 10-летнего сына, Василия II Васильевича Темного: ведь он его внук от дочери Софьи.

3. Великая война и Грюнвальдская битва

1392. — Начало княжения великого князя Витовта.

1399, 12 августа. — В битве с татарами на реке Ворскле погиб полоцкий князь Андрей Ольгердович.

1401. — Витовт и Ягайло подписали новую, Виленскую унию, согласно которой Витовт пожизненно получал власть над ВКЛ.

1404. — Вхождение Смоленского княжества в состав ВКЛ.

1410, 15 июля. — Разгром Тевтонского ордена под Грюнвальдом объединенными силами Великого Княжества Литовского и Польского королевства.

Грюнвальдской битве предшествовал целый клубок разнообразных событий. В 1385 году состоялась уния Польского королевства и Великого

княжества Литовского. В 1392 году князь Витовт встретился в Острове под Лидой с королем Польши Ягайлой (он же Владислав II), и эти двое договорились, что Витовт займет престол Великого княжества. С этого момента начал раскручиваться маховик противоречий.

Первой «черной кошкой», пробежавшей между Великой Литвой и Тевтонским орденом, стала Жамойтия, — небольшой участок побережья, отделявший тевтонов от Ливонского ордена. Его время от времени «передавали» туда-сюда, но специфика была такова, что все передачи осуществлялись только на бумаге. Жамойты не желали быть ни под чьей властью и вели ожесточенную борьбу за сохранение своей независимости, зачастую толком не зная, к какому государству они «приписаны».

Само ВКЛ с этой Жамойтии ничего не имело, поэтому, подписывая передачу земли тевтонам, Витовт только выигрывал: юридическая передача спорной земли снимала с него и возлагала на тевтонов обязанность крестить местных язычников. Отныне Папа римский требовал именно от тевтонов их обращения в христианство. Рыцари начинали насильственные массовые крещения, получали очередное восстание и вынужденно отступали. То есть максимум, что они могли делать, — это совершать туда набеги, а непрерывная борьба ослабляла и рыцарей, и жамойтов. Витовт же тайно посылал язычникам деньги и военных инструкторов, то есть выглядел в их глазах защитником от тевтонской агрессии.

Отношения Тевтонского ордена с Польшей тоже нельзя назвать теплыми. В 1392 году тевтоны выкупили у польского князя Владислава Опольчика Добжынскую землю, — ведь польские магнаты были самостоятельными в своих решениях. Король не был готов к войне и ограничился протестами. В 1402 году тевтоны выкупили еще одну область, Новую Марку, и часть польских земель оказалась отрезанной от основной территории королевства. Отношения между Польшей и Орденом стали стремительно ухудшаться.

Это позволяет подчеркнуть разницу в организации центрального управления. В Польше верховный властитель не только не мог воздействовать на независимых магнатов, но и вообще мог не думать об интересах страны в целом, ограничиваясь собственными интересами. В Московии же стиль правления был «византийским»: дворянин получал землю, чтобы, кормясь с нее, служить великому князю. А для того приоритетом являлся государственный интерес. Это определило в дальнейшем объединение Руси вокруг Москвы и полное исчезновение Великого Княжества Литовского.

В январе 1408 года в Ковно (ныне Каунас) прибыли для переговоров король Ягайло и магистр Ордена, а посредником они выбрали великого князя Витовта. Ягайло требовал возвращения земель. Магистр отложил решение до 24 июня, а сам передал дело на суд Витовта, продолжая между тем покупать земли у местных польских князей. Стало ясно, что договориться невозможно.

Осенью 1408 года в Жамойтии полным ходом шла подготовка к очередному восстанию против тевтонов. Наместник Ордена и комтуры (орденские коменданты) соседних земель с тревогой сообщали в Мариенбург, ставку магистра, что Жамойтию «вдоль и поперек проходят литвины, русины и татары, часто одетые купцами, и подбивают население к восстанию». Возможно, уже тогда могла начаться война с Орденом, но ее пришлось отложить на два года из-за того, что младший брат Ягайлы, Свидригайло, оставшийся без трона, организовал — не иначе, как при поддержке тевтонов — мятеж против Витовта, поддержанный Москвой.

Кстати, у московского князя Василия Дмитриевича тоже были причины для недовольства. Его жена Софья Витовтовна имела жесткий характер, постоянно вмешивалась в дела мужа и прославилась бесцеремонным отношением к московским боярам.

И вот, вместо того чтобы идти на север, в Жамойтию, армия великого князя Литовского вынуждена была двинуться на восток и маневрировать там, объедая подмосковные деревушки. Правда, и на этот раз обошлось без кровопролития: встретившись с зятем у берегов Угры, Витовт достиг с ним взаимопонимания, что и отразил договор от 14 сентября 1408 года. После неудавшегося мятежа Свидригайло бежал в Польшу, к своему брату — королю Ягайле.

В декабре 1408 года в Новогрудке состоялась тайная встреча Витовта и Ягайлы. Был составлен план войны с Орденом, предусматривавший сокрытие союза Княжества Литовского с Польшей, направленного против тевтонов; стороны сговорились имитировать подготовку к войне друг с другом.

Это был очень сложный компромисс. Отец Витовта, Кейстут, воевал и с Орденом, и с поляками, а позже был убит по приказу Ягайлы в Кревском замке. Но все же интересы двух национально-государственных структур — королевства и Великого княжества, совпадали, а с интересами наднационального образования, крестоносного Ордена, расходились. Мог тут быть и личный интерес: хотя Ягайло и был убийцей отца Витовта, но сыновей великого князя отравили в Ордене.

Обеим сторонам пришлось в ходе подготовки к войне предпринять серьезные экономические усилия. Витовт не только вооружал свою армию и повстанцев Жамойтии, но и посылал деньги Ягайле, чтобы тот мог закупать вооружения для польской армии и оплачивать наемников. Польша тоже наращивала обороты, дабы собирать средства: так, по приказу Ягайлы, в соляных шахтах Велички, расположенных недалеко от Кракова, добытчики перешли с ведер на тяжелые соляные бруски. Напомним, что поваренная соль в те времена была стратегическим товаром.

Также шла интенсивная идеологическая подготовка к войне. Тевтоны традиционно пользовались поддержкой при европейских дворах, поэтому ограничивались заявлениями о святости своей борьбы с язычниками. Ягайло в свою очередь заявлял, что тевтоны не закончили даже крещение племен

прусов на собственной территории, а уже берутся за Польшу и Литву. Европу заполонили письменные жалобы жамойтов (по-русски это племя звали жмудь, по-белорусски жамойть) на «беспредел» тевтонов. Поскольку все жамойтские старейшины были неграмотными, эти письма явно сочиняли в канцеляриях Польши и Великого княжества. Но массовость таких заявлений и, надо думать, щедрые финансовые вознаграждения убеждали западных властителей в их достоверности. В итоге европейские государства заняли по отношению к конфликту выжидательную позицию, что, собственно, и требовалось Ягайле и Витовту. Тевтоны, понадеявшись на традиционную поддержку Западной Европы, проиграли информационную войну еще до начала боевых действий.

Затем Витовт вывел из дела Ливонский орден, былого верного союзника тевтонов: рыцарей соблазнили льготами в торговле с Полоцком. С ливонским наместником фон Хевельманом Витовт наладил почти дружеские отношения и с помощью щедрой субсидии убедил поставить собственные интересы выше общего дела. Присланную ливонцами на поле под Грюнвальдом одну хоругвь можно считать только моральной поддержкой.

Венгерский король получил от тевтонов огромную сумму денег — 300 тысяч дукатов за участие в войне на стороне Ордена. Тем не менее, Венгрия не торопилась объявлять о своем участии.

31 мая 1409 года в Жамойтии «неожиданно» началось восстание против Тевтонского ордена. Витовт сделал вид, что находившийся в качестве военного советника у жамойтских вождей его посланец, Румбольд Валимунтович, совершенно ни при чем.

Наконец, на переговорах с польскими послами магистр Ульрих фон Юнгинген спросил, будет ли Польша поддерживать жамойтских повстанцев и Литву? В запале спора архиепископ из Гнезно Михаил Куровский ответил, что если Орден нападет на Литву, то Польша вступит в Пруссию. Магистр поблагодарил архиепископа за прямоту и сказал, что удар, приготовленный против Литвы, теперь будет направлен на Польшу. Началась Великая война 1409—1411 годов.

На первых порах удача была на стороне Ордена. Тевтонам удалось глубоко вклиниться на территорию Польши. Но к октябрю поляки оправились от первого удара, им удалось вернуть часть земель, а с Орденом было заключено перемирие: решили передать рассмотрение территориального спора между Польшей и Тевтонским орденом на суд чешского короля Вацлава.

К этому времени Витовт при поддержке жамойтских племен занял Мемель (нынешнюю Клайпеду). Тевтоны, не ввязываясь в широкомасштабные боевые действия против его армии, попытались снова разыграть московский сценарий 1408 года и опять поддержали Свидригайло, но заговор был раскрыт, предателя заключили под стражу.

В споре Польши с Орденом чешский король полностью встал на сторону Ордена; впрочем, еще до суда тевтонские посланцы привезли Вацлаву

Чешскому 60 тысяч флоринов «за дружественное посредничество». Когда 15 февраля 1410 года его приговор стали оглашать по-немецки, поляки все поняли и в знак протеста покинули Прагу. Продолжение войны стало неизбежным.

В вербное воскресенье, 16 марта 1410 года, тевтоны напали на Волковыск. Витовт ограничился минимальными ответными шагами, ибо не был еще полностью готов к войне. В это время по его приказу в Беловежской пуще продолжали делать запасы для дальнего похода: сотни бочек солонины и другого продовольствия. Заготавливались плавсредства, бревна и разборные конструкции для двух понтонных мостов. Затем, хотя до 24 июня еще продолжалось перемирие с тевтонами, войска двинулись навстречу друг другу. Перемирие было продлено до 4 июля; в это время войска Витовта и Ягайлы объединились и 9 июля перешли границу земель Тевтонского ордена.

Историки критично оценивают оборонительную стратегию войны, избранную Ульрихом фон Юнгингеном. Возможно, она была вызвана надеждой на поддержку некоторых западноевропейских стран, выставив поляков и литвинов в роли агрессора. Кое-что тевтонам удалось: 12 июля на марше к Витовту и Ягайле пришло известие о вступлении Венгрии в войну на стороне Ордена. Чтобы не подрывать боевой дух, войскам об этом не сообщили.

Еще до начала кампании 1410 года поляки несколько раз концентрировали войска у разных участков орденской границы, из-за чего тевтоны держали значительные силы на разных направлениях предполагаемых ударов. Эти части перекрывали несколько дорог, ведущих в столицу Ордена, Мариенбург. Вот и в этот раз разведка Ордена определила предполагаемое место перехода союзников через реку Дрвенцу, брод у Кужетников. На противоположном берегу тевтоны срочно разместили артиллерию. Но это стало известно союзникам, и они изменили маршрут. Пока тевтоны строили палисады, литвины и поляки обошли реку стороной, по дороге взяв и разграбив город Дубровну.

Сегодня принято называть битву Грюнвальдской или Танненбергской, по названиям находящихся недалече поселков. Но в летописях ВКЛ она именовалась Дубровенской, по названию именно этого, ближайшего к полю города.

Итак, разведка доложила магистру Ульриху фон Юнгингену о новом направлении движения союзников, и он занял позицию между озером Лубень и деревней Танненберг. Ягайло обошел озеро слева, Витовт — справа, и после соединения на другом берегу озера союзники, наконец, встретили тевтонов.

Из-за большого расстояния перехода Витовт взял в поход преимущественно кавалерийские части. Из огнестрельного вооружения — только бомбарды малых калибров. Существует спорная версия о том, что пехота, составлявшая $^2/_3$ армии Витовта, была оставлена в княжестве, чтобы блокировать возможный удар Ливонского ордена со стороны Риги.

Подразделения средневековых армий имели свои знамена — хоругви. Из-за шума битвы сигналы труб не были слышны, поэтому команды отдавали движениями знамен. Подразделения, имевшие такие знамена, тоже называли хоругвями. Численность воинов в них колебалась в значительных пределах: от 150 до 3000 человек. Большой разброс оценки численности войск, участвовавших в Грюнвальдской битве, связан с тем, что количество воинов в хоругвях отличалось иногда в 10 раз и более.

Польский историк Ян Длугош, описывавший битву спустя 40 лет после нее, назвал 50 польских и 48 литовских хоругвей. Сегодня принято считать, что в Грюнвальдской битве участвовали около 40 хоругвей ВКЛ, из которых 30 (или 35) пришли под знаменем «Погоня» и 8 (или 10) — под «Колонами». Кроме того, в надежде, что Витовт поможет ему в возвращении владения отца — Золотой Орды, со своими татарами пришел сын Тохтамыша, хан Джелаль-эд-Дин. Численность татар в разных источниках варьирует в значительных пределах (от 500 человек до 4 тысяч).

Рыцарская хоругвь делилась на более мелкие подразделения — «копья». Те в свою очередь состояли из рыцаря, одного или двух оруженосцев, арбалетчиков и пажей. В бою рыцарь сражался против рыцарей противника, пажи и оруженосцы препятствовали его окружению, держали запасных коней, спасали упавшего рыцаря. Арбалетчики стреляли в лошадей и оруженосцев противника.

По средневековым меркам численность армий, участвовавших в Грюнвальдской битве, была огромной. Игорь Литвин пишет:

> Изучение списка хоругвей позволяет сделать однозначный вывод: основную массу участвовавших в битве воинов Великой Литвы составляли белорусы. Ведь такие этнические белорусские города, как Вильня и Медники, «оказались» в соседних государствах относительно недавно... До недавнего времени... вклад белорусов в эту победу всячески принижался.

Приходится только догадываться, что побудило Витовта первыми пустить в бой именно татар: данные разведки о «волчьих ямах», доскональное знание тактики тевтонов или нарочито унизительный тон послания, призванный спровоцировать поспешную атаку? Так или иначе, это решение Витовта определило ход всей битвы.

Татары пересекли линию огня и уже преодолевали последний овраг перед позициями тевтонов, когда раздалась команда «огонь», но она явно запоздала: ядра просвистели в воздухе, не причинив татарам никакого ущерба. И хотя их первая линия провалилась в ямы, все же пострадали в основном кони, а потому, пока артиллеристы лихорадочно перезаряжали пушки, татары быстро выбрались из ям. Все пушкари были изрублены. Началась сеча на второй линии тевтонов.

Тем временем поляки не проявляли активности на своем фланге и продолжали стоять на месте. Ягайло получил от врага рыцарский вызов, но не

предпринял ничего и даже начал посвящать в рыцари молодых воинов, ни много, ни мало — две тысячи человек.

Примерно после часа битвы татары начали ложное отступление — тактический прием, диковинный на Западе, но стандартный для армий Восточной Европы. Оценка этого маневра вызывает споры по сей день. Поляки пишут, что татары из-за плохого вооружения не выдержали натиска и отступили. Однако, если вооружение у татар было таким плохим, почему же тогда сами поляки проигрывали им битвы? Вооружение у татар было легким, а не плохим, быстрота же и непредсказуемость маневра — их сильные стороны. Осуществление ложного отступления, чтобы оно не переросло в настоящее, требует от исполнителей исключительной дисциплины. Целью такой хитрости является завлечение преследующего противника в засаду основных сил.

Хотя битва происходила более 600 лет назад, ее новые страницы продолжают открываться и сейчас. Относительно недавно была найдена переписка тевтонов после Грюнвальдской битвы, где пишется, что недопустимо было идти на поводу такого приема, как ложное отступление. Возможно, тщательное изучение тевтонских летописей даст и ответ на вопрос, какой сюрприз был приготовлен для тевтонов в обозе. «Хроника Литовская и Жамойцкая» гласит:

> Навели немцев на свои гарматы, навевши раскочилися, а тут зараз з гармат дано агню, где зараз немцов килка тысячий полегло.

Фактически Витовту удалось сделать то, что тевтоны планировали сделать с литвинами, то есть заманить противника в артиллерийскую засаду.

Во время преследования татар тевтонские арбалетчики не могли стрелять, так как для того, чтобы зарядить арбалет, нужно одну ногу вставить в стремя оружия, одной рукой держать приклад, а второй приводить в действие натяжное устройство. Верхом на скачущем коне выполнить такое акробатическое упражнение весьма сложно. Для татар же стрельба из лука по догоняющему противнику — просто вид спорта. Рыцарям татарские стрелы не причиняли вреда, но их пажи и оруженосцы во время преследования были уничтожены. Татарам удалось использовать все преимущество своего конного строя, а тевтоны действовали по сценарию, навязанному противником.

Затем сошлись в бою тевтоны и рыцари ВКЛ. Очевидцы сообщают, что грохот тысяч мечей и копий был слышен за несколько километров от поля боя. В первой шеренге рыцарского строя бились лучшие профессионалы — обладатели двуручных мечей. Особая форма гарды и выступы на лезвии двуручного меча позволяли ломать копья и мечи противника, но фехтовать таким мечом было крайне тяжело, поэтому туда, где была проломана передовая линия обороны противника, устремлялись рыцари с обычными мечами.

Витовт, длительное время живший в Ордене, прекрасно знал рыцарское оружие и приемы его использования, а также то, что вооружение и доспехи рыцарей ВКЛ ничем не уступали тевтонским. Об этом говорит хотя бы тот

факт, что в некий момент боя поляки приняли идущий им в тыл резерв Ордена за рыцарей Витовта.

Рыцарский строй тевтонов рассыпался. В разрывах тевтонского строя свистели татарские арканы. Петлю накидывали на рыцаря или на шею коня, другой конец привязывали к своей лошади. Сорванный рыцарь становился легкой добычей кинжалов оруженосцев-литвинов.

Боевые доспехи XV века были относительно легкими, упавший рыцарь мог сам встать с земли, но сначала надо было прийти в себя после удара о землю, вытянуть ногу из-под лошади, выпутаться из стремян. В это время его должны были защищать и помогать пажи и оруженосцы. Тевтонские оруженосцы были уничтожены во время погони за татарами, и теперь каждая ошибка стоила жизни рыцарям, оставшимся без помощников.

Литвины уже который час бились с частями маршала Конрада фон Валленрода, а поляки еще не тронулись с места. Пассивностью поляков воспользовались тевтоны: Ульрих фон Юнгинген дал приказ своему правому флангу атаковать «в лоб» войска Ягайлы. Поляки бились по-простому, стенка на стенку, без татарских хитростей. Их главной задачей было не дать сбить себя с места. Такая тактика, возможно, имела бы успех, если бы не одно обстоятельство.

Великий магистр ввел в бой свой резерв. Маневр развернутого строя тевтонского резерва показал их великолепную кавалерийскую выучку: обогнув холмы через место начального построения войск Витовта, они развернулись «левое плечо вперед» и, словно дверью, захлопнули армию Ягайлы сзади. Причем приближавшихся с тыла тевтонов воины Ягайлы сначала приняли за литвинов и не проявляли беспокойства. Тевтонская рыцарская конница на всем скаку врубилась в строй поляков. Но ошибка быстро стала понятной. Ягайло со своего левого фланга отправил отряд для того, чтобы через лес, вокруг деревни Людвигсдорф зайти в тыл Ордена.

На правом фланге поляков оставались воины Витовта, так называемые «смоленские полки»: смоленская, оршанская и мстиславская хоругви. Многочасовая битва в доспехах с использованием холодного оружия требовала огромных физических затрат, поэтому обычно уставших воинов в перерывах между атаками заменяли свежими, но окруженным с трех сторон смолянам, оршанцам и мстиславцам меняться было не с кем. Несмотря на отмечаемый всеми историками их героизм, они устали и почти все погибли.

Тевтонский рыцарь Леопольд фон Кёкритц прорвался к королю Ягайле и пытался его убить. Ягайло ранил Кёкритца, а королевский секретарь Збигнев Олесницкий добил его.

Командир чешского отряда — будущий предводитель гуситов Ян Жижка, был ранен тевтонами в голову, у него вытек глаз. Среди чехов началась паника.

Убитый польский знаменосец выронил большой королевский штандарт с белым орлом. Флаг тут же был подхвачен, но тевтоны восприняли это как

божий знак и начали петь псалмы в благодарность святой Деве Марии за скорую победу.

Наступил критический момент битвы.

Разбить поляков помешали хоругви Витовта, выполнившие свою задачу по разгрому крыла Валленрода и ударившие в тыл тевтонскому резерву. Большие потери войска Витовта можно объяснить тем, что литвины за один день фактически участвовали в двух битвах — на своем и на польском фронте. Но без этого победить было невозможно: разгромив поляков, тевтоны, естественно, обрушились бы на армию Витовта.

Поле битвы стало похожим на многослойный пирог. В тылу поляков был резерв тевтонов, а у них самих в тылу литвины. Тевтоны уже заботились лишь о том, как вырваться из двух огромных котлов. Начали сдаваться тевтонские рыцари Хелминской земли. Сдали свою хоругвь и 40 оставшихся в живых наемников. Хоругви тевтонского резерва, окруженные Витовтом, не желали сдаваться православным и язычникам. Они бились до последнего и были уничтожены полностью. Пали великий комтур, великий маршал, великий казначей, великий шатный, девять комтуров и другие знатные рыцари.

Великому магистру предложили бежать с поля боя, на что он ответил: «Не дай бог мне покинуть это поле, где лежит столько знатных рыцарей, не дай бог». Польские историки пишут, что магистра убил неизвестный простолюдин. Белорусские историки считают, что это сделал татарский мурза Багардин.

Остатки тевтонского войска засели в обозе, расположенном на окраине деревни Грюневальд (или, по некоторым источникам, Грюнефельд). Туда собирались хозяйственные и вспомогательные подразделения, не участвовавшие в битве, а также остатки боевых частей с поля боя. На приступ обоза была отправлена польская пехота, и это обстоятельство стало роковым в судьбе оборонявшихся: пехота состояла из холопов, не имевших права брать выкуп за пленных рыцарей. Кроме того, именно крестьяне больше всего страдали от тевтонских набегов, поэтому в плен они не брали.

На следующий день на поле нашли тела великого магистра и главных тевтонских сановников. Разгром Ордена был полным, что, однако, не привело к уничтожению орденского государства в Пруссии.

После разгрома на Грюнвальдском поле новым магистром стал Генрих фон Плауэн. И для Польши; и для ВКЛ новая война с Орденом казалась неизбежной, вот почему Витовт и Ягайло сочли необходимым более тесное объединение сил. С этой целью в октябре 1413 года в Городце над Бугом собрались не только сами монархи, но и элита обеих держав: польские паны и боярство Великого Княжества. Принятые ими грамоты стали актами новой, Городельской унии.

Казалось бы, уже была одна уния — Кревская, принятая в 1385 году. Но присмотримся внимательнее к ее истории.

Витовт и Ягайло были друзьями детства и юности. Их отцы, князья Кейстут и Ольгерд, соправительствовали в Великом Княжестве Литовском. Тоже, наверное, знались по-дружески, но кончилось тем, что Кейстут арестовывал сына Ольгерда Ягайлу, а Ягайло умертвил отца Витовта, Кейстута. Витовт и Ягайло стали непримиримыми соперниками. И все же...

Ягайло был великим князем Литовским, а став королем Польши Владиславом, пригласил на княжение в Литву Витовта. Его политика отвечала интересам и элиты (магнатов), и многочисленной шляхты — тогдашнего польского «среднего класса», — но государство нуждалось в союзе с Литвой. Княжество Литовское было больше; королевство польское — культурнее. И вот два государя, друзья-враги, якобы еще в 1385 году объединили Польшу и Литву.

Согласно традиционной истории, Кревская уния — это фундаментальный документ, определивший устройство некоего совместного государства. Подписал унию, как полагают, Ягайло, но сам он нигде и никогда не ссылался на такой документ. Может, его и не было? Иначе как объяснить нужду в оформлении все новых и новых объединений: в 1413 году, в 1444-м... Ведь когда наследник Ягайлы — молодой король Владислав, пропал без вести в битве с турками под Варной (1444), его брат, Казимир Ягайлович, правивший в это время в Литве, оказался одновременно наследником польской короны и правителем Великой Литвы; он-то и соединил эти два государства под властью одного монарха. Своей столицей он выбрал Краков.

Возможно, тогда и была сфальсифицирована Кревская уния, как историческое основание к союзу двух стран. Причем, даже если и подписали некий подобный документ в 1385 году, до правления Казимира он оставался пустой бумажкой: Польшей и Литвой правили разные монархи, они вели независимую политику.

Теперь вернемся к Городельской унии 1413 года.

Первой ее грамотой объявлялось объединение государств, однако тут же была четко признана самостоятельность ВКЛ: княжество сохраняло право на существование и после смерти Витовта. Правда, Великого князя в таком случае можно было выбрать только по согласованию с Ягайлой и его придворным советом. В свою очередь, поляки брали обязательство не избирать короля после Ягайлы, не согласовав кандидатуру с великим князем и его боярством.

Принявшим католичество панам и боярам ВКЛ подтверждались все старые привилегии, а также были гарантированы новые. Католики получили право полного распоряжения своей землей и широкие политические свободы; их повинности ограничивались возведением укреплений и участием в военных походах на свои средства. По польскому образцу в ВКЛ создавались воеводства (вначале только Виленское и Трокское), однако право на занятие должностей в них и все привилегии имели только католики.

Православные земли — Витебская, Полоцкая, Смоленская — не участвовали в Городельском съезде, акты унии их не касались. Они оставались в государстве автономными территориями.

В целом акты Городельской унии сделали католичество привилегированной религией, усилив нестабильность в этом и без того нестабильном регионе. Конечно, постановление, запрещавшее православным занимать важные государственные должности, не всегда и не обязательно выполнялось, все же оно стало серьезной причиной внутреннего разлада в государстве, так как подвергало дискриминации значительную часть населения Княжества и предопределило дальнейшее (при московском царе Иване III) бегство части земель под руку Москвы.

Современный историк А. Торопцев с удивлением констатирует:

> Странной может показаться ситуация в Восточной Европе на рубеже XIV–XV вв.: Тохтамыш разорил Москву, а его дети нашли там приют. Витовт породнился с Василием I, мечтал покорить его, а в 1422 г. в войне с Тевтонским орденом ему помогали московская и тверская дружины. Одни ордынские ханы помогали великому князю в борьбе против Литвы, а другие делали с точностью до наоборот (см. А. П. Торопцев. «Москва, путь к империи», с. 190–193).

Недоумение историка вполне понятно, однако оно легко рассеивается, если принять во внимание, что речь идет о семейной распре внутри единой династии. В 1399 году князь Витовт (католик), тесть московского князя Василия I (православного) и сюзерен Тохтамыша (язычника), объявил, что теперь он будет брать дань в Орде и чеканить ордынскую монету со своим изображением (княжеские печати Витовта и Василия, кстати, совершенно идентичны).

Хан Темир-Кутлуй (язычник) пытался оспорить притязания Витовта, однако, приехав в Литву на переговоры, вынужден был признать, что Витовт старший в семье. В спор родственников вмешался эмир Едигей (мусульманин), заявив, что Витовт, конечно, старше и Темир-Кутлуя и Василия, но уж зато моложе его, Едигея!

Тогда Витовта поддержал старый и всеми уважаемый член правящей династии — Ягайло, но он не смог диктовать условия. Распря среди родственников переросла в войну, в результате которой Витовт проиграл и вынужден был отказаться от притязаний на единоличную власть. Здесь даже традиционная история свидетельствует, что распря князей-ханов-эмиров — «католика», «православного», «мусульманина» и «язычника» — была, по сути, семейным делом.

В 1426 году, после смерти зятя Василия I, Витовт предпринял свой последний поход на Москву. Под его знаменами, как пишет Карамзин, были «даже богемцы, волохи и дружина хана татарского, Махмета». Богемцы — это

чехи и немцы, волохи, в контексте цитаты, — румыны, а «дружина Махмета-татарина» — это турки!

Затеянный им гигантский интернациональный поход на Москву закончился ничем — якобы «из-за страшной бури, ниспосланной провидением». Москва, ведомая энергичной дочерью Витовта Софьей, устояла!

Тут Витовт наконец-то успокоился и в 1430 году незадолго до своей смерти закатил многонедельный пир, на котором гуляли «все венценосные правители Восточной Европы», включая Ягайлу, православных митрополитов, папских легатов, византийских патрициев, татарских ханов, прусского магистра-датчанина и прочих. (Интересно, что сразу после смерти Витовта, в 1431—35 годы, и в католической, и в православной церкви произошел раскол, а в Крыму появился воспитанник Витовта — мальчик Хаджи-Девлет, основатель династии крымских ханов-царей-киреев, то есть Гиреев).

1430. — Смерть Витовта.

1430. — Начало распада Золотой Орды.

1430—1432. — Княжение в Литве великого князя Свидригайлы.

1432. — Новгород перешел под покровительство Свидригайлы.

1432—1434. — Гражданская война в Литве.

1432. — Начало княжения в Литве великого князя Сигизмунда Кейстутовича (до 1440).

1432. — Феодальная война в Московии: сыновья покойного князя Галицкого и Звенигородского Юрия, Василий Косой и Дмитрий Шемяка, вели войну с Василием II за обладание Москвой (до 1453 года).

1436. — Образование Казанского ханства.

Витовт не создал механизма легитимной передачи власти, и его смерть в 1430 году разожгла беспорядки, приведшие к гражданской войне, — враждующие стороны возглавляли Сигизмунд Кейстутович и Свидригайло Ольгердович, следующие сыновья Кейстута и Ольгерда. Чтобы сбить остроту религиозного противостояния, Сигизмунд издал Трокский привилей (6 мая 1434 года), которым позволял иметь шляхетские гербы и привилегии православным «русинам», чтобы между народами княжества «не было никакого разлада и чтобы они пользовались равными милостями».

После гражданской войны часть элиты ВКЛ нашла себе пристанище при дворе Софьи Витовтовны в Москве. Они, а позже византийцы, приехавшие из Рима с другой Софией — Палеолог, станут ядром оппозиции Вильне и Кракову.

В 1438—1439 годах проходил церковный собор в Ферраре и во Флоренции, который провозгласил объединение католической и православной церкви под властью папы. Последовавшие события привели к исчезновению Византийской империи в ходе гражданской войны, — ведь здесь тоже была религиозная чересполосица. Наконец, в 1453 году Константинополь взяли турки. Но турки — это не пришлый народ, а коренные византийцы агрянско-

го (мусульманского) толка, и на их стороне были те из православных, которые не признали решений Ферраро-Флорентийского собора.

Племянница погибшего византийского императора, София Палеолог, жившая при дворе папы римского Павла II, в 1472 году была сосватана за московского князя Ивана III. С нею в Москву приехали и бывшие императорские сановники. Так в Москве появилась прослойка лиц, умевших и желавших организовывать власть по «византийскому» образцу. Началось массовое заимствование имперских символов и порядков. В то время когда Польша вела активную полонизацию и окатоличивание белорусских и прочих земель ВКЛ, — что воспринималось православными как захват их земель папством, — Москва становилась притягательной для многих русских князей Литвы и сама, в свою очередь, вела христианизацию народов Поволжья.

При Иване III (1462—1505) закончился Владимирский период российской истории и начался Московский.

1468. — Принятие Судебника великого князя Казимира Ягайловича, первого свода законов ВКЛ.

1478. — Присоединение к Москве Новгорода, конфискация земель новгородских бояр.

1480. — Падение «татаро-монгольского ига».

1485. — Присоединение к Москве Твери.

1492—1506. — Княжение в Литве Великого князя Александра.

1492—1494. — Первая война Московии с ВКЛ.

Казимир Ягайлович находился у власти с 1440 до 1492 года. Это было в целом благодатное время для страны. Хозяйство развивалось, население росло. Судебный кодекс, написанный на старобелорусском языке, систематизировал правовые нормы о наказаниях за уголовные преступления и о повинностях граждан. Правда, параллельно с существованием Судебника, который использовался только в центральных областях государства, другие земли пользовались своим собственным правом.

Вильня начала терять инициативу еще в начале правления Казимира Ягайловича, подписавшего в 1449 году «вечный мир» с Москвой: Великое княжество отказалось от активной роли на сопредельных землях, и московский князь смог вскоре подчинить себе Тверь, а затем Рязань. Новгород Великий перед угрозой подчинения Москвы сам просил помощи у Казимира Ягайловича, но тот не сделал практически ничего для поддержки Новгородской республики.

Казимир на удивление спокойно относился к усилению восточного соседа; его политику в отношении Москвы иногда называют «странной». Эту странную политику разные историки объясняют по-разному. Однако истинные причины нам неизвестны.

Но в целом Казимир Ягайлович, заботясь лишь о безопасности собственной власти, создал юридическую коллизию, ставшую поводом для нескон-

чаемых войн по захвату территории Великого княжества то Польшей, то Москвой.

Еще в 1480-е годы Иван III после брака с Софией Палеолог, позаимствовав у византийских цезарей и герб, и политическую доктрину, потребовал от великого князя Казимира «Полоцка, Витебска, Смоленска и всех иных земель русских». И как только умер Казимир Ягайлович, московские воеводы двинулись на запад, заняли Любуцк, Мценск, Мосальск, Серпейск, Вяземщину. Сил для противодействия у Литвы не было. Смоленский воевода Юрий Глебович сумел было возвратить несколько захваченных городов, однако в 1493 году московское войско продвинулось еще дальше.

Новый великий князь Литвы, Александр, направил к Ивану своих посланцев с жалобами и предложениями. У хана Заволжской Орды и короля Польши он просил помощи, крымского хана пытался склонить на свою сторону, однако никто не спешил на выручку. Мир с московским правителем удалось подписать лишь в 1494 году. По этому договору Вильня теряла громадные территории, в частности Вязьму и земли в верховьях Оки.

Мирное соглашение закрепили женитьбой Александра на дочери Ивана, Елене. Что интересно, родство монархов не улучшило взаимоотношения государств, так как Иван продолжал «давить» на Александра и в конце концов, ссылаясь на преследования православной церкви, в 1500 году еще до объявления войны начал боевые действия.

4. ЗАКАТ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО

1498. — Полоцк ввёл магдебургское право.

1499. — Магдебургское право получил Минск.

1500—1503. — Война Московии с ВКЛ.

1506—1548. — Княжение великого князя Сигизмунда Старого.

1506, 5 августа. — Разгром белорусскими войсками под началом Михаила Глинского крымских татар под Клецком.

1507—1508 и 1512—1522. — Войны Московии с ВКЛ.

1514, 8 сентября. — Победа 27-тысячной армии ВКЛ во главе с гетманом Константином Острожским над 40-тысячным московским воинством под Оршей.

Это одна из самых крупных битв Европы того времени. Поражение московского войска от белорусско-польского уступает по масштабам разве что только 22-му июня 1941 года. Некоторые авторы добавляют, что для Московии это была катастрофа. Тут они не вполне правы: катастрофа слово слишком сильное. Петра I еще и не так бивали. Поэтому не будем о катастрофе, но согласимся — битва 1514 года замалчивается российской историографией, что лишний раз показывает нам политическую направленность любой национальной исторической школы.

1529. — Принят первый Статут ВКЛ.

1533–1584. – Правление в Московии Ивана IV Грозного.

1534–1537. – Война Московии с ВКЛ.

1548–1572. – Княжение великого князя Сигизмунда Августа.

1557. – Принят «Устав на волоки», закон, установивший деление всей государственной земли на волоки (= 21,36 га); волоки делились на три поля, то есть вводилась трехпольная система земледелия, с различением земель по качеству. В крестьянские наделы отдавались части волоков, а налоги с крестьян исчислялись пропорционально волокам.

1558–1683. – Война Московии с Ливонским орденом, ВКЛ и Польшей.

1559. – Ливонский орден перешел под протекторат ВКЛ.

1563, февраль. – Войска Ивана IV захватили Полоцк.

1564, январь. – Разгром московского войска на реке Улле.

1566. – Второй Статут ВКЛ.

1569. – Объединение Великого Княжества Литовского и Польского королевства в Речь Посполитую в результате Люблинской унии.

5. Республика обоих народов — Речь Посполитая

Геополитические процессы вели к перемене роли государств на международной арене. Как когда-то Жамойтия была разменной монетой во взаимоотношениях между ВКЛ, Польшей и тевтонами, так теперь уже само ВКЛ превращалось в такую «монету». Позже и Польша, вместе с другими «пограничными» странами (лимитрофами), находящимися на стыке двух систем, Западной Европы и России, стала такой монетой.

В XVI столетии политическая эволюция мира уже не оставляла Княжеству Литовскому – «пограничному» в геоклиматическом и стратегическом отношении образованию, – иного выхода. Не сумев стать объединителем всех русских земель, оно неминуемо должно было сделать выбор и присоединиться либо к Московии, либо к Польше. Внутри самой страны были тогда разные мнения на этот счет.

Шляхта Княжества, собравшись на полевой сейм под Витебском, уже в 1562 году приняла обращение к Сигизмунду Августу с просьбой об объединении с Польшей для создания «общей обороны». В 1563 году варшавский сейм, при участии делегации ВКЛ, начал официально обсуждать условия такого объединения. Польская сторона, ссылаясь на старые акты времен Ягайлы, добивалась полной инкорпорации Княжества в состав Польши, но послы Литвы желали равноправного союза. Сохранение независимости Великого Княжества в предполагаемом союзе было принципиальной позицией литовских магнатов – Радзивиллов, Хадкевичей, Валовичей и других.

Споры продолжались не один год, между тем трудности войны все острее требовали новых сил, а конкретно – военной помощи от Польши. Шляхта, наиболее страдавшая от неравной борьбы с Москвой, соглашалась на польские условия и просила монарха срочно созвать общий сейм для подписания унии.

Совместный сейм для рассмотрения вопроса об объединении собрался в январе 1569 года в Люблине. Вновь обнаружились принципиальные расхождения в предложенных делегациями условиях объединения. Польские сенаторы и послы Литвы даже свои совещания проводили отдельно. Поляки обратились к королю Сигизмунду Августу, чтобы тот заставил литвинов присоединиться к коронному сейму и принять польские условия. Возмущенная делегация Княжества оставила Люблин. Тем временем польские паны, используя момент, добились присоединения к Короне части земель ВКЛ — Подляшья и Волыни. Затем точно так же были инкорпорированы Киевское и Брацлавское воеводства.

В Вильне возмущались, даже рассматривали возможность войны с Польшей, но еще более ослабленному потерей богатых территорий Княжеству не оставалось ничего иного, как вновь прислать делегацию на Люблинский сейм. Магнаты-литвины делали все, чтобы отстоять максимальную самостоятельность своего государства.

В конце концов, 1 июля 1569 года присягой присутствующих сенаторов и послов был принят акт государственной унии — явно компромиссный, поэтому противоречивый по содержанию. Польское Королевство и Великое Княжество Литовское объединялись в «одну общую Речь Посполитую» с одним монархом (король польский являлся одновременно и Великим князем) и сеймом. Предусматривались также единая монета и единая внешняя политика; на всей территории объединенного государства провозглашались равные права шляхты.

Однако помимо унитарных принципов акт содержал и нормы федеративного объединения: Великое Княжество сохраняло свое название и титул монарха, собственную армию, систему государственных должностей, казну и даже право. Правда, предусматривалась переработка Второго Статута, чтобы приблизить его к польскому своду законов, — но почему-то получилось так, что новый кодекс, Статут 1588 года, наоборот, еще больше отмежевал Литву от Польши.

Главное, чего, по мнению сторонников унии, удалось добиться — это победного завершения войны с Московией. Но Речь Посполитая оказалась государством, способным эволюционировать в любую сторону: к унитаризации, или к обособлению объединенных стран, или, как показала дальнейшая история, к развалу и исчезновению.

1573. — Правление короля и великого князя Генриха Валуа.

1576—1586. — Правление короля и великого князя Стефана Батория.

Август 1579. — Освобождение Полоцка от московитов.

1579. — Преобразование Виленского коллегиума в академию — первое высшее образовательное учреждение в Восточной Европе.

Около 1580. — Появление белорусского перевода Евангелия.

1581. — Появление главного литовского трибунала — высшего судебного и апелляционного органа ВКЛ. Открытие в Полоцке иезуитского коллегиума.

1587—1632. — Правление короля и великого князя Сигизмунда Вазы.

1588. — Третий Статут ВКЛ.

Продолжался сдвиг земель Белой Руси в сторону Запада, что сильно волновало Москву.

9 октября 1596 года Церковный собор в Бресте объявил объединение (унию) католической и православной церквей Речи Посполитой. Богослужения в униатских храмах устанавливались по православным канонам и велись на белорусском и украинском языках, но главой церкви стал папа римский. «Переделка» православных «под папу» шла столь активно, что уже в следующем столетии 75% населения белорусских земель было униатами и только 6,5% православными. Эти данные, вероятно, искажены в сторону уменьшения православной части населения, но превалирование униатства бесспорно.

Также активно внедрялся «польский» (противоположный «византийскому») способ управления. Эта своеобразная «демократия» поразительно быстро ослабляла государственную власть. К XVII веку льготы и привилегии шляхетству превзошли все разумные пределы: каждый пан имел право содержать свою дружину (без ограничения ее численности), с помощью которой мог добиваться от короля отмены не устраивавшего его закона, а принятие сеймом любого акта мог заблокировать даже голос одного шляхтича. Демократия стала скатываться к анархии.

1600. — Начало войны Речи Посполитой со Швецией, длившейся почти 30 лет.

1609—1618. — Война Речи Посполитой с Россией, в ходе которой чего только не было: трое «Лжедмитриев», захват Москвы (в сентябре 1610) и даже избрание на московский трон польского королевича Владислава...

1618. — Деулинское перемирие между Россией и Речью Посполитой: ВКЛ вернуло себе Смоленщину, Черниговщину и Новгород-Северскую землю с 30 городами. Перемирие было подписано 1 декабря 1618 года в деревне Деулино, недалеко от Троице-Сергиева монастыря.

В это время все еще продолжалась война Речи Посполитой со Швецией, начавшаяся в 1600 году.

До начала XVII века Швеция была бедной малонаселенной страной, окраиной Европы. Единственное богатство — железные рудники. И вот в 1610-е годы строительство каменных домен с мощной системой поддува, дающей более высокую температуру, позволило резко улучшить качество литья. В итоге Швеция создала новинку, которая в дальнейшем сформировала контуры европейской истории, — чугунные гаубицы.

В те времена пушки отливали преимущественно из меди, причем стенки ствола делали настолько толстыми, что орудия было трудно возить из-за

их тяжести. Шведы сумели наладить производство легких чугунных пушёк. Правда, из них можно было стрелять лишь картечью на сравнительно небольшие дистанции, но зато отныне артиллерия могла сопровождать пехоту на поле боя; каждый полк шведской армии получил по две легкие пушки.

Полковая артиллерия оказалась всесокрушающим оружием. Когда шведская армия во главе с королем Густавом Адольфом высадилась в Германии, в битве при Брейтенфельде шведские гаубицы расстреляли армию императора Фердинанда II. Шведы быстро стали хозяевами Центральной Европы; за 20 лет войны им удалось сжечь 20 тысяч городов и деревень! Когда их армия обрушилась на Польшу, это был страшный «потоп»: были разграблены почти все польские города, погибла половина поляков.

К 1648 году Речь Посполитая представляла собой место жалкого существования нищего и озлобленного народа. Выросли два поколения людей, никогда не видевших мира. Длительная интенсивная война уносила огромное количество жизней. Вспышки недовольства запорожских казаков постепенно перерастали в восстания; 30-летняя война 1618–1648 годов без перерыва перешла в гражданскую войну 1648–1654. Попытки нового короля Яна Казимира подавить казачьи выступления дали обратный эффект: движение украинцев против его власти стало всенародным. Спасаясь от карательных экспедиций поляков, Богдан Хмельницкий попросил помощи у Москвы.

Правительство царя Алексея Михайловича внимательно следило за событиями, происходившими у соседей. Защита запорожцев от польского короля стала прекрасным предлогом для начала войны, и 100-тысячная армия устремилась на запад. Обессиленная Речь Посполитая смогла собрать лишь 10 тысяч человек, которые выиграли несколько пограничных сражений, а затем были просто смяты. Одновременно с севера на польские земли напала Швеция и за короткий срок дошла до Чехии.

Для Белой Руси это была самая кровавая и опустошительная война в ее истории. Действия московских войск в Белой Руси, как и действия шведских — на территории Польши, из-за количества пролитой крови называли «потопом». Причем расправлялись не только с униатами, но и с православными. Могилёв решил открыть городские ворота, о результате сообщает могилевский полковник Поклонский:

> ...лупление домов Божих, что и от татар бывало; а христиан наших, которые в повседневном гонении от униатов пребывали, ныне в вечную неволю забрали, а иных помучали; а какие безделия над честными женами и девицами чинили...

Между тем «польская» система власти опять явила себя в полной красе. Собиравшиеся на сеймы шляхтичи никак не могли договориться о противодействии захватчикам, ведь принцип Liberum veto позволял принимать законы только при единогласном одобрении его всеми панами. Практически ни одно решение, каким бы оно ни было полезным, не могло быть принято.

Власть короля также была неэффективной: многочисленные льготы и привилегии сделали дворянство неподвластным никому. Мало того, что каждый дворянин был самовластен, так еще, согласно законам государства, шляхта, недовольная решениями короля, могла собираться в конфедерации и с оружием в руках добиваться отмены его указов. Вместо обороны страны дворянство боролось с королем и с другими шляхетскими группировками.

В конце концов поляки и белорусы изгнали всех захватчиков — и шведов, и венгров, и московитов, но ужасной ценой. Обе страны лежали в руинах, население и Польши, и Беларуси сократилось вдвое.

1700—1721. — Война России против Речи Посполитой. Военные действия проходили на территории Беларуси, унеся жизни третьей части населения. Войска Петра действовали в Белой Руси крайне жестоко. Но мы не будем поддаваться эмоциям, а просто отметим, что религиозные противоречия того времени, если их правильно прочесть, добавят многое в понимание событий. Ведь на Руси прошла реформа Никона, а в Беларуси — нет. Михалон Литвин еще в конце XVI века писал, что «московиты тех, кто не выполняет предписания их веры, заставляют переходить в нашу или романскую».

Религиозная картина Польши и Литвы того времени не проста. Нынешняя история Русской православной церкви показывает ее читателю так, будто в конце XVI — начале XVII веков она была страной воинствующего католицизма, проводником антиправославия. У белорусских историков можно прочесть, что тут сохранялось православие. Цифровые данные говорят о превалировании униатства. Но вот что пишет А. Я. Ефименко о религиозном состоянии Речи Посполитой после Люблинской унии 1569 года:

> Польша в половине [в середине. — *Авт.*] XVI века готова была сделаться страной протестантской. Брожение религиозной мысли проникло и в Южную Русь... Из различных сект, на первых порах, большим успехом пользовался в среде южно-русского дворянства кальвинизм... Скоро на смену кальвинизму явилось антитринитрианство, считавшее своим родоначальником сожженного Кальвином Сервета, и легко вытеснило своего предшественника почти отовсюду. Со своим отрицанием Св. Троицы, божественности Христа, благодати, предопределения — это учение не вмещалось даже в рамки религии христианской...
>
> Здесь в половине XVI века ожила было ересь жидовствующих в учении Феодосия Косого, Матвея Башкина и др. и нашла себе в свободолюбивом и терпимом Литовско-Русском государстве тот приют, какого она не могла найти на родине... Как бы то ни было, учение Феодосия уступает место менее крайнему направлению того же религиозного рационализма. В Южной Руси водворяется учение Фауста Социна, известное под названием социнианства или арианства.
>
> Ариане окончательно овладевают положением и удерживают его за собою до тех пор, пока их не смыла, уже к половине следующего века, все

возраставшая тем временем и крепчавшая волна католической реакции... Из недр католицизма... выдвинулись новые борцы за римскую церковь небывалой силы и значения — иезуиты (см. А. Я. Ефименко. История украинского народа, с. 168—169).

Эта картина разительно отличается от той, что рисует нам РПЦ или белорусская историография. Здесь, помимо только что народившихся иезуитов, чего только нет: и кальвинисты, и «ересь жидовствующих», разгромленная в Московии лет за 50 до того, и явное иудеохристианство — «антитринитрианство». Здесь и еретики-ариане, которых, по традиционной истории, якобы вывели еще в VI веке (!), не считая неупомянутых армянских церквей и татарских мечетей, построенных в тех же местах и в то же время, в частности, при короле Стефане Батории — человеке «свободомыслящем в полном смысле этого слова».

А вот изумительное по содержанию определение Брестского собора 1590 года (оно повторяет осуждение Константинопольским патриархом Иеремией «чрезмерного уважения южнорусского народа к пасхальным снедям»):

Межи многими иными соблазны в епископиях митрополии нашеи обретеся некая соблазна, вымышленная паска злых еретических наук, яко в день Воскресения Христова носят до церкви хлебы и мясы посвящати, и взявши в домы своя, с набожеством великим уживают, яко бы некую святость законную, ругаючися Господу нашему Иисусу Христу [нанося этим оскорбление Господу. — *Авт.*], истинной пасце нашей, который за всех верных даде себе поживати, тело и кровь свою, а не так, як сии, уподобившеся неверным жидом [евреям. — *Авт.*] паску себе от хлеба и мяса составляют (см. «Акты, относящиеся к истории юго-западной России», т. IV, с. 29—30).

Немудрено, что после такого внушения послушные своему патриарху члены Львовского братства вообще перестали приносить в церковь пасхальные снеди для освящения, после чего их епископ Геннадий был вынужден спешно дезавуировать запрет своего начальника:

Нехай будут по стародавнему обычаю христианскому приносы в церковь и посвящение брашен на Воскресение Христово... (там же, с. 40).

Однако это заявление содержит одну тонкость: вместо патриаршего «хлеба и мясы» Геннадий употребил слово «брашно». А этим словом в церковнославянской практике всегда обозначалась исключительно мучная пища. Тем самым хитрый Геннадий сумел обойти впервые изданный запрет на освящение мясной пищи, то есть пасхального агнца иудеев, обозначавшего жертвоприношение.

Это жертвоприношение и имел в виду в своем осуждении патриарх Иеремия, употребив глаголы «уживати», «поживати», почему изобретательный

Геннадий и заканчивает свое разъяснение так: «...жебы с посвящения тых брашен не волховали и чар не плодили, яко о том слышится». Иными словами: ешьте, ребята, освященную пищу на здоровье, но не занимайтесь при этом ворожейством, как о том говорят. Вот с какого момента иудейская и христианская пасхи стали реально различаться! И это не 33-й год от Рождества Христова, а 1591-й...

Приведенные пространные цитаты показывают, что на рубеже XVI—XVII веков на стыке латинского и греческого миров конфессиональные институты яростно сражались за власть над паствой.

Православный монархист Н. Н. Воейков с возмущением писал, что «в некоторых местах евреи-арендаторы требовали платы за совершение православных богослужений!» (Воейков Н. Н. Церковь, Русь и Рим, с. 400, 452). А вот еще характерный пассаж из «Истории Руссов» Конисского (с. 48—49), относящийся к 1625—1635 годам:

> Пасхальные хлебы, продаваемые в городах, содержались под стражею урядников польских. Имевший на груди своей надпись «униат» покупал паску (то есть пасхальный хлеб) свободно, не имевший этой надписи платил пошлину в 38 польских грошей.
>
> Во многих местах этот пасочный сбор был отдан на откуп евреям, которые взимали эту дань без пощады... В первый день Пасхи, когда православные приносили в церкви оплаченные уже паски, евреи, из опасения подлога, являлись на погост церковный, присутствовали при освящении пасок и тут же помечали мелом или углем как базарные, так и дома испеченные паски, оплаченные налогом.

Вот так-так! Мыслимо ли сегодня увидеть нынешних ортодоксальных иудеев на церковном погосте при освящении нынешних православных пасок?! Впрочем, дело совсем не в евреях, а в том, что таковой была ситуация с верованиями в Польше и Литве, — а именно, была она нестабильной и могла развернуться в любую сторону, — вот почему православное население ВКЛ стремилось воссоединиться с Москвой, ведь любая общественная структура желает выживать. И то, что солдаты Петра I притесняли православных, говорит лишь о том, что мы не все знаем о том православии. Кстати, Петр даже в России православную церковь «задавил» государственным авторитетом.

СОФИЯ МИНСКАЯ И ПОЛОЦКАЯ, КОРОЛЕВА ДАНИИ

Максим Петров

Имя этой королевы сегодня неизвестно в Беларуси. Между тем женщина, которая вошла в европейскую историю как «Sophie av Minsk og Polotzk», была женой одного из самых могущественных королей датской истории и основательницей (по материнской линии) датской королевской династии. Ее дети сидели на датском, шведском и французском тронах. Беларуская история раскрыла еще одну свою удивительную страницу.

Дочь князя минского, а позже и полоцкого Володаря Глебовича, София родилась около 1141 года, скорее всего — в Минске*. В середине XII века Полоцкая земля находилась на вершине своей мощи. Полоцкое государство не только владело замками Кукенойс и Герцике в нижнем течении Западной Двины (сегодня это территория Латвии), но и контролировала Рижский залив и вместе с ним Восточную Балтику.

Минский князь Володарь в то же время был еще и князем Полоцким. Он принадлежал к династии Рогволодовичей, чью родословную Олег Латышонок выводит от Германариха**. Женою Володаря была польская княжна Рыкиса. Не исключено, что Володарь познакомился с нею, скрываясь в Польше. Там он спасался от киевского плена и ссылки в Византию.

Рогволодовичи вели активную внешнюю политику, поэтому не должен вызывать удивления заключенный в декабре 1157 года брак 16-летней дочери князя с датским королем Вальдемаром I, одним из самых могучих королей в датской истории (1131—1182, на престоле — с 1157 г.) из династии Эстридсенов***.

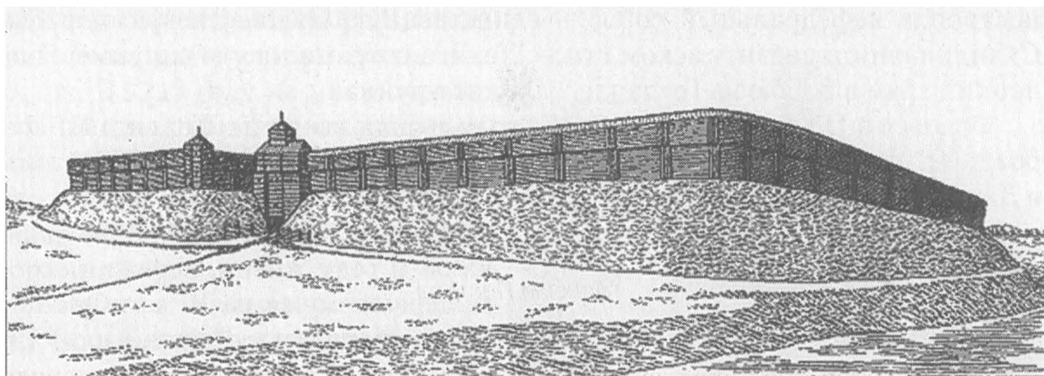
---

* Сам Володарь — сын минского князя Глеба Всеславича; год рождения неизвестен, умер он после 1167 года. — *Ред.*

** Германарих — глава протогосударства восточных готов в IV веке н. э. По версии готского историка Иордана, прожил 110 лет (265—375), а жизнь окончил самоубийством, принеся себя в жертву богам, чтобы его воины победили гуннов. У Германариха были три дочери и один сын.

Но О. Латышонку трудно верить, так как он многократно уличен в выдумках и в подтасовках текстов. Более вероятно происхождение династии Рогволодовичей от западных славян. Эту версию сейчас доказывают сразу несколько исследователей. — *Ред.*

*** Вальдемар I был сыном принца Канута Лаварда, старшего сына короля Эрика I. А его мать — Ингеборга Киевская, дочь Мстислава I Владимировича, великого князя Киевского (в 1125—1132 гг.) и Кристины Шведской. Отец Вальдемара (Канут) погиб в бою за несколько дней до рождения сына. Мать дала ему это имя в честь деда — великого князя Владимира Мономаха. Именно Вальдемар I в 1169 году захватил остров Аркона (ныне Рюген), где находился главный культовый центр полабских славян-язычников. Династия Эстридсенов царствовала в Дании 365 лет, с 1047 по 1412 год. — *Ред.*

Панорама минской крепости. Реконструкция Э. Загорульского

Записи об этом браке содержатся в летописях XII века «Славянская хроника» Арнольда из Любека и «Деяния датчан»* Саксона Грамматика, а косвенные упоминания о Софии есть в других западноевропейских источниках. Их нашел белорусский историк Андрей Котлярчук, работающий в Стокгольмском университете. Ранее эти надежные источники просто не привлекали внимания беларуских историков. Поэтому о Софии Володаровне нет упоминания даже в шеститомной «Энцыклапэдыі гісторыі Беларусі»!

София

Семейная жизнь Вальдемара и Софии была счастливой. София родила двух сыновей и шесть дочерей. Две из них, по тогдашней полоцкой традиции, избрали путь монахинь, затворившись в монастыре. Остальные вступили в брак с тогдашними государями Европы.

Сама София принимала активное участие в общественной жизни Дании. В городе Калунборг** (Kalundborg) она

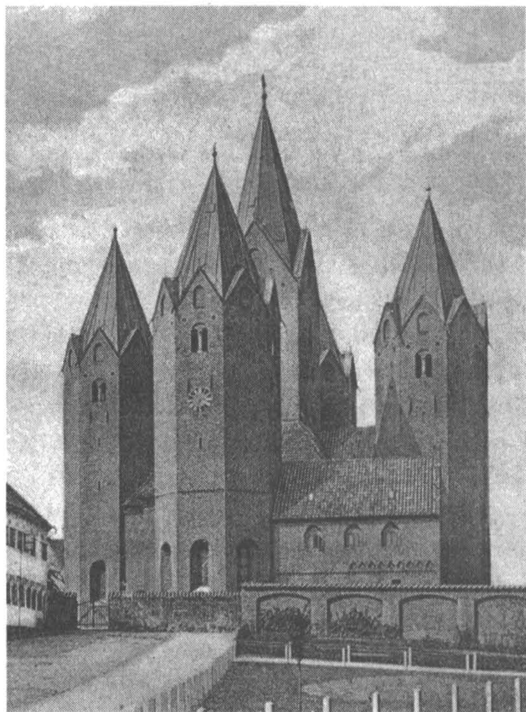
* «Славянская хроника» монаха Арнольда из Любека (умер в 1212 г.) охватывает период с 1171 по 1209 год.

«Деяния датчан» написал секретарь Абсалона, архиепископа Лундского (1128—1201). Именно Абсалон руководил датской политикой при Вальдемаре I и его сыне Кнуде IV. — *Ред.*

** Калунборг расположен на западном берегу острова Зеландия, от него 90 км до Копенгагена, находящегося на восточном берегу. — *Ред.*

построила кафедральный собор — единственную средневековую церковь Скандинавии в византийском стиле. Те, что сохранились — например, полоцкий храм в Висбю на Готланде, — лежат в руинах.

Овдовев в 1182 году, София в 1184 году вышла замуж за Людвига III Набожного, ландграфа Тюрингского, но в 1190 году развелась с ним и вернулась в Данию.

Церковь Марии (Богородицы) в Калунборге

София умерла 5 мая 1198 года, на 58-м году жизни, пережив своего первого мужа на 16 лет. Она похоронена рядом с Вольдемаром I в королевской усыпальнице в городке Рингстед. Известны два ее «официальных» портрета, но вряд ли они соответствуют оригиналу: первый нарисован в 1580 году (через 382 года после смерти королевы), второй — в 1757 (через 560 лет).

Интересная судьба ждала детей Софии и Вальдемара, соответственно, внуков Володаря Глебовича:

Ингеборга вышла за короля Франции Филиппа II Августа (1165—1223, король с 1180);

Рихиза (1174—1220) — за короля Швеции Эрика Кнутссона (1180—1216, король с 1204);

София-младшая вышла за князя Арлемундского Зигфрида;

Гелена стала женой князя Люнебургского Вильгельма (1184—1213)*.

Сыновья Кнуд IV (1163—1202) и Вальдемар II (1170—1241) поочередно унаследовали отцовский престол.

Муж Ингеборги, Филипп II Август, в 1189—1191 гг. руководил 3-м крестовым походом; он же утвердил первый устав парижского университета Сорбонна. Но как муж он оставлял желать много лучшего. Увидев возможность увеличить свои земельные владения за счет приданого, бросил Ингеборгу, за что папа Инокентий III в 1200 году отлучил его от церкви и наложил интердикт на Францию. Тем не менее, король выпустил Ингеборгу из замка и стал жить с ней как с королевой только после смерти ее соперницы Агнессы. Таковы были тогдашние нравы.

* Вильгельм был младшим сыном знаменитого герцога Генриха Льва (1129—1195) из династии Вельфов. Город Люнебург, центр одноименного княжества, находится в 50 км выше от Гамбурга по течению Северной Эльбы. — *Ред.*

Что касается Вальдемара II, то он продолжил датскую экспансию на восток. В 1219 году на месте захваченного замка Линданиса этот сын Софии Минской основал Таллинн (что значит «датский замок») — который является сейчас столицей Эстонии.

Возникает вопрос, почему имя королевы-беларуски неизвестно нашим современникам? А потому, что история Полоцкого государства пишется на основании ливонских хроник, новгородских и владимирских летописей, которые создавались тогдашними врагами Полотчины. Получается то же самое, что писать историю Израиля по арабским источникам. Однако Беларусь до конца XVIII века была неотъемлемой частью европейской цивилизации, и множество нужных источников хранится именно в западных архивах.

Статуя Вальдемара I Великого на городской площади Рингстеда

Например, городской архив шведского Висбю переполнен источниками на старонемецком и латинском языках, имеющими отношение к торговле этого города (и Готланда в целом) с Полоцком в X—XIII веках. Национальный архив Нидерландов хранит материалы по торговле полоцких купцов XVII века в этой стране. Безусловно, нас еще ждут новые захватывающие открытия.

То, почему Софию не замечали беларуские историки, почему существовала такая «слепая зона», объяснить нетрудно. Беларуским историкам в XIX—XX веках предписывалось искать проявления восточнославянского единства и желания беларусов «воссоединиться» с Россией. Хотя беларуские земли

Вальдемар II, сын Софии

Драккар датских викингов

естественным образом принадлежали к балтийской цивилизации, и там лежали интересы и связи полоцких и старолитовских князей, эта область не рекомендовалась для исследования. В результате история Беларуси выходила далекой от исторической правды и, мягко говоря, неинтересной, но идеологов это только радовало.

О заново открытой Софии Минской и Датской наверняка будут написаны книги и сняты фильмы. Галерея исторических персонажей Беларуси пополнилась.

Собор Рингстеда, где похоронена королева София

ПЕРВЫЕ КНИГИ В ЛОНДОНЕ ПЕЧАТАЛ БЕЛАРУС

Владимир Орлов,
писатель

История сохранила имя лондонского первопечатника. Мастера, который поселился там в конце XV века, звали Jon Lettou. Британские историки и библиографы единодушны в том, что он был иностранцем. По тогдашней традиции, чужеземцы обычно добавляли к своему имени название родного города или страны, откуда прибыли. Слово Lettou (lettow) в средневековом английском языке означало Великое Княжество Литовское, ядром которого, как известно, были беларуские земли. Именно оттуда, по мнению большинства британских авторов, и происходил Jon Lettou, в переводе — Ян из Литвы, или просто Ян Литвин.

Кроме того, в книгах, что вышли из его типографии, lettou писалась с малой буквы, лишний раз свидетельствуя, что это не фамилия, а — место происхождения. (В скобках опять напомним: многие беларусы традиционно называли себя литвинами даже в начале XX века).

ЧЕРЕЗ ЕВРОПУ В АНГЛИЮ

Биографические сведения о нашем предприимчивом соотечественнике небогаты. Ряд историков считают его учеником известного печатника Мацея Моравского, работавшего в Генуе и Неаполе. Вполне вероятно, что Ян Литвин был выпускником Пражского университета, где существовал Литовский коллегиум. До наших дней сохранились списки студентов, окончивших в XV — начале XVI века философский факультет Пражской alma mater. Они содержат имена по крайней мере двадцати беларусов, среди которых встречается Joannes из Полоцка, а также трое Янов оттуда же (один по фамилии Богданович). Не исключено, что один из них — как раз Jon Lettou.

Таким образом, получив в Европе образование и специальность печатника, Ян Литвин перебрался через Альбион, где в те времена его ждала конкуренция несравненно меньшая, чем в традиционных центрах книгопечатания на материке.

Первое датированное упоминание о появлении Яна Литвина в Лондоне относится к 1480 году. Он был первым печатником в лондонском Сити, и это ни у кого не вызывает сомнения.

ПРО МЕТАФИЗИКУ И ПСАЛМЫ

Относительно небольшое количество первых изданий Яна из Литвы, а также тот факт, что ничего неизвестно о книгах, выпущенных им до приезда в Англию, приводят к выводу, что свои первые самостоятельные шаги в печатном искусстве он сделал именно в Лондоне.

Сначала из его типографии вышла несколькими изданиями антитурецкая индульгенция Папы Римского Сикста IV. Затем читатели получили от Яна Литвина латиноязычный трактат под названием «Quaestiones super XII libros metaphysicae» («Рассуждения о двенадцати книгах из метафизики») и обозначенные 1481 годом «Комментарии к псалмам», заказ на выпуск которых тоже доверили Литвину.

В том же году наш земляк объединил усилия с другим приезжим печатником — Вильямом Мехлинским. Кстати, имя Яна Литвина на общих изданиях стоит на первом месте, значит, он был старшим компаньоном.

Потом мастера приобрели более совершенный шрифт и открыли в Лондоне новую типографию вблизи так называемой Великой церкви Всех Святых.

ТИПОГРАФИЯ НА ДВОИХ

Самым значительным достижением компаньонов историки называют издание классического произведения английской юридической литературы «Tenores Nowellth», авторам которого был один из наиболее авторитетных тогдашних юристов Томас Литтлтон. По той причине, что его книга считается первым в своей области учебником, это издание остается заметным событием и в истории права.

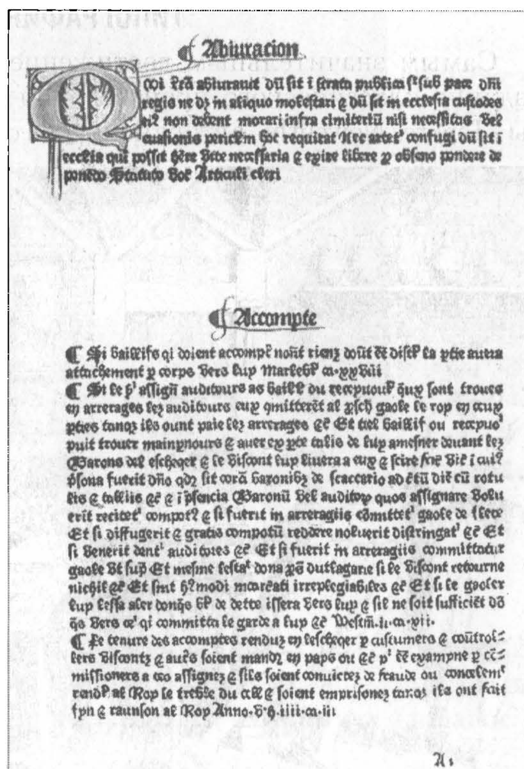
Печатный станок Иоганна Гутенберга

Далее типография Яна Литвина и Вильяма Мехлинского специализируется именно на издании юридической литературы. Но, начиная с 1483 года, имя нашего соотечественника исчезает с титульных листов. Возможно, его отъезд из Лондона был связан с языковой про-

Лондон в конце XV — начале XVI века

блемой: на смену латинскому языку, которым Ян, как и любой выпускник средневекового университета, владел блестяще, в книгоиздательства приходил живой английский язык.

Abiuracion

Qui terram abiuravit dum sit i strata publica s[ub] pace dni regis ne dz in aliquo molestari & dum sit in ecclesia custodes eius non debent morari infra cimiterium nisi necessitas vel evasionis periculum hoc requirat Nec arcetur confugi dum sit i ecclesia quin possit habere victus necessaria & exire libere pro obsenio pondere de ponendo Statuto vel Articuli cleri

Accompte

Si baillifs qi doient accompter nont rienz dount estre distr la partie aura attachement par corps vers eux Marlebr ca. xxiii

Si le s' assign auditours as baillifs ou receyvours queux sont troues en arrerages lez auditours eux committerent al prochein gaole le roy en eux parties tanqz ils ount paie lez arrerages &c Et tiel baillif ou receyvour puit trouer mainpernours & auer eux parties taillis de eux amesner deuant lez Barons del escheqer & le Viscont eux liuera a eux & scire fac vic i aut persona fuerit dno qd sit cora baronibz de scaccario ad certu die cu rotulis & talliis &c & i presencia Baronu vel auditorum quos assignare voluerit recitet compot & si fuerit in arreragiis committet gaole de flete Et si diffugerit & gratis compotum reddere noluerit distringat &c Et si venerit dent auditores &c Et si fuerit in arreragiis committatur gaole vt sup Et mesme lestat dona pos outlagarie si le Viscont retourne nichil &c Et sunt huiusmodi incarcerati irreplegiabiles &c Et si le gaoler eux lessa aler donqs il de dette issera vers eux & sil ne soit sufficient donqs vers cel qi committa le garde a eux &c Westm. ii. ca. xii.

Le tenure des accomptes renduz en lescheqer par custumers & countrollers Visconts & autres soient mandz en papers &c pur estre examyne par commissioners a ceo assignez & silz soient conuictez de fraude ou concelement rendr al Roy le treble du ceo & soient emprisonez tanqz ils ont fait fyn & raunson al Roy Anno. h. iiii. ca. iii

A i

Страница из книги «Quaestiones super XII libros metaphysicae», 1481 г.

НА ВОСТОК, В КРАКОВ?

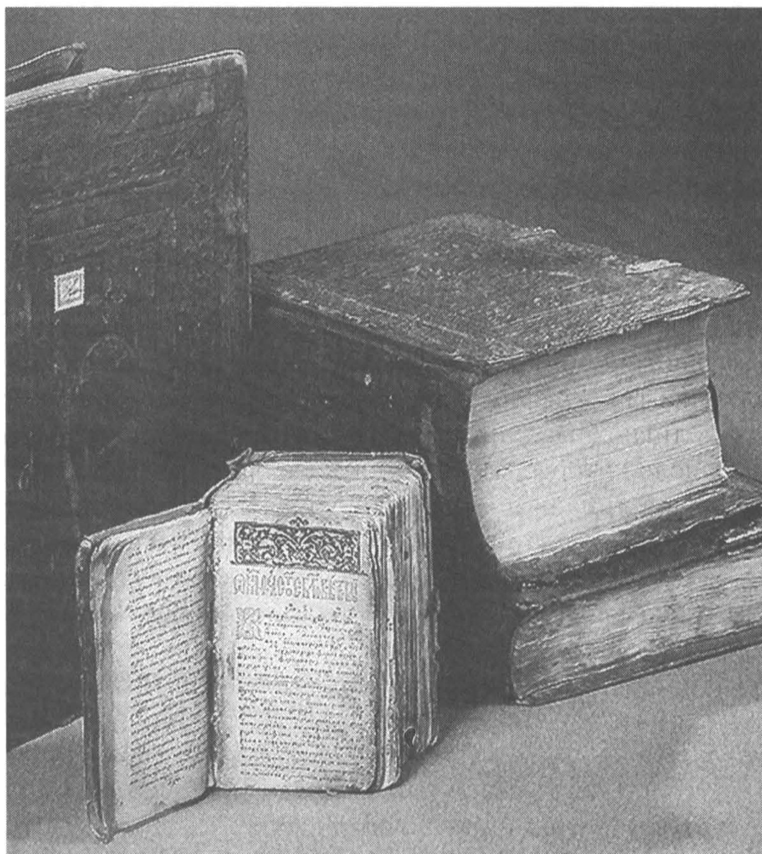
Хотелось бы согласиться с теми авторами, которые «отправляют» Яна Литвина из британской столицы не куда-нибудь, а поближе к родине, в Краков. Там мастер печатных дел действительно мог стать желанным гостем.

Польский трон в то время «по совместительству» занимал великий князь литовский Казимир IV Ягеллон, имевший славу сторонника и покровителя «литовского» искусства. Как раз под конец его правления [он умер в июне 1492 г.] в Кракове была основана типография, где в 1491-м вышли первые славянские книги

кириллицей. Это были «Октоих» и «Часослов», нашедшие спрос на беларуских и украинских землях. Очень возможно, что в их подготовке к печати пригодился богатый опыт лондонского первопечатника.

Таким образом, можно сказать, что Ян Литвин был первым нашим соотечественником, пошедшим по пути книгопечатания, проложенным знаменитым немцем Иоганном Гуттенбергом.

До выхода в свет «Псалтири» Франциска Скорины — первой беларуской и восточнославянской печатной книги — оставалось еще четверть столетия...

Старопечатные книги XVI—XVII веков

ИЛЬЯ КОПИЕВИЧ, БЕЛАРУС ИЗ АМСТЕРДАМА

Владимир Орлов,
писатель

История отсчитывала последние годы XVII века. На московский трон взошел Петр I, который хорошо сознавал культурную и научную отсталость своего государства. В Европе Московию с ее азиатскими порядками продолжали считать краем диких гиперборейцев. Царь отправил в Европу свое Великое посольство, в котором инкогнито поехал сам.

Царская зависть

Первые открытия были вовсе не в пользу Московии. Так, почти в каждом более-менее значительном европейском городе работали печатные станки. В его же владениях типографий всего три, причем печатают они практически одни только религиозные книги. За целое столетие вышло всего семь светских книг, в числе которых такие «увлекательные» издания, как «Грамота о таможенных пошлинах» и «Соборное уложение». Что уже говорить о доступном каждому образованному европейцу античном наследии или о научных трактатах и литературных произведениях современных авторов, если в личной библиотеке царевича Алексея Михайловича было всего лишь четырнадцать книг?!

Позавидовав образованной Европе, в Голландии Петр принял решение развернуть здесь печатание необходимых Московии изданий: «печатать книги математические, географические, земные, архитектурные, военные, морские и прочие художества...». За это ответственное предприятие взялся голландский купец (негоциант), некий Тисенг. Позже оказалось, что он великий авантюрист, ибо не только не владел русским языком, но даже не имел кириллических шрифтов.

Ученый Литвин

И вдруг Тисенгу улыбнулась Фортуна. Он узнал, что в Амстердаме живет ученый литвин Илья Копиевич, который, кроме родного беларуского, владеет еще польским, немецким, русским и голландским языками, а вдобавок и латинским.

Илья Федорович Копиевич (или Капиевский, как он часто подписывался) появился на свет около 1651 года и, по некоторым сведениям, был земля-

ком знаменитого Петра Мстиславца. Образование европейского уровня он получил в основанной князем Янушем Радзивиллом Слуцкой кальвинской гимназии, где преподавание главных дисциплин ни в чем не уступало университетским курсам. В Голландию же талантливого беларуса привело бегство от преследования со стороны иезуитов.

Огромную роль в плодотворном сотрудничестве Копиевича с Тисенгом (позже наш соотечественник основал собственную типографию) сыграли еще и несомненные литературные способности образованного мстиславца.

Очень часто заслугой Копиевича считают только шрифт, который был создан им на основе шрифта Франциска Скорины, беларуского и восточнославянского первопечатника (с учетом букв латинского алфавита — антиквы), и который послужил делу реформирования русской азбуки.

Кстати, после введения царем Петром I в 1708 году так называемых «гражданских» букв их в Московии (с 1721 г. — России) еще несколько десятилетий называли «беларуской азбукой».

Действительно, усовершенствованная Копиевичем кириллица, которой в его «редакции» до сих пор вместе с русскими пользуются беларусы, украинцы, болгары, сербы, македонцы и другие славянские народы, — это очень значительное культурное приобретение. Однако заслуги Ильи Копиевича-просветителя неизмеримо шире.

Библиотека Копиевича

Вернемся к планам царя, вознамерившегося дать московским читателям целую библиотеку нужных книг. (Впрочем, речь лучше вести о создании самой читательской среды.) Задачей Копиевича был подбор соответствующих книг с последующей адаптацией текста и переводом. В то время в русском языке практически отсутствовала научная терминология, не существовало множества понятий и категорий, что ставило перед переводчиком чрезвычайно сложные проблемы, которые Копиевич преодолевал с неизменным успехом.

Илья Копиевич

В 1699 году в Амстердаме вышла в свет первая из его книг — «Введение краткое во всякую историю». Следом печатаются «Книга, учаща морского плавания...», «Краткое собрание Льва Миротворца...» (своеобразный учебник военных наук), «Краткое и полезное руковедение во арифметику...», «Буквар языка словенски...».

Амстердам в начале XVIII века

Беларус Копиевич составил и издал первые русско-латинско-немецкий и русско-латинско-голландский словари. Он впервые ввел в книгопечатание Московии арабские цифры, опубликовал таблицу тригонометрических функций и первую карту звездного неба.

Еще одно интереснейшее издание основанной им в 1700 году амстердамской типографии — «Притчи Эссоповы», куда вошли 40 басен Эзопа и произведение под названьем «Гомерова брань, или Бог жаб и лягушек». Книга впервые знакомила московитов с переводом на родной язык образцов античной изящной письменности. (Отметим, что в Беларуси произведения

АБВГДДЕЖЅЗ
НІКЛМNѠОПР
СТХЩЧЪѦѰV

Гражданский шрифт Копиевича, введенный указом царя Петра I

ВВЕДЕНIЕ КРАТКОЕ
Во всякую Исторiю, по нему Историческим
Ѿ СОЗДАНIЯ
Мира
Ясно и Совершенно Списаное
Сие же Есть
Благородным Юношам Первейшим Степени
Истории и Всех Премудрых Летописцов Хотящим
Читати, Читающим Совершенно Познавати, Познавшим
Благоразумно о Всех Древних Деяниях Размышляти
Разсуждати и Проповедати
Издана же Сия Книга По Указу
Пресветлейшаго и Великаго Государя Нашего
Царя Государя и Великаго Князя
ПЕТРА АЛЕѮЕВИЧА.
Всея Великия и Малыя, и Белыя
России Самодержца
Анно 1699
На Печатася в Амстердаме в Лето Ѿ Воплощения
Бога Слова ахчѳ Мца Априлия в Г день
в Друкарни Ивана Андреева Тесинга

Титульный лист книги «Введение краткое во всякую историю. Амстердам, 1699 г.

Эзопа, как и других античных авторов, были известны со времен Кирилла Туровского.)

До наших дней

Последние годы жизни Копиевич провел в Москве, где служил в Посольском приказе. Есть свидетельства, что он болезненно переживал трагедию своей Родины в годы Северной войны, когда население беларуских земель сократилось почти на треть, когда по приказам Петра были сожжены Могилёв и Витебск, взорвана полоцкая София, где царь с придворными учинил собственноручную кровавую расправу над греко-католическими священниками.

До наших дней сохранились десять книг Ильи Копиевича. Всего же с 1699 до 1706 года он выпустил или подготовил к печати свыше двадцати изданий, которые сегодня можно назвать научно-популярными.

Сделанное Копиевичем высоко оценили российские историки — знатоки петровской эпохи. Признанием заслуг нашего соотечественника является и его присутствие среди персонажей пушкинского «Арапа Петра Великого».

ЛИТЕРАТУРА

*Быкова Т. **Книгоиздательская деятельность Ильи Копиевского и Яна Тесинга** // в книге: Быкова Т. А., Гуревич М. М. Описание изданий, напечатанных кириллицей, 1689 — январь 1725 г. Москва — Ленинград, 1958.*

*Лабынцаў Ю. **Што зрабіў беларус Ілья Капіевіч для маладой Расіі** // газета «Голас Радзімы», 1994, 13 студзеня.*

И СОВЕСТЬ СВОЮ ПЕРЕД ГЛАЗАМИ ИМЕЯ... СТАТУТ ВКЛ 1588

Алесь Петрашкевич, Геннадий Маслыко

Из журнала «Неман», 1990, № 4, с. 155—164.

К числу самых ярких и выдающихся памятников правовой, литературной и языковой культуры белорусов относятся Статуты Великого княжества Литовского 1529, 1566 и 1588 годов. Предлагаемый очерк посвящен последнему из них.

Более 427 лет тому назад с первых судебных сессий, которые обычно начинались 6 января после религиозного праздника Крещения, известного у католиков под названием Три Короля, вступил в действие Статут Великого Княжества Литовского 1588 года. Этот свод законов феодального права, своеобразная конституция, не имевшая себе равных на то время в странах Западной Европы, действовал на территории нынешних Беларуси и Летувы 250 лет подряд — вплоть до 1840 года.

Статут сформировался в результате синтеза правовых систем Беларуси, Летувы и Украины, его источниками были местное обычное право и нормативные акты — постановления сеймов ВКЛ и поветовых сеймиков, грамоты и привилеи великих князей. За основу для разработки нового свода были взяты Статуты ВКЛ 1529 и 1566 годов с внесенными в них более поздними правками.

Статут 1588 года подготовили на высоком теоретическом и профессиональном уровне квалифицированные правоведы и государственные чиновники под началом высших сановников государства, белорусов по происхождению, канцлера Остафия Валовича (1519—1587) и подканцлера Льва Сапеги (1557—1633), людей просвещенных и высокообразованных. Статут, состоящий из 14 разделов и 487 статей, включил в себя нормы государственного административного, военного, судебно-процессуального, гражданского, семейного и опекунского, наследственного, земельного, уголовного права.

Он начинается посвящением королю и великому князю литовскому Сигизмунду III, в первый год правления которого (правил в 1587—1632) был принят. Автор посвящения Л. Сапега изложил в виде политического монолога государственно-правовые идеи, отвечавшие гуманистическому духу Возрождения. Обращаясь в традиционной тогда манере к королю Речи Посполитой, Л. Сапега напоминал, что власть его выборная, добровольно принятая и утвержденная волею шляхты ВКЛ. Король обязан во всех случаях

руководствоваться законами, принятыми по взаимному согласию сторон, строго их соблюдать, не выходя за рамки допустимого:

> Были же времена, светлейший милостивый государь король, когда в том скоплении, а в сообществе людском, которые мы речью посполитой называем, но правом каким-либо писаным или статутом, не только по своему мнению и усмотрению власть свою государи и короли того света над людьми осуществляли.

В обоснование системы государственного правления, которую Л. Сапега видел как конституционную монархию, он призывал на помощь авторитет великого мыслителя Аристотеля:

> А потому тот великий и благородный философ греческий Аристотель сказал, что там бельлуа, а по-нашему дикий зверь, господствует, где человек по своему усмотрению власть свою осуществляет, а где опять право или статут верх имеет, там сам Бог всем владеет.

Таким образом, авторы Статута попытались создать и обосновать модель правового государства, в котором верховенство закона преобладает над властью высших должностных лиц. Для того чтобы защищать себя от деспотии, народ должен не только иметь писаные законы, но хорошо их знать и уметь применять. Выполнение этих условий облегчалось благодаря одному из примечательных качеств Статута: он написан на белорусском языке, а потому был доступен и понятен подавляющему большинству коренного населения ВКЛ — в отличие от подобных кодексов Западной Европы, где пользовались римским правом, изложенным на латыни.

В обращении Л. Сапеги ко всем сословиям ВКЛ, следовавшем за посвящением, автор, сравнивая Статут с бесценным сокровищем, говорит:

> Следует каждому порядочному человеку, чтобы о нем знал, а будучи хорошо осведомлен, чтобы так сам себя и свою вспыльчивость сдерживал и согласно праву писаному действовал и никого не обижал, как если бы кем-либо был обижен, чтобы знал, где защиту и лекарство в обиде своей должен искать.

Ссылаясь на исторический факт, повествующий о применении в древнем Риме принудительных санкций к должностным лицам, не знавшим и не понимавшим законов, автор обращения продолжает:

> ...народу стыдно права своего не знать, особенно нам, которые не чужим каким языком, но своим собственным права записаные имеем и в каждое время, что нам необходимо к отражению всякой обиды, можем знать.

Идея правового государства была направлена в первую очередь против самоуправства крупных феодалов, а также против теократической теории происхождения и сущности государства, исходившей из того, что политиче-

ская власть должна принадлежать духовенству в силу своего божественного начала. Эта идея воплотилась во многих статьях Статута, а в указанном выше обращении она сформулирована в пересказе мысли древнего мыслителя Цицерона: «...являемся невольниками прав для того, чтобы пользоваться свободой могли».

Защита личности человека, его жизни и здоровья, имущества, чести и достоинства — вот те постулаты, которые названы в обращении в качестве главных охраняемых законом благ.

Официальное принятие и введение в действие норм Статута в условиях Люблинской унии 1569 года явилось актом мужественной и одновременно умелой дипломатической и парламентской борьбы правительства ВКЛ со своим трудным союзником по федерации — Королевством Польским. Составители Статута не внесли в его текст ни одной статьи, которая бы ущемила суверенитет ВКЛ. Юридически закрепив обособленность ВКЛ от Королевства Польского, Статут стал правовым гарантом государственной независимости княжества. Более того, великий князь обязывался восстановить его территорию в прежних ее границах:

> Также владения государства этого Великого Княжества Литовского не уменьшим и то, что было через неприятелей этого государства отдалено, разобрано и к другому государству от того государства нашего бы было выпрошено, то все в собственность этого Великого Княжества возвратить, присоединить и границы исправить обещаем (раздел III, статья 4).

Запрещалось давать чины, должности, звания и земли иностранцам, в том числе и полякам. Регламентируя структуру и компетенцию верховных органов власти княжества, Статут игнорировал органы власти Королевства Польского.

Закон предписывал государю (великому князю) и органам государственной власти обеспечивать

покой всех жителей княжества, независимо от исповедания ими различных вариантов христианской религии. Великий князь обязывался сохранять старые обычаи, не нарушать их, а новые законы вводить с участием рады и сейма:

> ...все привилеи земские старинные и новые от нас данные, вольности и обычаи хорошие древние сохранять и ни в чем не нарушать (раздел III, статья 15).
>
> [Жители] всякого сословия этого государства Великого княжества Литовского имели свободу и могли выехать и выйти из этих земель наших Великого княжества для приобретения наук, в письме упражнения и поступков рыцарских, а также будучи слабого здоровья своего, для лечения во всякие земли и страны, кроме земель неприятелей наших, с кем бы это государство в то время воевало (Раздел III, статья 16).

Веяния гуманизма проявились не только в нормах конституционного права, но также в гражданском и уголовном законодательстве. Мещане [городские жители. — *Ред.*], которые ранее были ограничены в вопросах гражданской правоспособности, получили определенные гарантии имущественных и личных прав. Свободный человек ни за какое преступление не мог быть привлечен к уголовной ответственности без решения суда:

Канцлер ВКЛ Остафий Волович

> ...каждый шляхтич оседлый, в соответствии с правом не привлеченный и не обвиненный по суду, от нас, государя и от какого-либо вряда* не должен быть задержан и в тюрьму посажен (раздел III, статья 10).

Вся совокупность подлежащих регулированию взаимоотношений в княжестве разрешалась после разбирательства на основании права:

> А мы, государь, также суд главный, воеводы, старосты и врядники** наши, судья, подсудок*** и суд замковый, или дворный**** и никто иной ничего с головы и домысла своего, также и со сведений своих судить и решать не должны и не имеют права, только

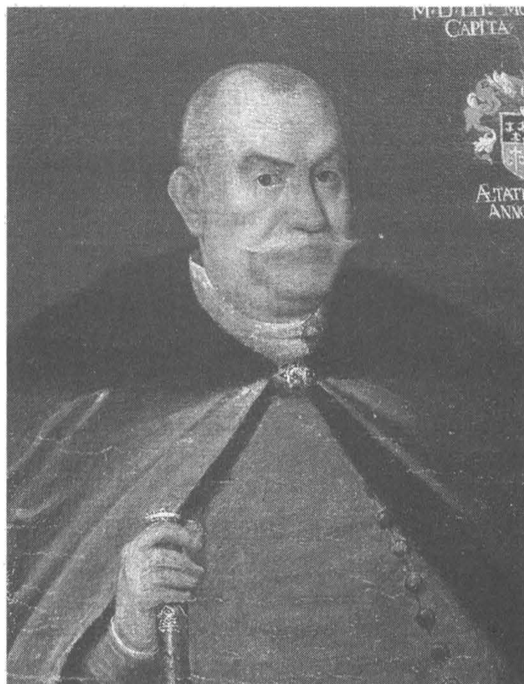
* Вряд — в широком смысле — власть вообще, в узком — органы государственной власти, судебной системы, администрация частных владений.

** Врядник (урядник) — представитель власти, должностное лицо в ВКЛ.

*** Подсудок — заместитель, помощник судьи.

**** Замковый, или дворный — городской, уездный суд замковой администрации.

согласно сему статуту и артикулам, в нем записанным, и согласно объяснениям и спорам в суде обеих сторон (раздел IV, ст. 54).

Подканцлер Лев Сапега

Нормы Статута регулировали сферы государственной жизни, экономического и социального развития страны, взаимоотношения отдельных слоев и этнических групп населения, вопросы экологии, борьбы с преступностью и многое другое. Столь сложную задачу его составители решили блестяще и в сравнительно сжатые сроки.

Разумеется, в целом Статут был законом имущего класса. Сословно-феодальный характер его выражался, в частности, в том, что простые люди не могли наделяться никакими привилегиями, должностями, титулами и званиями. Такие преимущества были исключительно у шляхетского сословия:

> Также простых людей не возвышать над шляхтой и в достоинства их не производить, и врядов наших людям простого народа мы не должны давать, но лишь шляхте... (раздел III, статья 18).

Простому человеку получить от великого князя шляхетство можно было только за особые заслуги, проявленные на поле брани против неприятеля.

Положение всех категорий крестьян характеризовалось политическим бесправием, а их гражданская правоспособность была ограничена. Они не могли приобретать в собственность имения и земли, сменять без разрешения феодала место своего жительства. Дворовая челядь и пленные вообще не считались субъектами права.

Главой государства и первым лицом в иерархии верховной власти являлся великий князь, которого Статут именовал «господарем». После Люблинской унии 1569 года великие князья литовские были одновременно королями Польши и конфедерации двух государств — Речи Посполитой. Великий князь обладал широкими полномочиями в части внутреннего управления и внешних сношений, однако осуществлял их не единолично, а с участием рады [госсовета. — *Ред.*] и сейма [шляхетского парламента. — *Ред.*]. Феодалы избирали великого князя, обычно из числа сыновей или близких родственников предыдущего великого князя. Статут ограничивал его власть клятвой

и торжественным обещанием, а также прямым запретом на определенные единоличные решения.

Большое внимание уделял Статут вопросам организации и регламентации деятельности общего сейма, панов рады, поветовых* сеймиков — этих сословно-представительных органов феодалов и шляхты.

Значительное место отведено военному праву (раздел II «Об обороне земской»), которое регулировало важнейшие вопросы комплектования войска, сбора ополчения, правового положения командного состава —гетманов, хорунжих и др. Защищать свою страну от врага был обязан каждый физически здоровый мужчина, независимо от его общественного положения и имущественного состояния. От этой обязанности не мог освободить даже великий князь. В условиях постоянных набегов крымских татар и территориальных притязаний соседних государств военное право Статута сыграло важную роль в обороне ВКЛ.

Нормы гражданского права регулировали имущественные отношения населения, правоспособность которого, как уже сказано, не была одинаковой и равной для всех — зависела от сословной принадлежности, имущественного положения, места жительства, вероисповедания, пола и ряда других факторов. Развитие товарно-денежных отношений повлекло за собой изменение в некоторых нормах гражданского права и совершенствование наследственного права.

Личные и имущественные отношения супругов, родственников, вопросы опеки разрешались семейным правом. Статут довольно обстоятельно рассматривал порядок оформления брачных соглашений. Брачный возраст для юношей устанавливался в 18, для девушек — 13 лет. Дети в семье (даже взрослые) обязаны были беспрекословно подчиняться родителям.

Самым большим по объему и разработке в Статуте является раздел IV «О судьях и о судах». Относящиеся к этим вопросам нормы встречаются и в других разделах.

Закон предусматривал наличие в ВКЛ двух систем судебных органов: общие суды для всего населения (действовавшие на основе обычного права и отправлявшие правосудие под началом администрации) и сословные суды для шляхты (независимые от государственной администрации). К первым относились великокняжеский суд, суды панов-рады и сейма, комиссарский, замковый суд. Ко второй группе относились земские и подкоморные суды**. Для городского населения существовали войтовско-лавничьи суды***, в сельской местности действовали копные суды****. Главным судом, который являлся и высшей апелляционной инстанцией, был трибунал ВКЛ.

* Поветовых — уездных.

* Подкоморные суды — суды, которые рассматривали земельные споры.

** Войтовско-лавничьи суды — суды в городах, имевших Магдебургское право. Председателем был войт, глава города, заседателями — лавники (от бел. слова лава — скамья), представители цехов города.

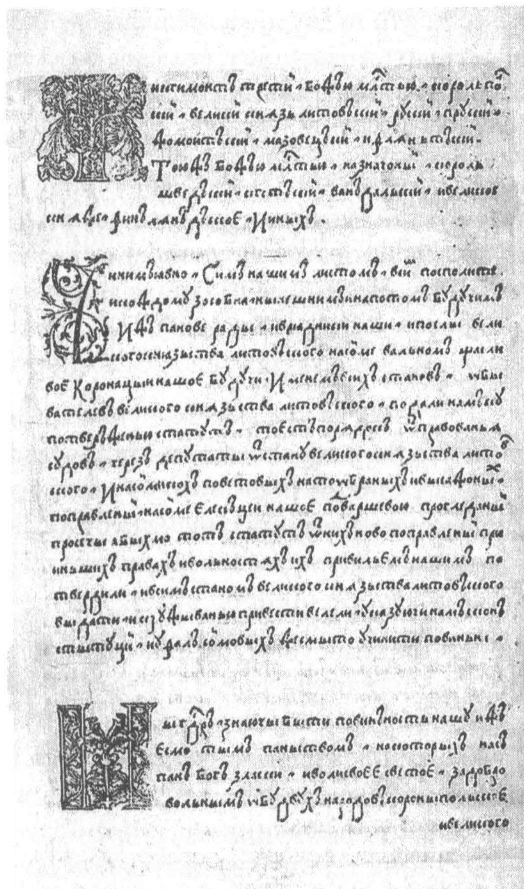
*** Копные суды — суды сельской общины.

Суды второй группы, включая и трибунал, были выборными, что знаменовало собой постепенное учреждение институтов правового государства. Превращение судов в орган защиты интересов не только государства, но и частных лиц, привело к изменению в процессуальном праве и утверждению в нем новых принципов: гласности, состязательности процесса, участию защиты.

На первый взгляд предусмотренные Статутом санкции за совершение уголовных преступлений поражают жестокостью — за многие из них полагалась смертная казнь. Не говоря уже о таких опасных преступлениях, как умышленное убийство, разбой и др., этой мере могли быть подвергнуты и вор-рецидивист, сводня, хулиган.

Но, вместе с характерными для норм феодального уголовного права крайностями, типа членовредительских и телесных наказаний, существования принципа возмездия по правилам талиона («око за око, зуб за зуб») в Статут вошли и совершенно новые для тех времен и условий прогрессивные тенденции уголовной политики, которых не было в законодательстве других государств Европы.

В частности, смертной казни не могли быть подвергнуты женщины и подростки; общий срок лишения свободы не превышал одного года и шести недель; денежный штраф зачастую предпочитался другим мерам наказания. Статут провозглашал равенство всех перед законом (на практике, однако, это требование не всегда соблюдалось); никто не мог быть осужден заочно; каждый отвечал только за свою вину — ни сыновья, ни отцы не отвечали соответственно за отцов и сыновей (кроме государственных преступлений), слабоумие, психическая болезнь исключали уголовную ответственность; потерпевший имел право на необходимую оборону и избегал ответственности за вред, причиненный нападавшему. В судебную практику вводились такие правовые институты, как крайняя необходимость и презумпция невиновности, согласно которой все сомнения толковались в пользу обвиняемого («суд

Страница из Статута 1588 г.

доказательства всякие должен прилежно рассматривать и в сомнительных делах склонен быть к освобождению, нежели к наказанию»).

Обстоятельно и всесторонне была разработана теория судебных доказательств. Необходимым условием для признания вины требовалось установление причинной связи между действием и наступившим результатом. Статья 53 из раздела XI так формулировала это положение:

> Если бы... человек, избитый или раненый, после причинения ран ездил или ходил по пирам, по торгам и по корчмам, пьянствовал, в застолье сидел в течение двадцати четырех дней после причинения побоев или ран, а после умер, хотя бы и от этих ран, тогда тот, кто нанес ему эти раны или побои, если это будет доказано надлежащими доказательствами, не будет обязан платить годовщину (то есть за смерть), только должен удовлетворить его родственников за те раны после доказывания на основе статута.

Развитие получила судебная защита. Адвокатом в суде мог быть хорошо ориентирующийся в вопросах права профессионал, который обязывался защищать доступными средствами интересы нанявшей его стороны. Действия адвоката, направленные во вред его подзащитного, особенно если это делалось с умыслом, рассматривались как измена и сурово карались по закону (вплоть до смертной казни).

Неимущим людям, вдовам и сиротам обеспечивалась бесплатная защита:

> Где бы кто не мог и не умея сам говорить и дело свое в суде вести, а при бедности и недостатке своем адвоката сам себе нанять не мог, как вдовы и сироты, а просили бы вряд об адвокате, тогда вряд должен таковому адвоката даром назначить и поручить от них в суде говорить, и адвокат должен в этом повиноваться (раздел IV, статья 57).

Решения и приговоры нижних судебных звеньев могли быть обжалованы вышестоящим судом. За явно необоснованно принесенные жалобы, апелляции с жалобщиков взимался денежный штраф (6 коп грошей), что было сдерживающим фактором для многих сутяг.

Уголовное судопроизводство уже тогда практиковало передачу подсудимого (обвиняемого) на поруки, но в каждом отдельном случае эти вопросы решались дифференцированно.

Особо нетерпимым был закон во всем, что касалось всевозможных посягательств против нравственности. Изнасилование, как правило, каралось смертной казнью, такая же участь ждала соблазнителей замужних женщин, строго преследовалось прелюбодеяние. Показательной в этом отношении является в разделе XIV статья 31, предусматривавшая ответственность за сводничество:

> Устанавливаем, желая это иметь на вечные времена, чтобы подданные наши, проживающие под властью нашей, жили почтительно и не искали

мерзкой корысти, противной Богу и честным людям. Поэтому должны быть нетерпимы в городах наших такие люди, будь то мужчина или женщина, которые привыкли для бесчестной своей прибыли подговаривать девиц или вдов и замужних женщин к распутству... Поэтому повелеваем... чтобы таковых по надлежащему выявлению приказывали ловить и наказывать... и изгоняли из городов. А если бы и после такого наказания (отрезание носа, ушей, губ) промышляли сводничеством, тогда таковых должен суд смертью наказывать.

Запрещалось насильно против воли женщин и девиц разных сословий выдавать их замуж (раздел III, статья 39). Во избежание кровосмешения строго запрещалось бракосочетание родственников:

...чтобы никто не смел родственников кровных в супружество брать, пока бы минуло четыре поколения после себя идущие, как со стороны отца, так и матери (раздел V, статья 22).

Последовательно был строг Статут к шинкарям, к тем, кто спаивал людей, создавал тайные корчмы и питейные притоны:

[которые] вред и подрыв причиняют государству по той самой причине, что в таковых тайных корчмах постоянно происходят убийства, воровство, разбой и прочие многие беспорядки... А таковые тайные корчмы в каждом воеводстве, землях и поветах пресекать должны (раздел XIV, статья 33).

У нарушителей правил виноторговли отнималась вся продукция и приспособления для ее изготовления, половина стоимости которых шла на нужды шпиталей (больниц) и приютов. Кроме того, нарушитель подвергался штрафу в размере трех рублей грошей (стоимость около 6 тонн обмолоченной ржи.) За невзыскание штрафа с виновного или какую-либо поблажку в отношении такового несла ответственность местная власть (вряд) и ее конкретные исполнители в виде крупного штрафа на пользу государственной казны.

Беспощадно преследовались тунеядцы и другие «ненужные и праздные люди», не приносящие никакой пользы государству:

...таковых... которые, проживая без службы и не занимаясь никакой работой, тратят свое время на игру в кости и пьянство, нигде никакой вряд терпеть не должен, но таковых, любого звания, после первого и второго предупреждения, за третьим разом, избивая розгами, вон из городов и местечек изгонять приказать обязан будет (раздел XII, статья 24).

В случаях необходимости, особенно во время войны, местные власти могли привлекать тунеядцев к принудительному труду на сельскохозяйственных работах.

Не забыло административное и уголовное право Статута и озорных людей, по нынешней терминологии — хулиганов, расценивая их противо-

правное безмотивное поведение как угрозу общественному порядку и спокойствию, способное вылиться в другие, более опасные преступления. За публично совершенные насильственные действия устанавливалась более строгая ответственность.

Многие нормы Статута были направлены на сохранение природных ресурсов (лесов, рек, озер, животного мира) и приумножение традиционных промыслов: рыболовства, охоты, пчеловодства, разведения бобров, заготовки деловой древесины, поташа, смолы и т. п.

Охота («ловы») на дикого зверя, бывшая, кроме промысла, любимым занятием магнатов и крупной шляхты, ограничивалась определенными сроками, местом и другими условиями. Эти ограничения не только преследовали желание законодателя защитить интересы владельцев лесных и охотничьих угодий, но и предупреждали нежелательные последствия для популяций диких животных и окружающей среды. Наши предки за многие столетия до нынешних «Красных книг» осознали, что деятельность людей отрицательно отражалась на природе, а бесконтрольная добыча дичи вела к большим, если не сказать, необратимым потерям.

> Так как охотники привыкли причинять большой вред людям, вытаптывая хлеб, поэтому устанавливаем, что, начиная от праздника Седьмой Субботы вплоть до окончания уборки с полей всякого хлеба, никто на чужих землях не смеет охотиться. А если бы кто, охотясь в это время, причинил кому-либо вред, тогда таковой обязан будет заплатить обиженному три копы грошей и возместить убытки (раздел X, статья 18).
>
> А это следует понимать об охотниках, как о самих господах, так и о слугах господских, которые сами без господ охотятся (раздел III, статья 47).

Входя в лес за сбором ягод, грибов, досмотром бортей и по другим надобностям, нельзя было брать с собой собак, которые бы пугали зверя, поднимали птиц с гнезд и тем мешали их привычной жизни и разведению потомства. Запрещалось разведение в лесах костров, угрожающих пожаром. Закон предупреждал:

> ...люди проезжие на своих стоянках в пущах и пастухи при выпасе лошадей и скота пускают пожар в пуще от своих стоянок и этим вред великий причиняют дереву бортному, пчелам, зверям и птицам, о таковых устанавливаем: кто бы... (раздел X, статья 17).

Далее следовали соответствующие наказания для виновных.

Распахивая поле, на котором было чужое бортное дерево, пахарь «не должен это бортное дерево подпахивать так близко, чтобы можно было от сохи достать дерево палкой, которой погоняют волов». Повреждение бортного дерева наказывалось крупным штрафом — до 3 рублей грошей, за умышленное повреждение улья — 6 рублей. Порубка леса и повреждение фруктовых деревьев в саду наказывались еще строже — до 12 рублей штрафа.

Редких диких животных Статут оценивал следующим образом:

> ...за зубра — двенадцать рублей грошей, за лося — шесть рублей грошей, за оленя или за лань — шесть рублей грошей, за медведя — три рубля грошей, за коня или за дикую кобылу — три рубля грошей, за дикого кабана или за свинью — рубль грошей, за серну—копу грошей, за рысь — три рубля грошей, за соболя — два рубля грошей, за куницу — полкопы грошей (раздел X, статья 2).

Разворот из Статута 1588 г.

Домашний скот ценился гораздо ниже, хотя по тем временам его стоимость тоже была довольно высокой: рабочая лошадь и вол оценивались в две копы грошей, корова — в рубль (сравните с лосем или оленем), боров — в 40 грошей, свинья — 20 грошей, овца — 15 грошей. Можно себе представить положение браконьера, которому следовало бы потратить стоимость целого выезда из 10 лошадей, чтобы рассчитаться за убитого зубра, или отдать стадо свиней за одну соболиную шкурку.

Вообще для определения размера и стоимости причиненного чьими-либо противоправными действиями вреда Статутом была разработана четкая система цен не только для диких животных и домашнего скота, но и для прочих продуктов сельского хозяйства, ремесленных изделий, предметов домашне-

го обихода. Например, бочка ржи (около 400 кг) стоила 24 гроша, овчинный тулуп — копа грошей, телега — 6 грошей, топор — тоже 6 грошей. Ковры и покрывала домашней выработки подлежали индивидуальной оценке.

Во избежание надувательства и обмана при торговле Статут устанавливал единую систему мер и весов (раздел III, статья 36):

> Медницы также и кварты, гарнцы чтобы были по всему государству нашему Великому княжеству Литовскому равные и одинаковой меры...

Такие мерки, имеющие на себе соответствующие клейма установленного образца, имелись в каждом городе, местечке, на торгах, в корчмах. За правильностью их применения следили специальные врядники (барышники, базарники), обмеривание и обвешивание каралось штрафом, который в равных долях взимался в пользу потерпевшего и государственной казны.

Стоимость продаваемых на торгах товаров и продуктов питания не должна была превышать пределов, установленных местными властями. Ценники (прейскуранты) вывешивались в людных местах. Цены устанавливались дифференцированно, в зависимости от сезона и покупательского спроса. Завышение продавцами цен наказывалось штрафом. Специальная норма (раздел III, статья 37) брала под защиту приезжавших на торги крестьян от возможного обирательства их со стороны городских торгашей: «мещане... не должны крестьян... на рынке грабить».

Очевидно, что у законодателя были основания для введения такой нормы.

Существовали специальные правила для содержания собак и другого домашнего скота злого нрава:

> Если бы чей-нибудь дворовый пес или скотина причиняла в околице вред, а хозяин дома, зная об этом, не хотел стеречь эту скотину или пса держать на привязи, тогда он обязан заплатить и возместить все убытки, причиненные по соседству этой скотиной или псом, о чем должны быть приведены надлежащие доказательства.

> Если же такая скотина изувечила какого человека, тогда таковая скотина должна быть выдана тому, кого изувечила. Таким же образом, если бы кто имел злую лошадь, которая бы причиняла вред, тогда хозяин обязан повесить на ней колокольчик, на шее или на ноге, чтобы все могли видеть и близко к ней не подходить. А кто бы ездил на такой лошади, не имея колокольчика, а та бы кого-нибудь изувечила, тогда та лошадь должна быть выдана потерпевшему (раздел XIII, статья 14).

Статут обязывал бережно относиться к сухопутным и водным путям сообщения государства, по которым осуществлялись внутренние и внешние деловые, торговые, дипломатические и культурные связи. Все это требовало регламентации правил пользования ими, что и было выработано в Статуте на основании сложившихся веками обычаев и предшествующих норм писа-

ного права. Тот, кто повредил или уничтожил старую, ставшую привычной для населения дорогу, обязан был восстановить ее в лучшем виде:

> А которые бы... старые дороги своими плотинами затопили или перепахали, присваивая себе пользу, таковые дороги новые должны быть проложены не в ущерб людям проезжающим, но как можно было бы прямее и так, чтобы были обустроены, чтоб с тяжелыми возами везде был безопасный проезд (раздел I, статья 29).

За вред, причиненный проезжему в результате трудного переезда, платил владелец земли, по которой проходила дорога. А вот статье 32 «О дорогах стародавних» из раздела IX могли бы позавидовать даже работники госавтоинспекции:

> Устанавливаем, что большие дороги, гостинцы должны быть по стародавнему обычаю такой ширины, чтобы на полтора прута (прут равнялся 4,87 м) быть могли. А повозка порожняя должна уступать повозке груженой, пеший — конному, конный — повозке. А в том случае, если бы дорога узкая была, как на мостах и в иных неудобных местах, а дело было бы зимой, когда снег бывает большой, должны, повстречавшись, дорогу наполовину делить, а один другого сталкивать с дороги не должны.

Статья 31 из раздела I обязывала содержать в порядке судоходные реки, своевременно прочищать их русла, ремонтировать порты:

> Где такая река через земли наши проходит, подданными нашими обязаны будут эту реку вычистить и порт отремонтировать так, чтобы по ней комяги, суда водные и плоты дерева, на строительство и на дрова пригодного, без помех могли проходить.

Предписывалось также оказывать содействие потерпевшим кораблекрушение и спасению их затонувшего имущества.

Статут можно смело назвать одним из первых документов, который был направлен против бюрократизма, затягивания и проволочек в государственных делах, правосудии, против корыстных злоупотреблений властью, лихоимства. Для участников правовых споров и судебных разбирательств умышленное затягивание их разрешения («волокита») влекло, как правило, проигрыш дела; для представителей власти — уголовные, административные и денежные санкции:

> А где бы возный* что-либо такое непристойное совершил, или несправедливо свидетельствовал, а врядом своим вред которой стороне причинил по какой-либо причине, или бы по чьему делу и ради просьбы кому потакал, либо из страха и своей выгоды.., ...наказан должен быть согласно величине

* Возный — дознаватель, судебный исполнитель.

преступления своего.., вред стороне жалующейся возместить (раздел IV, статья 9).

Сессии судов должны были проходить точно в назначенные сроки без неоправданных переносов. Судья или его помощники («врядники судебные»), по вине которых трижды беспричинно срывались судебные заседания, смещались со своих постов. Заступая на должность, каждый врядник, в частности судьи, подсудки, судебные писари принимали присягу, текст которой сформулирован Статутом для каждого из них в отдельности. Так, присяга судьи и подсудка содержала следующие обязательства:

> ...справедливо и в соответствии с правом сего статута, данного Великому княжству Литовскому, в соответствии с жалобой и возражением сторон, а не следуя своим сведениям, ничего не добавляя и не отвергая, буду судить, объяснения и записи принимать, не давая поблажки высоким и низшим сословиям, не взирая на имеющих достопочтенные звания и должности, на богатого и на бедного, на приятеля, кровного, сбереженного, ни на неприятеля, на местного, ни на гостя не глядя, не надеясь на дары потом, и какого награждения, и не советуя стороне, не боясь наказания, мести и угроз, но самого Бога и его святую справедливость, и право общее и совесть свою перед глазами имея, так сроков никогда не затягивая, кроме великой правдивой тяжелой болезни... (раздел IV, статья 1).

Прекрасно понимая важность печатного издания Статута, Лев Сапега осуществил его «стоимости и расходов не жалея, и лишь бы то в печать передал и дорогу удобную и легкую каждому к изучению права показал, когда же то уже в руках своих каждый когда захочет иметь может».

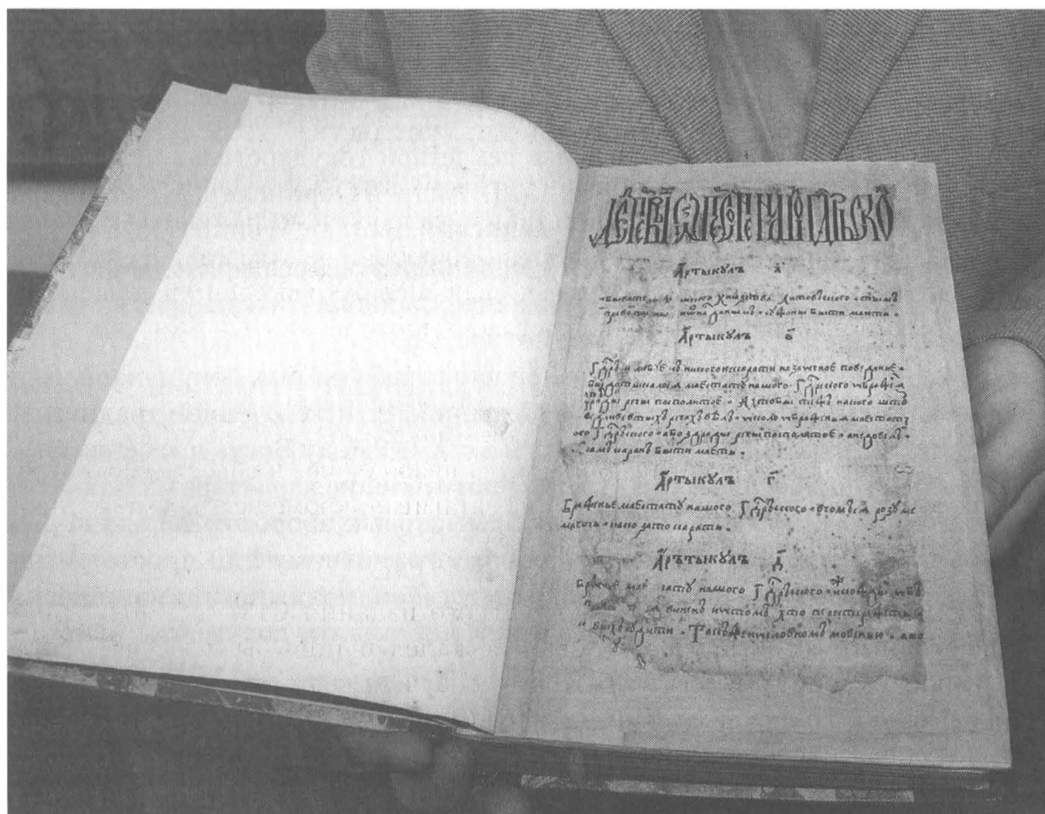
Статут был отпечатан в типографии купцов-белорусов Мамоничей в столице ВКЛ Вильне. Совокупный тираж всех трех белорусскоязычных изданий Статута, вышедших в 1588, 1593 и 1600 гг., составил около четырех тысяч экземпляров, которые быстро разошлись в государстве и за его пределами и находились в обиходе до середины XIX века.

Печатное издание государственного свода законов на белорусском языке стало фактором исключительной важности для уяснения белорусским народом своей этнической самостоятельности. Особое значение для закрепления юридического статуса языка имел специальный пункт в статье I раздела IV, гласивший:

> А писарь земский должен по-русски буквами и словами русскими все документы, выписки и позвы писать, а не иным языком и словами.

Статья 37 того же раздела требовала, чтобы кандидат на судейскую должность обладал «знаниями в праве и письме русском» (так в те времена называли белорусский язык). Благодаря таким требованиям, белорусский язык фактически на протяжении всего XVII века сохранял за собой функцию

официального государственного языка ВКЛ. Как свидетельствуют соответствующие пометки на сохранившихся экземплярах Статута, судопроизводство на белорусском языке велось кое-где на бывших землях княжества даже и в XIX столетии.

Экземпляр Статута 1588 года, приобретенный для Могилевского музея в 2012 г.

Отметим, что к моменту принятия первого Статута 1529 года и в течение всего XVI века белорусский язык широко применялся в юридическом и актовом делопроизводстве ВКЛ. Основой его языковых средств был живой народный язык коренного белорусского населения, который по мере канцелярского употребления дополнялся и совершенствовался терминологией государственных учреждений и многочисленных должностных лиц, отправлявших разные функции государственной власти в законодательстве, правосудии, армии и др.

Высшие достижения юридической и канцелярской письменности синтезировались в языке Статутов 1529, 1566 годов. В них вошло все лучшее, чем располагала белорусская юридическая грамота того времени, а Статут 1588 года явился вершиной ее развития, шагом вперед по сближению с жи-

вым белорусским языком, дальнейшему пополнению и совершенствованию собственных специфических средств. Трудно сказать лучше, чем это сделал в 1970 году польский историк Юлиуш Бардах:

> Старобелорусский язык, на котором написаны все три статута, полно и четко выражал все необходимые понятия («Исследования из истории государственного строя и права Великого Княжества Литовского XIV—XVII вв.).

В подготовке или в написании текста Статута участвовали государственные деятели ВКЛ, а также писари и секретари государственной канцелярии — Николай Ян Нарушевич (ум. 1575), Андрей Обринский, Михаил Гарабурда (ум. 1586), М. Савицкий, В. Древинский, Вацлав Агриппа (1525—1597), Габриель Война (ум. 1615), которые выполняли всю предварительную литературную работу. Именно их умению и незаурядному литературному таланту обязан Статут своей высокой грамотностью.

Текст статей выдержан в стиле хорошо отработанных документов. Диспозиции статей изложены просто и доходчиво; за исключением традиционных для того времени обращений и ссылок к «господу Богу» и «господарю», отсутствует излишняя витиеватость. Употребление характерных для белорусского населения слов, выражений, смысловых оборотов делало нормы закона понятными и доступными любому грамотному или просто смышленому человеку. Отличающийся отсутствием ненужного многословия, Статут призывал и судебных врядников составлять документы кратко и понятно.

> При написании писари и подписки писания так обширно не должны производить, ...чтобы обширностью писания исполнение людям не затруднялось (раздел IV, ст. 103).

Многие статьи были изложены таким образом, что даже не требовалось их толкование либо комментирование.

Статут оказал большое влияние на культуры и право всех соседних народов.

Многие положения Статута были использованы при разработке Соборного Уложения 1649 года — первого печатного памятника русского права. Это Уложение во многом ориентировалось на структуру и нормы Статута. Историк права М. Ф. Владимирский-Буданов считал, что значительная часть глав и статей Уложения «составляют целиком или буквальный перевод, или довольно точный перефраз Статута», а его система, за исключением глав, отражавших особенность русского гражданского права, почти полностью повторяла систему Статута. Известный русский историк Василий Ключевский выразился еще более определенно:

Статут послужил не столько юридическим источником Уложения, сколько пособием для его составителей, давая им готовую программу.

Популярность Статута, потребность в его применении и исследовании были таковы, что на протяжении XVII—XVIII веков он переводился на немецкий и украинский языки, восемь раз издавался в Вильне на польском языке (в 1614, 1619, 1623, 1648, 1693, 1744, 1786, 1819 гг.) В 1811 году в Петербурге вышел в переводе на русский язык.

Однако старые издания берегли и реставрировали. При этом экземпляры на языке оригинала составляли предмет особой гордости их владельцев. Характерным тому свидетельством служит владельческая запись на экземпляре Статута в библиотеке Виленского государственного университета:

> Книга сия правния Статута Великого княжества Литовского куплена покойным отцем моим... полковником гадяцким за властнии его грошики. А за якую цену куплена, то на сей же книгни с початку на белом листу собственною Его покойника рукою било написано. Тому вся старшина гадяцка известна, а именно Мартин Штижевски. А по умертвии отца моего покойного никоторий бездельник и плутага в Гадячем хотячи сеею книгою напрасно завладети, той лист за подписом руки отца моего ведрал, а кто именно ведрал, чтоб ему рука ус(о)хла. Которую я Стефан Милорадович нинешнего 1727 году ноября 10 дня в Гадячем опознавши, что власная отца моего на мене спадающая, беру к себе, которую если в вперед кто мел без ведома моего узят и удержоват, на такового заруку кладу у каждого права талерей сто...

Сейчас известны всего лишь 29 экземпляров Статута 1588 года, изданных на старобелорусском языке, 28 из них хранятся в библиотеках и музеях Польши, Летувы, России и Великобритании, и только один — в Беларуси, в музее истории Могилёва. Он был куплен в конце 2012 года на аукционе за 45 тысяч долларов (любопытно то, что 30 тысяч пожертвовала музею какая-то российская фирма).

Последний раз Статут на старобелорусском языке был издан русским историком Иваном Лаппо в 1938 году в Каунасе. В связи с 400-летним юбилеем первого издания Статута ВКЛ 1588 года издательство «Белорусская Советская Энциклопедия» имени П. Бровки выпустило энциклопедический справочник «Статут Великого княжества Литовского 1588».

Он открывается обзорным очерком, в котором достаточно подробно рассмотрены социально-исторические условия, сложившиеся в ВКЛ к моменту принятия этого Статута. Очерк имеет свыше 80 иллюстраций с изображением портретов исторических лиц, видов городов, денежных знаков и др.

Основную часть книги составляют три текста Статута: факсимильный текст оригинала, адаптированный текст, перевод на современный русский язык.

В помощь читателю предназначен справочник, в нем в алфавитном порядке размещены 820 статей, раскрывающие практически всю терминологию Статута, его историографию, источники, сущность и принципы отдельных отраслей права, биографию исторических лиц и т. п. К статьям Статута дан обширный комментарий, приведена библиография, имеются предметный и именной указатели.

Изучая энциклопедический справочник, читатель может не только детально ознакомиться с этим памятником XVI века, но и оценить его непреходящие достоинства.

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

Петрашкевич Алесь (1930—2012) — кандидат исторических наук. Публицист и драматаург. Был заместителем главного редактора БСЭ им. П. Бровки.

Маслыко Геннадий (1933 г. р.) — юрист, был научным редактором БСЭ им. П. Бровки. Автор многих статей на правовые и морально-нравственные темы.

ОПТИМИСТИЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ БЕЛАРУСИ: 1914—1917 гг.

Григорий Лазько
(Гомель)

Источник: Беларускі гістарычны зборнік. Выпуск 44. Беласток, 2015, с. 153—166.

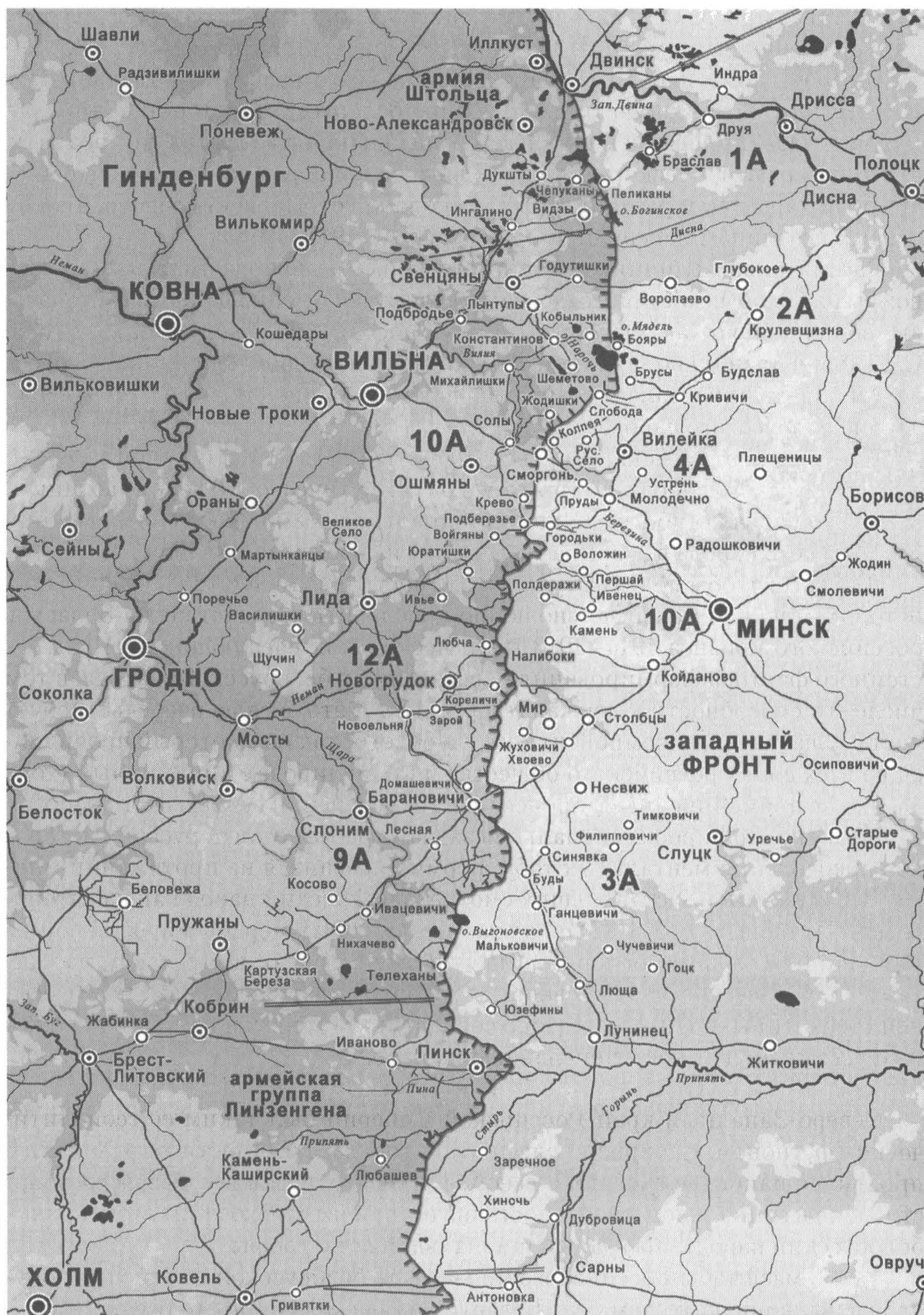
В Российской империи 1913 год проходил под знаком празднования 300-летия династии Романовых. Созданный для проведения праздника юбилейный комитет получил задачу убедить Николая II в лояльности народа к монархии путем «организации бурной радости народных масс» в связи с юбилеем. Задача была успешно решена, царь остался доволен. Но не прошло и четырех лет, как тот же самый народ отвернулся от монархии, позволив бастующим рабочим Петрограда и солдатам столичного гарнизона свергнуть ее.

Скоро выяснилось, что русский народ не готов принять и республиканскую форму государственности: он не поддержал ее в борьбе с империалистическими соперниками России — Германией и Австро-Венгрией, а позже согласился с установлением в стране жестокой диктатуры левых радикалов — большевиков. Умеренный русский консерватор Василий Маклаков (1869—1957) писал в этой связи, что таким образом он (народ) получил «наиболее национальное русское правительство, которое соответствовало народу тем, что «приказывало и давало радость послушания», но неразрывно с этим создавало для народа и возможность приказывать. В результате «прежние рабы ощутили себя господами»*.

В то же время круговорот политического развития России от одной формы авторитарности к другой, через этапы отказа от демократического республиканского строя (в 1917 г.) и гражданской войны, вырвался за рамки политики, охватил все сферы общественной жизни и запустил стихийный процесс «разбегания» народов России от терпевшего кризис имперского центра. Этот многоплановый российский кризис достиг существенного рубежа в своем развитии уже в конце 1917 года, выявив альтернативные варианты его преодоления: на территории коренной России одни, на ее национальных окраинах — другие. Вслед за оккупированными Германией Польшей и Прибалтикой внероссийские модели преодоления кризиса возникли и в других национальных районах — в виде программ выхода их из состава России.

---

* В его трехтомном труде «Власть и общественность на закате старой России» (1936 г.). — *Прим. ред.*

Линия фронта в 1915—1917 гг.

Пытаясь проследить влияние российского кризиса на Беларусь, начнем с утверждения, что именно в 1917 году исторический процесс впервые указал белорусскому народу вариант исторического развития, отдельный от российского. Возникшую тогда ситуацию белорусский историк Станислав Рудович назвал «временем выбора», к этой оценке остается только добавить, что процесс исторического выбора беларусов приобрел волнообразный дискретный характер и растянулся на несколько лет. Наша статья ограничена первым его этапом, завершившимся на рубеже 1917—1918 гг.

Рассматривая влияние российского кризиса периода Первой мировой войны на белорусское общество, надо отказаться от упрощенного взгляда на эту войну только как «ускорительницу» российской революции 1917 года. С. Рудович правильно заявляет, что «в разрушительном хаосе войны и революции кристаллизовалась созидательная идея национального самоутверждения белорусского народа».

Продолжая эту мысль, мы утверждаем, что хотя война и была трагедией для белорусского народа, но трагедией оптимистической. В ходе ее возникла не только необходимость, но и принципиальная возможность превращения белорусского народа в хозяина своего края и своей судьбы в нем.

Для того, чтобы понять эту необходимость и возможность, белорусским историкам нужно максимально полно проследить воздействие на Беларусь российского кризиса 1914—1918 гг. (и нескольких следующих лет) как системного фактора формирования новых качеств белорусского народа, в том числе его способности к державотворчеству. А это, в свою очередь, требует учета существенных компонент того глубокого кризиса, который проявлялся во всех слоях российского общества и стимулировал динамичный (хотя далеко не прямолинейный) процесс самоопределения белорусского народа.

Решение этой профессиональной задачи требует от белорусских историков преодоления ментальных табу, формировавшихся на протяжении многих десятилетий и заставлявших смотреть на русский народ как на авторитетного «старшего брата». Однако так же, как опыт Первой мировой войны разрушил в сознании белорусов идеологему о триедином русском народе, так и добросовестное исследование этого опыта разрушает связанные с войной стереотипы, в т. ч. стереотип о совпадении интересов русского народа с интересами других восточнославянских народов.

Северо-Западный край Российской империи был таким ее геополитическим регионом, где кризис российской государственности в годы войны проявился наиболее глубоко и всеобъемлюще, охватив все сферы государственной и социальной жизни, поставив исторического хозяина этого края — белорусский народ — на грань национальной катастрофы.

Такие масштабы российского кризиса на белорусской земле были обусловлены, во-первых, тем, что Беларусь на несколько лет (с осени 1915 до конца 1917 г.) превратилась в эпицентр кровавой борьбы Российского госу-

дарства с ее сильнейшим соперником — Германией. В этом качестве Беларусь несла жертвы, значительно превосходившие жертвы, выпавшие на долю других регионов империи.

Во-вторых, масштабы кризиса в Северо-Западном крае определялись несоответствием традиционного имперского идеологического обоснования целей войны («за Веру, Царя и Отечество») национальным, религиозным и социальным реалиям полиэтничного, многоконфессионального края, когда-то захваченного Россией.

В силу указанных причин неспособность Российского государства дать эффективные ответы на вызовы, поставленные первой в истории тотальной войной, проявилась на белорусской земле с чрезвычайной силой.

Впервые в истории на территории Беларуси в полуторамиллионной массе русской армии, тесно связанной множеством каналов с глубоким тылом (собственно российскими губерниями), был представлен «его величество русский народ», с присущим ему уровнем духовного и культурного развития. Ментально-психологические качества русского народа не меньше материальных факторов стали важным фактором неспособности России противостоять ее западным противникам, обусловили ее поражение не только как государства, но и как определенного типа цивилизации. А эта неспособность, в свою очередь, послужила важной причиной ускорения центробежных тенденций в Российской империи и распада ее на «национальные квартиры».

Одним из первых каналов воздействия российского кризиса на Беларусь стало осознание ее населением неэффективности российской армии в роли защитника страны и ошеломление, вызванное применением ею таких способов борьбы с противником, которые разрушали материальные основы существования местного населения. Как известно, к исходу первого года войны (в августе 1915 г.) русские войска на польско-белорусском направлении уступили противнику огромную территорию Царства Польского и ушли на территорию Беларуси, где после ликвидации Свенцянского прорыва немцев фронт с сентября 1915 г. стабилизировался на долгие два с половиной года*.

Результаты первого года войны показали большое технико-экономическое и организационное отставание России от Германии, засвидетельствовали ее неспособность эффективно использовать свои преимущества в человеческих и сырьевых ресурсах. Более того, многолюдное Российское государство столкнулось с кризисом человеческих ресурсов для армии, с которым оно не сумело справиться до конца войны. Главной причиной этого кризиса явились большие потери. Только в летнюю кампанию 1915 года русская армия потеряла убитыми и ранеными 1 млн. 410 тыс. человек, в среднем 235 тыс. человек в месяц. А пленными в ту же кампанию она потеряла почти

* С 19 сентября 1915 г. (по новому стилю) линия фронта застыла на рубеже Рига — Двинск (ныне Даугавпилс) — озеро Дрисвяты — Поставы — озеро Нарочь — Сморгонь — Крево — Барановичи — Пинск — Дубно — Тарнополь. — *Прим. ред.*

Беженцы на железнодорожной станции

1 млн. человек, в среднем еще 160 тыс. человек в месяц. В 1916 году потери за год превысили 2 млн. человек убитыми и ранеными, 344 тыс. пленными (Головин Н. Н., с. 307, 330).

Эти потери, повлекшие кризис людских ресурсов, были в свою очередь результатом отсталости России, проявлявшейся в неэффективном управлении войсками, в недостаточном уровне материального обеспечения войск и в огромном бюрократическом аппарате, присосавшемся к действующей армии. Эти причины неудач российского воинства, которые привели войну в Беларусь, не остались секретом и для белорусских крестьян. Свидетель записал в Игуменском уезде Минской губернии слова крестьян:

> Няўжо ж нашы не здзержаць яго [немца. — *Г.Л.*]. Столькі ж народу пабралі са ўсёй Расіі. Але ж снарадаў няма, кажуць, і начальства ўзяткі бярэ і прадае крэпасці і планы. У нас заўсягды так. Таперача снарадаў няма; а што рабіла начальства да вайны і ў час вайны — ганяла налогі, акцызы, толькі глядзела, як бы гэта апошнюю капейку з мужыкоў здзерці.

Кроме кадровой армии, составлявшей 1,4 млн. человек, «побрали со всей России» за годы 5,6 млн. подготовленного резерва и 10,6 млн. призывников

других разрядов. Однако это огромное пополнение не привело к повышению боеспособности войск. Напротив. После стабилизации фронта плохо обеспеченные и недостаточно подготовленные русские войска не добились на территории Беларуси ни одной победы, все проведенные ими наступательные операции закончились здесь поражениями с большими материальными и человеческими потерями.

К лету 1917 года русская армия вообще утратила способность воевать, о чем свидетельствуют ход и итоги последней ее наступательной операции (в районе Кревы с 6 по 9 июля). Несмотря на значительный перевес русских войск в районе операции, наступление закончилось тяжелым их поражением, предопределенным еще до начала боев. Об этом говорят многочисленные факты отказа частей занимать исходные позиции и отсутствие стремления развить первоначальный успех теми частями, которые все же пошли в наступление. Некоторые из них, как только сталкивались с противником, сразу возвращались в свои окопы. А германские войска, численно уступавшие русским, полностью сохранили боеспособность.

Провал летнего наступления войск Западного фронта летом 1917 года позволяет увидеть еще одну причину поражений России в войне — более важную, чем ее материально-техническая отсталость. Российские военные специалисты считали такой причиной неразвитость русского народа, остававшегося патриархальным этносом. Так, бывший генерал-квартирмейстер русской армии Юрий Данилов писал после войны:

> Коренное русское население главной своей массой жило в темноте и неграмотности. Это население было разбросано по деревням, разъединенным между собой огромными расстояниями, плохими дорогами, и погружено с головой в свою тяжелую беспросветную хозяйственную жизнь (Данилов Ю. Н., с. 29.)

Такие условия существования не способствовали формированию в народе национального сознания и пониманию национальных интересов, а на этой основе — общероссийского патриотизма. Многие командиры сообщали командованию об отсутствии этих качеств у русских солдат. Участник войны генерал Николай Головин цитировал целый ряд рапортов:

> Нет дисциплины, нет выучки, нет желания работать как осознания обязанности перед родиной, нет основных понятий о свободах. Полное своеволие в выполнении приказов. Одна мысль — скорей бы мир. А как средство — ничего не делать... (командир 5-й стрелковой дивизии генерал Лебедев).

> Некультурные массы, лишенные здорового чувства патриотизма и национального единства, не осознают задач и целей войны, не понимают невозможности для России сепаратного мира (помощник начальника штаба Верховного главнокомандующего полковник Новиков). (Головин Н. Н., с. 241. 242).

Иными словами, российская армия была частью народа, не выработавшего чувства национального единства и общей ответственности за судьбу родины. Более чем двухлетнее пребывание этой армии на белорусской земле выявило также и другие негативные качества русского народа. Подтверждалась характеристика российских интеллектуалов, согласно которой русский народ не освоил территорию даже своего государства, а на обжитой земле не интересовался «средней областью культуры» — культуры повседневности, быта, межчеловеческих отношений. Он не умел ценить свой и чужой труд, привык жить одним днем.

В русском народе было широко распространено пьянство, до войны почти неизвестное белорусам. Характерные данные об этом явлении получило осенью 1915 года Пензенское земство, проведя анонимное анкетирование сельских жителей губернии. Оно показало, что 21,4% опрошенных мужчин и свыше 18% женщин бывали «ежедневно пьяными» (Сухова О., с. 87). И это после введенных властями с началом войны ограничений на изготовление и продажу спиртных напитков! Как мог этот народ (его часть, одетая в солдатские шинели) защищать и беречь чужую для него белорусскую землю, если он не привык бережно относиться к своей собственной земле?

Вопреки стереотипу, бытующему в исторической литературе, в первые три года войны беспорядок и анархия шли на фронт не с большевиками (дорогу на фронт им открыла только Февральская революция), а с маршевыми ротами не желавшего воевать пополнения. Все источники именно эту причину указывают первой среди истоков беспорядка и деморализации в русской армии.

Другими носителями разлада и деморализации в армии были солдаты, возвращавшиеся из отпусков. И те, и другие (запасники и отпускники) становились рассадниками антивоенных, даже пораженческих настроений в армии. Уже после первых неудач на фронте военные власти отмечали распространение пораженчества: «Скорей бы немцы взяли Петроград...»; «пусть Германия победит, под тем царем будет лучше жить»... (Аксёнов В. Б., с. 141). Характерно, что это говорили те же самые солдаты, которые во время мобилизации летом 1914 года пели частушки: «Мы сначала возьмём Краков, а потом уже Берлин...» И объясняли, для чего: «Налогом обведём».

В свете приведенных фактов нетрудно понять, что Северо-Западный край империи (Беларусь) был чужим для русских солдат краем, за который не стоило рисковать жизнью. «Мы вятские, тульские, пермские, до нас немец не дойдет», — так солдаты из внутренних губерний империи выражали свое отношение к войне, ставшей для них тяжелой и бессмысленной.

Нежелание воевать после летних неудач 1915 года вылилось в массовое дезертирство солдат с фронта, которое приобрело наибольший размах на Северном и Западном фронтах. Так, по Двинскому военному округу уже в конце 1915 года еженедельно задерживалось в среднем 462 дезертира, через

год — 1479, и далее тенденция роста сохранялась (Асташов В. Б., с. 80). Неуклонно происходила криминализация этой массы. В результате, не сумев защитить население Беларуси от внешнего врага, русская армия сама превратилась в источник опасности для этого края.

Однако ее эволюция в указанном направлении началась намного раньше и отнюдь не стихийно. Речь идет о тактике «выжженной земли» при отступлении из Польши и Западной Беларуси летом 1915 года. Население этих территорий, где добровольно (хотя и под влиянием антигерманской пропаганды), а где насильно выселялось военными и гражданскими властями, его имущество и посевы уничтожались, лошади, крупный рогатый скот, транспортные средства реквизировались, другие материальные ценности уничтожались или вывозились в тыл (Смольянинов М. М., с. 95—96). Это организованное сверху уничтожение плодов труда многих поколений способствовало стихийным грабежам местного населения отступавшими на восток российскими военнослужащими. Из множества свидетельств на этот счет приведем наблюдение военного врача Л. Войтоловского, записавшего в сентябре 1915 года:

> Пьяные полки и дивизии превращаются в банды мародеров и на всем своем пути учиняют грабежи и погромы.

При этом казаки, издавна прывыкшие смотреть на войну как на средство добычи, выделялись наибольшей жестокостью.

> Особенно бесятся казаки. Не щадя ни пола, ни возраста, они обдирают до нитки все деревни и превращают в развалины еврейские местечки.

Но это было только началом. К осени 1917 года войска российского Западного фронта превратились в настоящую орду, занимавшуюся грабежами и погромами гражданского населения, не останавливаясь перед убийствами людей независимо от их пола и возраста. Делегаты Всебелорусского съезда с тревогой отмечали:

> Идет поголовный грабеж крестьян на фронте... вырезают крестьянские семьи...

Осознание этого явления как повседневного и типичного для российской армии в последние месяцы его пребывания на белорусской земле открывает настолько ужасную страницу Первой мировой войны, что белорусские историки не отваживаются писать о ней и сегодня. Но говорить и писать надо ради познания исторической правды не только о «великой» войне, но и об условиях формирования связанного с нею национального движения и белорусской государственности.

Частью этой трагической правды является картина беженства — явления, которое хотя и изучается белорусскими и российскими историками, но все

грани которого еще не выявлены, а масштабы недостаточно осознаны. О совершенно неудовлетворительной изученности явления свидетельствуют существенные, в сотни тысяч человек (!) расхождения в подсчетах количества беженцев из Беларуси.

Мы коснемся здесь только тех аспектов проблемы беженцев, которые позволяют оценить влияние этого явления на формирование белорусского национального сознания и национального движения.

Очевидно, что беженство не возникло стихийно. Оно было результатом соответствующей политики российских властей (а также иерархов и священников Русской православной церкви), которые в начале войны пропагандистскими средствами сформировали у населения иррациональный, панический страх перед наступавшими немцами, а затем приступили к насильственному выселению людей с родной им земли на восток. Этот путь был обозначен множеством могил похороненных на скорую руку детей и стариков.

Вместе с тем, осудив огромные массы белорусов на физические и моральные страдания, превратив для них смерть в будничное явление, трагедия беженства дала им новый и важный опыт, расширила их кругозор, ускорила формирование национального сознания:

> Опыт беженства стал для белорусов одним из самых значительных за всю их историю, полным тяжелейших испытаний, потерь, и, как результат, началом колоссального, почти взрывного, массового этносоциального просветления (Лабынцев Ю. А.).

Оказавшись среди русских людей, многие тысячи белорусов осознали свою инаковость — «нашли свою нацию», как обозначил этот процесс Николай Улащик. Причем на эту инаковость им указало местное население, не признавшее в белорусах русских — ни по языку, ни по обычаям, ни по одежде. Но настоящие проблемы начались позже, после первых теплых минут встречи беженцев, когда выяснилось, что их появление в глубинной России обостряет трудности с обеспечением местного населения хлебом, жильем, работой и что они рассчитывают даже на кусок земли для содержания своих семей. Русские крестьяне и рабочие, нередко при поддержке местной власти, стали вытеснять конкурентов всеми способами, вплоть до разрушения печей и выдирания окон в жилищах беженцев (Курцев А. Н., с. 110).

Российские исследователи проблемы беженцев показали, что столь драматическая ситуация сложилась задолго до прихода к власти большевиков, с политикой которых связывали ухудшение положения беженцев отдельные белорусские историки. По оценке органа Белнацкома, именно эта ситуация вынуждала беженцев-белорусов добиваться возвращения на родину, под власть немецкого шуцмана, только чтобы избавиться от существования в таких невыносимых условиях (газета «Дзянніца», 1918, 19 жніўня, № 25). Они

возвращались на свою родину, опустошенную войной, уже другими людьми — осознавшими, кем они являются.

Что касается тех белорусских крестьян, которые остались на неоккупированной территории Беларуси, то после Февральской революции их мировоззрение и общественное поведение развивались более сложным путем. На них продолжали влиять еще довоенные надежды получить землю за счет «польских» помещиков края, хотя теперь эти надежды связывались с обещанными Временным правительством выборами в Учредительное собрание.

Если мы бросим взгляд на поведение белорусского крестьянства во время выборов в довоенные Государственные Думы, то заметим, что это поведение было мотивировано как раз надеждами крестьян и их представителей во Второй — Четвертой Думах на правительственную аграрную реформу, в результате которой они бы получили землю в частную собственность. А главным землевладельцем в Беларуси, как известно, был «польский» (точнее, ополяченный) помещик. Таким образом, белорусские крестьяне, и объективно, и субъективно — в речах своих депутатов в Думе — выступали союзниками царизма в борьбе с «польским» землевладением, позволяя российским «правым» манипулировать собой.

По той же причине депутаты от крестьянской курии из белорусско-литовских губерний выступали против введения широкого местного самоуправления (автономии). Они боялись, что помещики, взяв в свои руки самоуправление в крае, не позволят затем провести аграрную реформу в

Немецкие солдаты катают белорусских детей. Барановичи, 1915 г.

Дети беженцев в очереди за крупой и сахаром. Бобруйск, осень 1915 г.

интересах крестьянства. В этой ситуации белорусской возрожденческой интеллигенции трудно было убедить крестьян в необходимости автономии для Беларуси, а российским черносотенцам, наоборот, легко было представить возрожденцев в качестве инструмента «польской интриги» в крае.

Однако уже с самого начала войны действия «союзника» (царизма) по отношению к социальному антагонисту белорусских крестьян настораживали последних. Перед угрозой территориальной и политической потери Польши царизм начал политическую игру с польскими помещиками. Уже 14 августа 1914 года, через две недели после начала войны, верховный главнокомандующий, великий князь Николай Николаевич заявил о том, что после войны Россия может признать автономию Польши в границах Российской империи.

Несколько позже были предприняты действия по созданию польской армии, первые её подразделения появились на белорусской земле весной 1915 года — сначала Пулавский легион (одна тысяча бойцов), затем польская стрелковая бригада (4 тыс. чел.). Хотя Февральская революция свергла царизм, начатую им «польскую политику» продолжало и Временное правительство — пусть на новой идеологической основе. К осени 1917 года был создан Первый польский корпус (три дивизии) под командованием генерал-лейтенанта Иосифа Довбор-Мусницкого, дислоцированный в ряде населенных пунктов Восточной Беларуси.

Сам по себе этот факт, возможно, и не очень бы волновал белорусских крестьян, но 22 октября 1917 года на съезде военнослужащих-поляков корпус получил задание защищать культурное наследие и имущество местного

польского населения. А это уже было посягательство на аграрную реформу, которую ожидали белорусские крестьяне. Появление вооруженной силы, готовой защищать интересы польских помещиков, вслед за провалом летнего «наступления» войск Западного фронта, позволило понять белорусскому крестьянству, что на поддержку российского государства в решении земельного вопроса рассчитывать больше не приходится.

Начало поворота в настроениях белорусского крестьянства в сторону «строительства своего дома» преимущественно собственными силами можно видеть в двух фактах, которые относятся к концу лета — началу осени 1917 года: в срыве хлебной монополии, установленной Временным правительством (крестьяне отказывались кормить войска, неспособные защитить страну) и в принятии белорусскими организациями курса на создание белорусской армии (Савіцкі В., с. 58).

Что касается первого факта, то его проще всего связать с экономическими интересами крестьян, но нельзя недооценивать и разочарования сельчан в оборонческой политике нового российского правительства, оказавшейся еще менее эффективной, чем политика царского правительства.

Более того: катастрофические результаты летнего «наступления» и начавшееся вскоре повальное бегство русских солдат с фронта свидетельствовали, что русский народ не хочет, а новое правительство неспособно его заставить воевать за возвращение западных территорий своего государства. И вдруг в это же время, при поддержке правительства, появился новый претендент на белорусскую землю, представленный Первым польским корпусом и многочисленными польскими общественными организациями. Белорусский народ остался наедине с этими проблемами, что и заставило национальные организации заняться созданием белорусской армии. Однако первые шаги в соответствующем направлении совпали с новым политическим переворотом в России — приходом к власти большевиков — и далее развивались в созданных переворотом крайне неблагоприятных условиях.

Однако указанные причины не исчерпывали мотивов, побудивших белорусские организации взяться за создание национальной армии. На Всебелорусском съезде в декабре 1917 года в числе таких мотивов указывалось на необходимость не допустить окончательного разорения края разваливавшейся российской армией, обеспечить защиту крестьян от польской вооруженной силы, защищавшей помещиков, и на необходимость поддерживать безопасность в случае стихийного возвращения на родину беженцев.

Все три акцентированные на съезде задачи вытекали из общей оценки национальными организациями ситуации, сложившейся в Беларуси после трех лет войны как трагического итога «российского беспорядка», от которого надо искать спасение. Национальная армия рассматривалась в качестве средства самообороны белорусского народа. Именно в таком виде — как идея национального спасения — белорусская национальная идея оказалась понятной и быстро распространялась в массах в последние месяцы 1917 года.

Неустойчивость России в борьбе с ее империалистическими соперниками, кризис российской государственности в ходе войны и начало ее распада по национальным швам преобразовали войну для белорусского народа в оптимистическую трагедию.

Оптимистический компонент заключался в том, что результаты войны не только заставляли искать спасение на пути удаления от империи, но и создавали шансы успеха на этом пути. Не последним среди этих шансов была эволюция сознания белорусского крестьянства в национальном духе, что впервые в истории создавало перспективу преобразования белорусского движения в массовое.

В этой связи обратим внимание на то, что одним из инициаторов проведения Всебелорусского съезда — рубежного события в процессе самоопределения белорусского народа — была организация, выступавшая от имени белорусского крестьянства: Белорусский областной комитет при Всероссийском совете крестьянских депутатов. Съезд прошел при поддержке, в т. ч. финансовой, местных земских организаций и Крестьянского союза, а крестьяне составляли значительную часть его участников.

Хотя они занимали на съезде наиболее соглашательскую и неустойчивую позицию, удивляет не это. Впечатляет их массовое участие в национальном форуме, что еще за полгода до съезда невозможно было представить. Отметим, что на созванный Белорусским комитетом общекраевой крестьянский съезд в апреле 1917 года прибыли только 52 делегата, а на Минском губерн-

Лагерь беженцев в Слуцке

ском съезде, который в том же месяце провели большевики, было свыше 800 делегатов от крестьян, но прошел он в антибелорусском духе.

Вместе с тем, констатируя эволюцию крестьянства в сторону национальных позиций, необходимо понимать, что и в то время, и в следующие несколько лет он сдерживался существенными объективными факторами. Эта эволюция шла двумя географически отдаленными друг от друга потоками — беженским и местным — и ощущала на себе влияние незавершенной борьбы крестьян за землю. Постепенное слияние двух потоков в один началось после подписания Советской Россией и Германией Брестского мира, когда в Беларусь начали возвращаться беженцы из России.

Однако через короткое время после завершения Первой мировой войны Беларусь снова была разделена, на этот раз фронтом польско-советской войны, и каждый новый поворот польско-советской борьбы снова обострял земельный вопрос для белорусского крестьянина. Однако выработанное им к концу 1917 года представление о «чужаках», на которых нельзя надеяться, устраивая свою жизнь, с того времени сильно засело в его сознании.

ЛИТЕРАТУРА

Аксёнов В. Б. Война и власть в массовом сознании крестьян в 1914—1917 годах: архетипы, слухи, интерпретации // «Российская история», 2012, № 4.

Асташов А. Б. Русский крестьянин на фронтах Первой мировой войны // «Отечественная история», 2003, № 2.

Бежанства 1915 года. Беласток, 2000.

Белявина В. Н. Беларусь в годы Первой мировой войны. Мн., 2013.

Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне. М., 2001.

Данилов Ю. Н. На пути к крушению: Очерки из последнего периода русской монархии. М., 1992.

Курцев А. Н. Беженцы Первой мировой войны в России // «Вопросы истории», 1999, № 8.

Лабынцев Ю. А. Повествования западнобелорусских беженцев-очевидцев о революционной России // Интернет-ресурс.

Рудовіч С. Час выбару: Праблема самавызначэння Беларусі ў 1917 годзе. Мн. «Тэхналогія», 2001. — 202 с.

Савіцкі В. Беларускае войска: ад ідэі да спроб рэалізацыі // «Беларускі гістарычны часопіс», 1994, № 4.

Смольянинов М. М. Беларусь в Первой мировой войне 1914—1918 гг. Мн., 2014.

Сухова О. «Кабы водку не запретили, не добыть бы нам свободы...» // Журнал «Родина», 2014, № 8.

Утгоф В. С. Белорусские беженцы Первой мировой войны. (Автореферат дис. ... канд. историч. наук). Санкт-Петербург, 2003.

БЕЛОРУС БОРИС СКОСЫРЕВ: ПЕРВЫЙ И ПОСЛЕДНИЙ КОРОЛЬ АНДОРРЫ

Максим Петров

Он был высокий, голубоглазый, всегда свежевыбритый. Нос прямой, греческий, под которым геометрически правильно размещались светлые усики. Узкая дорожка пробора разделяла волосы на две неравные части. В правой руке всегда трость с серебряной рукояткой.

Из воспоминаний о Борисе Скосыреве

Удивительно, но факт: о Борисе Скосыреве, уроженце Беларуси, оставившем яркий след в истории довоенной Европы, у нас не знает почти никто. Между тем, в нашей стране до сих пор живут его дальние родственники.

Что еще может порадовать граждан нынешней Беларуси, так это то, что в своих интервью газетчикам Скосырев называл себя «белым русским, родом из Вильни» (white russian born in Vilna) и только однажды, в беседе с корреспондентом журнала «Испания неделя за неделей», — назвался поляком из восточных провинций.

Правда, в 20—30 годы XX века европейская публика воспринимала слова «белый русский» не в смысле национальности, а как сторонника «белого» движения.

Однако ряд фактов позволяет думать, что сам Скосырев считал себя именно белорусом. Поэтому обидно, что в зарубежных исследованиях его называют то русским, то «уроженцем Литвы», то польским авантюристом. Между тем этот человек прожил увлекательную жизнь. Достаточно сказать, что девять дней он был королем Андорры — крошечного государства в Пиренеях!

Ранние годы

Борис Скосырев (Boris Skossyreff — в такой транслитерации он известен в Европе) родился 12 января 1896 года в Вильне, входившей тогда в состав Российской империи.

Его отцом был Михаил Михайлович Скосырев, матерью — Елизавета Дмитриевна Скосырева (урожденная графиня Маврос, в первом браке графиня Симонич). Всю последующую жизнь Скосырев подчеркивал тот факт, что он принадлежит к древнему аристократическому роду.

Отец с 1903 по 1915 год был земским начальником 7-го участка Лидского уезда Виленской губернии. Детство и юность будущего международного авантюриста прошли в Вильне и в имении Большая Лебеда возле Лиды.

В июле или в начале августа 1915 года в связи с оккупацией немцами значительной части Беларуси и Литвы семья уехала в Петроград, где у его матери были родственники и знакомые. Сам Борис во время допроса в Скотланд-Ярде в Лондоне в 1920-е годы заявил, что после Октябрьского переворота 1917 года его самого, отца и троих дядей арестовали большевики. По словам Бориса, всех его родственников замучили в Петропавловской крепости, а ему удалось чудом спастись и бежать на Запад. Честно говоря, это мало похоже на правду.

О Борисе Скосыреве написано немало. Документальную книгу написал каталонский писатель Антонио Морель-и-Мора; главу одной из своих последних книг ему посвятил Борис Акунин; в 2012 году телеканал ОНТ в цикле «Обратный отсчет» снял документальный фильм «Борис Первый. Король из Беларуси»; досконально изучил жизнь бывшего лидчанина историк Александр Кавка.

Но все, кто писал об этом человеке, сталкивались с множеством противоречивых и явно неточных сообщений. Он всегда вдохновенно врал про себя: легенды были частью его «пиар-компании». В результате вся его жизнь — сплошная вереница мистификаций.

Неизвестно, как прошли первые годы его жизни, неизвестно, где он учился. Учитывая, что в 1914-м году ему было только 18 лет, версия некоторых авторов об университетском образовании отпадает: максимум, что он успел закончить — это гимназия. Сам Скосырев, правда, утверждал, что учился в Оксфорде и в лицее имени Людовика Великого в Париже. Причем учился вместе с принцем Валлийским (Уэльсским) и тогда же познакомился с членами королевского семейства Нидерландов. Учеба в этих заведениях могла бы объяснить обширные светские связи Скосырева. Однако его имя в архивах Оксфорда не фигурирует. Лицей Людовика Великого тоже не знает такого ученика.

Оливер Локер-Лэмпсон

Скорее всего, отличное владение английским, французским и немецким языками, как и безупречные манеры джентльмена — результат

домашнего образования и воспитания. Однако какое-то официальное образование он все же имел, так как позже получил офицерский чин.

В 1916 или 1917 году Скосырев был зачислен в состав британского бронедивизиона, прибывшего на русский фронт, скорее всего — в качестве офицера-переводчика. Дивизионом командовал Оливер Локер-Лэмпсон (Oliver Locker-Lampson; 1880—1954), потомок древнего рода, впоследствии — депутат парламента от партии консерваторов и политический деятель.

Скосырев участвовал в действиях бронедивизиона на фронте против австрийцев. Там же он познакомился с генералом Александром Кутеповым (1882—1930): есть свидетельства того, что похищение Кутепова агентами ОГПУ в 1930 году сильно расстроило и напугало Скосырева.

В конце 1918 года дивизион Локер-Лэмпсона вернулся в Англию. Вместе с ним приехал и Борис Скосырев.

Эмиграция: начало

Итак, в возрасте 22-х лет Скосырев оказался в Лондоне — без связей, без родственников и без средств. Найти работу, несмотря на отличное знание четырех языков (включая русский), было трудно.

Наконец, Борис устроился переводчиком в аппарат военного атташе Японии в Лондоне. В январе 1919 года он открыл счет в Русско-Азиатском банке в Лондоне. Вероятно, в связи с началом работы на японцев. Однако это сотрудничество оказалось не очень успешным.

О жизни Скосырева в Англии кое-что известно по заметкам в газете «The Times». Правда, заметки очень короткие. Так, в конце 1919 года появилось сообщение о конфликте между Борисом Скосыревым и японским майором Хашимото. Речь шла о драке между ними и золотых часах, отобранных у майора. Единственное логичное объяснение произошедшего заключается в том, что японцы перестали платить Скосыреву, тот разругался со своим куратором, после чего в счет оплаты отнял у него золотые часы. Но это лишь предположение.

Вскоре после этого Скосырева снова задержал Скотланд-Ярд: чеки, которыми он расплачивался за жилье, еду и одежду, оказались необеспеченными. Кроме того, после ареста выяснилось, что он проживал в британской столице без необходимой тогда регистрации по месту жительства.

При рассмотрении дела в полицейском суде Скосырев признал вину и обещал оплатить все счета. Отсутствие регистрации он объяснил страхом перед агентами большевиков. Его освободили под «честное слово». Счета, кстати, вскоре были оплачены из неизвестных источников. Возможно, что деньгами ему помог Локер-Лэмпсон.

Тогда же Скосырев подал прошение в британский МИД разрешить въезд в Англию из России некой Ирины Скосыревой. Неясно, было ли прошение удовлетворено: в дальнейшей жизни Бориса эта женщина не фигурирует. Не исключено, что она была его первой женой.

Путешествия с неизвестной целью

Примерно в 1922 году Борис переехал из Англии в Нидерланды. Там, по его более поздним рассказам (в Каталонии и Андорре), он «оказывал серьезные и секретные услуги королевскому двору», за что королева Вильгельмина якобы даровала ему титул графа Оранского (фр. comte d'Orange).

Конечно же, это неправда. Дело в том, что титул «граф Оранский» является титулом членов королевской семьи. Лицо не королевской крови не может быть удостоено его. В архивах Нидерландов нет ни документов о службе Скосырева королевской семье ни, тем более, о даровании титула. Он не только не служил королеве, но в 1924 году даже фигурировал в списке «известных иностранных революционеров», подготовленном голландской службой безопасности. В той же бумаге Скосырев назван еще и «международным аферистом».

Борис Скосырев 13 июля 1935 года

Однако подданство королевы Нидерландов Скосырев получил! Историк Александр Кавка нашел в архивах голландский паспорт нашего героя за № 85154. Он был выдан в 1923 году консульством Нидерландов во французском городе Дижон. Именно из этого документа известны дата и место рождения Скосырева: 12 января 1896 года, Вильня. В паспорте он записан как барон: «Господин барон Борис Скосырев» (Monsieur le Baron Boris de Skossyreff), что является неправдой.

В паспорте имеется фотография Бориса, самая ранняя среди известных. На ней — модно одетый молодой человек в кепи и с моноклем. В паспорте также указаны некоторые личные данные: рост — 179 см, цвет волос — черный, нос — прямой, религия — «без религии», профессия — журналист.

В том же архиве историк обнаружил визитные карточки Скосырева с надписью «Kapt. B. v. Skossyreff, den Haag». Надпись свидетельствует о военном чине капитана, но, учитывая характер нашего персонажа, вряд ли можно это считать документальным свидетельством.

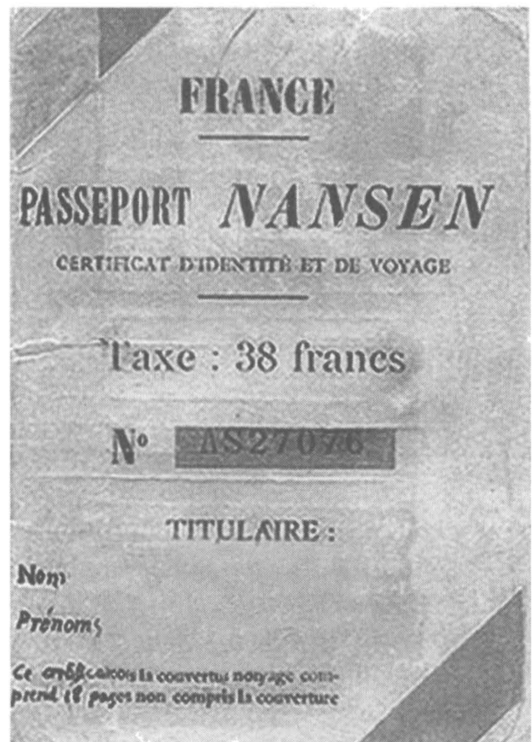
А в следующем 1924 году Скосырев обратился к бывшему командиру Локер-Лэмпсону за помощью. Тот выдал ему свидетельство о службе в британской армии во время войны. Поддержка этого человека открыла новые

перспективы. Скорее всего, они имели отношение к британской секретной службе.

Дело в том, что именно тогда (в 1924 г.) Скосырев заимел еще и нансеновский паспорт. Как известно, Европа 20—30-х годов XX века была переполнена беженцами из разных стран, пострадавших от войны и революций. Многие из них не имели никаких документов. Норвежец Фритьоф Нансен (1861—1930), который в 1920—21 гг. был верховным комиссаром Лиги Наций по делам военнопленных и беженцев, предложил выдавать таким людям паспорт от имени Лиги Наций, чтобы они могли устраиваться на работу и передвигаться по миру.

Нансеновский паспорт был удобен тем, что не указывал гражданство обладателя и позволял представляться кем угодно. Очень вероятно, что получение такого документа организовал Локер-Лэмпсон.

Получив два паспорта, Борис Скосырев вскоре отправился в Колумбию. В течение десяти лет (1924—33 гг.) он активно курсировал между Колумбией и Европой. За декаду Борис неоднократно побывал во Франции, Голландии, Бельгии, Германии, Великобритании, Португалии, Испании, Монако. При этом в Колумбии он использовал нансеновский паспорт.

Нансеновский паспорт

Во время частых поездок в Южную Америку Борис выучил испанский язык. Но о том, чем конкретно он занимался все эти годы, — неизвестно. Скорее всего, сочетал приятное (жизнь в роскошных отелях, пребывание на знаменитых курортах) с полезным (выполнением щепетильных поручений своего куратора — Локер-Лэмпосона). Не исключено также, что имел какое-то отношение к торговле наркотиками.

Из-за активных попыток повсюду проникать в «высший свет» к нему «прилипла» репутация шпиона: дескать, он агент британской секретной службы, и в то же время ...агент большевиков. Историк Александр Кавка считает, что британские спецслужбы действительно пользовались услугами Скосырева, но вряд ли он состоял в штате SIS*. Иначе трудно объяснить его финансовые трудности и афёры, допросы в полиции.

* Secret Intellegence Service — секретная разведывательная служба Великобритании. — *Ред.*

Однако ему всегда удавалось решать свои проблемы без скандалов. Видимо, он имел сильную поддержку со стороны могучей организации.

Фактом является то, что Локер-Лэмпсон и Скосырев поддерживали контакты как минимум до 1934 года. Вполне возможно, что связь между ними сохранялась и после Второй мировой войны. Что же касается большевиков, то «красных» Скосырев ненавидел всю свою жизнь.

Известно, что 21 марта 1931 года в городе Экс-ан-Прованс Скосырев женился на состоятельной француженке аристократического происхождения Мари-Луизе Пара де Гассье (Marie-Louise Parat de Gassier). Супруга была на несколько лет старше Бориса и не блистала красотой. Однако можно предположить, что она сильно влюбилась. Ничего удивительного: по свидетельствам очевидцев, Борис был симпатичным мужчиной с офицерской выправкой. Он тщательно следил за внешностью, обладал прекрасными манерами и тем трудно объяснимым обаянием, которое принято называть «харизмой». Дамы в годах именно от таких джентльменов теряют голову напрочь!

Сам Скосырев сказал в то время в одном из газетных интервью:

> Мужчина в моем положении должен быть безупречно одет, обязан пахнуть хорошим одеколоном и иметь на счете большую сумму денег.

В 1932 году в Нидерландах Скосырев учредил торгово-посредническую фирму. Она называлась «Boris de Skossyreff; import-export, representation» (Борис Скосырев; импорт-экспорт, представительские услуги).

Женитьба и дела свежеиспеченной фирмы (явно липовой) не мешали новым любовным связям. В 1932 году в Каннах Скосырев познакомился с английской аристократкой Филис Херд, урожденной Эварт-Смит. Вместе с Филис, или «Ламарес», как он ее называл, Борис жил в отеле городка Ситхес на Плайя дель Оро (Золотой пляж) в Испании. Кутежи до утра в дорогих ресторанах, монокль, трость с серебряной рукоятью, цветок в петлице — все это делало «барона» Скосырева заметным человеком. Частые отъезды «барона» не волновали администрацию отеля, так как его счета оплачивала Филис.

Но испанская полиция заинтересовалась знатной особой и узнала: «барон» ездил в Барселону, чтобы продавать драгоценности подруги.

Этот роман продолжался недолго. Уже через несколько месяцев Борис сменил Филис на американку Флоренс Мармон, 1881 года рождения.

Флоренс в прошлом была женой Говарда С. Мармона (1876—1943), владельца одной из крупных автомобильных компаний того времени «Marmon Motor Car Company» в Индианаполисе. Компания существует до сих пор под названием «Marmon Group», правда, автомобили давно не производит. Они развелись еще в 1914 году, но прежний муж платил миссис Мармон большие алименты, что позволяло ей вести шикарную жизнь. Флоренс стала спутницей Бориса на два с лишним года.

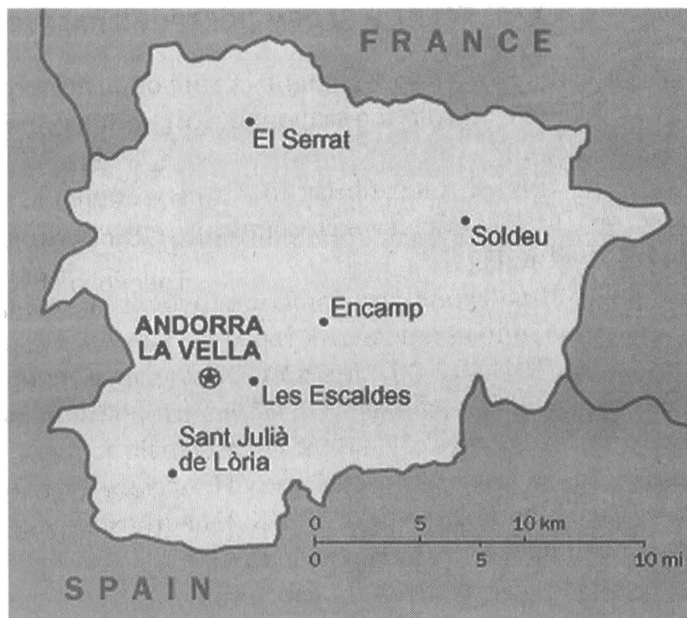
Кстати о наркотиках. В сентябре 1933 года газета «The Majorca Sun» в Пальма-де-Майорка, где расположились любовники, сообщила:

Сеньора Мармон и ее муж, капитан Борис Скосырев, были допрошены полицией по подозрению, что они ... могли иметь отношение к кокаиновому трафику.

Вероятно, подозрение имело под собой какие-то основания, так как их обоих в декабре 1933 года выслали с Майорки, главного острова Балеарского архипелага. Нелишне напомнить, что именно Колумбия с давних пор является главным в мире поставщиком наркотиков.

Король Андорры: как это было

В Андорре Скосырев впервые появился осенью 1933 года. Сейчас невозможно сказать, что его привело в этот глухой угол Европы. Но, независимо от причин, он там появился, пожил пару недель, осмотрелся, и него возник план.

Чтобы понять суть замысла Скосырева, надо сначала углубиться в историю. Андорра известна с 805 года. Но вплоть до 30-х годов XX века она вела патриархальную жизнь, замкнутую в глухом горном районе. Дороги туда отсутствовали, только тропы. Жители Андорры — потомки каталонских пастухов и земледельцев. Среди них до недавнего времени процветали такие древние обычаи, как общинная собственность на землю и пастбища, традиционное право вместо законов, клановость, кровная месть и т. п.

В 1278 году епископ испанского города Сео де Урхель подписал с французским графом Фуа соглашение о совместном правлении этим княжеством. Борьба за господство над долинами Андорры прекратилась. С того времени ею управляют два «князя»: с испанской стороны — епископ Урхельский, с французской — сначала графы Фуа, потом короли, а теперь префект департамента Восточные Пиренеи (от имени президента Франции).

В 1866 году была принята конституция. Согласно ей, законодательная власть принадлежит Генеральному Совету Долин (Consell General de les Valls) — 24 депутатам от шести горных долин. Исполнительную власть осу-

ществляют синдик, назначаемый Советом, и двое представителей (вигье) князей-соправителей.

Для сохранения нейтралитета андорцы специально не строили дорог, что служило надежной гарантией спокойствия. А когда по всей Европе появился телеграф, они лет десять валили по ночам телеграфные столбы и резали провода, так как считали, что телеграф нарушит спокойствие в стране. Но к началу 1930-х годов упрямство горцев удалось преодолеть. Испанская фирма построила шоссе, соединившее Урхель по одной линии с шестью андоррскими городками: Сан-Хулия де Лория, Андорра-ла-Вьеха (столица), Эскальдес, Энкамп, Канильо, Сольдеу.

Скосырев неоднократно посещал княжество Монако, где его восхищала политика властей: налоговый рай плюс доходы от туризма и казино. Аналогии между Монако и Андоррой напрашиваются сами собой. Вот где источник плана Скосырева.

Справка. Андорра — микрогосударство в горах Пиренеях, в долине реки Валира, на стыке границ Испании и Франции. Площадь 475 кв. км (то есть примерно 22 × 21 км). [Для сравнения: площадь Поставского района в Витебской области Беларуси — 2,1 тыс. кв. км, то есть в 4,5 раза больше.] В стране сейчас свыше 64 тыс. жителей, но в 30-е годы их было всего лишь 6 тысяч! Официальный язык — каталонский. Основа экономики — обслуживание ту-

Андорра зимой

ристов (особенно на горнолыжных курортах), беспошлинная торговля, разведение овец.

Монако — совсем крошечное государство (три городка, слившихся воедино — Монако, Монте-Карло, Ла-Кондамин) на берегу Средиземного моря. Его площадь — 4 кв. км (4 км вдоль берега, 1 км вглубь), население — 30,5 тыс. чел. Но в Монако зарегистрировано около 800 международных компаний и 50 банков, важные статьи дохода — туризм, игорные дома, выпуск почтовых марок для коллекционеров. В экономическом плане княжество процветает.

Разобравшись в обстановке (феодальные пережитки, отрезанность от внешнего мира, статус княжества как совладения епископа Урхельского и президента Франции), Скосырев решил извлечь из неё личную выгоду. 17 мая 1934 года он представил Совету Долин план экономических реформ. Реформы сводились к тому, чтобы отменить налоги с граждан Андорры, создать здесь игорные дома и горнолыжные курорты, ввести беспошлинную торговлю, привлечь иностранные инвестиции. В результате за несколько лет Андорра должна была стать процветающим уголком Европы.

Царь Андорры Борис I
...или Сон в летнюю ночь

При этом он предлагал себя на роль «короля» или «князя» Андорры. Эту претензию Скосырев подкрепил письмом Жана III Орлеанского, в котором тот передавал свои права на княжение в Андорре Скосыреву. Как это удалось Борису, неизвестно*.

План зантересовал Совет, но все же был отвергнут из-за нежелания членов Совета менять привычный образ жизни. Чтобы избавиться от заезжего реформатора, они обратились к соправителям. Уже 22 мая представители французских гражданских и испанских церковных властей подписали ордер на выдворение Скосырева из Андорры. Он уехал в один из испанских городов.

Однако от своего плана не отказался, 6 июля снова появился в Андорре. В местном архиве сохранились вырезки статей о Скосыреве из французских, испанских и шведских газет. По статьям видно, что Скосырев летом 1934 года стал самым популярным оратором на улицах столицы:

* С 1926 года, после смерти Филиппа VIII, не имевшего детей, главой французского королевского дома стал его двоюродный брат Жан III (1874—1940), герцог де Гиз. — *Ред.*

Хватит жить на задворках истории! Андорра должна впустить банковский и торговый капитал. До каких пор вы будете терпеть свой овечий суверенитет, при котором правят два чужих властителя, не лучше ли Андорре избрать своего короля?.

Он предложил народу: Андорра не отказывается от опеки, но самих опекунов надо заменить! Епископа Урхельского — на короля Испании: «Хуан III мой лучший друг!», а президента Франции — на главу французского королевского дома — Жана III Орлеанского, герцога Гиза, чьим заместителем в Андорре станет «граф Оранский», то есть сам Скосырев.

♦ ♦ ♦

В имеющихся публикациях можно найти немало красочных рассказов о жизни и авантюрах Бориса Скосырева, в том числе в Андорре. Однако они содержат много противоречий. Ниже дана хронология событий, основанная на секретных сообщениях, поступавших в Министерство иностранных дел Великобритании. Их нашел и опубликовал Александр Кавка.

O «rei» Boris, de Andorra

«Царь» Андорры Борис I

Итак, 17 мая 1934 года Скосырев подал властям Андорры заявление о своих правах на трон, подтвержденное письмом от Жана III Орлеанского, герцога Гиза.

22 мая испанская и французская стороны подписали ордер о его высылке. Сообщается, что Скосырев куда-то уехал.

6—7 июля Скосырев вернулся и предложил Генеральному Совету Долин программу реформирования экономики Андорры. По этой программе в стране надо было ввести режим беспошлинной торговли, поддерживать туризм, создать горнолыжные курорты и казино. Частью программы являлось признание Бориса монархом на основе согласия Жана III Орлеанского, который, по мнению Скосырева, был единственным законным наследником андоррской короны.

И вот народ на плечах внес с улицы в Генеральный Совет барона-графа-заместителя. Борис немедленно составил конституцию страны, которую отпечатал в местном информационном вестнике, а сотни экземпляров распространил в виде листовок. Конституция была очень краткой: всего 17 статей. Вот некоторые из них:

1. Вместо Генерального Совета учреждается парламент.
2. Его Величество Король представляет парламенту состав правительства.

5. Король будет лично представлять Андорру в Лиге Наций.
17. Король обладает правом роспуска парламента.

Главное то, что конституция гарантировала личные права и свободы граждан, в том числе избирательное право для всех андорцев независимо от пола, вероисповедания и политических взглядов.

Генеральный Совет дважды, 8 и 10 июля, одобрил экономическую программу и объявил Скосырева королем Андорры Борисом I. Совет голосовал оба раза 23 голосами «за», при одном воздержавшемся.

9 июля была принята Королевская Конституция, назначено новое правительство, принят новый флаг Королевства Андорра.

Первым днем существования королевства Андорра и вступления Бориса на престол надо считать 11 июля 1934 года, следующий день после повторного голосования Совета Долин.

Несомненно, на первых всеобщих выборах, назначенных на 1 августа, победили бы сторонники Бориса, внесшие его в здание Генерального Совета. Если бы он продержался всего несколько недель, то правил бы полностью легитимно. Но голова закружилась. Он написал и опубликовал 12 июля «Манифест», которым объявил войну епископу Урхельскому — сеньору Бисбе, за «оскорбление личности короля» в публичной печати. Возможно, если бы Скосырев знал о том, что камнем преткновения являются казино, он отказался бы от этого пункта плана, хотя бы на время. Но что случилось — то случилось.

Президент Франции Альбер Лебрен, по свидетельству современников, не придал значения потере титула со-князя Андорры и даже заявил, что Франция готова признать суверенитет нового королевства. Епископ Урхельский Жусти Гитарт-и-Вилардебо, как утверждали свидетели, против новоявленного монарха поначалу ничего не имел. Но его сильно смутило то, что в стране, соправителем которой он являлся, будут созданы игорные дома, эти «порождения дьявола». Именно угроза создания игорной индустрии в Андорре и стала причиной того, что епископ уже 11 июля выступил в прессе с порицанием и осуждением затеи Бориса Скосырева.

Епископ, предварительно договорившись с французской стороной, послал отряд из четырех гвардейцев и офицера. Они без труда рассеяли 16 полицейских «Страны Шести Долин» и утром 20 июля вошли в королевский сад, где Борис в одном халате пил чай.

Бориса в тот же день доставили в Барселону. В качестве причины ареста было заявлено «нарушение постановления о высылке от 8 декабря 1933 года» с Майорки. Однако он был схвачен каталонской гражданской гвардией не в Испании, а в Андорре, что делает этот арест незаконным!

23 июля Скосырева отвезли в Мадрид, где он «ответил на вопросы в центральном полицейском участке в присутствии большого количества журналистов». Со ссылками на документы Борис проследил историю «Андоррской

династии», заканчивающейся на Жане, герцоге Гизе. Отвечая на вопрос, является ли он прямым наследником герцогов Фуа и Гизов, Скосырев сказал, что по крови нет, но по факту — да, так как имеет согласие принца. Он пояснил также, что его претензии на трон Андорры основаны на «принципах рыцарства» и необходимости «защиты испанских жителей Андорры от эксплуатации в пользу Франции».

Исследователи отмечают, что именно «король Борис» впервые попытался дать андорцам гарантии гражданских прав и свобод. А его идеи развития страны путем беспошлинной торговли и стимулирования туризма значительно опередили время.

После Андорры

Информации о жизни Скосырева после андоррской авантюры очень мало и она противоречива.

Испанские власти не могли обвинить Скосырева в узурпации власти, поэтому его обвинили в нарушении двух ордеров: на выдворение с Майорки от 8 декабря 1933 года и из Андорры от 22 мая 1934 года. Через три с лишним месяца после ареста, 31 октября 1934 года, испанский суд приговорил Скосырева к одному году тюрьмы. Такой ход решал проблему с правовой точки зрения: если Скосырев не имел права находиться в Андорре, то и утверждение его монархом — юридически ничтожно, так как присутствие Скосырева на обоих заседаниях Совета Долин являлось незаконным.

Корреспондент газеты «New York Times», посетивший Бориса в мадридской тюрьме Модела, написал в ноябре того же года:

> Несмотря на то что Борис Скосырев, как и все испанские заключенные, носит синий комбинезон, этот претендент на трон Андорры с его неизменным моноклем в правом глазу, сохранил все свое королевское достоинство и флёр исключительности...

Флоренс Мармон, женщина, которая была любовницей, секретарем и деловым партнером Скосырева, в ноябре 1934 года вернулась в США на борту лайнера «Exochorda». Больше они не встречались.

Не дожидаясь конца срока наказания, испанские власти в январе 1935 года выслали надоедливого авантюриста в Португалию. Из Лиссабона Скосырев 25 февраля 1935 года на бланке отеля написал заявление Министру иностранных дел Нидерландов (на французском языке) с просьбой выдать ему новый паспорт.

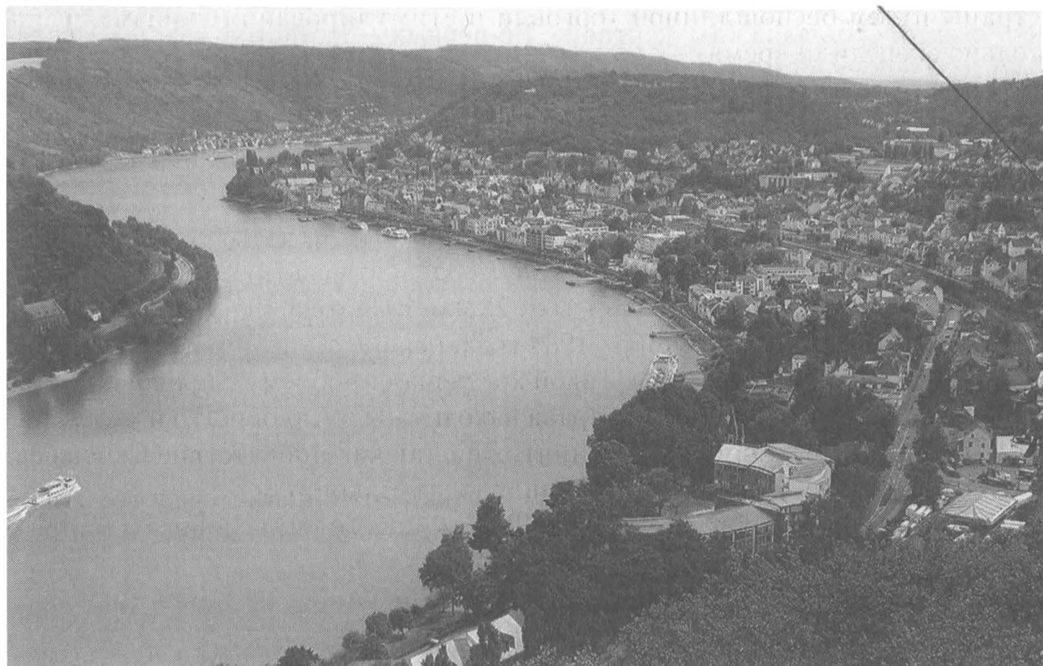
Вероятно, он его получил, так как в конце 1935 года покинул Португалию и уехал к законной супруге Мари-Луиз во Францию, в город Сен-Канна (Saint-Cannat)*. В архиве Андорры имеются вырезки с его интервью сен-каннской газете в 1938 году. Известно также, что в мае 1936 года он вместе с супругой

* Сен-Канна — городок в 15 минутах езды от Экс-ан-Прованс и в 36 км от Марселя.

приехал в Португалию и, возможно, посетил Испанию. Но из-за гражданской войны в Испании, начавшейся 18 июля, они вернулись во Францию.

9 февраля 1939 года Скосырева арестовали, так как был выписан ордер на изгнание его из Франции. Причины решения об изгнании неизвестны.

Однако у него не было действующего паспорта, поэтому его временно поместили в лагерь для интернированных иностранцев вблизи города Манд. 25 апреля он получил приказ покинуть французскую территорию в течение трех дней. Лагерь он покинул, но никуда не уехал.

Город Боппард (Boppard) на Рейне

Как известно, 3 сентября 1939 года Франция объявила войну Германии. В этой связи 7 октября 1939 года Скосырева опять арестовали — в числе многих других «нежелательных иностранцев» — и отправили в лагерь Верне в городе Арьеж (Ariege), в департаменте Пиренеи — Юг. Русский врач и журналист Александр Рубакин (1889—1979), тоже попавший в этот лагерь, упомянул о встрече с бывшим королем Андорры в книге воспоминаний, опубликованной в 1960 году в Москве.

Известны две версии того, что произошло с Борисом Скосыревым после 1939 года. Первую он изложил в письмах к доктору Лопесу. В октябре 1942 его освободили из лагеря Верне немцы и направили на оккупированную территорию СССР, где он работал переводчиком в органах оккупационной власти. В 1945 году попал в плен и был помещён в лагерь для военнопленных, в

котором находился до 1956 г. После этого вернулся в Германию и поселился в городе Боппард, где жил жизнью «стопроцентного мелкого рантье».

Вторая версия: Скосырев попал в советский плен уже в Германии, так как содержался в лагере для интернированных иностранцев на территории Восточной Германии.

Обе эти версии не подтверждаются никакими документами, включая советские. Кроме того, если бы Скосырев вернулся из Сибири живым, то его как «белогвардейца» ни в коем случае не отпустили бы в Западную Германию*. А вот почему он всё это придумал, понять не так уж трудно — решил изобразить себя «дважды жертвой». Во-первых — нацистов: «заставили работать на себя», разумеется, переводчиком, и не в карательных органах, а в гражданской администрации; во-вторых — жертвой коммунистов.

Итак, реальна только жизнь в Боппарде**. Во-первых, доктор Франциско Фернандо Лопез, португальский друг Скосырева, в 1958 году получил из Боппарда несколько писем, подписанных Скосыревым и его женой Марией-Луизой. Во-вторых, на городском кладбище Боппарда имеется надгробная плита с надписью «Boris von Skossyreff» и датами жизни: 1900–1989.

Скосырев-переводчик

В каких краях пребывал Скосырев с 1942 по 1958 год, чем занимался, на какие средства существовал — все это покрыто мраком неизвестности.

Мари-Луиза умерла в 1965 году, а Борис Скосырев — 27 февраля 1989 года, дожив до 93 лет.

Как видим, последние годы этого необычного человека, нашего с вами соотечественника, остаются еще более туманными, чем вся его предыдущая жизнь.

На этом можно было бы закончить, однако немецкий историк Герхард Ланг недавно нашел в архивах новые документы о Борисе Скосыре

* В «Советской Исторической Энциклопедии» (том 1, Москва, 1961, ст. 573) в статье об Андорре есть любопытное упоминание: «1934–41 — авантюра русского белоэмигранта Б. Скосырева, объявившего себя князем Борисом I и пытавшегося захватить власть в Андорре».

** Город Боппард (17 тыс. жит.) находится на Рейне, недалеко от Коблепнца. Он знаменит своими превосходными винами и привлекает много туристов. От Боппарда ходят прогулочные теплоходы к знаменитой скале Лорелей и в Рюдесхайм, вдоль самых живописных мест рейнской долины, со многими знаменитыми замками. — *Ред.*

Geheimagent Nr. 1358

Der Mann, der Deutschland vor der Atombombe rettete

7 TAGE

Geheimagent Nr. 1358

Der Mann, der Deutschland vor der Atombombe rettete

Hitlers Meisterspion bricht in der nächsten Ausgabe sein Schweigen

Die goldenen Augen

Geheim-agent 1358

99.-

REGULA

Статья под заголовком «Тайный агент 1358» была опубликована в немецкой газете «Семь дней» в 1963 году, а вскоре из под-пера Эберхарда фон Цвеля вышла и книга «Наш человек в Ялте. Барон фон Скосырефф и секретное поручение Гитлера».

ве. Из них видно, что 31 декабря 1957 года Скосырев развелся с Мари-Луизой Пара де Гасье.

А 3 апреля 1969 года, в возрасте 73 лет, он женился на 30-летней женщине из саксонского города Брунсвик, по имени Разита. Далее она упоминается в документах как Разита фон Скосырева. Супруги прожили совместно 20 лет — вплоть до смерти Скосырева 27 февраля 1989 года.

Кстати говоря, с этим браком связана еще одна мистификация. В брачном свидетельстве записано, что супруг родился в 1900 году, та же дата выбита на надгробной плите в Боппарде. Не является ли мистификацией общепринятый 1896 год рождения «короля»? Может быть, Борис добавил себе в 1916 году четыре года, чтобы попасть на военную службу? Очередная загадка. Написать достоверную биографию этого человека уже невозможно.

Борис Скосырев — представитель яркой породы европейских авантюристов, таких как граф Сен-Жермен или граф Валицкий. Казалось бы, они давно ушли в прошлое, но это не так. Еще в середине прошлого века человек такого склада характера, оказывается, жил в Европе и считал себя белорусом!

ПРИЛОЖЕНИЕ. ИСТОРИЯ РОДИТЕЛЕЙ БОРИСА СКОСЫРЕВА

В окрестностях деревни Белогруды на Лидчине когда-то существовало имение Тарново. С 1811 года им пользовался (а с 1825 г. владел) Тадеуш Андрейкович. Его сын, Юлий Андрейкович, в 1850-е годы продал имение Константину Кашицу (1828—1881) — сыну новогрудского маршалка (предводителя уездного дворянства) Юзефа Кашица, бывшего офицера 19-го уланского полка ВКЛ (в 1812 г.), участника восстания 1831 года, находившегося в эмиграции.

К. Кашиц принял участие в восстании 1863 года, за что был осужден и сослан. Однако каким-то образом сумел быстро вернуться домой и 25 мая 1866 года продал имение Тарново вместе с фольварками Рубики, Щитники, Белогруда, Чижовщина и Банцевичи (около 2500 десятин земли) генерал-майору российской армии Дмитрию Мавросу (1820—1896) за 56.300 рублей.

Д. Маврос принадлежал к очень знатному роду греческого происхождения. С 1650 года Мавросы жили в Молдавии, где породнились со знатными молдавскими семьями — Кантакузен, Суцо и Гика. Дед Дмитрия, Георгий Маврос, был даже господарём Молдавии. В феврале 1876 года австро-венгерский император Франц-Иосиф I пожаловал Мавросам графский титул. А император Александр II указом от 1 октября 1876 года признал этот титул Мавросов в России.

Дмитрий Маврос с 1852 года был женат на графине Екатерине Ивановне Симонич (1829—1890), дочери графа И. О. Симонича (1792—1850). Иван Симонич, хорват или далматинец по происхождению, был офицером в армии Наполеона. В 1812-м он попал в плен к русским, а в 1816-м поступил на службу в российскую армию. В Тифлисе он женился на вдове, княгине Орбелиани, от которой имел сына Николая и дочь Екатерину.

У Дмитрия и Екатерины Маврос было пятеро детей: Мария (1852 г. р.), Анна (1856 г. р.), Александра (1860 г. р.), двойняшки Николай и Елизавета (1861 г. р.).

Генерал Д. Маврос кроме имения Тарново купил еще и дом в Вильне, на Георгиевском проспекте (ныне проспект Гедимина), а в имении бывал только летом. Но с 1880-х годов, выйдя в отставку, он постоянно жил в имении.

Всех четырех дочерей Д. Маврос выдал замуж: Марию — за Фёдора фон Эксе, жандармского генерала, Анну — за лидского помещика Слизня, Александру — за некоего Чепелевского. Но интересна история брака только младшей дочери — Елизаветы*.

Некоторое время генерал Маврос в связи с делами жил в Петербурге. Там Елизавета познакомилась с молодым графом Николаем Симоничем, своим двоюродным братом. Вспыхнула любовь.

Николай Николаевич Симонич (1862—1915) — внук основателя рода Ивана Осиповича Симонича, был единственным сыном майора Грузинского

* После смерти Д. Мавроса имение Тарново перешло по наследству к сыну — Николаю Дмитриевичу (1862—1919), который умер бездетным.

гренадёрского полка Н. И. Симонича и Елены Мелиховой, дочери адмирала Василия Мелихова (1794—1863). После ранней смерти родителей его воспитывала бабушка, вдова адмирала В. И. Мелихова. Видимо, она считала внука изрядным шалопаем, ибо, завещав ему четырехэтажный дом в Петербурге (по улице Моховой, 26), поставила условием, что внук не может продать его до своего 30-летия. Она думала, что к этому возрасту внук «возьмется за ум». Однако граф, достигнув 30 лет, немедленно продал дом, быстро растратил деньги и прожил дальнейшую жизнь бедным человеком. Но в 1883—1884 годах деньги у него еще были, как и дом в столице, поэтому Н. Симонич считался хорошим женихом.

3 февраля 1884 года в церкви Сводно-Казачьего полка на Обводном канале состоялось венчание. Жених был прихожанином совсем другой церкви, и это понятно, знавший его священник не обвенчал бы 22-летнего графа с 23-летней двоюродной сестрой! Режиссёром и инициатором этого сомнительного деяния стал отец невесты. Граф Дмитрий Маврос хотел как можно скорее выдать дочь замуж.

Молодые поселились в собственном доме по улице Моховой. У них родился сын Александр (1884—1889), который умер ребенком, и дочь Мария, позже воспитывавшаяся в Смольном институте благородных девиц.

Довольно быстро брак Н. Симонича и Е. Маврос распался. Елизавета Дмитриевна вернулась на Лидчину, в родное Тарново. Именно поэтому малолетний сын Александр похоронен возле церкви в Лебеде.

А 12 января 1896 года Елизавета родила сына Бориса, отцом которого был отставной корнет Михаил Михайлович Скосырев.

Чтобы упразднить брак с Симоничем, графиня пошла на рискованный шаг. Еще до рождения Бориса, в декабре 1895 года псаломщик Лебедской Свято-Николаевской церкви Лидского уезда Михаил Рафалович (якобы по своей инициативе) сообщил в Санкт-Петербургскую духовную консисторию о незаконности брака Симоничей — Николая Николаевича и Елизаветы Дмитриевны. Петербургская консистория начала следствие по этому делу, которое было завершено в мае 1898 года. Было доказано, что отец мужа — Николай Иванович и мать жены, Екатерина Ивановна — родные брат и сестра, а их дети — двоюродные брат и сестра. Супружество лиц в такой степени родства запрещено законом.

Граф Н. Н. Симонич объяснил, что вступил в брак с Е. Д. Маврос по легкомыслию, недоразумению и юношеской влюбленности, и что доверенным лицам ничего не было известно об их родстве. Священник, который их венчал, тоже не знал этого. Графиня Елизавета Симонич (урожденная Маврос) пояснила, что не знала до брака о своем родстве с мужем.

Никого из старшего поколения Мавросов и Симоничей в то время уже не было в живых. Старый священник, венчавший Николая и Елизавету, уважаемый в Петербурге протоиерей Иоанн Философов заявил, что граф Д. Мав-

рос обманул его: обещал, но так и не представил необходимое свидетельство о троекратном объявлении в Вильне о предстоящем браке.

Духовная консистория приговором от 29 мая упразднила брак Симоничей, наложив на бывших супругов епитимью (церковное покаяние), и направила сообщение прокурору, который начал уголовное дело. Однако 27 января 1899 года после доклада министра юстиции император Николай II приказал прекратить это дело.

Вступать в новые браки им можно было только через 7 лет. Но, несмотря на запрет, Елизавета Дмитриевна вскоре вышла замуж за Михаила Михайловича Скосырева. Это видно из прошения, датированного 3 сентября 1900 года на имя начальницы Смольного института по делу дочери от первого брака Марии, в котором бывшая графиня Симонич фигурирует уже как Скосырева, причем указывает своим местом жительства поместье Большая Лебеда Лидского уезда.

Михаил Скосырев (выпускник кавалерийского училища в Твери) с 25 ноября 1900 года указан в памятной книжке Вильни как чиновник для особых поручений «за штатом» управления Виленского генерал-губернатора. Елизавета Дмитриевна — как участковая попечительница в Виленском благотворительном обществе. Семья жила в Вильне, в доме Горского в Горном переулке.

1 декабря 1903 года М. М. Скосырев получил должность земского начальника 7-го участка Лидского уезда Виленской губернии и находился на этом посту до лета 1915 года. Одновременно он возглавлял добровольное Пожарное общество в Желудке. В 1904-м году, по сведениям виленской памятной книжки, семья жила в Вильне на Большой Погулянке.

С 1906 года постоянным местом проживания семьи Скосыревых является имение Большая Лебеда. Однако адресная книга Вильни за 1913 год указывает адрес Скосыревой Е. Д. в городе Вильно, в доме № 1 на Георгиевском проспекте, телефон 14-17. Вероятно, это был отцовский дом, которым владел брат Скосыревой. Может быть, супруги поссорились?

С 1914 года Елизавета Дмитриевна состояла в попечительском совете Лидской частной женской гимназии Ф. и В. Новицких. Местом жительства семьи Скосыревых записано местечко Желудок (Лидская улица). С 1915 года М. Скосырев жил в Желудке, а его жена — в Лиде.

ИСТОЧНИКИ

Лаўрэш Л. Кароль Андоры з-пад Ліды // «Маладосць», 2014, № 10.

Alexander Kaffka. The Russian King of Andorra: Fantasies and Facts // Papers de Recerca Històrica. 2009. Vol. 6, p. 147—154.

Morell-i-Mora A. Boris I, rei d'Andorra (Борис I, король Андорры). Ed. La Magrana, 1984. — 116 p. (ISBN 84-7410-157-3)

Борис Первый. Король из Беларуси. /Документальный фильм из цикла «Обратный отсчет»/ Канал ОНТ, 16 сентября 2013 г.

Часть 3
ВОЙНА: ЧТО Ж ТЫ, ПОДЛАЯ, СДЕЛАЛА...

КРАСНЫЙ ДЕНЬ ФЕВРАЛЯ

Максим Петров

Достать чернил и плакать,
Рыдать над февралем навзрыд...

Б. Пастернак

Прошло уже 25 лет от того момента, когда с политической карты мира исчезло государство под названием Советский Союз. Вместо него появились 15 независимых государств. Это грандиозное событие произошло в результате сочетания целого ряда причин — экономических, политических, идеологических. Достаточно вспомнить хотя бы о знаменитом «параде суверенитетов» в бывших союзных республиках!

Но вот интересный вопрос — в какой мере постсоветские государства избавились от советского идеологического наследия?

В некоторых из них его последовательно устраняют. Именно так обстоит дело в Эстонии, Латвии, Летуве, Украине, Грузии... Здесь приняты законы о ликвидации всего, что символически связано с советской властью и коммунистической идеологией. К сожалению, ситуация в Беларуси выглядит с точностью наоборот. У нас цепляются даже за то, от чего отказались в Российской Федерации — государстве, официально объявленном правопреемником СССР.

К числу таких рудиментов прошлого в Беларуси относятся четыре «красных дня» календаря — День Красной Армии (стыдливо переименованный в День защитника отечества); Международный день женщин (убрано определение — «революционерок»); Международный день солидарности трудящихся; День октябрьской революции.

Давайте разберемся: что мы празднуем 23 февраля?

По одной версии, 23 февраля — день рождения Красной Армии. Это неправда. Декрет о создании добровольческой Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА) председатель Совета народных комиссаров России В. И. Ульянов (Ленин) подписал почти на месяц раньше указанной даты — 28 января 1918 года (15 января по старому стилю).

По другой версии, в этот день под Псковом были остановлены и разгромлены кайзеровские войска, наступавшие на Петроград — столицу России и «колыбель революции». Однако документально установлено, что 23 февраля под Псковом не было ни боев, ни тем более победы.

И, наконец, третья версия: большевики придумали праздник 23 февраля специально для того, чтобы люди забыли буржуазно-демократическую революцию, свергнувшую монархию. Революция началась в 1917 году именно 23 февраля. Нужно было чем-то «закрыть» этот день.

Третья версия представляется наиболее убедительной. «Ведь если наше внимание отвлекают, значит, это кому-то нужно...».

И еще одно замечание: ни одна из этих версий не имеет отношения к Беларуси!

КАКИЕ СОБЫТИЯ ПРОИСХОДИЛИ В ФЕВРАЛЕ 1918 ГОДА

15 декабря 1917 года (2 декабря по старому стилю) во дворце Немцевичей в Скоках (9 км на север от Бреста) представители правительства большевиков заключили перемирие с немцами*. В Скоках находилась Ставка командующего германским Восточным фронтом, генерал-фельдмаршала Леопольда (1846—1930), принца Баварского. Вот запись из его дневника:

> 15 декабря. Генерал Гофман имел весь день жесткую борьбу с русскими уполномоченными; вел переговоры очень элегантно и привел их к заключению. Это произошло в 11 часов вечера, когда смогли представить документы готовыми. Затем мы собрались в нашей большой столовой, где эти документы были торжественно подписаны... Это было мировое историческое событие, которое, пожалуй, ни один участник не забудет. Акт подписания фотографировался со вспышкой для сохранения будущим поколениям.

Перемирие распространялось на весь Восточный фронт. Срок его действия стороны установили в 28 дней. За это время предполагалось заключить мирный договор. Действительно, переговоры вскоре начались, в связи с чем перемирие было продлено еще на месяц. Однако подписать мирный договор не удалось ни за месяц, ни за два.

Условия его, озвученные германским военным командованием, фактически означали капитуляцию России, несмотря на то, что она войну не проиграла. Немцы, на деньги которых большевики вели подрывную работу сначала против царского, а затем временного правительства, не собирались церемониться с этими предателями своего Отечества. Но большевики скрывали от российских граждан свою истинную роль, поэтому затягивали переговоры (известная по учебникам позиция Л. Д. Троцкого «ни мира, ни войны»), при-

* В одних источниках говорится, что перемирие было подписано в местечке Солы под Сморгонью, в других — что в Бресте, но это не соответствует фактам. Ошибка связана с тем, что местонахождение Ставки в Скоках долгое время хранилось в секрете.

творялись, будто бы они ведут на переговорах «упорную дипломатическую борьбу с германскими империалистами».

Когда немцам надоела комедия, а именно 18 февраля 1918 года, их командование объявило о прекращении перемирия и начале наступления по всей линии Восточного фронта. На северо-восточном участке его вели войска 8-й германской армии. Сформированные из добровольцев небольшие «летучие отряды, не встречая сопротивления, продвигались на поездах, автомашинах и санях далеко впереди от медленно подтягивающихся главных сил».

Двинувшись от линии Пинск — Барановичи — Сморгонь — Двинск (Даугавпилс) — Рига, немцы за одну неделю (с 19 по 25 февраля) заняли Слуцк, Минск, Полоцк, Опочку, Псков, Ревель и ряд других городов*. Историк Юрий Фельштинский пишет:

> Из-за царившей у большевиков паники и слухов о приближении мифических германских войск города и станции оставлялись без боя ещё до прибытия противника. Двинск, например, был взят немецким отрядом в 60—100 человек. Псков был занят небольшим отрядом немцев, приехавших на мотоциклах. В Режице германский отряд был столь малочислен, что не смог занять телеграф, который работал ещё целые сутки.

Газеты тех дней сообщали:

> Совет народных комиссаров Западной области начал организовывать отряды для защиты города [Минска]. Однако, узнав о приближении врага, эта охрана тут же бросила свои посты и бросилась к вокзалам, занимая поезда приступом. Жители заперлись в домах, в городе угасло электричество.

Город Люцин (в Латвии) был занят следующим образом:

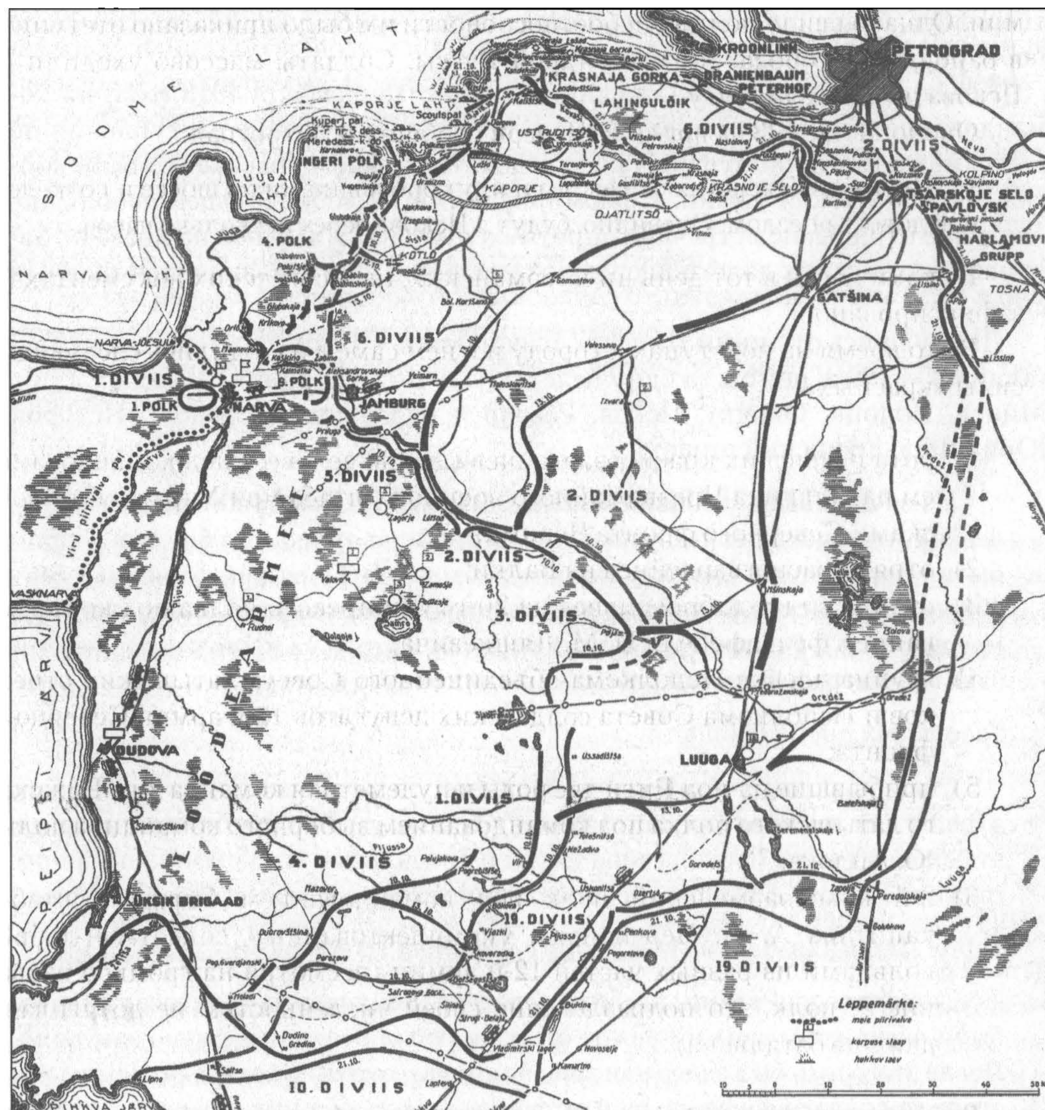
> ...прибыло из Режицы всего 42 человека (немцев) в двух вагонах. Немцы были очень утомлены и прежде отправились в буфет, где сытно закусили. После этого ими был задержан эшелон солдат, готовых к отъезду. Немцы построили солдат в шеренгу на платформе, отобрали у них ружья и заявили: «Теперь вы свободны. Марш, куда хотите, только паровозов не получите».

Для захвата Пскова, являвшегося центром российского Северного фронта, германское командование выделило 5 полков (4 пехотных, 1 кавалерийский) и артиллерийские части. Эти войска продвигались к Пскову по железным и шоссейным дорогам с юга (из Острова) и юго-запада (из Валки).

Непосредственно для захвата Пскова были двинуты летучие отряды 53-го корпуса. Заняв 21 февраля Режицу, немцы подогнали сюда состав, захваченный в Двинске (нынешнем Даугавпилсе), поставили на платформы

* В Минск немецкие войска вошли в ночь с 20 на 21 февраля, не встретив ни малейшего сопротивления.

Карта наступления германских войск на Псков

полевые орудия, защитили их мешками с песком (поэтому в советской литературе он фигурирует как «бронепоезд») и поехали к Пскову.

Член управления войсками Северного фронта Борис Позерн (1882–1939) отмечал крайнюю малочисленность наступавших на Псков немцев:

> По сведениям, они исчисляются чуть ли не ротами, хотя выигрыш их в том, что у них есть артиллерия и кавалерия. Это, как кажется, в небольшом количестве.

21 февраля Псков был объявлен на осадном положении. В городе находилось много солдат бежавшей из-под Двинска и Риги российской 12-й ар-

мии. Однако ввиду полной небоеспособности им было приказано отступить в районы Новгорода, Луги и Старой Руссы. Солдаты массово уходили из Пскова по шоссе на Лугу.

Около 21 часа 23 февраля Б. Позерн сообщил в Петроград:

> Немцы в 25 верстах от Пскова и идут броневиками по шоссе и по железной дороге поездом. Очевидно, будут в Пскове через несколько часов.

Никаких боев в тот день ни в германских, ни в советских документах не зафиксировано.

В это время на подступах к городу и в нем самом находились следующие силы «красных»:

1) рота псковских красногвардейцев (до 100 человек) под командованием начальника Чрезвычайного военного штаба при Управлении войсками Северного фронта Черных;
2) отряд красногвардейцев из Валки;
3) отряд солдат-добровольцев из 20-го Сибирского полка под командованием фельдфебеля И. М. Ляшкевича;
4) группа членов Исполкома объединённого Совета латышских стрелков и Исполкома Совета солдатских депутатов 12-й армии Северного фронта;
5) прибывшие из-под Риги две роты и пулемётная команда 2-го Рижского латышского полка под командованием выборного командира полка Ю. Аплока;
6) 2-й красноармейский полк под командованием бывшего штабс-капитана А. И. Черепанова, укомплектованный солдатами-добровольцами из разных частей 12-й армии (несмотря на громкое название — полк, это подразделение своей численностью не дотягивало даже до батальона).

Во всех этих формированиях, вместе взятых, было чуть больше тысячи человек.

В своих мемуарах, изданных через 38 лет после описываемых событий, Черепанов утверждает, будто бы вечером 23 февраля его полк на линии рек Черёха — Многа (в 10—15 км от города) вступил в боевое столкновение с немцами, наступавшими вдоль железной дороги, и ненадолго остановил их.

Однако это заявление далеко от правды. Черепанов просто подстроился к официальной версии событий, а она связывала реальный бой на Черёхе, произошедший позже, с датой 23 февраля и настаивала на победе красноармейцев.

Историк А. Михайлов установил, что бой на реке Черёхе произошёл днём 24 февраля. И не бой это был, а перестрелка.

Далее, по словам Черепанова, немцы обошли его полк, и он отступил за Псков, прикрывая шоссе на Лугу, по которому продолжалось бегство солдат 12-й армии:

> С занимаемой позиции было хорошо видно, как бесконечной вереницей двигались от Пскова на восток обозы и деморализованные части старой армии.

В самом Пскове 24 февраля начались погромы:

> Утром 24 февраля напряжение достигло наивысших размеров. Начинались грабежи, которые с трудом прекращались. На рыночной (ныне Советской) площади зам. председателя Совета Клейнешехерт, командированный для прекращения грабежей, был убит группой погромно-настроенных солдат. Труп лежал на площади, безучастно носились мимо него люди в разные стороны.

Немцы просёлочными дорогами обошли правый фланг псковских красногвардейцев и в 18 часов 24 февраля заняли станцию Псков-1 (севернее города). После этого 2-й полк Черепанова и латыши Аплока отступили в северном направлении. Оставшиеся в городе небольшие группы красногвардейцев в разных местах вели по немцам ружейно-пулемётный огонь. Наиболее ожесточённый бой развернулся в ночь с 24 на 25 февраля на углу улиц Сергиевской и Великолуцкой (ныне Октябрьский пр. и ул. Советская). Участник этих событий В. Лемзаль позже вспоминал:

> Красногвардейцы защищались мужественно и почти все полегли.

А в сводке германской ставки сообщалось:

> Наши войска наткнулись на сильное сопротивление. В ожесточённом бою они разбили врага, город взят.

Около 10 часов вечера 24 февраля отступавшие к Пескам псковские красногвардейцы взорвали расположенный рядом с вокзалом пироксилиновый склад, как раз в тот момент, когда на его территорию вошёл немецкий батальон, при этом погибли 270 германских военнослужащих (30 офицеров, 34 унтер-офицера, 206 солдат). Немецкое командование признало, что в результате этого взрыва оно потеряло больше солдат и офицеров, чем за все время 250-километрового наступления на Псков. В отместку немцы казнили в Пскове 140 пленных красногвардейцев, большевиков и должностных лиц советов.

Б. Позерн сообщил в Петроград о взятии Пскова только 26 февраля:

> Город был взят небольшими силами немцев. Наша беда в отсутствии подготовки, а также в том, что никакими приказами нельзя изменить заранее подготовленного настроения — не продолжать войну. О теперешнем положе-

нии немцев сведений точных не имею. Первая станция от Пскова — Торошино — ещё у нас. Это 20 верст от Пскова.

Германские войска 25 февраля прекратили дальнейшее наступление на этом направлении и высылали из Пскова лишь кавалерийские разъезды с целью разведки. В той же телеграмме Б. Позерн просил подкреплений. Секретарь наркомвоенмора Косташевский ответил ему:

> Отряды красногвардейцев спешно формируем и высылаем на фронт. По направлению к Пскову нами двинут отряд Пехлеванова, с которым установите связь*.

В оперативной сводке советского командования за 27—28 февраля сказано:

> ...немцы из Пскова не выходили с целью наступательных операций... продвижение немцев из Пскова не замечается, несмотря на заманчивую возможность захвата нашей артиллерии и обозов, следовавших по псковскому шоссе на Новоселье.

Посмотрим теперь, что происходило с другой стороны фронта.

Еще 28 (15) января 1918 года Совет народных комиссаров РСФСР издал Декрет о создании добровольческой Рабоче-Крестьянской Красной армии (РККА). А 20 января (2 февраля) он был опубликован в официальном печатном органе Совнаркома.

На фронте началась запись солдат-добровольцев, из которых формировали красноармейские роты, мало-помалу сводившиеся в полки. Но в Петрограде первый пункт записи в Красную армию открылся лишь 21 февраля, то есть на четвертый день германского наступления.

В тот же день был создан Комитет революционной обороны Петрограда во главе с Яковом Свердловым. Вечером 22 февраля в Петроград по вызову В. И. Ульянова-Ленина прибыл из Могилёва начальник штаба Верховного главнокомандующего бывший генерал-лейтенант Михаил Бонч-Бруевич (1870—1956), фактически возглавивший оборону «колыбели революции». После совещания с представителями новой власти Бонч-Бруевич приступил к работе в Смольном, где разместился в комнате по соседству с кабинетом Ленина.

Утром 23 февраля Совнарком получил германский ультиматум. На рассмотрение его условий немцы дали 48 часов. На вечернем заседании ЦК РСДРП(б) Ленин, несмотря на сильную оппозицию, убедил членов ЦК принять ультиматум. Он считал, что главное — ценой любых потерь сохранить в стране власть своей партии. В ночь на 24 февраля ультиматум был принят большинством всего в два голоса. Утром Ленин телеграфировал в Берлин:

* Иордан Пехлеванов (1877—1955) — бывший полковник Генерального штаба, болгарин по происхождению.

Совет Народных Комиссаров постановил условия мира, предложенные германским правительством, принять и выслать делегацию в Брест-Литовск.

Однако неспешное продвижение германских войск продолжалось вплоть до подписания мирного договора 4 марта в Бресте, а на отдельных участках и после этого.

Днем 23 февраля 1918 года было опубликовано воззвание Совета Народных комиссаров (СНК) от 21 февраля «Социалистическое отечество в опасности», а также «Воззвание военного главнокомандующего» Николая Крыленко, которое заканчивалось словами:

...Все к оружию. Все на защиту революции. Поголовная мобилизация для рытья окопов и высылка окопных отрядов поручается советам с назначением ответственных комиссаров с неограниченными полномочиями для каждого отряда. Настоящий приказ рассылается в качестве инструкции во все советы по всем городам.

В тот же день председатель Совнаркома Ульянов-Ленин опубликовал в большевистской газете «Правда» статью «Мир или война», в которой настаивал на необходимости немедленного заключения мира с немцами.

Надежды большевиков на добровольческие красноармейские части и «пролетарскую» Красную Гвардию не оправдались. Владимир Антонов-Овсеенко (1883–1939) вспоминал:

...сводные отряды в значительной части оказались недееспособны, дали большой процент дезертирства, ослушания. Отряды Красной Гвардии обнаружили слабую выносливость, плохую маневренность и боеспособность.

Более того, узнав о готовящемся преобразовании Красной гвардии в Красную армию, многие петроградские красногвардейцы сдали оружие и разошлись по домам.

Не удивительно, что в статье «Тяжелый, но необходимый урок», опубликованной в вечернем выпуске «Правды» 25 февраля, Ленин так охарактеризовал ситуацию тех дней:

Мучительно-позорные сообщения об отказе полков сохранять позиции, об отказе защищать даже нарвскую линию, о невыполнении приказа уничтожить всё и вся при отступлении; не говорим уже о бегстве, хаосе, безрукости, беспомощности, разгильдяйстве (...) В Советской республике нет армии.

В том же номере «Правды» М. Бонч-Бруевич призывал:

Смертельный удар занесен над Красным Петроградом! Если вы, рабочие, солдаты, крестьяне, не хотите потерять своей власти, власти Советов, — до последнего издыхания сражайтесь с разбойниками, которые надвигаются

на вас! Все к оружию! Сливайтесь немедленно в красные социалистические батальоны и идите победить или умереть!

Однако народные массы не горели желанием «сливаться», а тем более умирать за «власть советов». Напротив, значительная часть российского общества приветствовала наступление немцев. Вот как это описывал писатель Иван Бунин (1870—1953):

> В газетах — о начавшемся наступлении немцев. Все говорят: «Ах, если бы!»... Вчера были у Б. Собралось порядочно народу — и все в один голос: немцы, слава Богу, продвигаются, взяли Смоленск и Бологое... Немцы будто бы не идут, как обычно идут на войне, сражаясь, завоевывая, а «просто едут по железной дороге» — занимать Петербург...

А вот что записал в своем дневнике 19 февраля 1918 года писатель Михаил Пришвин (1873—1954) о разговорах на Невском проспекте:

> Сегодня о немцах говорят, что в Петроград немцы придут скоро, недели через две. Попик, не скрывая, радостно говорит: Ещё до весны кончится. Ему отвечают: Конечно, до весны нужно: а то и землю не обсеменят, последнее

Матросы одного из сводных отрядов Балтийского флота

зерно выбирают. Слабо возражают: Думаете, немцы зерно себе не возьмут? Отвечают убеждённо: Возьмут барыши, нас устроят, нам хорошо будет и себе заработают, это ничего.

Именно ввиду приближения германских войск Совнарком РСФСР 26 февраля принял решение о переводе всех органов власти в Москву.

Демаркационная линия прошла в 16 километрах от Пскова между станциями Торошино и Черняковицы. С советской стороны в районе Торошино находились 1-й красноармейский полк, 6-й и 7-й латышские стрелковые полки, отряды красногвардейцев петроградских заводов, бронепоезд, батарея Михайловского училища и 2-й пулемётный запасной полк. Все они входили в состав Псковского отряда, который к 28 февраля имел 1300 штыков и 63 конных разведчиков, 87 пулемётов и 4 трёхдюймовые пушки*.

По данным историка С. А. Иванова, 4 марта они нанесли поражение немцам у Черняковиц. Историк А. В. Ганин отметил удачные для красных столкновения с неприятельскими передовыми частями у сёл Черняковицы и Яхнова, которые показали немцам, что дальнейшее наступление без потерь невозможно.

Отпор заставил немцев не только прекратить дальнейшее наступление на этом участке, но и отвести свои передовые части назад, ближе к Пскову.

На Нарвском направлении немцы (Северный корпус) начали наступление 25 февраля. В полдень 3 марта они подошли к городу. Его защищали отряды Нарвского боевого участка: сводный красноармейский отряд Кляве-Клявина, группа венгров-интернационалистов во главе с Белой Куном, отряд Владимира Азина и отряд моряков Павла Дыбенко, под общим командованием Дыбенко, назначенного комендантом Нарвы. В сумме более тысячи человек.

Около 15 часов дня красногвардейцам удалось остановить немцев примерно в 5 км от города, но выдержки у них хватило только на несколько часов: вечером красные «без напора со стороны немцев» бежали из Нарвы. Немцы, не зная об этом, вошли в город только на следующее утро.

Бежавшие из Нарвы красные части сосредоточились в Ямбурге, где их пытался организовать прибывший из Петрограда генерал Дмитрий Парский (1866—1921). Он даже вынашивал планы контрудара по Нарве. Однако моряки не только категорически отказались возвращаться в Нарву, но и бежали далее в Гатчину, причём Дыбенко увез в своем поезде Парского, которому с трудом удалось выбраться и вернуться в Ямбург. В 22 часа 4 марта он телеграфировал:

> Нарва занята крайне слабыми силами. (...) Все матросские эшелоны отправились с комиссаром Дыбенко [к] Гатчине. Оборонять позицию у Ямбур-

* Отмечу, что общая численность 4-х полков, артбатареи, команды бронепоезда и сводного отряда красногвардейцев была вдвое меньше штата стрелкового полка 1914 года (2500 чел.).

га были несклонны. Красногвардейские части отправляю из Ямбурга вслед за матросами. По примеру последних и красногвардейцы стали колебаться; больше никаких вооружённых сил под рукой у меня нет, потому снял артиллерию с позиции, отдал распоряжение отправлять остающиеся эшелоны с имуществом, сам выезжаю через четверть часа.

Матросы — ударный отряд революции

Вот так Ямбург был оставлен и возвращён только на следующий день, когда на помощь Парскому прибыли подкрепления. Немцы сюда не входили, они оставались в Нарве. По данным Парского, их силы были невелики:

> ...не более нескольких батальонов и двух полков конницы, причём в самом городе расположен отряд из батальона пехоты, одной кавалерийской части, броневых машин и самокатчиков.

В это время уже вступил в действие Брестский договор, поэтому немцы остановились на линии Псков — Нарва.

П. Е. Дыбенко (1889—1938) вместе со своими матросами захватил в Гатчине пассажирский поезд и две цистерны со спиртом, после чего двинулся дальше. Вдогонку глава высшего военного совета М. Бонч-Бруевич рассылал по стране телеграммы:

...немедленно задержать Дыбенко и препроводить в Москву за самовольное оставление вместе с отрядом боевой позиции под Нарвой.

В самом конце марта «героев» обнаружили в Самаре, за Волгой! Где они находились почти месяц после бегства с фронта, покрыто мраком неизвестности. Дыбенко под конвоем привезли в Москву и предали суду Революционного трибунала. Суд постановил:

За отход от Нарвы и самовольный отъезд с фронта Дыбенко исключить из партии и отстранить Дыбенко с занимаемого поста.

Надо пояснить, что этот матрос, имевший начальное образование, занимал в то время пост народного комиссара РСФСР по военно-морским делам! Но уже в 1922 году его восстановили в партии. В дальнейшем Дыбенко переквалифицировался в сухопутного вояку*. Он командовал войсками Средневазиатского, Приволжского и Ленинградского военных округов. И только летом 1938 года получил от исполнителя НКВД пулю в затылок — вполне заслуженно!

КАК ДЕНЬ 23 ФЕВРАЛЯ СТАЛ ПРАЗДНИЧНЫМ

Россия только в 1918 году перешла со старого стиля летосчисления на новый, то есть с юлианского календаря на григорианский. Большинство же стран Западной Европы жили по новому стилю еще с середины XVI века. Это сейчас мы говорим, что Октябрьская революция произошла 7 ноября по григорианскому календарю, а в 1917 году в России это событие пришлось на 25 октября.

8 марта 1911 года в революционных кругах Германии и Австро-Венгрии по предложению известной социалистки Клары Цеткин был впервые отмечен День женщины-революционерки. Через два года круг отмечающих этот праздник пополнили российские революционеры, жившие в то время по старому стилю. Какой день был в России, когда в Европе в 1913 году праздновали 8 Марта? Это было 23 февраля!

Таким образом, на протяжении 5 лет, вплоть до 1918 года, в России 23 февраля революционеры и «сознательные пролетарии» отмечали день женщин-революционерок! Газета «Правда» в 1917 году писала:

Задолго до войны пролетарский Интернационал назначил 23 февраля Днем международного женского праздника.

25 января 1918 года Совет народных комиссаров России принял постановление о переходе на новый календарь. Первым днем после 31 января объявили не 1 февраля, а 14 февраля. День Октябрьской революции в первые

* Зато за ним числится немало подвигов сексуального характера. В частности, 5 лет (1917—1922) он являлся гражданским мужем известной революционерки-нимфоманки Александры Коллонтай, которая была старше его на 17 лет.

годы после перехода отмечали и 25 октября (по старому стилю), и 7 ноября (по новому).

А что было делать с Днем женщины-революционерки, раз в Европе его отмечали 8 марта? В России его тоже стали праздновать в марте, но и на 23 февраля приходилось весьма серьезное революционное событие: начало февральской революции, в результате которой пала монархия. Память о ней надо было обязательно вытравить из сознания граждан. А то ведь они могли задуматься о судьбе Российской Демократической Республики, провозглашенной 3 сентября 1917 года, о разгоне Учредительного Собрания 19 (6) января 1918 года, о введении большевиками смертной казни декретом от 23 февраля 1918 года...

♦ ♦ ♦

Как уже сказано выше, декрет об организации Красной Армии был подписан председателем Совнаркома Лениным 28 (15) января 1918 г.

Через год, 10 января 1919 года, Председатель высшей военной инспекции РККА Николай Подвойский (1880—1948) отправил во ВЦИК предложение отпраздновать годовщину РККА 28 января:

> 28 января исполняется год со дня издания Советом Народных Комиссаров декрета о создании Рабоче-крестьянской Красной армии. Было бы желательно отпраздновать годовщину создания Красной армии, приурочив празднование к 28 января, дню издания декрета.

Павел Дыбенко (с бородой) и командиры красногвардейских отрядов

Его просьба была рассмотрена только 23 января. ВЦИК отказал. Но 24 января Президиум Моссовета рассматривал вопрос «Об устройстве праздника в ознаменование годовщины создания Красной Армии» и совместил празднование с днём Красного подарка — 17 февраля. День Красного подарка планировался как своеобразная благотворительная акция, когда население, по замыслу большевиков, должно было жертвовать подарки для красноармейцев*. Но так как 17 февраля пришлось на понедельник, день Красного подарка и, соответственно, годовщину РККА перенесли на ближайшее воскресенье, то есть на 23 февраля.

Газета «Правда» сообщила:

> Устройство дня Красного подарка по всей России перенесено на 23 февраля. В этот день по городам и на фронте будет организовано празднование годовщины создания Красной Армии, исполнившейся 28 января.

И лишь три года спустя, 27 января 1922, было опубликовано постановление Президиума ВЦИК о 4-й годовщине Красной армии, в котором говорилось:

> В соответствии с постановлением IX Всероссийского Съезда Советов о Красной армии Президиум ВЦИК обращает внимание исполкомов на наступающую годовщину создания Красной армии (23 февраля).

Так удалось «закрыть» неудобную для новой власти февральскую дату.

В 1923 году широко праздновалось 5-летие РККА. Именно тогда, по мнению историка В. Миронова, стали делать первые попытки придумать некое событие, оправдывающее эту дату. Впервые день 23 февраля был прямо назван днём опубликования декрета о создании Красной армии в постановлении Президиума ВЦИК от 18 января 1923 года. А в приказе Реввоенсовета Республики от 5 февраля 1923 года, подписанном его председателем Л. Д. Троцким, событие, послужившее поводом для праздника, было определено так:

> 23 февраля 1918 г., под напором врагов рабочее и крестьянское правительство провозгласило необходимость создания вооружённой силы.

В том же году в журнале «Военная мысль и революция» было заявлено, что 23 февраля в Петрограде якобы сформировали первый отряд красноармейцев, принимавший участие в боях с немцами на северо-западном направлении.

В следующем году в журнале «Военный вестник» появилась фотокопия декрета Ленина об организации Красной армии от 28 (15) января 1918 года, но с ложной датировкой его 23 февраля. В. Миронов объясняет это тем, что

* На практике в этот день сотрудники ВЧК в компании с «сознательными пролетариями» и членами «комбедов» (комитетов бедноты) ходили по домам и отбирали у людей все, что им приглянулось, — под предлогом, что отобранное якобы будет передано красноармейцам.

сформировавшемуся к тому времени партийно-бюрократическому аппарату было «важно и выгодно скрыть позор 1918 года».

Однако даже через десять лет, в 1933 году, председатель Реввоенсовета и наркомвоенмор СССР Климент Ворошилов в выступлении на торжественном заседании, посвящённом 15-летней годовщине РККА, признал:

> Кстати сказать, приурочивание празднества годовщины РККА к 23 февраля носит довольно случайный и трудно объяснимый характер и не совпадает с историческими датами.

ПОЯВЛЕНИЕ МИФА О «ПОБЕДЕ ПОД ПСКОВОМ И НАРВОЙ»

Миф о «победе под Псковом и Нарвой» (в феврале 1918 года) придумал лично И. В. Сталин. Впервые он появился в материале, опубликованном в газете «Известия» 16 февраля 1938 года под заголовком «К 20-летию РККА и ВМФ. Тезисы для пропагандистов». Соответствующий тезис звучал следующим образом:

> Под Нарвой и Псковом немецким оккупантам был дан решительный отпор. Их продвижение на революционный Петроград было приостановлено. День отпора войскам германского империализма стал днём юбилея молодой Красной Армии.

Партия сказала: «Надо!» Художники ответили: «Есть!»
В. К. Дмитриевский, И. В. Евстигнеев, Г. И. Прокопинский. Рождение Красной армии. 1954 г.

В сентябре того же года этот миф был развит и закреплён в опубликованной в газете «Правда» главе из «Краткого курса истории ВКП(б)» в выражениях, практически аналогичных предыдущему тексту:

> Вооруженная интервенция немецких империалистов вызвала революционный подъём в стране. В ответ на брошенный партией и Советским правительством клич «Социалистическое отечество в опасности!» рабочий класс ответил усиленным формированием частей Красной армии. Молодые отряды новой армии — армии революционного народа — героически отражали натиск вооружённого до зубов германского хищника. Под Нарвой и Псковом немецким оккупантам был дан решительный отпор. Их продвижение на Петроград было приостановлено. День отпора войскам германского империализма — 23 февраля — стал днём рождения молодой Красной армии.

Гораздо более решительную формулировку Сталин использовал в своем приказе от 23 февраля 1942 года:

> Молодые отряды Красной Армии, впервые вступившие в войну, наголову разбили немецких захватчиков под Псковом и Нарвой 23 февраля 1918 года. Именно поэтому день 23 февраля 1918 г. был объявлен днём рождения Красной армии.

Именно эту версию многие годы поддерживала государственная пропаганда в СССР. И даже сейчас сталинскую выдумку упорно отстаивают некоторые публицисты и штатные идеологические работники как в России, так и в Беларуси.

С 1946 года 23 февраля в СССР ежегодно отмечался всенародный праздник — «День Советской Армии и Военно-Морского Флота в ознаменование всеобщей мобилизации революционных сил на защиту социалистического Отечества, а также мужественного сопротивления отрядов Красной Армии захватчикам».

В этот день в Москве и в столицах союзных республик устраивали артиллерийские салюты, а в военных гарнизонах — парады расквартированных там частей. Кроме того, 23 февраля люди стали праздновать как неофициальный день мужчин: женщины поздравляли товарищей по работе, своих родных и близких.

«ПОЧЕМУ МЫ ОТМЕЧАЕМ ДАТУ, КОГДА НАШУ СТРАНУ СДАВАЛИ НЕМЦАМ?!»

Как известно, на 23 февраля 1918 года вся западная часть Беларуси уже два с половиной года находилась под немецкой оккупацией.

А в марте 1918 года в Бресте был подписан мирный договор с Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией на условиях фактической капитуляции России — с передачей огромной территории под контроль войск

противника, с признанием независимости трех прибалтийских государств, Украины и Грузии, с выплатой колоссальной контрибуции золотом, продовольствием и промышленным сырьем.

По условиям Брестского мира большевистский Совнарком РСФСР отдал немцам всю Беларусь. Немцы ушли из Минска только в декабре 1918-го, через месяц с лишним после капитуляции Германии перед западными союзниками. Так почему мы считаем праздником дату, когда нашу страну сдавали немцам?!

Минский журналист Владимир Богданов правильно заявил в своей статье:

> Я считаю, что 23 февраля — один из самых нелепых и, даже сказал бы, стыдных праздников для Беларуси. Безусловно, должен быть День защитников Отечества. Но только не 23 февраля! Нужно смотреть в глаза фактам.

Совершенно иное мнение о ситуации с датой 23 февраля у начальника управления информации Министерства обороны, полковника Владимира Макарова.

— Владимир Матвеевич, почему за точку отсчета истории Вооруженных Сил Беларуси берется именно 23 февраля 1918 года?

— Потому что 23 февраля ассоциируется с созданием и действием Рабоче-крестьянской Красной армии, которая спасла человечество от фашизма.

С Красной армией ассоциируется этот величайший подвиг, а также освобождение Минска 11 июля 1920 года и освобождение Минска 3 июля 1944 года.

Декрет о создании Рабоче-крестьянской Красной армии был подписан 15 января 1918 года. Но дата 23 февраля — это сакральная дата, сакральный символ. Поэтому ее мы берем за отсчет.

— Историки говорят о том, что 23 февраля 1918 года Минск и Беларусь были под немецкой оккупацией.

— Совершенно верно. Но речь идет о сакральном символе. Ибо Беларусь была, есть и останется республикой, которая является духовным продолжателем традиций и Красной армии, и Советского Союза. Лучших традиций. Продолжателем традиций государства, которое спасло человечество.

В. Богданов категорически не согласен с мнением представителя Минобороны:

> Почему мы тогда не празднуем 22 июня? Ведь тоже можно сказать, что с этой даты началась Великая Отечественная война, в ходе которой мы переломили хребет фашистской гадине. Ладно, люди привыкли к 23 февраля как к Дню защитников Отечества. Так хотя бы сверху в эту дату не вкладывали ничего, как можно говорить о 95-летии Вооруженных сил?

Мы что, не имеем собственной истории? Ведь в той же официальной идеологии есть другие даты (например, 3 июля 1944 года), которые можно более удачно связать с Днём защитника Отечества.

С моей точки зрения, празднование Дня защитника Отечества в день, когда Родина была продана врагу, оскорбительно для чувств тех же защитников Отечества.

Главный воинский праздник современных России и Беларуси назначен на 23 февраля вовсе не из-за отсутствия альтернативы. Здесь видна та же логика, что побудила вернуться к мелодии советского гимна: желание наследовать не тысячелетней исторической России, а созданному путем ее уничтожения СССР. Сохраняя праздник 23 февраля, власть ориентирует нынешнюю Российскую армию на преемственность с армией Красной, созданной в 1918 году.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Безусловно, в независимом суверенном государстве, каковым вот уже 25 лет является Республика Беларусь, должен существовать День защитников Отечества.

Но только не 23 февраля! Факты убедительно свидетельствуют, что дата 23 февраля связана с историей Беларуси (и России) самым постыдным образом. В период с 16 февраля по 3 марта 1918 года большевистское руководство сдавало территорию Беларуси и северо-западной части России германским войскам.

Бросаются в глаза следующие моменты:

а) Для наших чиновников самый главный авторитет в вопросах истории (как и во всех других вопросах) — действующий президент. Между тем свое «знание» отечественной и мировой истории «первое лицо государства» доступно и ярко продемонстрировало несколькими поистине замечательными высказываниями. Например, оно изволило заявить, что Франциск Скорина (умерший в 1541 г.) окончил Санкт-Петербургский университет (открытый в 1725 г.).

Но если завтра «первое лицо» вдруг пересмотрит вопрос о дате дня защитника Отечества, то послезавтра все макаровы без исключения дружно и рьяно последуют за ним. Сомневаться в этом не приходится.

б) Чиновники, подобные В. М. Макарову, с невероятным усердием продолжают отстаивать «завоевания Великого Октября» и прочие «ценности» советского государства, прожившего весьма короткую жизнь и вдребезги разлетевшегося в результате столкновения с суровыми реалиями экономики.

Однако людям, чье мировоззрение формировалось в стенах высших военно-политических училищ, крах попытки практической реализации коммунистической идеи представляется какой-то досадной случайностью.

Никакому пересмотру установки их сознания не подлежат. Болезнь неизлечима, так как деформированные в коммунистическом духе взгляды на общество, закономерности его развития, его ценности, мораль и пр. составляют суть их морально-психологического содержания.

в) Соответственно, многочисленные исторические исследования и публицистические работы, начало которым положила статья в журнале «Новый мир» еще в 1960-е годы (!), авторы которых весьма убедительно доказали — на документальном материале — что дата 23 февраля была взята, что называется, с потолка, для макаровых не имеют абсолютно никакого значения.

ИСТОЧНИКИ

Волков С. В. Праздник государственной измены? // «Новая газета», 2012, № 19 (12 февраля).

День напрасно красный // «Новая газета», 2003, 17 февраля.

Кораблев Ю. Защита Республики. Как создавалась Рабоче-Крестьянская Красная Армия. // Переписка на исторические темы: диалог ведёт читатель. М.: Политиздат, 1989.

Лежепёков В. М. 23 февраля: так что же мы празднуем? // Сайт «Великая эпоха», 25 февраля 2006.

Ленин В. И. Мир или война (напечатано 23 февраля 1918 г.) // ПСС. Том 35.

Миронов В. 23 февраля. История фальсификации. // «Новый часовой. Русский военно-исторический журнал». 1994, № 1, с. 39— 42.

Николаев П. А. Интервенция Германии. // Интервенция на Северо-Западе России 1917—1920 гг. СПб.: «Наука», 1995.

Парский Д. Воспоминания и мысли о жизни и службе в Ямбургском отряде Красной армии в марте — апреле 1918 г. // Военно-исторический сборник. Выпуск 2. Москва, 1919.

Послание Патриарха Тихона по поводу заключения Брестского мира. 5 (18) марта 1918 г. // Интернет.

Трошичев М. Что на самом деле надо праздновать 23 февраля // Сайт 812'ONLINE (22 февраля 2013).

Фельштинский Ю. Крушение мировой революции. Брестский мир. Москва: «Терра», 1992.

Черепанов А. И. Под Псковом и Нарвой. М.: Воениздат, 1956.

ПРАВДА О БРЕСТСКОЙ КРЕПОСТИ

Анатоль Тарас

Многие исследователи заявляли и доказывали на конкретных примерах, что вся история Великой Отечественной войны с первого ее дня и до последнего полностью изолгана. Типичный пример — все, что связано с Брестской крепостью. Поэтому имеет смысл кратко познакомиться с ее подлинной историей.

Часть 1. КТО, КОГДА И ЗАЧЕМ ПОСТРОИЛ БРЕСТСКУЮ КРЕПОСТЬ

Один из распространенных мифов относительно Брестской крепости таков: она служила форпостом на западной границе Российской империи*.

Есть и другой миф, близкий к этому. Город назвали Брестом-Литовским для того, чтобы обозначить границу территории Великого Княжества Литовского (ВКЛ).

Но ВКЛ на своем юго-западном рубеже начиналось не с Бреста. Откройте 2-й том «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі», изданный в 1994 году, на страницах 388, 391, 394, 397, где помещены цветные карты ВКЛ, соответственно, в XIII—первой половине XIV вв., во второй половине XIV—XV вв., в конце XVI века, в XVII веке. И вы увидите, что на всех четырех картах расстояние от Бреста до границы с Королевством Польским достаточно велико, около 100 км!

Самым западным городом ВКЛ на протяжении всей его 550-летней истории был Дарагичин, расположенный в 70 км на северо-запад от Бреста (ныне в Польше он называется Драгичин). Более того, граница между ВКЛ и Польшей проходила в 25—30 км западнее Дарагичина. Так что Брест ни во времена суверенного ВКЛ, ни в эпоху федеративного союза с Польским королевством не был «пограничным городом»**. Брестом-Литовским его назвали польские картографы с той целью, чтобы отличать от Бреста-Куявского, расположенного в Центральной Польше.

После захвата Россией в конце XVIII века всего ВКЛ и большей части территории Польши западная граница империи прошла намного дальше

* Форпост (нем. Vorposten) — передовой пост, передовая позиция.

** Условной датой «начала» ВКЛ можно считать 1245 или 1246 год, когда Миндовг присоединил к своим владениям Новогородскую землю, а правителем Полоцка назначил своего наместника. Речь Посполитая имеет точные даты рождения и смерти — 1659 и 1795 гг. Суверенное ВКЛ существовало более 410 лет; в составе Речи Посполитой оно находилось 136 лет. И все эти 546 лет Брест не был «пограничным городом».

Бреста. На самом коротком участке (по направлению на Ченстохов) прямое расстояние от Бреста до границы с Прусским королевством составило 350 км!

Впервые в своей истории Брест превратился в пограничный город 26 октября 1939 года, когда по реке Буг прошла граница между нацистской Германией (в которой территория оккупированной Польши называлась генерал-губернаторством) и большевистским Советским Союзом.

Ложное представление о Бресте как «пограничном городе России» сформировала советская пропаганда. Поскольку в июне 1941 года германские войска молниеносно (в течение нескольких часов) захватили Брест, советские идеологи сознательно сделали этот город символом «западной границы СССР» в выстроенной ими системе мифических представлений о Второй мировой войне. Соответственно, они вбивали в головы советских людей выдумку о «пограничном русском городе Бресте». Типичный пример: маршал Георгий Жуков в своих мемуарах написал: «Брест — древний пограничный русский город».

Отсюда возникает вопрос: ради чего российский император Николай I решил строить крепость в Бресте, если от него до западной границы империи было, на разных направлениях, 350—400 километров?

Ответ на вопрос указывает время принятия решения. Как известно, 28 ноября 1830 года в Польше началось мощное антироссийское восстание, продолжавшееся 11 месяцев, по октябрь 1831 года. Фактически оно представляло собой национально-освободительную войну, в ходе которой происходили серьезные сражения между польскими и российскими войсками.

Николай I в 1832 году решил, что для быстрого подавления новых выступлений польских мятежников необходимо иметь на территории Польши, Северо-Западного и Юго-Западного краев мощные опорные пункты (крепости) с постоянными гарнизонами, складами оружия, боеприпасов, провианта.

Соответственно, в 1830—1840-е годы в западном регионе империи были построены восемь крепостей.

В Польше — Александровская на окраине Варшавы; Новогеоргиевская (она же Модлин) в 30 км севернее Варшавы, при слиянии Вислы и Нарева; Ивангородская — южнее Варшавы, при слиянии Вислы и Вепша; Замостье — в верховьях Вепша, на правом берегу реки.

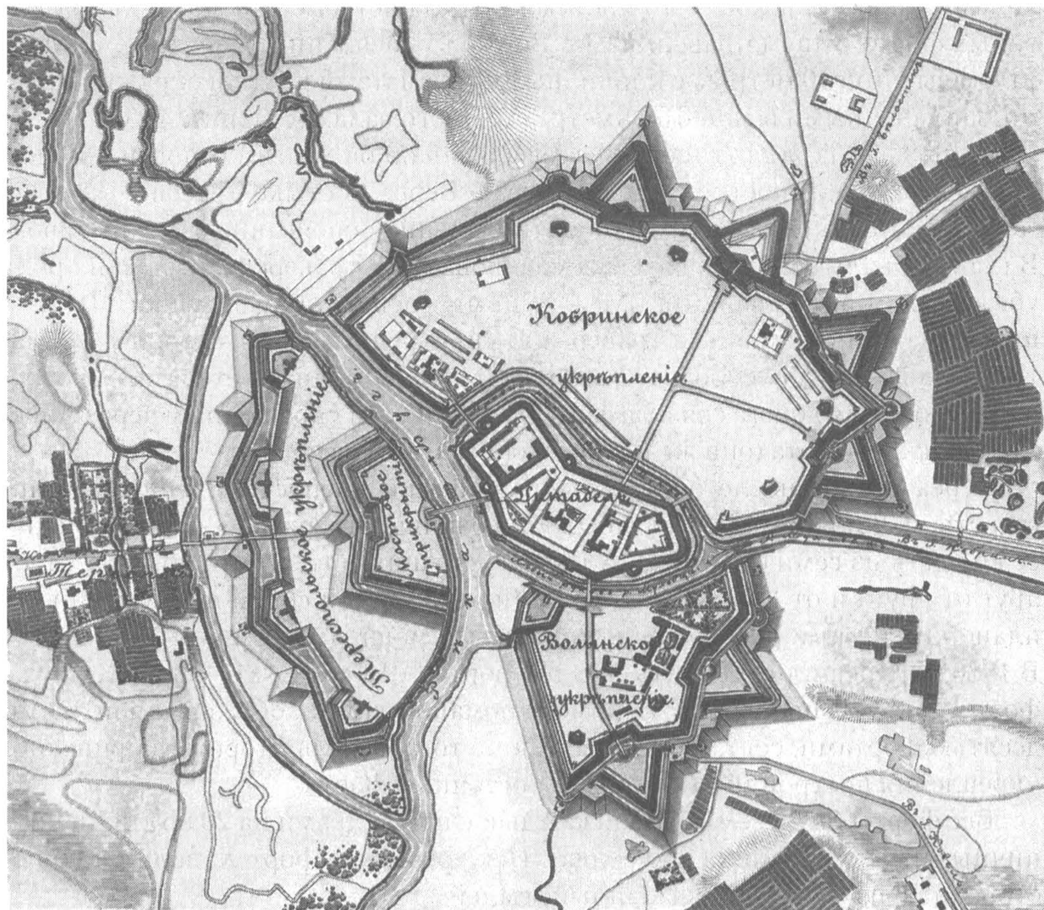
В Северо-Западном крае — крепости в Динабурге (ныне Даугавпилс), Бресте и Бобруйске. В Юго-Западном крае — крепость в Киеве*.

Но вернемся к Брестской крепости.

* Каждая из крепостей имела мощную артиллерию, большие запасы. В одной только Александровской крепости было 555 артиллерийских орудий! Указанные крепости сыграли важную роль в подавлении антироссийского восстания 1863—64 гг. в Польше и Северо-Западном крае.

В 1833 году в самом центре старого Бреста по проекту инженер-генерал-лейтенанта, графа Карла Оппермана (1766–1831), составленному еще в 1829 году, русские военные строители возвели временные земляные укрепления. Город при этом «перенесли» на три километра в сторону. А 1 июня 1836 было начато строительство каменных укреплений. Через шесть лет, 26 апреля 1842 года, состоялась церемония сдачи готовой крепости.

План крепости на 1842 год.

Она состояла из цитадели и трёх внешних укреплений. Цитадель, или Центральное укрепление, – это замкнутая двухэтажная казарма (периметр 1,8 км) в форме многоугольника. Ее стены выложены из красного кирпича, толщина внешней стены почти 2 метра. В казарме имелось свыше 500 помещений (казематов), рассчитанных на 12 тысяч человек. Во дворе цитадели возвели здания арсенала, крепостного управления и гарнизонной церкви.

Цитадель находится на острове, образованном Бугом и двумя рукавами Мухавца. Четыре подъёмных моста связали с ним три искусственных остро-

ва, образованные Мухавцом и выкопанными каналами. На этих островах построили три укрепления: Кобринское (Северное) — самое большое по площади; Тереспольское (Западное) и Волынское (Южное). В Цитадели четверо ворот напротив мостов: Белостокские, Тереспольские, Холмские, Брестские.

Кобринское укрепление имело четыре бастионных форта с тремя равелинами; Тереспольское — четыре земляных люнета, Волынское — два бастионных форта с двумя равелинами. Все три укрепления обнесли земляным валом высотой 10 метров, с кирпичными казематами в нём, и окружили рвами, заполненными водой. Периметр земляного вала составил 6,4 км.

В 1869—72 гг. для прикрытия северо-западной части крепости в одном километре от нее построили форт «Граф Берг» (в стыке Тереспольского и Кобринского укреплений). Это пятиугольник, опоясанный сухим рвом. В главном валу находились 8 казематированных траверсов, игравших роль убежищ для артиллеристов. Между ними располагались пушки. Фланги прикрывали два земляных траверса. Во внутреннем валу устроили казематы, связав их между собой и с казармами подземными переходами — потернами. Мощеная дорога связала форт с Кобринским укреплением через Александровские ворота (они же Белостокские, ныне Северные).

Через 36 лет после официальной приемки крепости Военным министерством, 8 ноября 1878 года, был «высочайше утверждён» план усиления её кольцом из семи фортов (I—VII), находившихся на расстоянии 3,5—4 км друг от друга и от Цитадели. Все они представляли собой пятиугольные в плане кирпичные сооружения, прикрытые мощными земляными валами. В 1880 году решили добавить ещё два форта (VIII и IX), а в 1904 — X (он же форт «Д» по плану 1912 г). Периметр ломаной линии, образованной этими десятью фортами, составил 32 км. Кроме того, на территории Кобринского укрепления построили Западный и Восточный форты.

Все форты были земляными, каждый с площадками на 20 орудий и кирпичными казематами на 250 солдат. Исключение — форт X, полностью построенный из бетона и обсыпанный землей.

Справка

Бастион. Пятиугольное в плане сооружение, предназначенное для обстрела местности впереди и по флангам крепостных стен или рвов перед ними. Состоял из одного-двух земляных валов, на которых размещались орудия и стрелки.

Каземат. Помещение в оборонительных сооружениях с защитными стенами и сводами толщиной до 1,5—3 метров. Предназначено для защиты личного состава от артогня противника. Часто имеют амбразуры для ведения огня из стрелкового оружия и (или) орудий.

Капонир. Сооружение для ведения флангового огня в двух противоположных направлениях (полукапонир — в одном направлении), обычно для обстрела рвов при штурме противника. Бывали пулеметными и орудийными.

Куртина. Участок крепостной стены (или вала), соединяющий бастионы и образующий вместе с ними так называемый бастионный фронт.

Люнет. Оборонительное сооружение, возводившееся на важнейших участках позиций. Состояло из фронтального и боковых валов, а с тыла было открыто (или прикрывалось специальной оградой). Гарнизон люнета насчитывал от одной до четырех рот.

Равелин. Сооружение треугольной формы, расположенное перед крепостным рвом между бастионами. Равелины прикрывали куртины от атак противника, а также в них собирались подразделения своих войск перед вылазкой. Представлял собой кирпичную ограду с укрытиями для стрелков или же состоял из вала со рвом перед ним.

Траверс. Земляная насыпь, укрывающая фланги и тыл укрепления или окопа.

Форт. Отдельное укрепление, состоящее из одного или нескольких оборонительных сооружений открытого либо закрытого типа. Форты открытого типа (площадь 4—5 га) имели 1—2 земляных вала, перед которыми отрывались рвы. За валами размещались орудия и пехота. Форты закрытого типа состояли из 3—5 бастионов.

Тереспольские ворота крепости во время Первой мировой войны

Вторая линия обороны крепости Брест-Литовск

В 1909 году под руководством военного министра империи генерала Владимира Сухомлинова (1848—1926) был составлен план дислокации войск и стратегического развёртывания армий на случай войны. В числе прочего план предусматривал усовершенствование Брестской крепости путём возведения второго кольца фортов на расстоянии 9—9,5 км от Цитадели и, соответственно, 5—6 км от первого кольца фортов.

30 июня 1911 года инженерный комитет Главного инженерного управления (ГИУ) Военного министерства рассмотрел и одобрил генеральный план развития крепости, рассчитанный на 10 лет. Большое внимание в плане было уделено инженерному развитию промежутков между фортами. С этой целью предусматривалось строительство опорных пунктов и оборонительных казарм, а также усиление сооружений бетоном, создание сети коммуникаций для связи между объектами, маневрирования людскими силами и огневыми средствами.

По плану второй оборонительный обвод должен был иметь 14 фортов (11 новых, 3 переоборудованных старых), 21 опорный пункт между фортами, 5 оборонительных казарм, 38 артиллерийских батарей, 7 погребов боеприпасов.

Строительство возглавил инженер-генерал-майор А. К. Овчинников, с 1913 года — В. В. Голицын. Обязанности производителей работ исполняли инженер-капитаны П. П. Архипенко, И. О. Белинский, С. И. Егоров, Д. М. Карбышев, М. В. Миштовт, В. К. Монахов, штабс-капитан В. М. Догадин. Проекты укреплений они разрабатывали на месте и утверждали в Инженерном комитете при ГИУ.

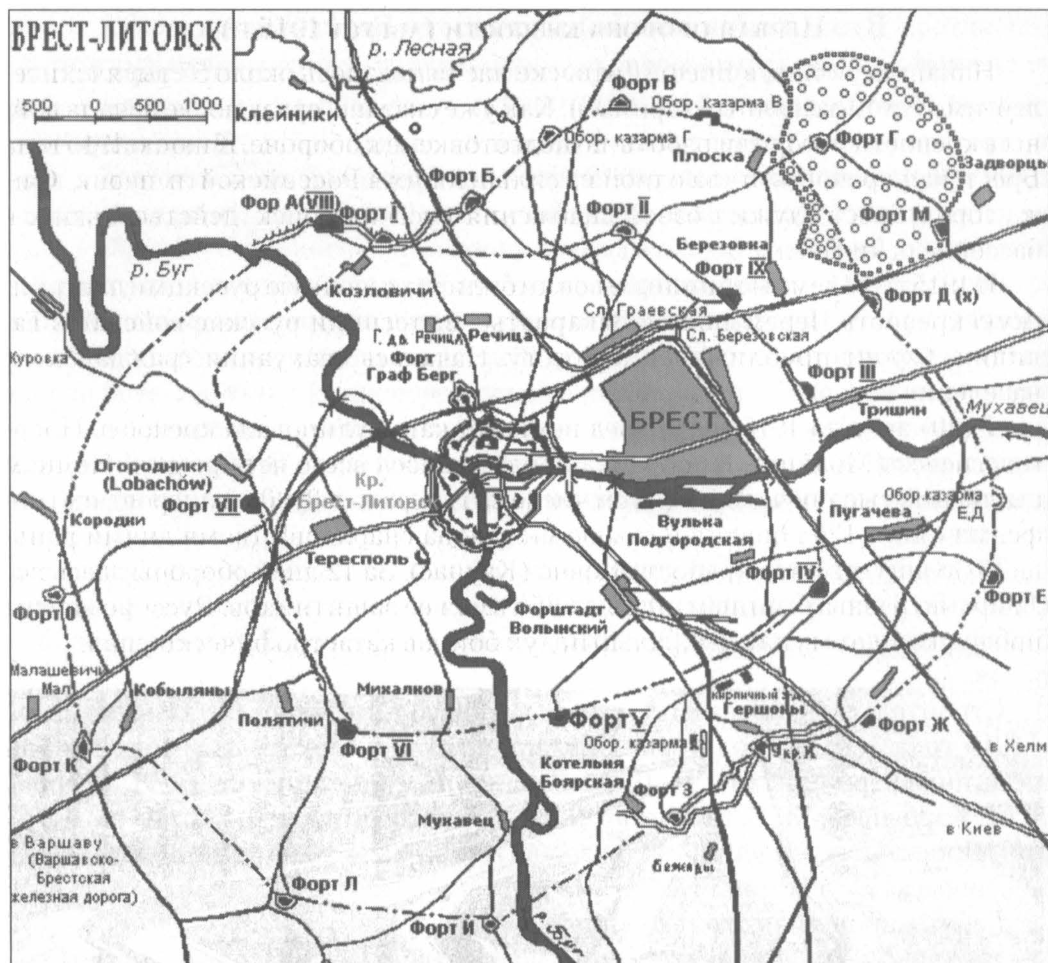
Работы прошли несколько этапов.

На первом этапе проектировали новые и укрепляли старые постройки. В частности, переоборудовали форты IV, VII, VIII и пороховые погреба — их покрыли слоем бетона. Началось строительство форта «Ж».

Летом 1913 года приступили к полномасштабным работам. Предстояло уложить около 30 тыс. кубометров бетона. К началу войны (19 июля/1 августа 1914 г.) из 14 запланированных фортов 5 еще не были начаты, 5 готовы наполовину, 2 — на две трети и только форты «А» и «Ж» закончены полностью.

После объявления войны военное командование резко увеличило интенсивность работ. Руководил ими комендант крепости, генерал от артиллерии В. А. Лайминг. Работы велись днём и ночью, без выходных и праздничных дней. Из местного населения сформировали рабочие дружины, которые объединялись в рабочие бригады. Ежедневно на инженерных работах находилось в среднем 70 тысяч мастеровых и рабочих, а также 8500 подвод с лошадьми!

К началу ноября 1914 года (всего за 3 месяца!) 14 фортов (А, Б, В, Г, Д, Е, Ж, З, И, К, Л, М, О, Граф Берг), 21 опорный пункт, 5 оборонительных казарм,

Расположение фортов второй линии укреплений крепости

7 погребов и почти все батареи были в основном закончены. Среднее расстояние между укреплениями составляло 1 км, при общей длине фортового пояса 45 км.

Часть 2.
ЧЕТЫРЕ ОБОРОНЫ КРЕПОСТИ

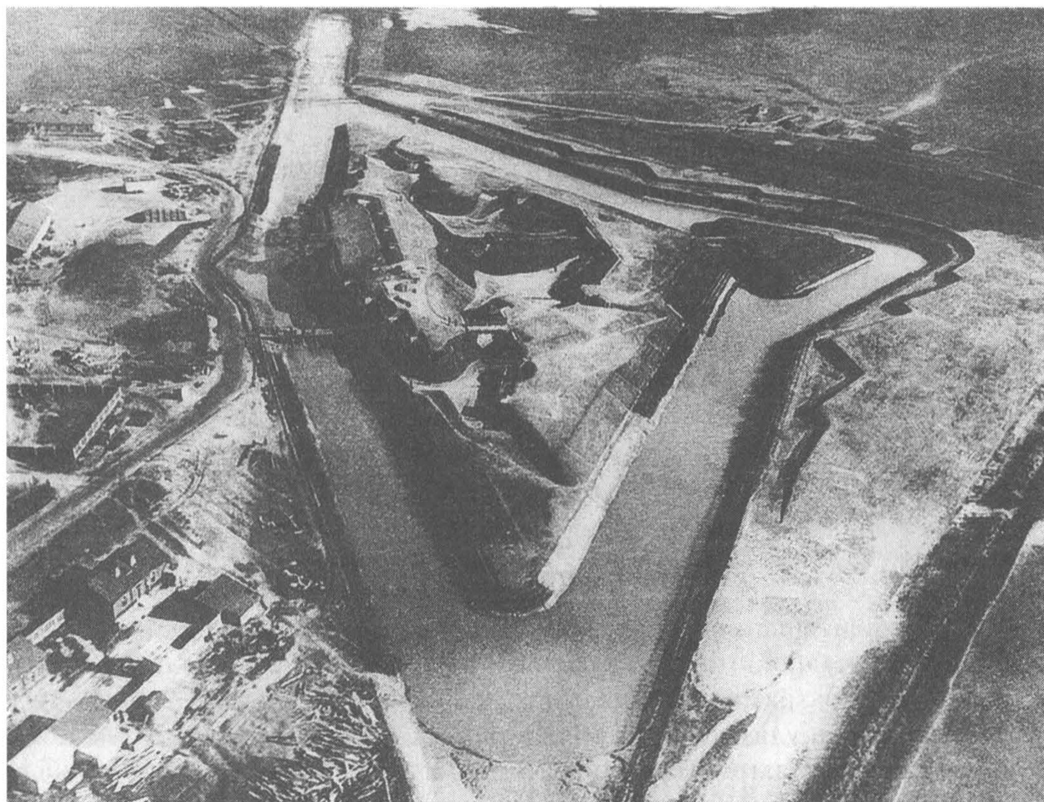
Итак, строительство и совершенствование Брестской крепости растянулось на 80 лет. Оно потребовало вложения огромных финансовых средств, колоссальных затрат человеческого труда и строительных материалов. Однако сколько-нибудь серьезной роли в системе обороны России, затем Польши, затем СССР, затем Германии крепость не сыграла. Это прискорбное обстоятельство убедительно подтверждается всеми четырьмя попытками использования ее в целях обороны — в 1915, 1939, 1941 и 1944 годах.

Первая оборона крепости (август 1915 г.)

Накануне войны в Брест-Литовске насчитывалось около 57 тысяч жителей, имелся 10-тысячный гарнизон. Как уже сказано, сразу после начала войны в крепости ускорили работы по подготовке ее к обороне. К июню 1915 года Брестская крепость стала одной из сильнейших в Российской империи. Сам же город Брест служил базой снабжения русских войск, действовавших в бассейне реки Вислы.

В 1915 году немцы заняли Львов, отбили захваченную русскими австрийскую крепость Перемышль в Закарпатье, вытеснили русские войска из Галиции. Фронт приближался к Бресту. Началась эвакуация гражданского населения.

7 (20) августа 1915 года перед немцами капитулировала крепость Новогеоргиевск (Модлин). Ее оборона продолжалась всего четыре дня! Немцам сдались 83 тысячи человек (в том числе 23 генерала и 2100 офицеров), их трофеями стали 1204 орудия и свыше миллиона снарядов! Двумя днями раньше, 5/18 августа пала крепость Ковно (Каунас). За 12 дней обороны здесь погибли, по разным данным, от 15 до 35 тысяч ее защитников. Русские войска продолжали отступать, моральный дух бойцов катастрофически упал.

Форт Брест-Литовской крепости, литера Ж. Осень 1914 г

Совет обороны Брестской крепости во главе с генералом В. А. Лаймингом, признал:

> При бережном использовании запасов крепости (каковые имеются на 6 месяцев обороны) она может продержаться 8 месяцев.

Непосредственные боевые действия начались 12 августа, когда германские и австрийские войска предприняли попытку захвата крепости в Бресте-Литовском. Немцы подошли к крепости с северо-запада, австрийцы — с юго-запада.

Орудия западных фортов вели обстрел противника, немцы и австрийцы отвечали. Утром 12 (25) августа австрийцы пошли в атаку, решив эффектно ворваться в крепость на глазах у союзников.

Форт «К» был построен в 1912—15 гг. на правом берегу Буга, в 5 км югозападнее крепости, между фортами «Л» и «О» в районе деревни Кобыляны*. Именно здесь наступали австрийцы. Сохранилось свидетельство очевидца:

> Австрийцами, которых посылали вперед, чтобы атаковать передовые оборонительные сооружения укрепления, защищавшего вход в Брест-Литовск, номинально командовали их собственные офицеры, в действительности это были немцы... Ранним утром... они начали отчаянный штурм фортов, кото-

Немецкие солдаты возле горящего склада Брестской крепости. Август 1915 г.

* Сейчас он находится в гмине Тересполь Люблинского воеводства Польши.

рые простирались от деревни Высоко-Литовск, где стоял роскошный замок графини Потоцкой, до самого города Бреста. В течение целого дня они сражались без перерыва, и тысячи человек погибли в траншеях, которые приходилось брать штыковой атакой. Русские отошли к Бугу, защищая свои позиции сантиметр за сантиметром.

Это описание неточно — возле деревни Высоко-Литовск никаких фортов не существовало, а наступление австрийской пехоты достаточно быстро остановили взрывы фугасов, заранее заложенных русскими минёрами перед фортом «К». Последовавшая затем контратака полков 81-й пехотной дивизии не оставила австрийцам никаких шансов на удачу.

Расквартированные в крепости части тоже оказали ожесточенное сопротивление. В результате бой шел с утра и до наступления полной темноты.

Сохранились репортажи австрийской прессы, в которых утверждалось, будто бы форт «К» подвергся артобстрелу из 305-мм пушек! То же самое писал в своем очерке американский журналист Артур Релл, следовавший вместе с наступавшими германо-австрийскими войсками:

> Немецкий корпус форсировал Буг с севера и юга и приближался к железной дороге, VI-й австро-венгерский корпус под командованием корпусного генерала от инфантерии Арца наступал в центре. (...) Была краткая артподготовка, на которую русские, которые на всём протяжении этого отступления испытывали недостаток в боеприпасах и артиллерии, отвечали лишь какое-то время. Затем внешние форты были взяты штурмом...
>
> Мы остановились в форту Кобыляны на обратном пути в Ивангород. Краткий австрийский артобстрел был точен. Были видны воронки от снарядов внутри форта, вдоль по брустверу, и одно ужасное попадание «в яблочко», которое ударило прямо во внутренний бетонный обвод и повсюду разбросало куски бетона и стали. Стрелки, бывшие в этой амбразуре, были убиты одним ударом, их кровь высохла на камнях. Из всех различных неприятных мест, которых я повидал на войне, это было одним из худших.

«Куски бетона и стали» — это работа русских сапёров, но приведенные здесь рассказы свидетельствует, что в районе форта «К» происходил жестокий бой. Надо также отметить, что в 2003 году в районе форта «Б» (бывшего форта VIII) были найдены останки более тысячи русских воинов, погибших в боях при отступлении в 1915 году. Значит, и за этот форт шла отчаянная борьба!

Однако стремительное продвижение кайзеровских войск по всему фронту, а также падение крепостей Новогеоргиевск и Ковно заставило русское командование принять решение об отступлении. В ночь с 12 на 13 августа (с 25 на 26 по новому стилю) командующий Северо-Западным фронтом генерал Михаил Алексеев приказал начать отвод войск на линию река Неман — Гродно — Кузница — Городок — Рудня — Шерешево — Кобрин.

Итак, заявления о том, что Брестская крепость в 1915 году досталась врагу без боя, не соответствуют действительности. Другое дело, что этот бой продолжался максимум одни сутки.

К утру 13/26 августа 1915 года русские войска покинули крепость и город. Несколько команд подрывников взорвали большинство фортов, опорных пунктов, оборонительных казарм, мосты между островами. Артиллерийские орудия, часть боеприпасов и имущества из крепости вывезли.

Кроме того, на 80% был уничтожен город Брест вместе с пригородами. Конкретно: из 3670 каменных зданий русские солдаты подожгли 2500, в том числе почти все промышленные предприятия; из 1700 деревянных домов сельского типа — 1500. Город покинули 65 тысяч жителей. Грандиозный пожар в Бресте, по свидетельствам очевидцев, бушевал трое суток.

Днем 13 августа немецкие и австрийские войска, обойдя крепость севернее и южнее, вошли в пылающий Брест.

В честь захвата крепости немцы отчеканили памятную медаль. На ее аверсе изображен генерал-фельдмаршал Август фон Макензен (1849—1945), под чьим командованием была захвачена Брестская крепость. На реверсе — немецкий солдат на фоне горящей крепости.

После уничтожения литерных фортов (от «В» до «Ж») северо-восточный и восточный подступы к крепости были открыты. Поэтому немцы построили здесь в 1915—17 гг. линию обороны, состоявшую из ряда железобетонных и земляных сооружений. Но воспользоваться этими укреплениями им не довелось.

Вторая оборона (сентябрь 1939 г.)

3 марта 1918 года в Цитадели, в Белом дворце (это бывшее здание офицерского собрания гарнизона) был подписан мирный договор между РСФСР и странами Центрального блока. Крепость находилась в руках немцев до конца 1918 года, затем перешла под контроль поляков.

В июле 1920 года, во время наступления Красной армии на Варшаву, поляки ушли из Бреста, но уже в сентябре, разгромив войска Тухачевского, они вернули себе город. А в марте 1921 года по условиям Рижского мирного договора вся Западная Беларусь, включая Брест, перешла ко Второй Речи Посполитой.

Отметим, что в однотомной энциклопедии «Великая Отечественная война» (Москва, 1985, с. 110) относительно крепости сказано:

> В 1919—39 в составе Польши, в 1939 возвращена СССР.

Термин «возвращена СССР» означает, что прежде Брестская крепость принадлежала СССР. Интересно было бы узнать, когда она после декабря 1920 года входила в состав СССР? Ответ очевиден: никогда. Авторы энциклопедии соврали, притом дважды. Во-первых, в 1919 году еще не было

СССР. Во-вторых, Польша отняла эту территорию не у РСФСР, не у БССР и даже не у Лит-БелССР, а у Белорусской Народной Республики. А в БНР не было власти советов рабочих и крестьянских депутатов.

В межвоенный период польское командование использовало крепость как казарму, военный склад и политическую тюрьму. Использование ее для обороны не предусматривалось, так как от границ и с СССР, и с Германией ее отделяло большое расстояние. Тем не менее, в сентябре 1939 года бои за крепость все же велись. В однотомной энциклопедии «Беларусь» (Минск, 1995) относительно Бреста утверждается:

> С 1921 в составе Польши, центр Полесского воеводства, 14.09.39 захвачен нем.-фаш. войсками, 22.09. освобожден частями Красной Армии (с. 126).

Но писать «освобожден» — значит лгать. Немцы сами ушли из Бреста, передав его «советам» в соответствии с секретным протоколом к Пакту Молотова-Риббентропа. А перед этим 22 сентября 1939 года в Бресте состоялся совместный парад победителей. Вот и задумайтесь: «освобождение от немецко-фашистских войск» — это парад советской 29-й танковой бригады и частей немецкого XIX механизированного корпуса, который принимали стоявшие рядом немецкий генерал Гейнц Гудериан (1888—1954) и советский комбриг Семен Моисеевич Кривошеин (1899—1978)!

Немцы рассматривают захваченную в Брестской крепости польскую технику

В предыдущие дни польские защитники Брестской крепости отбивали атаки подразделений корпуса Гудериана. Но кто сегодня в Беларуси (в том числе в самом Бресте) вспоминает тех защитников крепости от нацистов?

Между тем крепость защищали в основном белорусы, ибо в Войске Польском резервные пехотные части формировали по территориальному принципу. Например, города Кобрин и Брест защищали от немцев в 1939 году резервисты из Кобрина и его окрестностей. Они служили в 83-м пехотном полку имени Ромуальда Траугутта.

2 сентября 1939 года германские самолеты впервые бомбили крепость: они сбросили 10 бомб, повредивших «Белый дворец».

В казармах крепости в это время располагались маршевые батальоны 35-го и 82-го пехотных полков, несколько других подразделений, а также мобилизованные резервисты, ожидавшие отправки в свои части.

Генерал Франтишек Клееберг, командовавший оперативной группой «Полесье», 11 сентября назначил начальником Брестского гарнизона отставного кавалерийского генерала Константина Плисовского. Его заместителем стал подполковник Алоизий Хорак. Плисовский и Хорак быстро сформировали гарнизон в составе четырех пехотных батальонов, инженерного батальона, роты связи, дивизиона полевой артиллерии, зенитной батареи, танковой роты (12 старых танков Рено FT-17, 2 бронеавтомобиля Виккерс). Кроме того, караульная рота и санитарный взвод. Всего около 4 тысяч солдат и офицеров.

Поскольку удержать город такими силами не представлялось возможным, Плисовский решил организовать оборону в Цитадели крепости и в ее передовых укреплениях — Кобринском и Тереспольском. К 13 сентября из крепости эвакуировали семьи военнослужащих, мосты и проходы заминировали, главные ворота заблокировали танками, в земляных валах вырыли окопы.

Генерал Гудериан имел приказ захватить город, не допустив отступления гарнизона на юг для соединения с основными силами польской оперативной группы «Нарев». В течение ночи и первой половины дня 14 сентября немцы заняли Брест. Боев за город не было, произошло только несколько перестрелок в некоторых его районах.

Вечером 14 сентября 30 немецких легких танков и пехота, при поддержке артиллерии, атаковали крепость с южного направления. Но после четырехчасового боя немцам пришлось отступить, оставив 7 подбитых машин. Столь же безуспешно завершилась атака с северной стороны. Тогда Гудериан приказал войскам готовиться к штурму. На его стороне был большой перевес в силах: 150 танков, 260 орудий и минометов, тогда как у поляков — 12 танков, 26 орудий (18 полевых, 8 зенитных) и 15 противотанковых ружей.

Всю ночь немецкая артиллерия вела обстрел. В 10 часов начался штурм. Два немецких пехотных батальона при поддержке танков атаковали укрепления в районе Брестских ворот (то есть со стороны города). Поляки, за-

севшие в окопах на земляном валу, отбили несколько атак. Двумя танками «Рено» они перегородили крепостные ворота. В общем, ворваться в крепость немцам не удалось. Бой прекратился только с наступлением темноты.

Утром 16 сентября подразделения 10-й танковой и 20-й моторизованной дивизий начали новый штурм. К вечеру они овладели земляным валом, но продвинуться дальше не смогли. Подразделения, наступавшие во втором эшелоне, по ошибке стали стрелять в своих, и атакующие оказались под огнем с двух сторон. Подполковник Браубах, поняв, что происходит, попытался прекратить это безобразие, но его застрелил польский снайпер.

Хотя немцам не удалось войти в крепость, силы поляков таяли. За трое суток (14—16 сентября) они потеряли убитыми и ранеными более 30% личного состава, сам Плисовский был ранен осколком в плечо. Все 12 танков были подбиты. Были повреждены 13 полевых пушек из 18. Кончились ручные гранаты.

Остались два варианта: либо всем погибнуть, либо попытаться ночью прорваться из Цитадели. Плисовский выбрал прорыв. В ночь с 16 на 17 сентября поляки переправились в Тереспольское укрепление по Тереспольскому мосту — единственному, еще не захваченному противником, а оттуда ушли в Тересполь*. В темноте часть бойцов сбилась с пути, и они попали в плен, однако большинству удалось выбраться.

Но в форту Сикорского (бывший Граф Берг) остался маршевый пехотный батальон, которым командовал капитан запаса Вацлав Радзишевский (1898—1940). Он должен был прикрыть отступление основных сил. В ночь на 17 сентября бойцы Радзишевского заняли форт. Немцы заметили это лишь к вечеру 19 сентября и предложили Радзишевскому сдаться, но тот отказался. Тогда утром 20 сентября немцы стали обстреливать форт из нескольких гаубиц, но пехотных атак не предпринимали.

Капитан Вацлав Радзишевский

* Сразу после прорыва К. Плисовский передал командование А. Хораку, а сам отправился в Луцк, где вступил в командование кавалерийской бригадой. Несколько позже он попал в советский плен и был помещен в Старобельский лагерь. Отсюда в апреле 1940 г. палачи НКВД увезли его в Харьков и там убили.

Ситуация изменилась 22 сентября с приходом в Брест 29-й танковой бригады РККА комбрига Кривошеина. В тот же день в соответствии с разграничением сфер интересов по дополнительному секретному протоколу к Договору о ненападении между СССР и Германией, после торжественного совместного парада войск, Брест был передан советской администрации.

Однако имелась небольшая проблема — польские солдаты в форту Сикорского. Вечером, после артиллерийского обстрела, на штурм форта при поддержке двух бронемашин пошли подразделения красноармейцев. Защитники форта отразили три атаки и даже подбили один бронеавтомобиль из единственной оставшейся у них пушки. Второй броневик сам свалился в ров.

Следующие безуспешные попытки подавить очаг сопротивления советские войска предприняли 24 и 25 сентября.

26-го, после обстрела из тяжелых орудий, ожесточённые атаки возобновились. Бойцы Радзишевского снова отразили натиск и, несмотря на потери, выстояли.

Офицер 5-й «кресовой» дивизии корпуса генерала Владислава Андерса в Италии, подполковник Владислав Худы, после войны вспоминал:

Подбитый советский броневик. Сентябрь 1939 года

Я был ранен в боях с немцами и находился в госпитале в Бресте. Немцы передали нас 22 сентября советам. Спустя несколько дней около здания госпиталя красноармейцы начали копать глубокую и длинную (ок. 30 м) яму. Мы не знали, зачем это делается. Но через некоторое время в госпиталь вдруг стали привозить раненых и убитых красноармейцев. В итоге большая яма стала братской могилой для солдат и офицеров Красной Армии. Санитарки нам сообщили, что погибли они в боях с польскими частями около Бреста. Теперь-то мы знаем, что на самом деле они погибли в бою с польскими частями, оставшимися в крепости.

В ночь с 26 на 27 сентября Радзишевский вместе с уцелевшими воинами решал вопрос: вести бой дальше и всем погибнуть или же прекратить сопротивление. К этому

времени они уже знали, что польское правительство выехало за границу. Капитан отдал подчинённым последний приказ: самостоятельно пробиваться к своим семьям. Несмотря на блокирование форта, им это удалось*.

Третья оборона (июнь — начало июля 1941 г.)

Официальная версия гласит, что немногочисленный гарнизон Брестской крепости целый месяц сражался против целой дивизии немцев. На самом же деле оборону в крепости держали не несколько десятков пехотинцев, вооруженных одними лишь винтовками, как складывалось впечатление у многих советских людей, посмотревших художественные фильмы об этой обороне**.

В июне 1941 года на территории крепости размещались части двух стрелковых дивизий РККА — 6-й Орловской Краснознаменной, имевшей долгую боевую историю, и 42-й, созданной в 1940 году во время финской кампании и успевшей повоевать на линии Маннергейма. Обе они входили в состав 28-го стрелкового корпуса.

Накануне войны в лагеря на учения были выведены более половины подразделений этих двух дивизий — 10 из 18 стрелковых батальонов, 3 из 4-х артполков, по одному из двух дивизионов ПТО, ПВО, разведбатальонов и ряд других подразделений. Но в результате мощной воздушной бомбардировки и массированного артиллерийского обстрела эти дивизии понесли большие потери, потеряли управление и связь и быстро отступили в глубь советской территории.

Утром 22 июня в крепости находились: 84-й стрелковый полк (без двух батальонов); 125-й СП (без батальона и саперной роты); 333-й СП (без батальона и саперной роты); 44-й СП (без двух батальонов); 455-й СП (без батальона и саперной роты). В этих полках и батальонах по штату имелось 66 орудий разного калибра и назначения, а также 140 минометов.

Кроме них, здесь были: 131-й артполк; 98-й дивизион ПТО; 393-й зенитно-артиллерийский дивизион; 75-й разведбат; 37-й батальон связи; 31-й и 158-й автобаты. Всего по штату — 2169 человек личного состава, 42 ствола артиллерии, 16 легких танков, 13 бронеавтомобилей.

Плюс к ним тыловые части 33-го инженерного полка и 22-й танковой дивизии. Плюс к ним 132-й конвойный батальон войск НКВД, 3-я погранкомендатура 17-го отряда, 9-я погранзастава.

Как видим, утром 22 июня в крепости находилась фактически неполная дивизия: без одного стрелкового батальона, трех саперных рот и гаубичного полка. Но их компенсировали батальон НКВД и пограничники.

* Сам Радзишевский с небольшой группой солдат направился к деревне Муравец. Оттуда он, переодевшись в гражданскую одежду, добрался до Кобрина, где встретился с женой и дочерью. Вскоре после этого Радзишевского схватили «распропагандированные» крестьяне и передали сотрудникам НКВД в Бресте. До октября 1939 г. он находился в Брестской тюрьме, а затем был отправлен в лагерь в Козельске. Весной 1940 г. из Козельского лагеря его перевели в Смоленск и 15 или 16 апреля отправили в Катынь.

** «Бессмертный гарнизон» (1956), «Агрессия» (из сериала «Битва за Москву», 1985), «Год сорок первый» (из сериала «Государственная граница», 1986).

В среднем, в дивизиях Особого Западного военного округа в июне 1941 года было около 9300 человек личного состава, то есть 63% от штата. Поэтому обоснованно можно утверждать, что в крепости утром 22 июня находились свыше 8 тысяч бойцов и командиров, не считая персонала и пациентов военного госпиталя (не менее 400 человек), а также 300 семей военнослужащих (жены и дети).

На участке фронта, где располагалась Брестская крепость, наступала 45-я пехотная дивизия генерал-лейтенанта Фрица Шлиппера, образованная из 4-й дивизии бывшей австрийской армии. Дивизия имела боевой опыт польской и французской кампаний.

Ближайшей задачей дивизии было: взятие Брестской крепости, железнодорожного моста через Буг северо-западнее крепости и нескольких мостов через реки Буг и Мухавец внутри, южнее и восточнее крепости. К концу дня 22 июня дивизия должна была продвинуться на 7—8 километров в глубь советской территории. На взятие крепости германское командование отвело не более 8 часов.

Штатная численность немецких пехотных дивизий составляла 15—17 тысяч. Итак, у противника было двойное численное превосходство в живой силе, но не 10-кратное, как утверждал Сергей Смирнов в своей книге «Брестская крепость» (она была издана в Москве в 1957 г.). Вряд ли можно говорить и о превосходстве в артиллерии. Да, у немцев были две 600-мм самоходные мортиры 040 «Карл». Однако их боекомплект составлял всего 8 снарядов. Вдобавок одну мортиру заклинило при первом же выстреле. А дивизионная артиллерия не пробивала почти двухметровые стены Цитадели и, тем более, валы фортов. Применению же танков препятствовали леса, болота, протоки и каналы, окружавшие крепость.

То, что защитников крепости было около 8 тысяч, а не «горсточка», не умаляет их славы. Но до сих пор в книгах, статьях и интернет-публикациях о героической обороне Брестской крепости встречаются слова «маленький гарнизон». Другой частый вариант — 3500 или 4000 защитников.

Атака крепости началась 22 июня в 3.15 утра по берлинскому времени огнем артиллерии и реактивных минометов. Каждые четыре минуты огонь переносился на 100 метров восточнее.

Огневой налет был направлен на казармы и выходы из казарм в центральной части крепости, а также на мосты и входные ворота крепости, на жилые дома командного состава. Сильный обстрел вызвал замешательство среди красноармейцев, а комсостав, застигнутый в своих квартирах, частично погиб. Уцелевшие командиры не смогли проникнуть в казармы из-за сильного заградительного огня.

В результате красноармейцы и младшие командиры, лишенные руководства и управления, одетые и полураздетые, группами и поодиночке самостоятельно выходили из крепости, преодолевая под артиллерийским, мино-

метным и пулеметным огнем обводный канал, реку Мухавец и вал крепости. Потери среди них учесть невозможно.

Отметим и подчеркнем важное обстоятельство: бойцы и командиры подразделений 6-й и 42-й дивизий, а также других частей остались в крепости не потому, что им была поставлена задача ее оборонять. А потому, что из нее невозможно было выйти!

В 3.19 немецкий штурмовой отряд (пехотная рота и саперы) на девяти резиновых лодках с моторами направился на захват мостов.

В 3.30 другая немецкая пехотная рота при поддержке саперов заняла железнодорожный мост через Буг. К 4.00 первый отряд захватил два моста, соединяющие Западный и Южный острова с Цитаделью на Центральном острове. Оба этих острова, где находились пограничники и батальон НКВД, два пехотных батальона заняли за полчаса.

В 6.23 штаб дивизии доложил в корпус, что вскоре будет взят Северный остров. В докладе говорилось, что сопротивление советских войск усилилось. В 10.50 штаб дивизии доложил командованию корпуса:

Июнь 1941 г. Пехотинец 45-й дивизии возле хлебопекарни крепости

> Русские ожесточенно сопротивляются, особенно позади наших атакующих рот. В Цитадели противник организовал оборону пехотными частями при поддержке 35—40 танков и бронеавтомобилей. Огонь русских снайперов привел к большим потерям среди офицеров и унтер-офицеров.

К этому времени погибли двое из пяти немецких командиров батальонов и был тяжело ранен командир полка. Командованию 45-й дивизии пришлось ввести в бой резерв — 133-й пехотный полк. Всего же за 22 июня 45-я дивизия только убитыми потеряла 21 офицера и 290 нижних чинов. Для сравнения, в ходе всей Польской кампании дивизия, пройдя с боями 400 километров за 13 дней, потеряла 158 человек убитыми и 360 ранеными.

Бои на территории крепости с самого начала приобрели характер обороны отдельных ее укреплений без единого командования и штаба, без связи и почти без взаимодействия между защитниками разных укреплений. Оборонявшихся возглавили младшие командиры и политруки, в ряде случаев даже рядовые бойцы.

Противник безуспешно передавал через радиоустановки призывы к сдаче в плен, посылал парламентеров. Сопротивление продолжалось. Защитники Цитадели удерживали двухэтажный казарменный пояс в условиях интенсивных бомбардировок, артобстрела и атак штурмовых групп противника.

В течение первого дня они отбили 8 атак вражеской пехоты с захваченных противником плацдармов на Тереспольском, Волынском, Кобринском укреплениях. Но к вечеру 22 июня противник закрепился в части оборонительной казармы между Холмскими и Тереспольскими воротами, позже, использовав ее как плацдарм в Цитадели, немцы захватили несколько отсеков казармы возле Брестских ворот.

В центре Цитадели, в Свято-Михайловском соборе (бывшей крепостной церкви) оказалась в окружении группа солдат (до 70 чел.) из роты 2-го батальона немецкого 135-го пехотного полка. Эта рота — единственная из своего батальона — смогла прорваться в Цитадель с Западного острова, захватила церковь как важный опорный пункт и двинулась к восточной оконечности Центрального острова, где должна была соединиться с 1-м батальоном 135-го полка. Однако 1-му батальону не удалось ворваться в Цитадель с Южного острова, и рота, потеряв две трети личного состава, отступила обратно в церковь, где её остатки заняли круговую оборону.

Поздно вечером немецкое командование решило отвести свою пехоту из Цитадели, создать за внешними валами блокадную линию, чтобы утром 23 июня вновь с артобстрела и бомбардировки начать штурм.

23 июня с 5.00 немцы начали артобстрел Цитадели, стараясь при этом не поразить своих солдат, блокированных в церкви. В тот день впервые против защитников крепости были применены танки — 4 трофейных французских Somua S-35. Один из них был подбит ручными гранатами у Северных ворот

крепости. Второй танк прорвался во двор Цитадели, но там его подбили из орудия. Оба подбитых танка немцам удалось эвакуировать.

Третий танк был подбит из зенитного орудия в Северных воротах крепости и остался там.

24 июня противнику удалось создать коридор и вывести своих солдат, блокированных в церкви. Помимо Центрального острова, под контролем защитников крепости по-прежнему оставалась восточная часть Северного острова. Весь день продолжался артобстрел. Наконец, в 16 часов 24 июня штаб 45-й дивизии доложил в штаб корпуса, что Цитадель взята и проводится подавление отдельных очагов сопротивления. В 21.40 в штаб корпуса было доложено о полном захвате Цитадели.

На Центральном острове (то есть в Цитадели) обороной руководили полковой комиссар Е. М. Фомин, капитан И. Н. Зубачёв и лейтенант Виноградов. В ночь с 25 на 26 июня они во главе группы общей численностью 120 человек вырвались из Цитадели. Однако на Варшавском шоссе немцы эту группу окружили и почти всю уничтожили. В плен попали всего 13 человек, в том числе трое названных офицеров. Виноградов пережил войну. Писатель Сергей Смирнов разыскал его в Вологде, где он, никому не известный в 1956 году, работал кузнецом. Виноградов рассказал:

Солдаты 45-й пехотной дивизии ведут огонь со стороны внешнего вала крепости

Перед тем как пойти на прорыв, комиссар Фомин надел форму убитого рядового. В лагере военнопленных комиссара выдал немцам один солдат, и Фомина расстреляли [он был еврей. — *А.Т.*]. Зубачев умер в плену.

На территории пограничного Тереспольского укрепления оборону держали воины курсов шоферов Белорусского пограничного округа под командованием начальника курсов старшего лейтенанта Ф. М. Мельникова и преподавателя курсов лейтенанта Жданова, транспортной роты 17-го погранотряда во главе с командиром старшим лейтенантом А. С. Черным, совместно с бойцами кавалерийских курсов, саперного взвода, усиленных нарядов 9-й погранзаставы, ветеринарного лазарета, сборов физкультурников. Из-за недостатка боеприпасов и больших потерь в личном составе удержаться они не смогли. В ночь на 25 июня остатки групп Мельникова, погибшего в бою, и Черного переправились через Буг и присоединились к защитникам Цитадели и Кобринского укрепления.

В Волынском укреплении к началу войны размещались госпитали 4-й армии и 28-го стрелкового корпуса, 95-й медико-санитарный батальон 6-й стрелковой дивизии, находилась небольшая часть состава полковой школы младших командиров 84-го стрелкового полка, наряды 9-й погранзаставы. В черте госпиталя оборону Волынского укрепления организовали батальонный комиссар Н. С. Богатеев и военврач 2-го ранга С. С. Бабкин (оба погибли). На земляных валах возле Южных ворот оборону держал дежурный взвод полковой школы. К концу недели очаговая оборона на Волынском укреплении затухла.

На четвертый день боев (то есть 25 июня) в трех пехотных полках 45-й дивизии сформировали штурмовые группы из сапёров и пехотинцев для овладения опорными пунктами, остававшимися в руках бойцов РККА. В поддержку им выделили шестиствольные реактивные минометы Nebelwerfer 41. Дальность огня у них небольшая, а вот взрывная мощь огромная.

26 июня на Северном острове немецкие саперы взорвали стену здания школы политсостава. Там было взято 450 пленных. Основным очагом сопротивления на Северном острове остался Восточный форт. По показаниям перебежчика, 27 июня там оборонялись 20 младших командиров и 370 бойцов из 393-го зенитного батальона 42-й дивизии во главе с командиром 44-го пехотного полка майором Петром Гавриловым.

28 июня два германских танка и несколько самоходных орудий StuG III, возвращавшихся из ремонта на фронт, продолжали обстреливать Восточный форт на Северном острове. Однако это не принесло видимых результатов, тогда командир 45-й дивизии обратился за поддержкой к Люфтваффе. Из-за низкой облачности в тот день авиаудар нанесен не был. 29 июня в 8.00 германский бомбардировщик сбросил на Восточный форт бомбу в 500 кг. Затем была сброшена еще одна бомба в 500 кг и, наконец, бомба в 1800 кг. В результате в форту взорвался склад боеприпасов, форт был практически

разрушен, почти все его защитники либо погибли, либо получили тяжелые ранения.

Осталась небольшая группа бойцов во главе с П. М. Гавриловым. Выбравшись из форта, они засели в капонире за внешним валом укрепления. Тяжело раненые Гаврилов и заместитель политрука Г. Д. Деревянко из 98-го отдельного противотанкового артдивизиона попали в плен 23 июля.

Командование 45-й дивизии не ожидало, что понесет столь высокие потери от защитников крепости.

> Там, где русские были отброшены или выкурены, через короткий промежуток времени из подвалов, водосточных труб и других укрытий появлялись новые силы, которые стреляли так превосходно, что наши потери значительно увеличивались.

В дивизионном рапорте от 30 июня 1941 г. говорится: «дивизия взяла 7000 пленных, в том числе 100 офицеров. Наши потери — 482 убитых, в том числе 48 офицеров, и свыше 1000 раненых». В число пленных, несомненно, включены медперсонал и пациенты окружного госпиталя, а это несколько сот безоружных людей.

Советские историки в качестве даты окончания обороны Брестской крепости приняли 20 июля — на основании надписи, обнаруженной в казарме

Пленные солдаты РККА возле Южных ворот

132-го батальона конвойных войск НКВД: «Я умираю, но не сдаюсь. Прощай, Родина. 20/VII-41». С таким же успехом этой датой можно считать и 23 июля.

Точное число советских военнослужащих, погибших в Брестской крепости, не установлено. Командование 45-й дивизии доложило в штаб корпуса, что к 20 часам 28 июня в ходе уборки территории крепости было обнаружено более 2000 трупов бойцов и командиров РККА. В последующие дни поиск и уборка трупов продолжались, но в рапортах это не отражено. В плен сдались около 6800 человек*.

Самый главный миф о Брестской крепости среди всех других — огромное преувеличение значения ее обороны в 1941 году. Уже на шестой день войны немцы заняли Минск. Если бы бои за крепость на две-три недели отсрочили захват Минска или Могилёва — это можно было бы считать стратегическим успехом. Но даже местного успеха не было, так как сам Брест немцы заняли без помех в первый же день войны. А за первую неделю боевых действий они захватили половину территории Беларуси.

Окруженные в крепости остатки двух разбитых дивизий сковали многочисленные силы противника? И это неправда. Крепость штурмовала всего одна дивизия Вермахта из 242, осуществлявших нападение на СССР. Собственно оборона крепости заняла 8 суток, с 22 по 29 июня.

Отдельные группы красноармейцев скрывались в подземных сооружениях до 20 июля? И что с того? Какой ущерб врагу причинили два или три десятка фанатиков, оставшиеся без боеприпасов, жестоко страдавшие от голода, жажды и ранений?

«Героическая оборона» имела большое моральное значение в качестве примера? Тоже неправда. Впервые советские граждане узнали о ней только через десять лет после окончания войны из газетных статей писателя Сергея Смирнова (1915—1976).

Четвертая оборона (июль 1944 г.)

Весной — летом 1944 года немцы создали в районе Бреста достаточно мощный укреплённый район, имевший большое количество дотов, дзотов, других укреплений долговременной и полевой фортификации, связанных между собой траншеями. В некоторых местах стационарными огневыми точками служили закопанные в землю танки. Перед укреплениями были выставлены минные поля и проволочные заграждения. В систему обороны этого района вошли несколько восточных фортов Брестской крепости, сохранившихся с 1915 года.

В книге В. В. Бешанова «Брестская крепость» сказано:

* Об этом свидетельствуют документы, хранящиеся в Федеральном военном архиве ФРГ. См. журнал «Arche», 2015, № 9, с. 287.

Оборону в Брестском укрепленном районе занимали части корпусной группы «Е» под командованием генерала Шеллера... Особенно сильно немцы укрепили северно-восточные и восточные окраины Бреста, имевшие три оборонительных обвода, опиравшихся на крепостные форты. Все дороги и предполье были густо заминированы.

Линия обороны, общей протяженностью более 5 км, начиналась в Чернях к северу от Бреста, и заканчивалась где-то на северо-востоке современного Бреста, площадь которого значительно превышает довоенную.

В состав корпусной группы «Е» генерал-лейтенанта Шеллера входили 86-я, 137-я, 251-я дивизионные группы, 203-я охранная дивизия, 186-й артиллерийский полк, 22-й зенитно-артиллерийский полк, 930-й охранный полк, 186-й саперный батальон, 186-й фузилерный батальон, 251-й батальон связи.

Надо отметить то обстоятельство, что в 1944 году немцы формировали дивизионные группы, как правило, из разбитых частей. Например, 82-я дивизионная группа была создана в апреле 1944 года из остатков 82-й пехотной дивизии и 474-го гренадерского полка. Общая численность ее личного состава не превышала двух батальонов полного штата, то есть максимум 1200 человек. Некоторые дивизионные группы достигали численности трех батальонов. Получается, что Брестский укрепрайон обороняли, в самом лучшем для немцев случае, не более 18 батальонов. Это максимум 12 тысяч солдат и офицеров. Но, скорее всего, меньше. Летом 1944 года немцам катастрофически не хватало людских ресурсов.

На Брест наступали с северо-востока подразделения 61-й армии, с севера — 28-й армии, с южного и юго-западного направлений — 70-й армии и 1-й гвардейской конно-механизированной группы.

Советские войска имели подавляющее превосходство в живой силе, артиллерии, бронетехнике и авиации. 28-я армия выделила для штурма Брестского УР 48-ю гвардейскую СД; 70-я армия — 160-ю СД, а 9-й гвардейский стрелковый корпус 61-й армии — 12-ю гвардейскую СД, 212-ю и 415-ю СД. Итак, штурм укрепрайона осуществляли пять советских стрелковых дивизий, при поддержке корпусной и дивизионной артиллерии, танков и 16-й воздушной армии.

Тем не менее германские войска оказали упорное сопротивление. Штурм укрепленного района занял 10 суток — с 18 июля (дата начала общего наступления всех войск фронта) по 28 июля.

Помощник начальника штаба 29-го гвардейского стрелкового полка 12-й гвардейской стрелковой дивизии 61-й армии В. П. Бородин вспоминал:

На подходе к Бресту мы наткнулись на мощную полевую оборону, которую из глубины поддерживали огнем форты. Попытка овладеть ими с ходу была противником отбита.

Было принято решение провести скрытую ночную атаку без артиллерийской подготовки. Саперы сделали проходы в проволочных заграждениях, тщательно замаскировав их. В сумерках без общего сигнала пехотинцы двинулись вперед. Когда они приблизились к заграждениям, саперы натянули шнуры и подпиленные колья рухнули, открывая проходы. Быстрым броском штурмовые группы овладели внешним валом и завязали ближний бой с немцами. Так был освобожден один из фортов крепости.

Саперно-штурмовые группы для уничтожения дотов, дзотов и других фортификационных сооружений формировались из добровольцев. В состав каждой группы входили, кроме командира, минер-подрывник, огнеметчик, два-три автоматчика, расчет станкового пулемета (2 чел.). Людей подбирали физически крепких и выносливых, с большим боевым опытом. Обязательным элементом экипировки являлся стальной нагрудник СН-42 – прообраз современного бронежилета.

Панорама северо-западной части Цитадели. Вид с самолета. Июль 1944 г.

По воспоминаниям ветеранов, штурм каждого форта превращался в отдельную боевую операцию и стоил много крови.

415-я стрелковая дивизия наступала южнее реки Мухавец. Начальник штаба 1323-го полка этой дивизии И. Б. Хомяков вспоминал о наступлении своей части:

> Непрерывно атакуя противника, к исходу 24 июля полк подошел к первой линии фортов, перед которыми тянулась траншея с бетонированными подбрустверными блиндажами, дотами, дзотами от Бернад до реки Мухавец. Оттуда фашисты вели сильный обстрел наших наступающих батальонов.

Вечером 25 июля 1323-й стрелковый полк подошел к восточной окраине деревни Пугачево. Весь день 26 июля полк пытался прорвать оборону противника, понес немалые потери, но успеха не добился. Немцы, используя «пугачевский форт» (речь идет об одном из уцелевших укреплений форта литеры «Е»), вели сильный пулеметный и минометный огонь по наступавшим.

Тогда решили атаковать Пугачево ночью. Штурмовой группе сержанта Зудина, усиленной взводом противотанковых ружей лейтенанта Козловского и саперами, приказали овладеть фортом. Вот фрагмент из воспоминаний Хомякова:

> С гитлеровских позиций время от времени вздымались осветительные ракеты, неслись ярко видимые трассы пулеметных очередей. Было ясно — фашисты не дремали. В то же время ползком обтекали форт — справа отделение под командованием красноармейца А. Ф. Пешакова и герои по пинскому бою саперы И. Е. Вялый, Н. Г. Фещенко, А. С. Леоненко; слева — группа стрелков младшего сержанта Н. Б. Донина и саперов старшего сержанта Н. И. Петрова. Их вел сам командир штурмовой группы сержант И. Я. Зудин...
>
> Из форта, тоже трассирующими пулями, почти непрерывно бил фашистский пулемет, но штурмовая группа уверенно приближалась к цели... Вскоре языки пламени стреляющего фашистского пулемета стали высвечивать амбразуру. До нее оставалось около десяти метров. Младший сержант Донин оказался ближе всех от амбразуры, первым резанул по фашистам очередью и тут же бросил гранату. Следом за Дониным с двух сторон ударили по амбразуре толовыми шашками саперы. Форт умолк.

Советские войска заплатили высокую цену за освобождения Бреста. Генерал-майор в отставке Александр Пыльцын в звании старшего лейтенанта командовал взводом в офицерском штрафном батальоне 1-го Белорусского фронта. В своей книге воспоминаний «Штрафной удар, или как офицерский штрафбат дошел до Берлина» (2007 г.) он следующим образом описал наступление южнее Бреста и заградительные бои на шоссе Брест — Варшава, единственном коридоре для отступавшей немецкой группировки:

Только к середине дня 25 июля мы выбили немцев с их последнего оборонительного рубежа между железной дорогой и автострадой Брест — Варшава. Здесь нам было приказано закрепиться и стоять насмерть... С утра 26 июля гитлеровские атаки следовали с неослабевающим ожесточением одна за другой. В одну из них немцы бросили 24 танка и до двух батальонов пехоты. Их поддерживала авиация. Вздымалась земля, разрывы бомб и снарядов сливались в сплошной грохот. Двум или трём танкам удалось прорваться*.

Другой ветеран, старший лейтенант Неустроев, бывший командир разведроты 48-й гвардейской стрелковой дивизии 28-й армии, вспоминал:

Наступление, а затем и штурм Бреста и Брестской крепости запомнились мне на всю жизнь. (...) Когда мы вошли в город, то на месте домов торчали почерневшие трубы, как мрачные кресты на огромном кладбище. Улицы были усеяны трупами, забиты изуродованными танками, артиллерией и минометами**.

После разгрома брестской группировки, по советским данным, было захоронено до 7 тысяч трупов немецких солдат, а в плен взято всего лишь 110 человек. Остальные (3-5 тыс. чел.) прорвались в западном направлении.

В заключение этого раздела приведем слова Алексея Митюкова, директора Брестского областного краеведческого музея:

Крепостные форты создавались для войны. Конечно, стратегической роли в годы Великой Отечественной войны они, как и сама Брестская крепость, не играли. Однако, если бы они грамотно использовались советскими войсками в июне 1941 года при обороне, то немцам пришлось бы весьма несладко. Этот опыт фашисты учли в 44-м, но силы были неравны, да и Красная Армия уже научилась воевать.

Часть 3, ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ

Для тех граждан Беларуси, которые интересуются историей, заметным событием стала презентации книги «Брест. Лето 1941. Документы. Материалы. Фотографии», подготовленной белорусско-немецким коллективом авторов под руководством Кристиана Ганцера (Christian Ganzer) из Лейпцигского университета.

* Хорошо известно, что все советские ветераны цифры наступавших, уничтоженных и прорвавшихся батальонов, танков, самолетов противника брали исключительно с потолка. При этом количество «уничоженнных» они всегда увеличивали в разы, а число прорвавшихся (не уничтоженных) уменьшали — тоже в разы. К тому же с годами память сильно подводит. Пыльцыну в 2006 году, когда он завершал свои мемуары, было уже 83 года.

Такие психологические моменты надо всегда учитывать.

** Этот ветеран «забыл» добавить, что добрую половину трупов и разбитого вооружения составляли бойцы РККА, ее орудия, минометы, бронетехника.

Книга основана на исторических и архивных материалах, посвящена событиям в Бресте после нападения германских войск летом 1941 года, но представляет новый взгляд на тот период времени в истории СССР. Корреспондент интернет-портала «Немецкая волна» задал ему несколько вопросов.

— Книга еще до презентации вызвала не только большой интерес, но и полемику среди белорусских историков. Почему?

— Думаю, что есть две причины. Во-первых, уже давно нужно было начать заниматься этой темой. Ведь в Советском Союзе не появлялись научно-исследовательские работы, посвященные обороне Брестской крепости. Иными словами, долгие годы в учебниках, в фильмах, в самом музее обороны речь шла исключительно о героической стороне, а вот ученые почему-то не занимались глубоким исследованием этой темы. Наверное, получилось неловко, что заниматься этим стал я, человек извне, а не кто-то из местных историков.

Второй момент, видимо, в том, что результаты моих исследований противоречат прежним постулатам. Сейчас выглядит так, что людям десятилетиями уверенно пропагандировали легенду в качестве однозначной версии.

— Одна из главных претензий, обращенных к авторам книги от лица оппонентов, заключается в том, что вы занимаетесь «дегероизацией» защитников Брестской крепости.

— Мне было удивительно слышать, что, оказывается, Ганцер — сторонник «теории дегероизации», которая якобы характерна для Германии. (...) Надо признать, что упрекать и отвергать альтернативную точку зрения одной сильной фразой «Это же дегероизация!» очень удобно в пропаганде. Но это совсем не научно. Я в шоке от того, как легко мобилизуются в Беларуси национальные стереотипы по образцу «Ганцер — немец, поэтому он так думает».

О героизме как об историческом факте я вообще не писал. В современных гуманитарных науках его воспринимают как общественную конструкцию. И раз нет научного определения, что такое героизм или подвиг, то у нас нет другой возможности рассматривать это явление.

— С какими высказанными на презентации книги в Бресте мнениями вы не согласны?

— Выступление заместителя директора мемориального комплекса «Брестская крепость-герой» Ларисы Бибик однозначно подтвердило мой тезис, что плен является ключевой проблемой в историографии боев за крепость. В музее обороны Брестской крепости никак не могут смириться с фактом, что большинство, а именно около 75% защитников к 30 июня 1941 года находилось в немецком плену.

В качестве оправдания, почему тема плена в музее отсутствует и замалчивается, нам отвечают, что это — музей обороны, и главная тема музея — не плен. Это — детская аргументация. Ведь когда попали в плен все эти тысячи защитников? В ходе обороны крепости.

Аргументация не убедительная еще и потому, что сотрудники музея нашли много места для показа исторических событий, которые либо только косвенно, либо вообще не связаны с обороной Брестской крепости (ее строительство, польский период, бои в Брестском районе, партизанское движение, освобождение стран Европы и т. д.).

— В Беларуси стало традицией воспринимать бои за Брестскую крепость как важный элемент той войны...

— (...) Документально подтверждено, что летом 1941 года бои в крепости продолжались только 8 дней (22—29 июня), хотя по официальной версии они длились до 20 июля.

ЛЕГЕНДА И ФАКТЫ О ПЕРВОМ БОЕВОМ ЗАЛПЕ «КАТЮШИ»

Максим Петров

Первый боевой залп первая батарея реактивных минометов БМ-13 (известных народу под неофициальным названием «Катюша»), которой командовал капитан Иван Флёров, произвела по железнодорожному узлу города Орши 14 июля 1941 года. Об этом написано в многочисленных статьях и книгах, отштамповано металлом на памятниках.

1. УРА-ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ВЕРСИЯ

Вот текст, который кочует из одного издания в другое:

Впервые советская реактивная артиллерия участвовала в бою в июле 1941 г. под Оршей. В районе города вели тяжелый оборонительный бой части 73-й стрелковой дивизии. В ночь на 14 июля фашисты захватили Оршу. С утра сюда один за другим стали прибывать вражеские эшелоны с войсками, военной техникой, горючим и боеприпасами. Чтобы задержать наступление противника, заместитель начальника артиллерии Западного фронта генерал Г. С. Кариофилли утром 14 июля поставил командиру 1-й отдельной батареи реактивной артиллерии капитану И. А. Флерову (семь БМ-13 и 122-мм пристрелочная гаубица) задачу: произвести залп по скоплению эшелонов врага на железнодорожном узле Орша.

В 15 часов 15 минут, после трех пристрелочных выстрелов из 122-мм гаубицы, из лощины донесся рев и скрежет, вверх вырвались черные клубы дыма, взметнулись ввысь более сотни краснохвостых снарядов. Залп состоялся.

На эшелоны врага, находившиеся на железнодорожном узле, обрушился огненный смерч. Реактивные снаряды разрывались в самой гуще вагонов с боеприпасами, горючим, техникой, людьми. Все дрожало, как при землетрясении. Через несколько минут после залпа железнодорожный узел превратился в море огня, над которым клубился густой дым. Обезумевшие гитлеровцы метались в раскаленном дыму. Множество солдат и офицеров врага было уничтожено.

Примерно такую же впечатляющую картину (якобы со слов свидетелей, но не называя их фамилий) дал Владимир Богомазов в книге «Орша в Вели-

кой Отечественной войне 1941—1945 гг. Краткий историко-документальный очерк» (издана в Орше в 1994 году, 115 страниц):

> Земля, содрогнувшись, заходила под ногами. Горели танки, машины, склады горючего, взлетали в воздух боеприпасы. Немецкие солдаты, которые остались в живых, бежали в ужасе, бросая оружие и технику. Ошеломленный огненным смерчем, противник понёс большие потери.

Встречаются в публикациях и заявления о том, что после этого залпа «немецко-фашистские захватчики вывезли из Орши три эшелона убитых и раненых», то есть пару тысяч человек как минимум.

Однако в изданном еще в советское время трехтомном труде Франца Гальдера «Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939—1942 гг.» (Воениздат, 1970—71 гг.) нет ни слова о первом залпе советской реактивной артиллерии — ни в записях от 14 июля, ни в последующие дни. За 14 июля только одна короткая запись связана с Оршей:

> 6. Участок железной дороги Орша — Смоленск — Витебск совершенно забит эшелонами. Движение на железных дорогах от рубежа Вязьма, Брянск в восточном направлении слабое.

Отметим, что Гальдер имел в виду советские эшелоны.

В этой связи возникает вопрос: откуда некоторые отечественные авторы взяли, будто бы Гальдер в тот день записал в своем дневнике:

> 14 июля под Оршей русские применили неизвестное до этого времени оружие. Огненный шквал снарядов сжег железнодорожную станцию Орша, все эшелоны с личным составом и боевой техникой приехавших военных частей. Плавился металл, горела земля.

Ответ очевиден. Они взяли это с потолка. Вот так сочиняются мифы!

2. ЧТО «НАКОПАЛИ» РОССИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

В 2000-е годы появились статьи, в которых широко известное описание первого залпа батареи И. А. Флёрова было подвергнуто сомнению. Среди них отметим интернет-публикацию А. А. Петрова (http://nvo.nq/history/2008-06-20/12 katusha.html):

> Похоже, батарея БМ-13 капитана Ивана Флерова 14 июля 1941-го стреляла не по скоплению вражеских эшелонов (20 июня 2008 г. Андрей Александрович Петров, инженер, полковник запаса).
>
> То, что у нас до сих пор нет правдивой и достоверной истории Великой Отечественной войны, факт очевидный. Причем речь идет не только о каких-

то «белых пятнах» (которых и сейчас более чем достаточно), а о событиях, давно и подробно описанных в различных трудах.

Когда это было?

Одно из таких событий — первое боевое применение боевых машин реактивной артиллерии БМ-13 14 июля 1941 года под Оршей. Казалось бы, тут никаких вопросов и быть не может — все и так известно, причем в деталях. И тем не менее...

«Что непонятного в этой истории?» — спросит неискушенный читатель. Да почти все. Но давайте по порядку.

Итак, «в ночь на 14 июля фашисты захватили Оршу».

Что в данном случае имелось в виду конкретно? Вполне возможно, промежуток темного времени суток — начиная примерно с захода — около 22 часов — и до восхода солнца — около четырех часов утра. То есть германские части могли взять Оршу и в 22 часа, и в 4 часа утра. Однако в июле 1941-го немцы по ночам не воевали (и этот факт широко известен). Стало быть, если Орша была оставлена «в ночь» 14 июля, речь может идти только о светлом времени суток.

Теперь элементарно прикидываем: подъем, завтрак (у немцев с этим в первые месяцы войны было очень строго), постановка боевых задач, по машинам и только затем — в бой. Следовательно, в Оршу подразделения вермахта вошли не ранее шести часов утра. По-другому (если, напомню вновь, «в ночь на 14 июля фашисты захватили Оршу») просто не получается.

БМ-1 (Катюша) в Военно-историческом музее артиллерии

Кстати сказать, при каких обстоятельствах советские войска потеряли Оршу, официальные источники и поныне хранят молчание. Захвачена врагом — и все тут.

Однако читаем дальше. «С утра сюда один за другим стали прибывать вражеские эшелоны с войсками, военной техникой, горючим и боеприпасами». Опять-таки не совсем понятно, что это такое — «с утра». Утро начинается с восхода и формально продолжается до полудня. То есть речь может идти о сравнительно большом промежутке времени — около восьми часов. В какой момент «утра» начали «прибывать вражеские эшелоны»?

Поразительные несуразицы

Впрочем, в данном предложении более интересно другое. Если начали прибывать именно вражеские эшелоны, то, стало быть, отечественный железнодорожный путь к тому времени был уже перешит на западноевропейскую колею. То есть «в ночь» заняли, а к утру уже и пути переделали.

Хорошо. Допустим, с такой скоростью немцы колею не перешивали. Они воспользовались нашими железнодорожными путями. И нашим же подвижным составом. И нашими же локомотивами. Их, выходит, было захвачено много. Ведь речь в тексте идет о «скоплении эшелонов». Но тогда некрасиво получается. Ведь директива Совнаркома Союза ССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей от 29 июня 1941 года недвусмысленно требовала:

> ...при вынужденном отходе частей Красной Армии необходимо угонять подвижной железнодорожный состав, не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона...

Между тем — пусть и при внезапном отходе — уничтожить паровозы, взорвать входные стрелки не так уж трудно. Или как же надо бежать, чтобы не успеть сделать даже этого? Получается, Орша оказалась в руках немцев неповрежденной? Крупнейший железнодорожный узел Белоруссии достался врагу в абсолютно исправном состоянии?

Правда, согласно тексту, нет никакой логики и в действиях противника. Предположим, ему удалось захватить некоторое количество отечественного исправного подвижного состава. В первые месяцы 1941 года и не такое бывало. Но тогда вот что получается. В том месте, где заканчивается западноевропейская колея, немцы организовывают своеобразную перевалочную базу — разгружают свои воинские эшелоны (вагоны, платформы, цистерны), а затем — без промедления — перегружают боеприпасы, продовольствие, горючее и т. д. на захваченный советский подвижной состав. Совершенно фантастическое зрелище.

Достаточно только представить перекачку горючего из одной цистерны в другую. Ведрами, что ли, делать это в прифронтовой полосе? Подобный образ действий намного увеличил бы время доставки материальных средств

непосредственно до войск. И все это предпринимается с одной целью — пригнать эшелоны в только что взятый город. Фактически — на передний край. На железнодорожный узел, находящийся в зоне огневого воздействия советской артиллерии. Уж в чем-чем, но в дурости немцев обвинять нельзя.

Опять-таки после взятия населенного пункта — первые мероприятия (проводились и проводятся любой армией) — прочесывание и разминирование. А тут — прибытие, причем одного за другим, воинских эшелонов. Абсурд, и это самое мягкое определение происходящего.

И вновь с нашей стороны картина выглядит весьма неприглядно: мало того, что Оршу сдали немцам в целости и сохранности, крупнейший железнодорожный узел даже не заминировали. Это уже на грани воинского преступления...

Поневоле встаешь в тупик и при внимательном прочтении этого пассажа:

> Чтобы задержать наступление противника, заместитель начальника артиллерии Западного фронта генерал Г. С. Кариофилли утром 14 июля поставил командиру 1-й отдельной батареи реактивной артиллерии капитану И. А Флерову... задачу: произвести залп по скоплению эшелонов врага на железнодорожном узле Орша.

«В ночь» немцы с утра захватывают Оршу. С утра же туда начинают «прибывать вражеские эшелоны». Но Георгий Спиридонович Кариофилли уже точно знает: в Орше будет «скопление эшелонов врага». А потому ставит задачи на их уничтожение — и тоже с утра. Все это выглядит совершенно невероятным образом. Тем более что у генерала не было собственных средств разведки.

Но вот батарея Ивана Флерова дала залп и...

> Все дрожало, как при землетрясении. Через несколько минут... железнодорожный узел превратился в море огня, над которым клубился густой дым. Обезумевшие гитлеровцы метались в раскаленном дыму. Множество солдат и офицеров врага было уничтожено.

Ничего не скажешь, впечатляющее зрелище предстает перед мысленным взором читателя. Вот только любопытно, что про количество уничтоженных железнодорожных вагонов (цистерн, локомотивов) в тексте не упоминается. Хотя их (в отличие от множества убитых и раненых германских солдат и офицеров) посчитать было не только можно, но и должно. Почему не произвести на следующий день после залпа батареи БМ-13 аэрофотосъемку железнодорожного узла Орша? А коли станция обратилась в «море огня», то в этом случае не поздно послать самолет-разведчик и через двое-трое суток. Случай все-таки исключительный — первое боевое применение реактивной артиллерии. И предъявить снимки Верховному главнокомандованию — вот оно, оружие невиданной эффективности. И тут же решение — срочно в серию.

Вероятная цель

Впрочем, отнюдь не исключено, что такая аэрофотосъемка была осуществлена и наглядные свидетельства результата первого огневого удара ныне легендарных «катюш» имеются. Однако при рассмотрении этих снимков можно будет легко установить, что никаких немецких эшелонов на станции нет и что железнодорожный узел Орша забит советскими воинскими эшелонами (вагонами, цистернами, локомотивами). Причем нельзя исключать, что на каком-нибудь 14-м пути находился состав, который ни при каких обстоятельствах не должен был попасть к врагу.

Вот тогда картина 14 июля 1941 года с точностью досланного патрона в патронник обретает реальные и резкие, сфокусированные очертания. И выглядит это полотно следующим образом.

Первое. Немцы внезапно захватили Оршу.

Второе. Железнодорожный узел оказался забит нашими воинскими эшелонами.

Третье. Среди них были особо важные. Нельзя было допустить, чтобы именно эти эшелоны достались противнику.

Четвертое. Генерал Кариофилли точно знал, что на станции Орша скопление эшелонов (при этом обычно не уточняется, что это были наши эшелоны).

Пятое. Боевое применение БМ-13 позволило успешно решить возникшую проблему. Немцы мало что смогли заполучить.

Железнодорожный вокзал станции Орша-Центральная. Фото 1941 года

Необходимо при этом особо подчеркнуть: эффективности нового оружия — реактивной артиллерии — все вышеизложенное не отменяет.

А истории Великой Отечественной действительно как не было, так и нет, если даже в канонических текстах об общеизвестных событиях столько нестыковок».

Примерно так же, как в статье А. А. Петрова, описаны события 14 июля 1941 года в «народной энциклопедии» — Википедии, в статье «Батарея капитана И. А. Флёрова»:

> В первые дни войны капитан И. А. Флёров (1905—1941) по предложению начальника Артиллерийской академии им. Ф. Э. Дзержинского генерал-майора Л. А. Говорова был назначен командиром первой в РККА особой батареи реактивного действия.
>
> Днем 3 июля батарея, вооружённая семью экспериментальными боевыми машинами НИИ-3 БМ-13 (позже получившими название «Катюша»*) и одной 122-мм гаубицей, использовавшейся в качестве пристрелочной, получила приказ об отправке на Западный фронт. Кроме БМ-13, в составе батареи были 44 грузовые машины — для перевозки 768 реактивных снарядов М-13, 100 снарядов для гаубицы, шанцевого инструмента, трех заправок ГСМ, семи суточных норм продовольствия и другого имущества, а также одна легковая машина. Личный состав батареи составлял 198 человек (вышли из окружения к своим 46 человек).
>
> В ночь с 3 на 4 июля 1941 года из Москвы по Можайскому шоссе, батарея выехала на фронт по маршруту: Москва — Ярцево — Смоленск — Орша. Через два дня (6 июля) батарея прибыла на место и вошла в состав частей фронтового подчинения Западного фронта. В период с 13 до 20 июля она вошла в состав 20-й армии Западного фронта.
>
> 14 июля в 15.15 по прямому приказу заместителя начальника артиллерии Западного фронта генерала Г. С. Кариофилли батарея Флёрова произвела залп по железнодорожному узлу Орша. Это было первое боевое применение «Катюш».
>
> На самом деле уничтожались советские эшелоны, чтобы не допустить их попадания в руки врага. На станции Орша в тот момент находилось очень много прибывших советских эшелонов с имуществом 1-й Московской пролетарской мотострелковой дивизии, 14-й и 18-й танковых дивизий, 403-го гаубичного и 592-го пушечного артиллерийских полков, приписной личный

* Число направляющих на каждой машине — 16, калибр снарядов — 132 мм, время залпа — от 5 до 10 секунд, максимальная дальность огня — 8470 м. В том случае, если бы залп дали все установки, он составил бы 112 снарядов.

Название «Катюша» появилось, скорее всего, в результате сочетания двух причин. Во-первых, серийные установки БМ-13 в 1941 — 1942 гг. изготовляли заводы «Коминтерн» в Воронеже и «Компрессор» в Москве. На них стояла одинаковая заводская марка — литера «К». Во-вторых, в те времена была очень популярна песня «Катюша» на слова поэта Михаила Исаковского, музыку Матвея Блантера, впервые исполненная 27 ноября 1938 г.

состав 18-й Казанской стрелковой дивизии, имущество нескольких головных артиллерийских складов и складов горючего из МВО (№№ 1093, 1405, 1406) и с огромными запасами боеприпасов, продовольствия и снаряжения, скопившимися на станции после вывоза из западных районов БССР. Кроме того, на станции находились вывозимые с окружного зенитного артиллерийского полигона у станции Крупки, расположенной в 86 км западнее, зенитные орудия дивизионов армейской ПВО почти всех соединений, дислоцировавшихся в Московском, Орловском, Харьковском, Западном Особом, Киевском Особом, Приволжском военных округах, которые прибыли на полигон на учения в мае – июне 1941 г.

Всё это богатство без боя досталось врагу в Орше. Вот что на самом деле являлось целью атаки батареи капитана И. Флёрова и его подчинённых, а не мифические вражеские эшелоны. Поэтому в начале 1960-х гг. представление на присвоение капитану И. А. Флёрову звания «Героя Советского Союза» было отклонено, 14 ноября 1963 г. он был посмертно удостоен лишь ордена Отечественной войны 1-й степени.

И только 32 года спустя, а именно 21 июня 1995 г., ему было присвоено звание Героя России.

Далее Википедия сообщает:

Вторым залпом батарея разрушила понтонный мост через реку Оршица на дороге Минск – Москва, наведённый немецкими сапёрами на месте взорванного заградотрядом Западного фронта. Под удар попала 17-я танковая дивизия Вермахта. В течение трех дней эта дивизия не могла принимать участие в боевых действиях.

16 июля батарея тремя залпами помогла сломить сопротивление немецких войск, занявших г. Рудню. 20—22 июля действовала вдоль шоссе Москва – Минск в районе Слободы, Ерши-Невище, Ерши-Пустошь, Куприно. Последний залп в составе частей Западного фронта дала в 10:00 7 августа под Пнево, прикрывая переправу советских войск. Батарея в составе 42-го отдельного артиллерийского дивизиона принимала участие в боях под Ельней и Рославлем.

7 августа батарея вновь выведена в состав частей фронтового подчинения Западного фронта и в тот же день направлена в 24-ю армию Резервного фронта по просьбе командующего Резервным фронтом Г. К. Жукова и на основании приказа Главкома Западного направления С. К. Тимошенко.

В период 7—15 августа две экспериментальные установки вышли из строя и были направлены на ремонт в Москву. К 21 августа все оставшиеся пять экспериментальных установок также были неисправны и к 1 сентября были заменены на 4 новые, серийные.

2 октября батарея Флёрова оказалась в полуокружении, отрезанная с востока танковым клином Гудериана. 7 октября Вяземский котел был за-

крыт у г. Вязьмы. Батарейцы прошли более 150 километров и сделали всё возможное для того, чтобы спасти батарею и прорваться к своим. Когда подошло к концу горючее, Флеров приказал зарядить установки, а оставшиеся ракеты и большинство транспортных машин взорвать.

В ночь на 7 октября колонна машин батареи попала в засаду недалеко от деревни Богатырь (в Знаменском районе Смоленской области). Оказавшись в безвыходном положении, личный состав батареи принял бой. Под шквальным огнём они взорвали машины. Многие из них погибли. Будучи тяжелораненым, командир взорвал себя вместе с головной пусковой установкой. Похоронен в Смоленской области, Угранский район, деревня Богатырь.

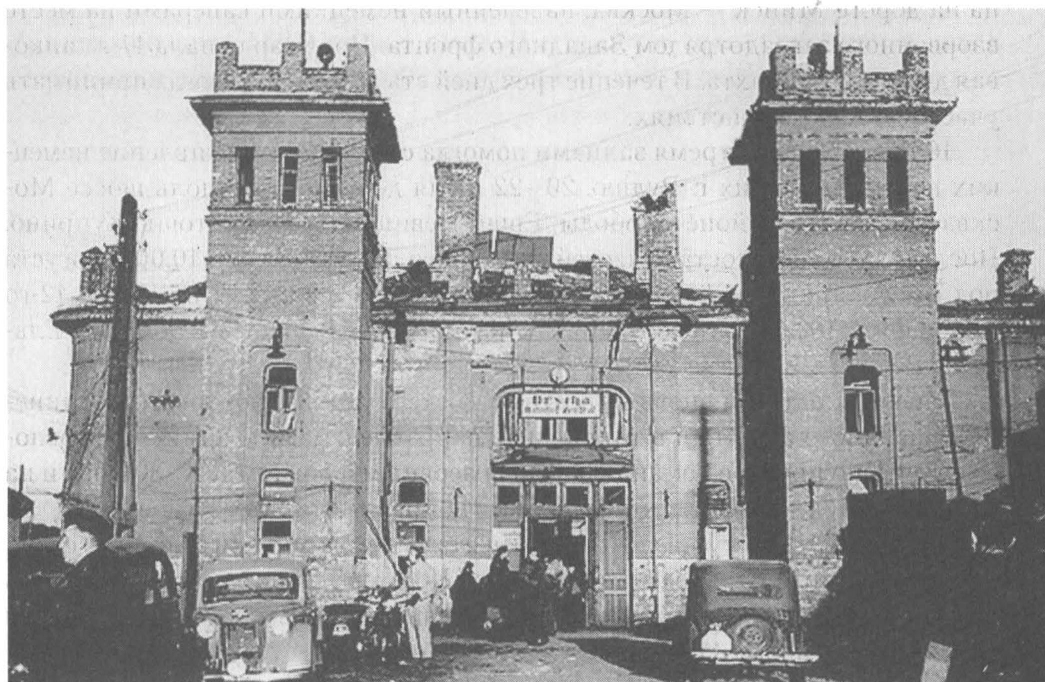
Из боевых донесений капитана И. А. Флерова 14 июля — 7 октября 1941 г.:

14.7.1941 г. Нáнесли удар по фашистским эшелонам на железнодорожном узле Орша. Результаты отличные. Сплошное море огня.

7.10.1941 г. 21 час. Попали в окружение у деревни Богатырь — 50 км от Вязьмы. Будем держаться до конца. Выхода нет. Готовимся к самовзрыву. Прощайте товарищи!

А вот что пишет в книге «100 великих научных достижений России» (Москва, издательство «Вече», 2013 год) российский автор Виорель Ломов:

При отступлении наших войск на железнодорожных путях остались эшелоны с горючим. Командование 20-й армии поставило задачу батарее

Железнодорожный вокзал станции Орша в период оккупации

капитана И. А. Флёрова из семи БМ-13 нанести удар по железнодорожному узлу и не отдать составы в руки фашистов, уже хозяйничавших на станции. Батарея с расстояния 6 км выпустила 112 снарядов. Семь секунд — и «железнодорожный узел был стерт с лица земли, семь дней там никого не было».

А на следующий день флёровская батарея произвела налет на вражескую переправу через реку Оршица. После трех залпов батареи «фашисты два дня вывозили убитых и раненых, а восхищенный генерал Еременко дал блестящий отзыв о боевой эффективности нового оружия и предложил быстрее наладить его массовое производство». Попавший после этого в плен немецкий офицер все спрашивал: «Что это? Что это страшное, наваливающееся на нас сверху, как гнев божий?»

Как видим, и этот автор заявляет, что батарея Флёрова дала залп по своим эшелонам, заодно с ними уничтожив узловую станцию. Второй залп (даже три) она вообще произвела на следующий день.

В общем, мы видим много противоречий и «нестыковок». Остается напомнить читателям известное выражение князя Отто фон Бисмарка: «нигде не врут так много, как на охоте и на войне».

В справедливости этого суждения убеждают свидетельства тех, кто своими глазами видел то, что случилось в Орше 14 июля 1941 года.

3. СВИДЕТЕЛЬСТВА ОЧЕВИДЦЕВ

Здесь я привожу главу из книги Вадима Карпа (1934 года рождения), опубликованной Интернет-порталом Otvaga2004.ru. Эта глава называется «Первый исторический залп „Катюш“».

Надо пояснить, что в 1941 году семилетний В. А. Карп вместе с родителями проживал в поселке на станции Орша.

Утром послышался шум моторов. Все бросились к щелям в заборе. По дороге со станции к городу ехало несколько мотоциклов с колясками, в которых сидели немцы. Так я впервые увидел немцев с оружием, в касках, хмурых, сосредоточенных. Это, наверное, были разведчики. Всё стихло. Минут через 20-30 они проехали в обратном направлении. Выстрелов не было слышно. Ещё через некоторое время в сторону города пошли бронетранспортёры, набитые немцами, автомашины с пушками и солдатами.

Мы поняли, что оказались на оккупированной территории с совершенно непредсказуемой судьбой. Но нужно было приспосабливаться к новым обстоятельствам. А что нам ещё оставалось делать?

Дворами, по Пожарному переулку мы вернулись в свой дом. Была жаркая, сухая погода. Давно не было дождя. Немцы какое-то время ехали мимо нас по улице Молокова в сторону города. Потом интенсивность движения упала. С нашего двора мы никуда носа не высовывали. Помню, сидели за сто-

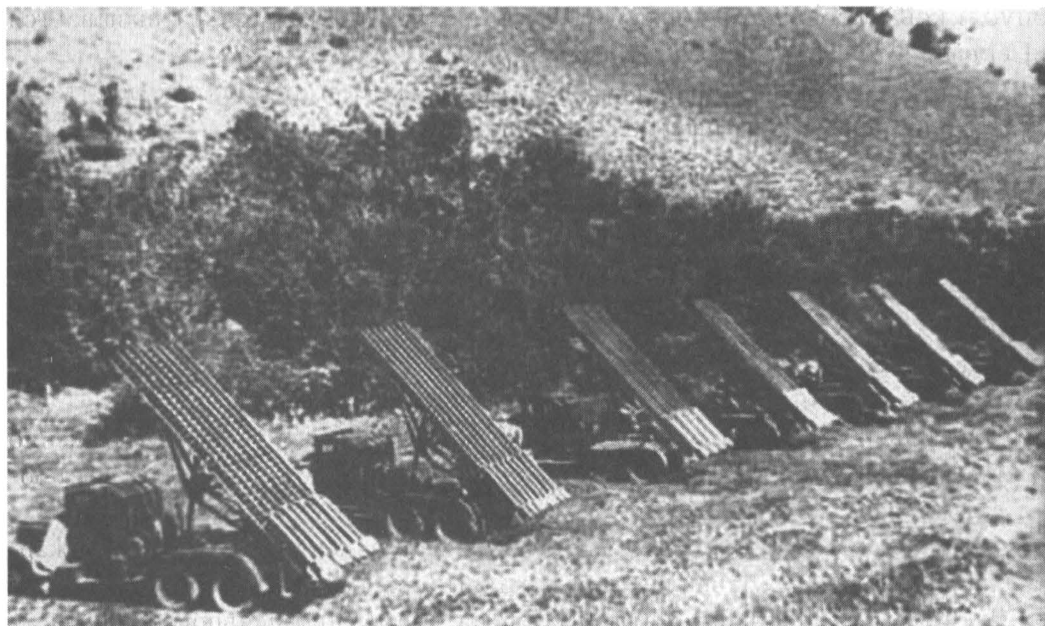
лом между сараем и домом в тенёчке. Было часа 2-3 дня. Что-то кушали, вели невесёлый разговор, больше угрюмо молчали.

Неожиданно раздался свист снаряда и раздался взрыв метрах в 100 от нас у дома Брееров. Дом их сразу затрещал и загорелся. Буквально через несколько секунд мы, пробежав 20-30 метров по огороду, нырнули в наше убежище. И тут начался кромешный ад. Вой, свист, грохот разрывов. Земля ходила ходуном из стороны в сторону. С потолка земля сыпалась на нас, осыпалась со стен. Со мной началась истерика. Я кричал, бился, не понимая, что происходит. Не знаю, сколько продолжалось это безумство. Наверное, недолго, иначе мы бы сошли с ума. Внезапно всё прекратилось. Только после войны мы узнали, что это было первое «успешное» боевое применение знаменитых «Катюш».

В журнале «Чудеса и приключения» № 1 за январь 2005 г. в статье «Золотая звезда № 13» упоминается, что «14 июля батарея из семи установок БМ-13 («Катюш») ударила по скоплению живой силы и техники немцев на переправе через реку Оршицу. Этот день стал боевым крещением реактивных систем залпового огня».

Автор, видно, не счёл возможным посчитать удар по жилому посёлку станции Орша первым боевым применением «Катюш». Хотя батарея БМ-13 была та же самая, под командованием капитана Флёрова И. А.

В других публикациях о первом боевом применении «Катюш» можно прочесть, что по скоплению немцев на станции Орша было выпущено 300 реактивных снарядов. При этом погибло не менее 300 фашистов (по одному

Примерно так выглядела первая экспериментальная батарея М-13-16 на позиции под Оршей

снаряду на фашиста) и было уничтожено много вражеской техники, боеприпасов, горючего, доставленных в Оршу по железной дороге. Смею утверждать, что это не соответствует действительности. Но об этом — позже.

В военных фильмах, кинохронике часто показывают выстрелы «Катюш», сопровождая их соответствующими звуками. Возможно, это соответствует звуку в месте, где стреляют, где пролетают ракеты. Но ни разу в кино я не слышал звуков, хоть отдалённо напоминающих какофонию в месте их падения и разрывов. А если сюда добавить себя, представить, что ты находишься в месте удара, совершенно беспомощный, беззащитный, обречённый!

Мы, сжавшись, прислушивались к тишине. Начали прослушиваться потрескивания — это горели дома. Потянуло горячим дымом. Вскоре стало трудно дышать. Было ясно, что мы в нашем убежище, если и не сгорим, то задохнёмся. Отец с тётей вылезли из убежища и решили, что нужно немедленно уходить, кругом всё горело. Они взяли топор и лопату (они всегда были в убежище на случай, если бы нас завалило землёй и пришлось бы откапываться), разломали забор и вывели бабушку, маму и меня через Пожарный переулок на следующий соседский участок и дальше в большой старый сад.

Вернулись, забросали вход и выход убежища досками от забора, а сверху присыпали землёй. После этого перебрались к нам в сад. Наши вещи — несколько мешков с одеждой — остались в убежище. Наш дом ещё не горел (не видно было, чтобы он уже загорелся). Но отец с тётей в дом не пошли, быстро перебрались к нам в сад. Сад был обширный, с большими старыми яблонями. В саду было вырыто убежище. В нём уже пряталось несколько семей. Нам разрешили спуститься в убежище, хотя там было довольно тесно. Все молча ждали, что будет дальше.

Отец вылез из убежища, позвал меня. Когда я вылез, он сказал: «Смотри, как горит наш дом». Я увидел, как из-под крыши, покрытой гонтом, из каких-то многочисленных дырок в крыше (наверно, от осколков) выходит дым. Он становился всё темнее и гуще. Так как дым начал выходить вначале из-под крыши и из дырок в крыше, то можно предположить, что причиной возгорания его были осколки взорвавшихся снарядов. Дом начал гореть изнутри. Вдруг дым повалил клубами, вырвалось пламя, охватившее сразу весь дом, сарай. Возник мощный огненный, трещащий, ревущий смерч. Крышу разорвало на куски. Эти куски, кружась и кувыркаясь, горели и, разбрасывая горящие головешки, уносились прочь. Это было завораживающее, ошеломляющее зрелище. Точно помню, что никакой жалости к горящему дому и всему тому, что было с ним связано, у меня не было. Очень потрясающим было только что пережитое. Кругом нас тоже всё горело. Сотни домов горели одновременно. Кругом бушевали такие же огненные смерчи.

Кое-как мы пересидели ночь в этом убежище. Когда утром выбрались на поверхность, нам открылась ужасная картина. Вокруг, насколько хватало глаз, торчали печные трубы — сотни печных труб! Около них догорали головешки. Мы с отцом пошли к нашему бывшему дому. Убежище было

цело — огонь до него не добрался. Все деревья, зелень на грядках сгорели. В бороздах между гряд валялись наши куры и цыплята — обугленные. Они не успели убежать от жары и огня. Дом стоял на каменном фундаменте высотой от земли сантиметров на 60. Так он был полностью заполнен раскалёнными углями с тлеющими остатками брёвен. Близко подойти к остаткам дома, а тем более посмотреть, что сталось с вещами, спрятанными в печах (они величественно возвышались в своём оголённом виде над пепелищем), было невозможно.

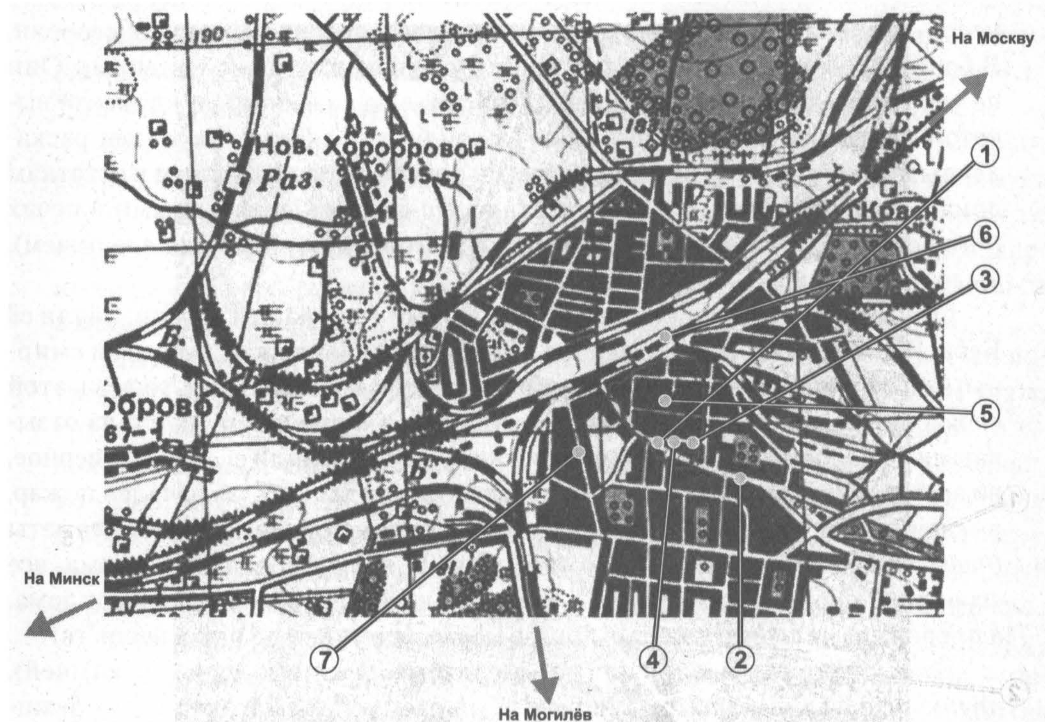
Отец позвал меня и показал на обугленный труп нашей собаки. Звали её Беба. Это была совершенно чёрная небольшая дворняжка с добрым и смирным характером. По-видимому, когда я был совсем маленький, то лез к этой собачонке, а мне говорили: «Бяка, не трогай». Со временем она стала отзываться на подобное слово. Мы взяли лопату и похоронили её. Беба, наверное, во время обстрела спряталась под крыльцо веранды. А когда начался пожар, выскочила, но успела отбежать совсем недалеко и сгорела. Ценные предметы (часы, фотоаппараты и др.), что отец сложил в саду подальше от дома, все сгорели. Как раз на них упал электростолб, который стоял недалеко от дома, а провода не дали ему упасть в другое место, кроме как на наши вещи.

Итак, осталось у нас три или четыре мешка одежды (в основном, зимней), двухколёсная тележка сохранилась: то ли отец успел её столкнуть в убежище, когда мы его покинули, то ли она стояла в саду вдалеке от дома и уцелела. Погрузили на неё наши пожитки и поехали искать пристанище — крышу над головой.

Надо вернуться немного назад. Тот первый взрыв снаряда был, по-видимому, пристрелочным. «Катюша», как известно, стреляла по площадям не очень метко. Этот взрыв спас нам жизни. Во-первых, мы успели укрыться в убежище. Во-вторых, взрыв был очень далеко от вокзала и других железнодорожных объектов, железнодорожных путей. Артиллеристы за взрывом наблюдали и поняли, что нужно корректировать направление стрельбы. Эти несколько секунд позволили нам скрыться под землю. Но всё равно мы оказались в секторе обстрела, потому что дома в посёлке выгорели вокруг нас примерно на одинаковом расстоянии (метров 500 в радиусе).

Железнодорожный вокзал остался невредим, корпус ближайшего к нам паровозного депо тоже уцелел. Деревянная поликлиника, которая находилась по прямой линии от нас в сторону вокзала, тоже уцелела. Сохранились и некоторые дома около неё, правда, кирпичные. Большого скопления немцев, тем более техники, в это время на железнодорожном узле не было. Поезда не ходили, так как все мосты и путепроводы на подъезде к Орше были взорваны. Кроме того, немцам нужно было перешить широкую советскую железнодорожную колею на узкую европейскую. Восстановление мостов и ремонт путей быстро не делаются.

Удар был очень сильным, но, увы, почти бесполезным. Я не видел и не слышал от кого-либо о том, что при обстреле погибли немцы и повреждена

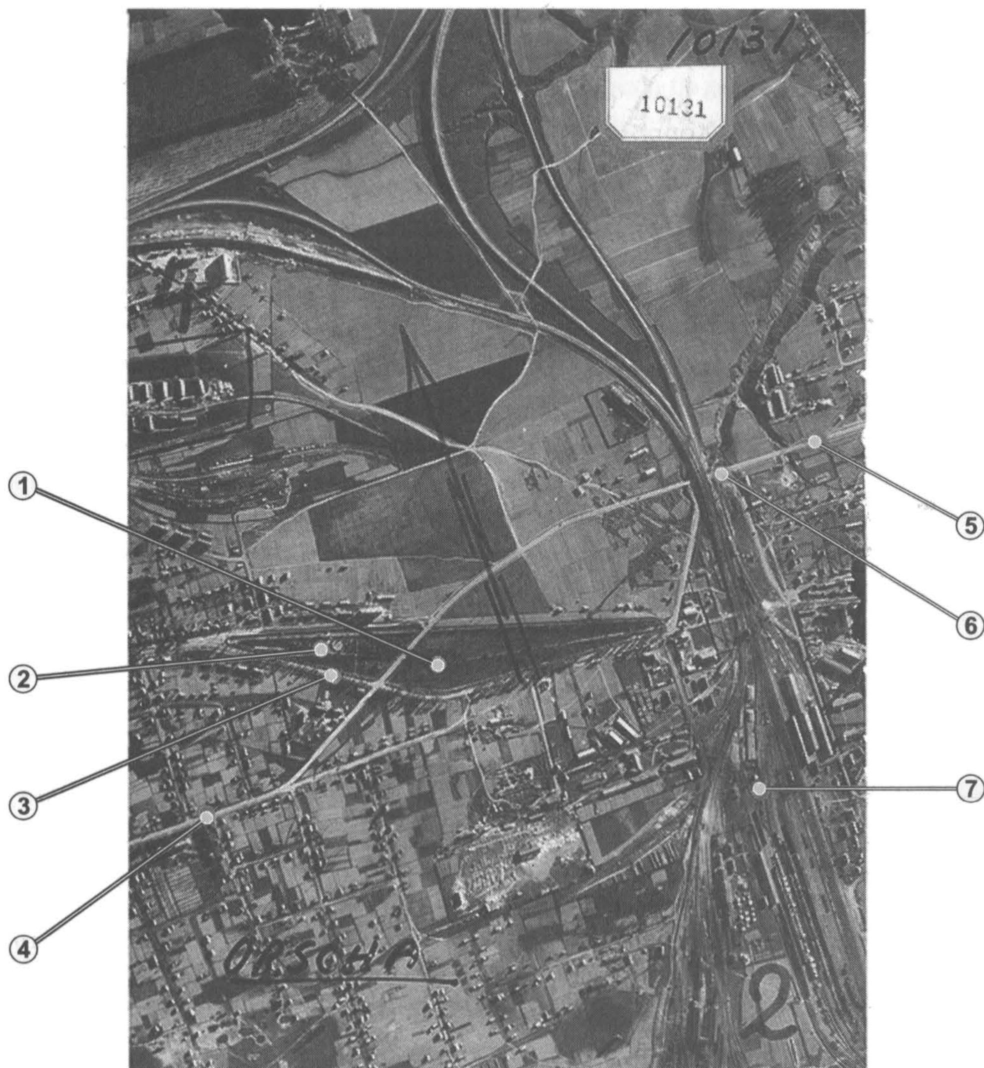
Фрагмент карты довоенной станции Орша
1 — место, где располагался дом семьи Карпов; 2 — улица Молокова, соединявшая станцию с городом; 3 — Пожарный переулок; 4 — место взрыва первого снаряда днём 14 июля; 5 — зона пожара после первого залпа батареи Флёрова; 6 — железнодорожный вокзал; 7 — улица Новый быт (ныне улица К. Заслонова). Дом Карпов находился в самом левом углу треугольника, ограниченного улицей Молокова и Пожарным переулком.

их техника. Хотя, может быть, случайные потери немцев при этом и были, если они находились среди деревянных домишек посёлка. Но в эти первые дни оккупации они ещё не шлялись по посёлку.

В 2011 году я познакомился с москвичом, историком-любителем Михаилом Павловичем Щербаком. Он очень обстоятельно исследовал историю создания и боевой путь первой батареи реактивных миномётов под командованием капитана Флёрова И. А. При этом использовал материалы советских и немецких архивов, воспоминания оставшихся в живых флёровцев. Мне было очень интересно узнать некоторые подробности тех событий, сопоставить их со своими воспоминаниями.

Дальнейший текст написан на основании материалов, собранных М. П. Щербаком.

Первая батарея состояла из пяти экспериментальных установок МУ-2 и двух серийных образцов БМ-13-16. В составе батареи была 122-мм гаубица, предназначенная для предварительной пристрелки целей. Но она не участвовала в боях под Оршей. У гаубицы были деревянные колёса, обитые железом. Её вместо конной тяги прицепили к автомашине. После того как

Немецкая аэрофотография 1941 года. Единственная из серии подобных фото Оршанского железнодорожного узла, которую В. А. Карпу удалось привязать к карте. На фото: 1 — городской парк (до войны эта часть парка не была благоустроена); 2 — парк культуры и отдыха железнодорожников. Он был огорожен и благоустроен (сцена, экран, кинобудка, площадки для игр и танцев); 3 — улица Молокова, пересекает улицу Поженьковскую (сейчас улица Грицевца); 4 — улица Поженьковская (Грицевца); 5 — дорога в город Орша; 6 — железнодорожный путепровод (со станции Орша-Восточная на Москву); 7 — станция Орша-Восточная.
Улицы Поженьковская и Молокова, мощённые булыжником, проходили через посёлок станции Орша. Только по ним можно было, проехав под путепроводом (6), въехать в сам город. Вторая грунтовая дорога в город со стороны станции проходила через железнодорожный переезд намного южнее. При отступлении 13 июля путепровод на дороге в город был взорван и перекрыл ее. Немцам пришлось потрудиться, чтобы сделать проезд.
Улица Поженьковская проходит через весь станционный посёлок, переходит в дорогу и через деревню Заболотье выходит на шоссе Москва — Минск. Это единственная дорога от шоссе на станцию и в город Орша с запада. По ней немцы вошли в Оршу.
Вторая дорога в Оршу идёт с севера. Это шоссе Орша — Витебск от пересечения её с магистралью Москва — Минск возле посёлка Обухово. Здесь на месте взорванного моста через Оршицу немцы наводили переправу, которая стала целью для батареи Флёрова.

батарея прошла путь от Москвы до города Борисов, а затем прибыла в район города Орша, колёса у гаубицы развалились и её пришлось оставить.

Батарея капитана Флёрова — это 80 автомашин ЗИС-5 и ЗИС-6 и 170 человек личного состава.

Из Москвы батарея выехала 2 июля, а 9 июля (по некоторым свидетельствам 6 июля) батарея доехала до 502 км на шоссе Москва — Минск и была приведена в боевое положение.

Из воспоминаний инженера-конструктора А. С. Попова (одного из двух специалистов НИИ-3, прикомандированных к экспериментальной батарее):

Нас пытались разбомбить, после чего мы получили приказ: двигаться только ночью. 9 июля мы прибыли в район Борисова, развернули позицию: 4 установки слева от трассы, 3 РУ и 1 прицельная пушка — справа. Там простояли до 13 июля. Нам было запрещено вести огонь из любого вида личного оружия: пистолетов, 10-зарядных полуавтоматических винтовок, дегтярёвского пулемёта...

Батарея простояла до ночи 13 июля. Не стреляла, так как не было подходящей цели. Начальник артиллерии 20-й армии генерал Г. С. Кариофилли просто не знал, что делать с этим сверхсекретным оружием. После того как батарея по чистой случайности 13 июля вечером чуть было не оказалась на занятой врагом территории, она форсированным маршем прибыла в район города Орша.

Из книги М. П. Щербака:

В ночь на 13 июля личный состав подняли по тревоге, и скорым маршем экспериментальная батарея двинулась обратно, на восток к Орше. Оказалось, что поздно вечером 12 июля на боевое охранение батареи, которое использовало как средство усиления 122-мм пристрелочную гаубицу, совершенно случайно наткнулась маневровая группа Загранотряда Западного фронта, которая проезжала мимо на броневике. Группа контролировала готовность к подрыву железнодорожных и шоссейных мостов на дорогах от Борисова к Орше.

Немецкие войска прорвали фронт севернее и южнее города Орша. Наши войска быстро отступали (мягко говоря).

Если бы этой случайной встречи не произошло, мосты были бы взорваны и батарея оказалась на оставленной войсками территории. Некому было бы махнуть флажком капитану Флёрову: «Срочно уводи свою батарею в тыл!» А может быть, о ней просто забыли в суматохе? Батарея прибыла в 20-ю армию, но в состав артиллерии армии включена не была.

Когда экспериментальная батарея прибыла в район Орши, цель, наконец, была определена: железнодорожный узел станции Орша. Батарея заняла

боевую позицию примерно в 5 километрах севернее станции Орша в междуречье рек Оршица и Днепр. До этого момента залпом все установки ни разу не стреляли. На полигоне производились пуски по восемь ракет одной установкой. Никто из расчёта батареи ни разу не стрелял и даже не видел, как стреляют реактивные установки, за исключением двух офицеров НИИ-3, прикомандированных к экспериментальной батарее. До отъезда на фронт им удалось провести только три занятия с офицерами и сержантами батареи. В силу особой секретности никаких записей делать не разрешалось. Фактически под Оршей продолжались полигонные испытания нового оружия, но в боевой обстановке.

Пристрелочная гаубица сломалась. Да и толку от неё было мало. Траектории полёта снарядов гаубицы и реактивных снарядов существенно отличались друг от друга. Таблицы для стрельбы предстояло ещё только составить и проверить. Так что накрыть небольшую цель массированным залпом семи установок было проблематично. Тем не менее, залп был произведён. При этом не обошлось без неприятностей. После команды открыть огонь, пусковое устройство было включено, но... только один реактивный снаряд одной из установок сошёл с направляющих.

Вот этот первый снаряд, взорвавшийся около дома Брееров, и спас нам жизни! Мы успели добежать до нашего убежища и свалиться в него, пока артиллеристы возились с пусковым устройством и повторно произвели пуск.

На этот раз с направляющих сошло три снаряда. При третьей попытке к цели ушли все оставшиеся 92 реактивных снаряда. Одна установка не стреляла, так как накануне у неё сгорел электрокабель и его не успели заменить. Результаты своего залпа флёровцы не видели, за исключением, конечно, огромного пожара, возникшего в месте падения ракет.

То обстоятельство, что на железнодорожном узле в момент залпа батареи капитана Флёрова не было никаких советских железнодорожных составов с грузами, подтверждает бывший начальник станции Орша-Центральная Е. П. Юшкевич. В своих воспоминаниях он пишет:

Поступил приказ: все имеющиеся на станции и поступающие вагоны немедленно отправлять на восток по двум главным путям с соблюдением интервала видимости хвоста поезда. К полудню 12 июля на станции остались один паровоз и состав порожних пассажирских вагонов, предназначенный для вывоза оставшихся железнодорожников узла. Наступила жуткая тишина, какая обычно бывает в поле знойным летом перед грозой. Ни единого звука, кроме усиливающейся канонады на западе. Ни единого передвижения паровозов и вагонов на таком несколько дней тому назад оживленном узле. Никакой телефонной и селекторной связи со станциями, расположенными на западе...

...Вечером все желающие эвакуироваться работники разных служб узла погрузились налегке, с небольшой поклажей в вагоны пассажирского состава, и поезд тихо, без огней отправился на Москву...

После этого подрывные команды начали взрывать мосты, путепроводы, сооружения, станционные объекты, связанные с движением поездов. Так что к моменту первого залпа батареи Флёрова на станции Орша ни советских, ни немецких поездов с каким-либо имуществом не было.

Из материалов М. П. Щербака:

В ночь 12—13 июля Оршанский узел подрывали подразделения 26-й железнодорожной бригады (ЦАМО РФ, Ф. 208, оп. 2557, д. 20, л. 17, 47).

Но почему первой целью для экспериментальной батареи капитана Флёрова был выбран именно железнодорожный узел станции Орша? М. П. Щербак, проанализировав все документы, которые ему удалось разыскать, в своей книге обосновывает этот выбор цели.

Командиру экспериментальной батареи капитану И. А. Флёрову была поставлена задача — тщательно и всесторонне проверить эффективность нового вида оружия в реальной боевой обстановке, в различных условиях и на различной местности. Подготовить объективный отчёт о результатах применения новейшего оружия на фронте. Но при этом во что бы то ни стало сохранить новейшее секретное оружие.

В общем, первый залп экспериментальной батареи был не иначе как продолжением полигонных испытаний, но испытаний, проведённых в боевых условиях. И по противнику, который не может открыть ответный огонь. По наступающему или обороняющемуся противнику стрелять было опасно — а если всё пойдёт не так, ну, не оправдаются надежды. Тогда в результате ответного артиллерийского огня можно и боевые машины потерять, а с ними заодно и свою голову. Техника-то на батарее особой секретности!

Нужна была крупная площадная и статичная цель с достаточно хорошим обзором, на которой впоследствии можно было бы относительно легко проконтролировать результат испытаний. После того как по счастливой случайности сумели уйти с первой позиции, об опасности попасть в окружение тоже забывать было нельзя. Поэтому место для стрельбы должно быть максимально безопасным, с возможностью быстренько-быстренько, назовём вещи своими именами, без фатальных последствий уехать подальше. Вот в чем было преимущество боевых машин М-13-16 на базе ЗИС-6. В их более высокой, по сравнению с обычной полевой артиллерией, мобильности.

Ближайшей цели, отвечающей всем необходимым требованиям, кроме Оршанского железнодорожного узла вокруг не наблюдалось. Осмотрев окрестности, капитан И. А. Флёров приказал развернуть батарею в пяти километрах от станции, за горкой, на опушке леса, примыкающего к Краснянскому шоссе, немного южнее деревни Андреевщина. Капитан Флёров был хороший и знающий командир, и поэтому, помня об ответственности, лежащей на нём, место для позиции выбрал достаточно разумно. Слева Днепр, между занятыми противником западными кварталами Орши и батареей — река Оршица, справа немногочисленные и потрепанные в боях подразделения 413-го полка 73-й стрелковой дивизии РККА пытаются хотя бы

Залп БМ 13-16 реактивными снарядами РС-132

задержать немецкие войска на плацдарме, сзади противника пока точно нет. А цель действительно была подходящая — площадь железнодорожного узла большая, обзор неплохой, пути отхода свободны.

И цель и позиция — лучше не придумаешь. Погода была как на заказ — день солнечный и ясный.

В сложившейся обстановке здравый смысл говорил, что первый удар надо наносить именно по наведённой немецкими сапёрами понтонной переправе через Оршицу и по войскам, накапливающимся на захваченном на берегу Оршицы плацдарме. Но это было опасно. Вдруг не получится.

Начальник артиллерии 20-й армии РККА генерал Г. С. Кариофилли, который, видимо, не успел покинуть бывший командный пункт 20-й армии, ранее располагавшийся в трёх километрах севернее Орши, решил не рисковать секретной техникой и выбрал целью Оршанский железнодорожный узел. Георгий Спиридонович просто не представлял, да и представить не мог, каковы будут последствия огневого налёта. О том, что на станции нет никаких немецких железнодорожных эшелонов со всяческим взрывоопасным содержимым, да немецких войск там тоже почти нет, командование 20-й армии

прекрасно знало. Не могло не знать. Это капитан И. А. Флёров, прибывший накануне, и у которого не было разведки, не знал.

Так что оршанский железнодорожный узел стал первой целью для экспериментальной батареи реактивной артиллерии не только по причине сложившейся военной обстановки.

Через несколько часов батарея заняла другую позицию и произвела второй залп — по наведённой немцами переправе через реку Оршица и скопившейся около неё живой силе и технике противника. Скорее всего, это произошло около пересечения шоссе Минск — Москва и реки Оршица (севернее города Орша около посёлка Обухово). За грандиозным эффектом этого удара теперь могли воочию наблюдать и капитан Флёров, и воины Красной Армии, занимавшие оборону на левом берегу Оршицы. От места удара в панике бежали не только немцы, но и советские солдаты, находившиеся на передней линии обороны.

Есть и другие интересные свидетельства.

В 2002 году была издана коллективная работа «Люди и годы. К 100-летию Оршанского железнодорожного» (Минск, издательство «Беларусь», 152 страницы текста и 48 страниц фото). В ней есть сведения о событиях лета 1941 года:

Первая авиационная бомбардировка железнодорожного узла произошла в ночь с 22 на 23 июня. Затем бомбежки продолжались вплоть до захвата Орши противником. Несмотря на это, из Орши были отправлены на восток многочисленные эшелоны с людьми, с оборудованием промышленных предприятий...

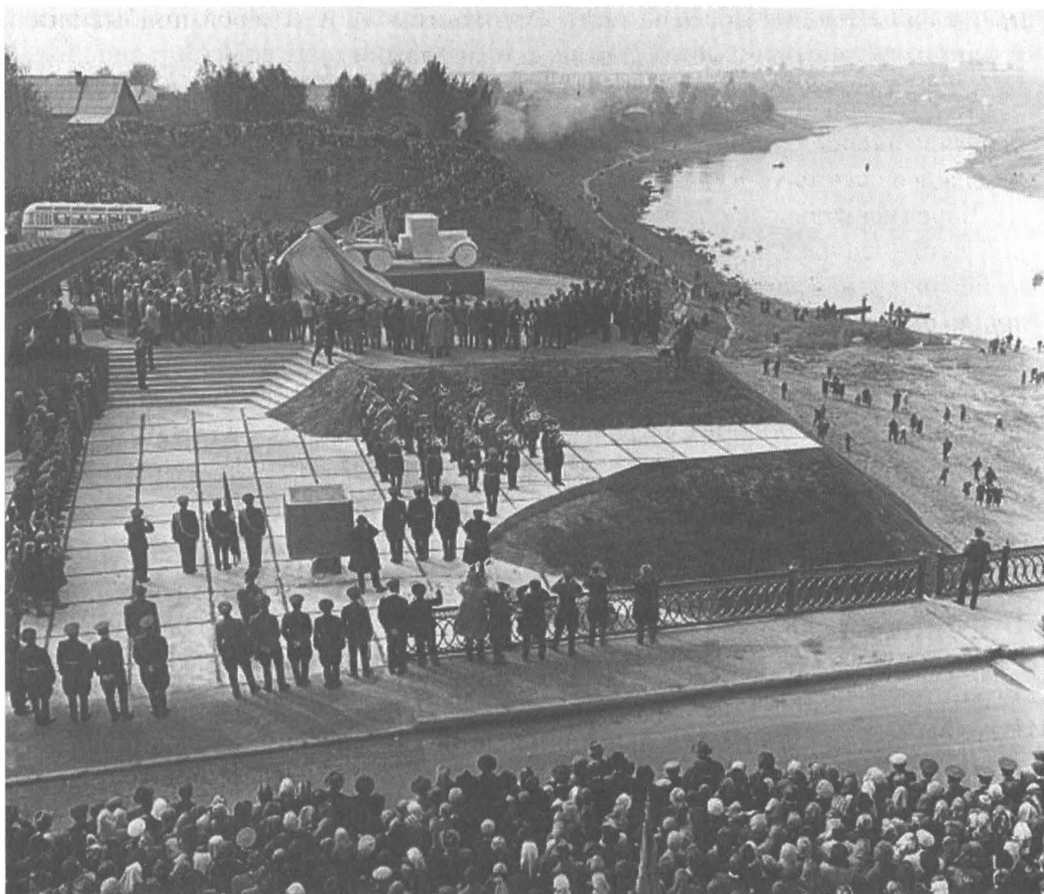
Далее в книге сказано:

13 июля в 15 часов последний поезд... был отправлен со станции Орша-Западная*... Перед этим были взорваны мост через Днепр у путевого поста № 2 и посты ЭЦ на всех трех станциях. 14 июля немцы захватили северо-западную часть Орши и железнодорожный вокзал. Перед их глазами предстал мёртвый железнодорожный узел. Там не было ни одного человека, паровоза, вагона. Из полуразрушенных цехов вывезено всё оборудование.

Здесь сразу приходит на ум легенда об удивительных подвигах, совершенных на Оршанском железнодорожном узле группой подпольщиков-

* Краевед из Орши В. П. Лютынский в одной из своих статей привел воспоминания Михаила Антоновича Равгейши (1923 года рождения), жившего в 1941 году на станции Орша-Западная. По словам ветерана, беженцы ехали даже на крышах вагонов этого поезда.

Он же сообщил: «Снаряды упали за железнодорожной горкой, в районе улицы Жлобинской. Мы,мальчишки, испугались, но потом побежали туда посмотреть, что произошло. Никакие строения и железнодорожные пути этими снарядами не были повреждены. Может быть, они еще куда-то попали, это мне неизвестно».

Открытие Мемориального комплекса «Катюша» («За нашу Советскую Родину»). Архитекторы Ю. Градов, В. Занкович, Л. Левин

диверсантов во главе с Константином Заслоновым. Официальный советский источник сообщает:

> [К. С. Заслонов (1910–1942)] накануне войны был начальником паровозного депо в Орше. Осенью 1941 года по инициативе Заслонова был создан партизанский отряд железнодорожников. С ноября 1941 года Заслонов, вернувшись в Оршу, поступил на работу в депо и развернул активную диверсионную деятельность на ж. д. узле. За 3 месяца группой Заслонова было проведено 98 крушений поездов, выведено из строя 150 паровозов. В конце февраля 1942 года Заслонов, вынужденный уйти из Орши в лес, перешел к открытой партизанской борьбе*.

За 90 суток — 98 крушений поездов (по три, а то и по четыре крушения в сутки) и 150 выведенных из строя поездов (по пять в сутки). Эти цифры надо обсуждать отдельно, а пока задумаемся вот над чем. Если в Оршанском узле

* Советская историческая энциклопедия, том 5, Москва, 1964, ст. 630.

не осталось ни одного специалиста-железнодорожника, ни одного паровоза, ни одного вагона, ни одного станка, а все станционные здания и депо были разрушены, то каким образом уже в августе в Орше снова работало депо и каким чудом на восток каждые сутки уходили 10—15 эшелонов с немецкими войсками и военной техникой?!

Ответ может быть только один: бодрые рапорты «местных товарищей» в Москву о тотальном разрушении узла в июле 1941 года были абсолютной ложью!

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

- Город и железнодорожный узел Орша советские войска оставили без боя.
- Узел был свободен от воинских эшелонов. Советские успели его покинуть, немецкие еще не прибыли.
- Вопреки донесениям командиров РККА и партийных чиновников «наверх», станционные сооружения, в том числе депо и мастерские, не были уничтожены, а техническое оборудование и станки в основном остались на месте, так же как и многие оршанские железнодорожники.
- Батарея капитана Флёрова дала залп по станции, но промахнулась. В результате залпа и вызванного им огромного пожара был полностью уничтожен станционный посёлок, где проживали советские граждане.
- Испытание реактивных минометов БМ-13 в боевой обстановке прошло успешно, но ущерб противнику причинил только второй залп, 14-го июля произведенный в районе понтонной переправы через реку Оршицу.

БЕЛОРУССКАЯ КРАЁВАЯ ОБОРОНА

К вопросу о создании белорусского национального войска в годы Второй мировой войны

Алексей Литвин

Из журнала «Неман», 1994, № 4, с. 170—191.

Тема нашей статьи — Белорусская Краёвая Оборона (БКО) — военно-политическая акция, проводившаяся белорусскими коллаборантами с целью создания своего национального войска. Акция эта проводилась в соответствии с секретным приказом генерального комиссара «Беларусь», высшего фюрера СС и полиции в Центральной России и Беларуси группенфюрера СС и генерал-лейтенанта полиции Курта фон Готтберга, который он издал 23 февраля 1944 года. В приказе сказано:

> § I. По предложению президента Белорусской Центральной Рады (БЦР) от 18 февраля 1944 г. приказываю создать Белорусскую Краёвую Оборону для борьбы против большевизма.
>
> § 2. Создание БКО осуществлять постепенно шаг за шагом во всех округах Генерального Комиссариата Беларусь за исключением округа СС и полицейфюрера Припяти и округа Лида. В уже созданных или создаваемых оборонных деревнях мобилизация не проводится. Исключаются также от мобилизации: в Минском округе — районы Узда и Ивенец; в Вилейском округе — районы Воложин и Мядель, в Глубокском — район Браслав, в Слонимском — район Козловщина и располагающаяся на восток от р. Шары часть Деречинского района; в Новогрудском округе — располагающаяся на запад от Молчади часть Дятловского района.
>
> § 3. БЦР проводит через своих окружных наместников [заместителей. — *Ред.*] первоначально мобилизацию всех бывших офицеров в возрасте до 57 лет и бывших подофицеров в возрасте до 55 лет, которые не занимают руководящих должностей или же не работают как специалисты в немецких учреждениях. Вопросы освобождения от службы решает окружной комиссар при согласовании с окружным комендантом полиции.*

Далее в приказе (всего 17 параграфов) подробно расписывается, кто должен входить в районные призывные комиссии, порядок призыва, порядок прохождения курсов подготовки офицерского и рядового состава и т. д. По каждому району планировалось призвать, согласно этому приказу, до 500 че-

* Белорусский государственный архив (далее БГА). Ф. 382, оп. 1, д. 8, л. 3.

ловек. На каждого из них начальник района должен был составить краткий отзыв о политической благонадежности.

В этом месте я прерву рассмотрение немецких документов, чтобы сделать несколько общих замечаний.

История создания и деятельности БКО, Белорусской Народной Самопомощи (БНС), Белорусской Самообороны (Самааховы) (БСА), Союза Белорусской Молодежи (СБМ), других организаций, созданных с разрешения немцев белорусскими коллаборантами, относится к числу наиболее щепетильных тем, которые до последних дней советской власти находились под особо пристальным вниманием органов, призванных контролировать чистоту «идейных позиций». Неудивительно, что, несмотря на ряд публикаций, история создания и деятельности Белорусской Краевой Обороны до настоящего времени относится к так называемым «белым пятнам».

Впервые о ней было сказано в двухтомной книге чекиста-палача Лаврентия Цанавы (1900—1955) «Всенародная партизанская война в Белоруссии против фашистских захватчиков», вышедшей в Минске летом 1951 года. Несмотря на короткий век легального своего существования (после ареста автора 4 апреля 1953 года вскоре была «арестована» и книга), именно она задала методологический тон последующим публикациям по этому вопро-

Генеральный округ Беларусь (Weissruthenien)

су. Оценки и выводы, которые сделало ведомство Цанавы (МГБ — Министерство государственной безопасности БССР) по свежим следам событий (предварительно упрятав все документальные материалы в спецхраны), без существенных изменений доминируют до сегодняшнего дня.

В советских изданиях господствуют односторонние оценки БКО — дескать, это провокация нацистов и их подручных — белорусских буржуазных националистов; не получив никакой поддержки от населения Беларуси, она с треском провалилась под ударами партизан и Красной Армии.

По разным причинам не оставила большой литературы по этому вопросу и белорусская эмиграция 1944 года. Отдельные сведения имеются в немногочисленной мемуарной литературе. В 1993 году на страницах «Немана» публиковались разделы из книги Кастуся Акулы «Змагарнымі дарогамі» (вышла в 1962 году, Торонто — Мюнхен), оговоримся сразу, довольно тенденциозной*.

Впервые глубокий анализ причин возникновения и деятельности БКА осуществил в начале 80-х годов польский исследователь белорусского происхождения Юрий Туронок (1929 г. р.). В статьях «Статус Беларуси в рейхскомиссариате Остланд», «Генезис и деятельность Белорусской Центральной Рады (декабрь 1943 — июль 1944 гг.)», опубликованных в ежегоднике «Исследования истории СССР и Центральной Европы», в своей докторской диссертации, а затем опубликованной на ее основе монографии «Беларусь под немецкой оккупацией» автор на основе богатейшей документальной базы, хранящейся в зарубежных архивах, других сведений, почти неизвестных нашему читателю и исследователям, реконструирует события тех дней: приоткрывает завесы над тайнами функционирования немецкого оккупационного режима, политики нацистов по отношению к белорусам**. Рассматривая деятельность белорусских коллаборантов, автор настойчиво проводит мысль о существовании «белорусской политики», которая активно «будировалась» белорусскими националистами и поддерживалась генеральным комиссаром Вильгельмом Кубе.

Такой подход вступал в противоречие с деятельностью ведомства шефа СС Генриха Гиммлера. В возникшем конфликте верх одержал Гиммлер. Этому способствовали, в первую очередь, события на советско-германском фронте, а также убийство В. Кубе, организованное спецгруппой разведуправления Генштаба РККА. Ставший вместо Кубе генеральным комиссаром Беларуси высший руководитель СС и полиции Центральной России и Беларуси Курт фон Готтберг являлся лишь инструментом политики Гиммлера. Исходя из политических соображений, Берлин не мог пойти на ликвидацию органов гражданского управления. В связи с этим Готтберг вынужден был считаться с фактами деятельности общественных организаций и структур,

* Кастусь Акула — псевдоним Александра Качана (1925–2008), писателя и журналиста белорусской эмиграции. — *Прим. ред.*

** Эта книга выдержала два издания в Польше, в 1991 году была напечатана в «Немане» № 10, в 1993 году вышла на белорусском языке в издательстве «Беларусь».

созданных еще при Кубе, — Белорусской Самопомощью, Союзом белорусской молодежи, Радой доверия при Генеральном комиссаре.

Кроме того, осенью 1943 года на территории Беларуси оказалось множество людей, сотрудничавших с немцами на территории тех районов СССР, которые были освобождены к этому времени Красной Армией.

В начале октября 1943 года в Барановичи приехал Радослав Островский; туда из Смоленска переместился штаб командующего группой армий «Центр» генерал-фельдмаршала Ганса фон Клюге. Ю. Туронок считает, что, появившись в Беларуси, Р. Островский сразу же приступил, непосредственно или через своих спонсоров (он пользовался широкой поддержкой военных и полицейских властей), к действиям с целью убедить Готтберга в целесообразности создания в Беларуси центрального органа самоуправления.

Надо отметить, что мы до сего времени знаем очень мало правды как о самой БКО, так и о событиях, которые предшествовали ее созданию; о деятельности тех, хотя и немногочисленных, сил, которые находились в оппозиции к сталинщине и отстаивали идею создания белорусского самостоятельного государства.

События Первой мировой войны, а затем февральская и октябрьская революции 1917 года поставили решение национальных проблем бывшей царской империи на реальную почву самоопределения наций в их этнографических границах. При этом большевики увязывали национальный вопрос с социальным, искусственно разбивали национальное движение на две непримиримые части, что, в итоге, явилось одной из причин гражданской войны. Их оппоненты — представители буржуазных партий — стремились к консолидации наций на буржуазно-демократической основе. Такая политика победила в Финляндии, Польше, Эстонии, Латвии и Летуве. Доведенное войной до обнищания, население России, Беларуси и Украины, в свою очередь, в большей мере воспринимало лозунги большевиков, что, собственно, и обеспечило им победу в гражданской войне.

Документы и материалы о деятельности органов и организаций, оппозиционных большевикам, до 1991 года находились на специальном хранении, к знакомству с ними допускались лишь считанные лица. Для сталинщины такие понятия, как «национальное самосознание», «национальная независимость», «национализм» были вроде красного платка для быка. Естественно, в таких условиях не могло быть и речи об объективной оценке противников системы. В сознании миллионов людей был искусственно создан и закреплен многоликий образ «врага народа», «врага советской власти». Внешних и внутренних врагов «обнаружилось» множество. Поставили в их ряд и «нацдемов» — «белорусских буржуазных националистов».

Борьба с ними велась рьяная и беспощадная. Начиная с конца 20-х и на протяжении 30—40-х годов с особой жестокостью и непримиримостью уничтожалось все, что было связано с возрождением белорусского национально-

го сознания. Тысячи белорусских писателей, поэтов, журналистов, ученых, партийных, советских, хозяйственных работников были арестованы, сосланы, уничтожены в ГУЛАГе. Малейшие ростки национального сознания скашивались, что говорится, на корню. Тоталитарная система, сталинщина, как бы вдруг спохватилась; она увидела, что если не остановить, не уничтожить процессы «белорусизации», «украинизации» и других «заций», которые до этого рекламировались как вершины гениальной «ленинско-сталинской национальной политики», то очень скоро эти процессы перестанут быть управляемыми.

1-й кадровый батальон Белорусской Краевой Обороны

Идеи «национального сознания», «национального освобождения», «национального единства» представлялись опасными не только для руководителей СССР, но и для руководителей Польши. Заключив грабительский Рижский мир, польское правительство начало проводить на занятых территориях политику открытой полонизации. Это вызвало активное сопротивление белорусского народа. Однако после майского переворота 1926 года белорусское национальное движение было поставлено вне закона.

Обманутая политикой «белорусизации», значительная часть видных белорусских национальных деятелей переехала в БССР, где вскоре попала под жернова репрессий. Оставшиеся в Польше, Чехословакии, Германии, При-

балтике белорусские национальные деятели в обстановке приближающейся мировой войны по-своему искали путей решения белорусского вопроса.

Многие из них возлагали надежды на перемены, которые произойдут в мире в результате войны, неизбежность которой явственно ощущалась всеми белорусскими политическими силами в конце 30-х годов. Один из лидеров Белорусской Христианской демократии (БХДП), ксендз Винцент Годлевский (1888—1942) писал после захвата Чехословакии Германией:

> Присматриваясь внимательно ко всем этим делам, необходимо еще раз отметить, что первая проблема, которая выдвигается на повестку дня в европейской политике, это проблема национальная. Ее взялась решать расистская Германия, не из-за принципа, а из тактики: пользуясь запутанностью национальных проблем, Германия думает расширить свое господство на восток. Необходимо признать, что запутанность национальных проблем, а также желание Германии распутать эти проблемы — делает из Германии большую и грозную силу в глазах Советов и др. Только распутает ли Германия эти проблемы? Мы боимся, что она может запутать их еще больше!*

Тот же Годлевский в статье «На оси Токио — Берлин», опубликованной в издававшейся в Вильне газете «Беларускі фронт» (1938, № 7), писал:

> ...Здесь необходимо дополнительно отметить, что Германия, в отличие от Японии, не имела до настоящего времени очерченной программы в российском вопросе. Среди немецких политиков существует два направления в российском вопросе: «1. Принятие единой и неделимой России под немецкий протекторат; 2. Раздел России на отдельные национальные государства. Первого направления придерживались старые немецкие военные круги, а другого будто бы придерживается новая Германия.
>
> Гитлер в первом издании своей книжки «Mein Kampf» («Моя борьба»; 1927 г.) писал, что немецкая политика должна стремиться к тому, чтобы не допустить на территории СССР одного сильного государственного организма (...), что желательным было бы создание отдельных национальных государств (Украина, Беларусь, Грузия и т. д.) потому, что это нейтрализовало бы Восток и дало бы Германии свободную руку на Западе... В издании 1935 года мы этих мыслей не находим. Из этого мы видим, что отношение Германии к белорусскому вопросу до этой поры конкретно не выяснилось.

Автор делал вывод:

> Возможно, что в будущей войне с Россией Германия, следуя за идеологией национал-фашизма, поставила бы белорусскую проблему так, как в 1918 году поставила украинскую, и стремилась бы к ее решению, однако возможно и другое решение.**

* «Спадчына», 1993, № 3, с. 68—69.

** «Спадчына», 1993, № 2, с. 43—44.

В другой своей статье, «Белорусское Литвафильство», опубликованной в этой же газете, Годлевский заявил:

> На наш взгляд, если бы на оси (Токио — Берлин) в Советах происходили бы в ближайшем или в отдаленном будущем какие-нибудь важные военные или революционные события, белорусский вопрос должны поставить на повестку дня сами белорусы. ...Тогда его поставят и другие*.

В январе 1939 г. в статье «О самоопределении народов» Годлевский писал о том, что лозунг «самоопределения народов», который Антанта в свое время весьма искусно использовала против Германии, взят на вооружение самой Германией, которая заинтересована в создании на Востоке Европы (по мнению Годлевского) нескольких отдельных государств, взамен одного сильного. Принцип «самоопределения» может быть использован и против Коммунистического интернационала. Он заключил:

Радослав Островский

> Трудно допустить, чтобы сознательные народы, украинцы, белорусы и др., которые принесли тысячи наилучших борцов в жертву за свою свободу, оказались в российско-интернациональных рядах и выступали против собственных интересов. Для этого лозунг самоопределения народов может быть использован не только Германией, но и подневольными России народами в их собственных интересах**.

Из статей, которые были опубликованы в конце 30-х годов в газете «Беларускі фронт», — «О самоопределении народов», «Народ и нация», «О славянской идее», «Потребность национальной идеи», «Что такое национализм», а также цитированной выше «На оси Токио — Берлин», — видно, что в кругах белорусской эмиграции широко пропагандировались основы белорусской государственности и независимости. Эти силы, подобно большевикам в годы Первой мировой войны, надеялись, что в условиях Второй мировой войны они смогут поставить и решить свои задачи.

* «Спадчына», 1993, № 2, с. 48

** «Беларускі фронт», № 2 (36), 15.01.1939.

Однако никто из деятелей эмиграции не знал истинных планов гитлеровского руководства в отношении народов СССР, которые будут оккупированы войсками Германии. Помня немецкую оккупацию 1918 года, они надеялись использовать опыт Белорусской Народной Республики, тем более, что многие из них были участниками тех событий. Исходя из этого, в преддверии войны Германии против СССР, часть белорусских национальных деятелей обратилась к руководству нацистской Германии с предложением о создании Белорусского государства под протекторатом Германии. Однако правительство Третьего рейха имело свои виды на будущее обустройство захваченных территорий.

Вопреки истине, в советской историографии прочно закрепился миф о том, что, готовясь к войне против СССР, с первых дней войны немецкое руководство делало всё возможное, чтобы вбить клин между народами СССР, создать так называемую «пятую колонну» — «марионеточные правительства».

На самом же деле этому фактору гитлеровцы не придавали никакого значения. Они полностью рассчитывали на собственные силы. Именно поэтому летом 1941 года немцы распустили созданное в оккупированном Львове украинское правительство Степана Бандеры, а его самого до конца войны заключили в тюрьму. То же самое относится к мифу о том, будто гитлеров-

Р. Островский инспектирует бойцов БКО

ское руководство стремилось использовать местные военные формирования для борьбы против Красной Армии.

Наоборот, расчет строился на том, что Вермахту удастся в краткосрочной военной кампании разбить Красную Армию и успешно завершить войну собственными силами. Не случайно гитлеровцы отказались от использования и Русского Общевоинского Союза (РОВС), созданного еще в сентябре 1924 года из бывших военнослужащих «Русской армии» генерала Петра Врангеля, и других военных союзов, объединявших ветеранов белогвардейских войск.

Войсковые части РОВСа в зависимости от места расположения распределялись по отделам. Первый отдел включал Францию с колониями, Италию, Чехословакию, Польшу, Данию, Финляндию и Египет; 2-й — Германию, Венгрию, Австрию, свободный город Данциг, Летуву, Латвию, Эстонию; 3-й — Болгарию и Турцию; 4-й — Югославию, Румынию, Грецию; 5-й — Бельгию и Люксембург. Кроме того, были еще Дальневосточный и два Североамериканских отдела. Общая численность членов РОВСа превышала 100 тысяч человек*.

В сентябре 1939 года германский суд утвердил устав РОВС, действующих на территории Германии и захваченных ею стран. Начальником Объединения РОВС в Германии с 1938 года был генерал-майор Алексей фон Лампе (1885—1967). В приказе № 13 от 12 сентября 1939 года он отметил:

> Основными принципами наших воинских организаций, образовавшихся на чужбине, всегда были: верность традициям Российской Императорской Армии и заветам наших Белых Вождей; непримиримость по отношению к коммунизму в России; невмешательство во внутреннюю и политическую жизнь приютивших нас стран. Ныне Великая Германия переживает решительный исторический момент своего бытия. Это, естественно, волнует также и чинов нашего Объединения.
>
> В такие дни мы все должны быть **исключительно** лояльными по отношению к давшей нам кров стране. Долг признательности за многолетнее гостеприимство обязывает нас всеми силами отзываться на обращение ее представителей к нам в том или ином случае, стараясь как и чем можно помочь ей в ее переживаниях, **разумеется, оставаясь верными нашим основным принципам** [выделено мною. — *А.Л.*]**.

За месяц до нападения Германии на СССР генерал А. А. фон Лампе обратился к главнокомандующему Вермахтом генерал-фельдмаршалу Вальтеру фон Браухичу с письмом, в котором писал:

> Для нас нет никаких сомнений в том, что последний период борьбы (Германии против Англии, векового врага России) выразится в военном стол-

* Военно-исторический журнал (ВИЖ), 1989, № 11, с. 42—43.
** Там же, с. 45.

кновении Германии с Союзом Советских Социалистических Республик. И потому теперь, когда наступает новый решительный час, самая решительная стадия борьбы, в которой мы уже не можем удовольствоваться скромной ролью в тылу, а должны принять то или иное активное участие, я считаю своим долгом заявить Вашему Превосходительству, что я ставлю себя и **возглавляемое мною Объединение Русских Воинских Союзов в распоряжение германского военного командования** [выделено мною. — *А.Л.*], прося Вас, господин генерал-фельдмаршал, дать возможность принять участие в борьбе тем из чинов его, которые выразят свое желание это сделать и физически окажутся здоровыми.*

В середине августа пришел ответ Браухича, где указывалось, что **«в настоящее время чины Объединения не могут быть применены в германской армии»****.

Гитлер и его окружение, опьяненные успехами первых полутора лет войны, верили в близкую победу.

В связи с таким отношением в эмигрантских кругах, желавших бороться с большевистской системой, возникло недоумение: нацистская пропаганда трубила о том, что германские войска хотят «освободить население Советского Союза от жидо-большевизма», «от тирании комиссаров и Советов», что они несут освобождение народам СССР (ни предусматриваемый заранее раздел Советского Союза, ни ликвидация социалистических форм экономики в пропагандистских материалах не упоминались), а с другой стороны — нацисты игнорировали предложения белогвардейских союзов о совместной борьбе.

На первых порах русская эмиграция успокаивала себя тем, что немцы отказываются от их услуг из чисто пропагандистских соображений. В распространенном 25 июня 1941 года сообщении представителя русской эмиграции во Франции Юрия Жеребкова (1908—после 1980) было сказано:

Участие эмигрантов в борьбе принесло бы мало реальной помощи, но в то же время дало бы пищу и без того уже активной советской пропаганде, убеждающей русский народ, что с германскими войсками идут реакционеры, золотопогонники, помещики и т. п.***

Однако с развитием событий им становились все более понятными истинные планы нацистской Германии.

В то же время следует отметить, что Вермахт через управление «иностранные армии — контрразведка» своей разведки (Абвер), готовясь к войне против СССР, использовал некоторых бывших белогвардейцев, а также эмигрантов-националистов в качестве разведчиков, диверсантов, переводчиков, вспомогательных служащих. Уже перед нападением на Польшу 2-й отдел этого

* Военно-исторический журнал (ВИЖ), 1989, № 11, с. 46.

** Там же..

*** Мюллер Н. Вермахт и оккупация. М., 1974, с. 93.

управления, имевший кодовое название Бергбауэрхильфе (Berghanerhilfe) («помощь крестьянам-горцам»), занимался обучением украинских националистов диверсионной деятельности. Вскоре управление создало диверсионные подразделения, укомплектованные этническими немцами — выходцами с территории России/СССР — и эмигрантами-националистами. Это полк специального назначения «Brandenburg», батальоны «Nachtigall» (Соловей) и «Bergmann» (Горец).

Рассмотрим теперь взаимоотношения нацистов и белорусских националистов в годы войны. По существовавшей в советской историографии схеме, все, кто в той или иной мере имел касательство к немецким оккупационным органам, были объявлены «пособниками» нацистов, по существу «саўдзельнікамі ў злачынствах». Такое отношение понятно для литературы военного времени, когда имело место сильное давление идеологических установок, но неприемлемо в наше время. Мы должны объективно и непредвзято посмотреть на деятельность белорусских националистов в годы войны, хотя сделать это не так просто.

Одна из многочисленных антипартизанских листовок, выпускавшихся Центральной радой

Великая Отечественная война — одна из самых болезненных и кровоточащих ран в памяти белорусов. Поэтому у нас особенно остро воспринимают отходы от тех стереотипов в оценке действительности военной поры, которые были навязаны всей мощью официальной идеологии победителей.

Идея белорусского возрождения, белорус-

ской государственности, идея белорусского войска как средства для создания национального государства, отстаивания интересов белорусского народа перед оккупантом и освободителем в одном и том же лице с самого начала была обречена на провал. В сложившейся ситуации она объективно смыкалась с нацизмом.

Но тем самым борьба против нацизма превращалась, как ни парадоксально, в борьбу против белорусской национальной идеи, против белорусской государственности и армии. Лучшей раскладки для Москвы, для большевистской системы придумать было трудно. То есть у системы были развязаны руки по части репрессий в отношении сотен тысяч людей. Разбив войска Германии, эта система, как она считала, окончательно разбила, похоронила, заклеймила «позором» «пособников гитлеровцев» — «украинских, белорусских, эстонских, латвийских, литовских, польских» и всех иных «буржуазных националистов». Тем самым она как бы подвела юридическое основание и под «старые» политические репрессии и геноцид, тайно и открыто проводившиеся на протяжении 20—30-х годов, и под более поздние, уже послевоенные. Мол, смотрите, «отец народов» [Сталин] был прав, предупреждая об империалистической угрозе, об обострении классовой борьбы, о вражеской агентуре. Значит, «чекисты» сажали за дело...

Срабатывало также правило «победителя не судят». А Победитель не замедлил дать свою трактовку победы, тем более, что существовавшая до войны система, вопреки многим ожиданиям и прогнозам, за годы войны ничуть не изменилась, наоборот, получила международное признание, неимоверно укрепился авторитет диктатора. Она не только сполна рассчиталась со своими врагами, но и создала необходимую «легенду».

Правда, за 50-летнюю послевоенную историю фасад тоталитарного государства сильно подкрашивался. Рядом с «отцом народов» стали появляться новые личности, от которых, оказывается, тоже зависел исход войны. В хрущевскую оттепель мы очень много узнали о роли члена военных советов шести фронтов Никиты Сергеевича Хрущева (1894—1971), а затем о роли начальника политотдела 18-й армии полковника Леонида Ильича Брежнева (1906—1982).

В советской историографии господствовало утверждение, что война, линия фронта не разделила, а объединила советских людей, которые с первых дней поднялись на всенародную борьбу с агрессором. Однако знакомство с архивными источниками показывает, что это утверждение верно только отчасти. В годы войны в полной мере выявилось наличие в белорусском обществе двух течений: коммунистического (просоветского) и национального (пронемецкого), оба из которых в своих пропагандистских материалах считали себя патриотами. Определенная, притом весьма значительная, часть людей занимала выжидательную позицию, стремилась просто сохранить свою жизнь, жизнь своей семьи, личное имущество.

Доминирующим и наиболее активным в процессе войны становилось первое течение. Этому способствовали успехи Красной Армии на фронтах, усиливающиеся действия партизан и подпольщиков, репрессивные действия захватчиков и т. п.

Второе течение, как свидетельствуют немецкие и советские документы, вначале было очень слабым. Затем под воздействием ряда факторов оно в достаточной мере обозначилось, как и первое, стремилось использовать результаты войны в своих целях — в возможной в то время форме.

Немцы, однако, как сказано выше, имели свои планы. В начале своей оккупации они не допускали даже мысли о создании каких бы то ни было белорусских органов государственного управления. Единственное, что было разрешено, — это создание в октябре 1941 года общественной организации в Генеральном Комиссариате — «Беларускай Народнай Самапомачы» (БНС). Позже она была переименована в «Беларускую Самапомач» (БСП), во главе с доктором Иваном Ермаченко, который до войны проживал в Праге и являлся руководителем Пражского белорусского комитета.

Руководство Центральной Рады (Цэнтралі) БНС, образованной в январе 1942 г., и руководители БНС на местах настойчиво требовали от немецких властей изменить отношение к белорусам, дать им возможность создавать свою государственность и свое войско. Немцы никаких обещаний не давали. Тем не менее, Владислав Козловский (1896—1943), редактор «Беларускай газэты» почти в каждом ее номере поднимал вопрос о будущем Беларуси. Так, 15 января 1942 года в статье «Беларусь — штурмавы батальён Эўропы» он писал:

> ...Польшча, Расея павінны аджыць свой век панавання над чужымі народамі. Выходзьма на арэну мы — адроджаная нацыянальна маладая, нацыя, што ідзе ў змаганні за лепшую будучыню побач з перадавой нациям Эуропы — Нямеччынай.

Через месяц в передовой статье «Беларусь у Новай Эўропе» В. Козловский, используя интервью с А. Розенбергом, пишет:

> ЦьвярджэнніДзяржаўнага міністэрства ў дачыненні да Беларусі маюць вялікае і асноўнае значэнне. Праўда, ён не гаварыў беспасярэдна пра Беларусь, але кажучы аб долі й нядолі ўсіх усходніх земляў (Остлянду) — гэтым самым сказаў пра Беларусь, якая з'яуляецца складовай часткай гэтых земляў.

Что же сказал Альфред Розенберг? Он витиевато отметил, что государственный строй отдельных народов Остланда будет зависеть от их истории, традиций и, наконец, от того, как сами народы отнесутся к нынешней войне. В. Козловский сделал решительный вывод:

> Трэба нам арганізаваць сваё нацыянальнае жыццё, каб магчы прадстаўляць адпаведную сілу, якую б можна было б у вадпаведны мамэнт накі-

> раваць на фронт супраць ворагаў новага парадку, а гэтым самым і супраць ворагаў беларускай справы. Якi будзе дзяржаўны лад на нашых землях, пакажа будучыня. Але як бы там ні было, гэты лад павінен будзе залежаць ад нас саміх, ад нашага заарганізаванага жыцця, ад нашае творчае нацыянальнае працы... Што наш край ня выставіў на фронт побач ізъ Нямеччынай сваіх беларускіх дывізіяў — гэта ня наша віна. Гэта віна пасьлявэрсальскіх часоў — віна наших былых палітычных абставінаў, якія нам не далі магчымасцяў арганізаваць свайго нацыянальнага жыцця і сваёй арміі.

Далее следовали заверения, что белорусская молодежь готова пойти по первому зову бороться рядом с немецкими солдатами, что Беларусь должна быть «штурмавым батальёнам новай Эўропы», как официально заявил В. Кубе.

Несколько позже, узнав о предстоящем приезде рейхсминистра оккупированных восточных областей Альфреда Розенберга, руководители БНС составили на его имя специальный доклад, в котором обращали внимание на неправильное отношение к белорусам, на необходимость изменения политики по отношению к белорусскому народу, к белорусскому вопросу вообще.

В докладе отмечалось, что роль белорусов в гражданском управлении сведена исключительно к исполнению распоряжений немецких начальников. У них нет определенной формы обращения для выяснения своих нужд, они не могут привлечь внимание немецкой власти к условиям повседневной жизни населения. Нет полиции, среднеобразовательных школ, учительских и духовных семинарий. Словом, с белорусами обращаются не как с освобожденным, а как с покоренным народом.

Для наведения порядка в Беларусь направляют литовские и украинские военные батальоны, а белорусские не организуются. Допущено лишь существование БНС — организации со скромной программой материальной самопомощи. Частное торговое общество «Восток» становится монопольным хозяином в большинстве отраслей экономики. Отдел пропаганды «В» (Propaganda Abteilung W) — официальный немецкий орган — ведет свою работу исключительно на русском языке и запрещает белорусский. В докладе отмечалось, что такой русификации не проводили даже большевики. Результатом такого обхождения с белорусским народом является податливость его на враждебную русскую и частично польскую пропаганду, что порождает партизанскую борьбу, помогает саботажу.

И далее откровенный намек:

> Немецкий народ не получает и не использует для войны всех ресурсов Беларуси: коррупция, саботаж, партизанщина забирают и уничтожают значительную часть материального имущества и этим ослабляют мощь немецкой армии; дезорганизация жизни местного населения тормозит операции немецких военных властей, пассивная роль белорусского народа, отсутствие белорусских вооруженных отрядов на фронте с большевиками не содействует скорому ликвидированию внутренних и внешних врагов.

Основные выводы доклада сводились к следующему.

Для полного использования белорусских ресурсов надо заинтересовать всех белорусов:

а) исходом войны с разгромом русско-еврейского большевизма СССР;

б) созданием нового порядка для белорусов в Беларуси и ее ролью в Новой Европе под руководством немецкого народа.

Для этого нужно сактивизировать белорусский народ, втягивая его, как заинтересованного, в непосредственную борьбу с врагом как на внутреннем, так и на внешнем фронте.

С этой целью предлагалось сделать следующее:

1. Создать при Генеральном Комиссаре Беларуси и при всех окружных комиссарах Белорусское Национальное Представительство Доверия, пригласив для этого известных белорусских работников на национальной ниве с достаточной компетенцией и правами в области гражданского управления, контроля, пропаганды, хозяйственной и культурной жизни Беларуси;

2. При всех отделах Генерального комиссариата и при всех окружных комиссариатах создать работающие под немецким руководством отделы из белорусских сотрудников.

Парад Белорусской краевой обороны возле нынешнего дома правительства, Минск, июнь 1944 г.

3. Произвести реорганизацию белорусской полиции, возложив на нее под немецким руководством обязанности: выслеживание, обнаружение и доставка судебным властям политических и криминальных преступников и врагов созданного порядка Новой Европы, включая применение нужных организационных мероприятий.

Для реализации этого нужно: а) создать инстанцию Главного инспектора полиции при немецком центральном органе полиции Беларуси, позвав на это место белоруса с компетенцией; под руководством немецких властей сверху производить: а) организацию, руководство и контроль над всей Белорусской полицией в стране; б) при каждом окружном комиссариате создать отдел белорусского руководства полицией и т. д.

4. Организовать Белорусский вооруженный отдел из добровольцев под белорусской командой, исполняя задания немецкой власти по ликвидации партизанского саботажа, охране порядка в нужных местах Беларуси.

5. Включить в Генеральный комиссариат Беларуси все земли с большинством белорусского населения, которые непосредственно примыкают к Генеральному комиссариату — Вилейская обл., Белорусское Полесье, Гомельщина, Северная Черниговщина.

Далее речь идет о том, что в этих районах поляки, литовцы, украинцы проводят денационализацию белорусского населения. Выдвигалось требование, чтобы вся пресса и издательская работа велись на белорусском языке. Обращалось внимание на некоторые детали белорусской национальной жизни; что подати и повинности в Беларуси больше, чем в Летуве и Латвии, хотя эти страны зажиточнее Беларуси. Поэтому, дескать, необходимо:

- Увеличить жалование служащим. В Беларуси жалование в 2—3 раза меньше, чем в Летуве, а продукты в 2—3 раза дороже;
- Изменить отношение немцев к белорусам, есть факты побоев даже стариков;
- Не сдерживать частную инициативу в экономической жизни, в кооперации и не монополизировать всей экономики, в частности, в т. о. «Восток».
- Открыть в Беларуси все школы на белорусском языке — низшие, средние, высшие, включая Академию наук.
- Сообщить, что есть сведения из официальных немецких органов, что в Беларуси будут только 4-классные начальные школы. Одновременно в Летуве, Латвии, на Украине уже в прошлом году были открыты средние и высшие учебные заведения, работали библиотеки, музеи, академии наук.*

Рейхсминистр оккупированных восточных областей, рейхсляйтер Альфред Розенберг прилетел в Минск 30 мая 1942 года. «Беларуская газэта» в номере от 6 июня подробно сообщила о визите, привела в пересказе текст выступлений Кубе и Розенберга на собрании в Генеральном комиссариате.

* БГА РБ. ф. 382, оп. 1. д. 4, л. 78.

Газету больше всего интересовало, что скажет министр «аб долі тутэйшага краю». Сказать, видимо, было нечего. Менять политику Германия не собиралась. Поэтому в статье о визите особо выделялись два момента:

> «Далей паняцьце „Расея“ больш ня будзе існаваць у ягонай старой форме, таксама як назаўсёды павінны спыніцца ўсякія зьявы русыфікацыі ў гэтай частцы Эўропы» і, другі момант: «Беларусь, — падкрэсліў ён, — заусёды была падчаркаю Расеі. Праўда, край выставіў аднойчы рэвалюцыйны камітэт, аднак яму няставала энергічных і сьветлазорных правадырскіх галоваў. Нямецкае кіраўніцтва хоча дапамагчы гэтым пазытыўным сілам і гэтак разьвіць край, каб із яго стаўся моцны й квітушчы перадкрай Нямеччыны».*

18 июня 1942 г. «Беларуская газэта» опубликовала редакционную статью «Пэрспектывы адбудовы», где вновь прямо и косвенно сквозила мысль о будущем Беларуси.

> Выпадкова ці не, але Райхсміністр, гаворачы аб ажыўленай культурнай адбудове у трох балтыцкіх народаў і на Украіне, ня успомніў зусім пра нашую Беларусь. Зусім можа быць, што у гэтым дачыненні гутарка Райхсміністра якраз і зьяўляецца красамоўным напамінкам нам, беларусам...

Делался однозначный вывод:

> ...трэба як мага выкарыстоўваць тыя магчымасці, якія нам сёньня даюцца у рукі, дамагаючыся усяляк і новых магчымасцяў... вось тая навука, якую павінны выцягнуць із міністравай гутаркі нашыя змагары за культуру.

Трудно сказать, в какой мере письмо белорусских националистов, сетования белорусской печати по поводу отсутствия у Беларуси перспективы подействовали на Розенберга, но то, что политика администрации В. Кубе с лета 1942 года стала несколько изменяться, не вызывает сомнения. Первое, на что пошел В. Кубе, было создание им института «мужей доверия» (Мужоў даверу) и белорусских вооруженных формирований: БСА — Беларускай Самааховы (Самообороны).

Близилась первая годовщина «освобождения от большевизма», и Кубе надо было это событие определенным образом отметить. 29 июня 1942 года на торжественном собрании Белорусской Самопомощи по этому поводу Кубе, как отмечал в ноябре 1942 года И. Ермаченко, «адкрыў новую балонку нашай гісторыі, прызнаўшы БНС як сапраўднага прадстаўніка беларускага народу і даўшы яму магчымасць прыняць бліжэйшы удзел у кіраванні сваім лёсам»**.

Кубе назначил доктора Ивана Ермаченко (1894—1970) своим советником по белорусским делам. Кроме того, он дал ему право предложить еще трех человек в отделы культуры, школ и пропаганды, куда были предложены кандидатуры, соответственно, инженера Ивана Косяка (1909—1989) — руково-

* Розенбэрг у сталіцы Беларусі. «Беларуская газэта», 6 чэрвеня 1942 г.

** БГА; ф. 908, оп. 1, д. 4, л. 76.

дителя БНС Минского округа, доктора Я. Скурата (руководитель БНС Глубокского округа) и публициста Антона Адамовича (1909—1998). Окружные комиссары тоже должны были иметь «советников» от БНС. На этом же заседании Кубе одобрил идею создания Белорусского добровольного корпуса самообороны. Он официально обратился к Ермаченко, чтобы тот подготовил со своими сотрудниками обращение к белорусскому населению с призывом о вступлении в корпус.

На следующий день, 30 июня 1942 г., состоялось заседание Центральной Рады (Цэнтралі) БНС, на котором было принято обращение к белорусскому народу, подписанное И. Ермаченко, В. Годлевским, В. Ивановским, В. Козловским, Ю. Саковичем и архиепископом Филофеем (Нарко). Текст обращения 4 июля опубликовала «Беларуская газэта».

Ермаченко представил проект организации Самааховы на рассмотрение совещания, проходившего у бригаденфюрера СС, генерала полиции Ценера. На совещании присутствовали начальник полиции порядка полковник фон Гайнбург, руководитель СД в Минске оберштурмфюрер Шлегель и доктор Ермаченко. Позже, в ноябре 1942 года, последний вспоминал:

> ...на совещании у генерала Ценера в основном были решены главные пункты образования Белорусской Самааховы, что она должна выходить из БНС, контролироваться Центральными и окружными отделами БНС.

7 июля 1942 года в зале Барановичского окружного комиссариата прошел съезд более чем 200 представителей БНС из Барановичского, Лидского, Слонимского, Ганцевичского и Новогрудского округов. Выступая на съезде, Кубе подчеркнул:

> Настало время, когда белорусский народ на белорусских землях должен сам налаживать свою жизнь.*

12 июля руководство БНС получило копию приказа Ценера, где разрешалось приступить к организации Самааховы. В приказе помимо прочего говорилось:

> 1. Согласно приказу ген. комиссара Беларуси, в полном согласии с БНС создается самааховa белорусского населения.
>
> 2. Самаахова является вспомогательной организацией для немецкой полиции. Ее задание — помочь немецкой и местной полиции в борьбе против большевиков и саботажников, обеспечить покой в Беларуси...
>
> 6. В качестве оберкоменданта Белорусской Самааховы будет действовать при мне Руководитель БНС.
>
> 7. Направление отделов на акцию будет по указанию немецких полицейских органов в случае необходимости.

* БГА. ф. 908, оп. I, д. 4, л. 83.

8. Оружие и обмундирование поставляются немецкой полицией...*

Главным комендантом БНС был назначен И. Ермаченко. В его обязанности входили общее руководство Самааховой и ее материальное обеспечение. В округах соответствующие обязанности возлагались на окружных председателей БНС. Для организации БСА Ермаченко создал войсковую комиссию в составе 7 человек (Ермаченко, Калькевич, Кушель, Косяк, Пугачев, Сакович, Чеботаревич), а при Главном коменданте был создан штаб БСА. Начальником штаба назначили полковника Я. Гутько. Аналогичные комиссии были созданы в округах.

Войсковая комиссия подготовила проект организации Белорусского корпуса Самааховы трехдивизионного состава: одна дивизия на территории Минского и Слуцкого округов, другая — в округах Барановичи, Новогрудок, Слоним, третья — в округах Вилейка, Лида, Глубокое. Однако Ценер принял иное решение. Он разрешил создать единицы БСА в каждом уезде составом от рот до батальонов.

14—16 июля 1942 года в Минске прошел съезд окружных руководителей БНС, где обсуждался вопрос организации БСА. Приняли постановление собрать на 1 августа белорусских офицеров в Минск для переподготовки и отправки их в округа с целью организации БСА. В конце июля в Минск приехали первые представители белорусского офицерства из Барановичского округа: 28 человек во главе с комендантом БСА доктором Войтенком. С августа начали действовать трехнедельные курсы по подготовке офицеров для БСА. Возглавил курсы Франц Кушель. В округах были организованы курсы подготовки и переподготовки подофицеров (унтер-офицерских чинов).

Разрешение на создание БСА было воспринято по-разному. Те, кто делал ставку на немцев, видели в этом очередную ступеньку на пути к конечной цели: «ад народнае самабытнасьці, шляхам народнае самапомачы й самааховы, да поўнага самаўраду» («Беларуская газэта» 1.08.1942). Они верили, что назначение Ермаченко консультантом при генеральном комиссаре и белорусских референтов при некоторых отделах есть «фактычна запачаткаваны народны самаўрад», который должен в дальнейшем превратиться в действительное самоуправление.

И потому считали, что создание собственной вооруженной силы является основной задачей. Главным их условием было требование, чтобы командные должности в БСА занимали белорусы, чтобы подготовка офицеров велась на белорусском языке, чтобы команды и распоряжения отдавались на родном языке. Однако немцы настояли, чтобы кроме командира-белоруса был также шеф-немец.

Другие смотрели на это дело как на очередную провокацию немцев, прекрасно понимая, что создание БСА еще более разделит население.

* См.: В. Раманоўскі. Саўдзельнікі ў злачынствах. Мн., 1964.

Третьи, большинство жителей города и деревни, хотели просто мирно трудиться: им было не до высоких слов — выжить бы в экстремальной ситуации.

Следует отметить, что за начинаниями Кубе в Беларуси весьма пристально следили как разведка СССР, так и Польши. Информация на эту тему оперативно пересылалась по соответствующим каналам в Москву, Варшаву и Лондон. «Самаахова» с самого момента своего возникновения становилась костью в горле и для большевиков, и для поляков.

Как же отнеслось население к идее создания Белорусской Самааховы? Почему провалилось это мероприятие?

В источниках и литературе присутствуют противоположные точки зрения. Так, Ф. Кушель и К. Езовитов говорят о «небывалом энтузиазме» населения, отмечают, что в БСА оно видело силу, которая могла уничтожить партизанщину и стать основой белорусской армии*. Советские, польские и немецкие источники дают различные сведения, среди которых преобладают утверждения, что в целом белорусы не восприняли эту идею.

На наш взгляд, весьма ценно замечание историка Ю. Туронка, что на судьбе этого начинания сказался конфликт между службой безопасности и В. Кубе.

Проект В. Кубе — И. Ермаченко — К. Ценера о создании БСА встретил критику со стороны высших немецких властей, которые не желали усиления политической позиции Ермаченко; против него и самого Кубе минское СД втайне собирало компрометирующий материал. Забегая несколько вперед, отметим, что 5 января 1943 г. проблема БНС обсуждалась непосредственно в Берлине. Со стороны СД выступил штурмбанфюрер СС Гумич. Рассматривался вопрос (привожу далее выдержки из документа СС):

> ...не может ли доктор Ермаченко со своей БНС выдвинуться в народные вожди и тогда представлять опасность для нас... стремимся ли мы вообще к созданию белорусского народа и уже сейчас должны способствовать этому, поскольку еще нет никакого решения, что вообще должно произойти с белорусским народом. По меньшей мере, у рейхсфюрера СС пока нет ясности по этому вопросу.

Далее сообщается:

> В своих выступлениях доктор Вагнер, присутствующий господин Юрда из Минска и доктор Вебер указали на то, что личность доктора Ермаченко терпима для нас. Его не совсем безукоризненная врачебная практика в Праге при этом не имеет значения. Ермаченко не является политическим карьеристом, который имеет какие-либо приступы, хотя он, само собой разумеется, обладает честолюбием и желанием что-то сделать для своего народа. Что же

* Ф. Кушаль. Спробы арганізацыі беларускай арміі пад час нямецкай акупацыі Беларусі. Лондан (машинопись). К. Езавітаў. Тольм зброяй дабьемся незалежнасці // Газета «Раніца», Берлін, 1944, 29 лістапада.

касается нашей политической линии в Беларуси, то в конце совещания была достигнута договоренность о том, что с нашей стороны в отношении Беларуси должна проводиться позитивная политика без ущерба тому, что будет решено в будущем, так как в военном отношении сейчас важно поддержать белорусский народ.*

Летом 1943 года начальник управления службы безопасности и СД Э. Штраух писал в докладной записке Гиммлеру:

> ...упомянутый выше Ермаченко был послушным инструментом проведения белорусской политики Генеральным комиссаром. Он (Кубе) дал ему понять, что он мог бы быть белорусским премьером. Ермаченко шел к этой цели всеми имеющимися в его распоряжении средствами при поддержке гауляйтера. Дело могло зайти очень далеко, учитывая сделанные нами в этом направлении ошибки. Считаю достаточным, если отмечу, что я целый год затратил на то, чтобы угробить Ермаченко...

Могущественному Эдварду Штрауху понадобился год, чтобы убрать Ермаченко! Видимо, надо обратить внимание на это признание. Чем же был опасен Ермаченко шефу СД Штрауху?

В этом документе не раскрывается механизм смещения Ермаченко, назначенного на этот пост А. Розенбергом, как и не говорится о подлинных причинах смещения.

Однако ряд других документов, в том числе переписка по делу И. Ермаченко, которого, кстати, обвинили в хозяйственных злоупотреблениях БНС, раскрывает подоплеку дела.

Немцы должны были обеспечить формирования БСА оружием, руководить их боевой подготовкой и осуществлять оперативное использование. Первые шаги организации БСА показали массу трудностей, неувязок и противоречий. Их можно объяснить разным видением этой проблемы со стороны белорусов-националистов, оккупационных властей и населения. Первые стремились создать белорусские воинские формирования в качестве своей опоры; немецкая администрация хотела получить послушную силу для борьбы против партизан. Труднее

* Александрийская пленка. Микрофильм. Том 454, р. 39, к. 001059.

всего было выбирать населению. Кому подчиняться, в кого верить, за что сражаться? Ведь в городах и деревнях уже действовали партизаны, немцы и полиция. И вот появляется еще одна вооруженная сила.

Высшие полицейские власти Остланда, которые были не прочь использовать БСА для борьбы с партизанами, в то же время не желали укрепления политической позиции Ермаченко, считавшегося автором этого проекта. Помимо того, не входило в их планы создание в какой бы то ни было форме белорусского государства. Именно этот политический мотив оказался решающим.

В конце июля 1942 г. был отозван из Минска один из авторов проекта генерал Ценер. Выступая 1 ноября 1942 года на собрании БНС, посвященном годовщине ее создания, Ермаченко отметил:

> 31 июля с. г. я с сожалением узнал от зашедшего ко мне проститься генерала Ценера, что он переводится по службе на высокое место в Берлин и оставляет Беларусь. Это для нас, белорусов, был очень большой удар, потому что в лице генерала Ценера «мы страцілі вялікага прыяцеля беларускага народу»...

Тут же Ермаченко зачитал обращение Ценера к белорусским офицерам, которое было вывешено в их казармах:

> Беларусы ў Беларускай самаахове! Цьвёрдыя часы выхоўваць цьвёрдыя сэрцы, якія беззаветна б'юць верна для вялікай Эўрапейскай супольнай будучыні. Вашай Самаахове пажадаю я як найбольш гэткіх людзей, якія б усім сэрцам служылі верна свайму Правадыру і народу. Што б Вы ні рабілі, што б ні выконвалі, заусёды памятайце аб Вашым абавязку, што Бацькаўшчына-Беларусь для усіх беларусаў мусіць быць найдаражэй за ўсё. Трымайце заўсёды высока сьцяг супольнасці і сяброўкасці й старайцеся, каб яны ў жыцці засталіся назаўсёды.

Вместо Ценера высшим начальником СС, полиции безопасности и СД был назначен В. Шиман. Руководствуясь указаниями сверху, он тормозил процесс создания батальонов БСА.

Поскольку немцы не доверяли белорусам и боялись вооружать их формирования, а тем более давать им какие-нибудь политические перспективы, в противовес БСА Шиман стал создавать белорусские полицейские батальоны под немецким командованием (шутцманшафт). Первый такой батальон № 49 появился в Минске в августе 1942 г. На статус шутцманшафт новый шеф безопасности стал переводить и отряды БСА. Это вызвало резкий протест со стороны руководства БНС и БСА, стало приобретать, как отметил Туронок, политический привкус.

Более того, Ермаченко откровенно стали давать понять, что он зашел слишком далеко. Первоначально Ермаченко был лишен должности Главного коменданта БСА. Причем сделано это было во время его отпуска и в форме, не терпящей возражений. Ю. Сакович, который на время отпуска замещал Ермаченко, обратился за разрешением в Генеральный комиссариат на изго-

товление печати коменданта БСА и уже 28 августа получил лаконичный ответ за подписью начальника политического отдела Юрды:

> Прыгатаванне пячаткі для каманданта Беларускай Самаахoвы забараняецца. Я маю повад ясна паказаць Вам на тое, што пасады «Галоўны камандант Беларускай Самаахoвы» няма. У адносінах набору добраахвотнікаў у БСА Галоўнаму Кіраўніцтву БНС даручана, каб галоўнае камандаванне у фарміраванні адзінак БСА кіравалася указаниямі паліцыйных установ. Асобнае Галоўнае камандаванне пры гэтым не прадугледжана.
>
> Па даручэнню, Юрда.

Позднее был распущен штаб БСА и запрещены воинские звания. Командиры войсковых единиц БСА могли только употреблять названия своих должностей: командир взвода, роты и т. д.

Вместо распущенного штаба БСА разрешили Ермаченко иметь при себе референта по делам БСА, а также референтов в округах. Тем самым командная сетка вроде бы и существовала, однако, как отмечал позже Ф. Кушель, с сильно ограниченными полномочиями. По существу, их роль сводилась лишь к вербовке в БСА. Референты подчинялись как окружным руководителям БНС, так и окружным начальникам полиции. Для отличия референта при руководителе БНС от окружных референтов ему был присвоен титул Главного войскового референта БСА. На этот пост был назначен Ф. Кушель, до того возглавлявший офицерский курс переподготовки кадров. Кушель в своих воспоминаниях отмечает, что он, как Главный войсковой референт, отдавал окружным референтам различные распоряжения, которые предварительно проходили через руки немцев. Всего, по данным Ф. Кушеля, было сформировано около 20 батальонов БСА и несколько меньших подразделений.

Все они имели жалкий вид. Основная масса «самааховцев» носила гражданскую одежду, часто вместо сапог обували лапти, фактически оставались безоружными. Не доверяя белорусским отрядам, немцы стремились превратить их в обычные полицейские формирования под немецким командованием. Это, разумеется, было непопулярно как среди офицеров, так и солдат.

Резко отрицательно высказалась против превращения БСА в полицейские формирования комиссия БСА при Централи БНС. В своих предложениях полицейским властям Минска особый упор она делала на то, что белорусское общество негативно относится к службе в полиции. Отстаивалась необходимость организации военных формирований под руководством белорусов, сохранения белорусского языка.

Недовольство белорусских националистов отчетливо выплеснулось во время ноябрьского съезда БНС, посвященного годовщине создания БНС. Сохранившийся доклад Ермаченко (стенограмма на немецком и белорусском языках) говорит о том, что руководители БНС все больше входили в роль «представителей народа», чему в немалой степени способствовала националистическая пропаганда; они прекрасно понимали, что, объединившись,

будут представлять силу. Поэтому нельзя согласиться с утверждениями советских историков, что белорусские коллаборационисты являлись слепыми исполнителями воли своих хозяев.

Сотрудничая с оккупантами, они, несомненно, преследовали и свои цели. Это видно из доклада и выступлений. Так, руководитель БНС в Барановичах отметил, что в области 8910 членов БНС. Желающих вступить в организацию немало, поэтому есть возможность принимать лучших. Он подробно рассказал о работе БНС, высказал замечания и предложения. В частности, заявил, что БНС переросла рамки деятельности, определенные ее уставом. Для дальнейшей работы БНС и повышения ее авторитета необходимо пересмотреть и улучшить старый устав.

Заметив недовольство на лице доктора Вебера, который имел полномочия от Розенберга по контролю и оказанию помощи БНС и только что, после Ермаченко, говорил, «что задачи БНС в этом году останутся прежние: помощь голодающим, борьба с болезнями, пропаганда и развитие белорусской национальной культуры», Ермаченко предложил последующим докладчикам в своих отчетах обрисовать лишь принципиальные вопросы, «без ненужных слов». Однако это мало подействовало. Руководитель БНС Новогрудского округа Борис Рогуля (1920—2005) отметил, что работники его округа «надеялись, что на этом съезде БНС решит принципиальные вопросы всей Беларуси, однако собрание производит впечатление родительского собрания в школе». Говоря о БСА, он заметил:

> Народ потерял доверие к нам. Нет никакой возможности оставаться невооруженными. Мы должны иметь свои вооруженные силы, иначе мы никогда не восстановим доверие нашего народа.

Руководитель Слонимского округа БНС Зыбайло констатировал:

> Организация БСА основана, но работы не вела. Многие люди были призваны в БСА, а затем отпущены по домам. Многих из них уничтожили партизаны. Самооборона не организуется. Доверие народа исчезло. Поэтому трудно работать. Из 6 районов 3 принадлежат партизанам.

В результате обмена мнениями было принято предложение подготовить проект нового Устава БНС, обсудить его на местах и представить властям на утверждение; составить для властей памятную записку о положении дел на местах, о потере доверия народа к властям; офицеров и подофицеров, прошедших курсы переподготовки, направить в районы для занятий руководящих постов в Белорусской полиции, чтобы очистить полицию от поляков и взять ее в свои руки. С этим представители БНС разъехались по своим округам.

Между тем 1942 год ознаменовался ростом партизанского движения. Особенно это касалось восточных областей республики. Гитлеровское руководство искало быстрых решений. Наиболее простой способ — проведение

карательных акций. Такой линии придерживались, в частности, Гиммлер и его окружение.

Однако это не всегда приводило к желаемому результату. К тому же требовало огромного числа военно-полицейских сил, включая специальные контрпартизанские подразделения, иными словами, немалых материально-технических затрат и людских потерь. Жизнь вынуждала немцев искать новые способы борьбы. Первыми осознали это представители военного командования групп армий «Центр», «Север» и «Юг». Уже с осени 1941 года они стали постепенно отходить от установки Гитлера, что, дескать, никто кроме немцев не может владеть оружием на оккупированной территории, и стали склоняться к тому, чтобы тяжесть борьбы против партизан переложить на «местные формирования». Аккумулятором этих веяний стал, в частности, командующий тылом группы армий «Центр» генерал Шенкендорф, осенью 1941 г. разрешивший формировать для борьбы с партизанами «казачьи сотни» из числа советских военнопленных.

В 1942 году был создан целый ряд так называемых восточных батальонов: «Березина», «Днепр», «Припять», «Волга», «Осинторф» и других. С октября 1942 года на территории командующего группой армий «Центр» создавались национальные формирования: азербайджанский, армянский, грузинский, северокавказский, туркестанский и волго-татарский батальоны (или легионы). По данным на 1 апреля 1943 года, для борьбы против партизан на территории ответственности командующего охранными войсками и тылом группы армий «Центр» привлекались 43 восточных батальона (26 восточных, 3 казачьих, 2 восточных караульных, 8 батальонов народной милиции, 2 туркестанских (389-й и 785-й), 1 армянский (2-й), 1 азербайджанский (807-й), а также 19 восточных рот, 4 восточных кавалерийских эскадрона, 2 восточные батареи). Всего к середине 1943 года нацисты создали 90 батальонов из уроженцев Кавказа и Средней Азии и около 90 «русских», «украинских» и «казачьих» батальонов численностью по 400—450 человек, включая 20— 30 немецких кадров на роту*. Общая численность находившихся на службе в подобных формированиях достигала 800 тысяч человек.

В начале марта 1943 г. состоялся съезд окружных руководителей БНС, военных референтов, членов Главной рады, на котором был выработан меморандум об автономии Беларуси, создании белорусского правительства и белорусской армии.

Меморандум содержал два принципиальных положения:

- правительство «объявит отделение Беларуси от Советского Союза и объявит ему войну как врагу белорусского народа, посягающему на его независимость»;
- «для поддержания спокойствия и порядка в крае и борьбы с общим врагом большевизмом требует организовать белорусскую националь-

* «Военно-исторический журнал», 1992, № 2, с. 52.

ную армию, обеспечить ее вооружением и амуницией, разрешить собрать национальные силы из-за границ Беларуси».

Авторы меморандума обещали немцам:

1. Полностью использовать для целей войны ресурсы, которые имеются в Беларуси.
2. Охрану дорог.
3. Выполнение военных поставок.
4. Уничтожение большевизма в Беларуси.
5. Активное участие в борьбе с врагом на фронте.

Однако немецкое военно-полицейское руководство холодно встретило эту инициативу. Следствие вокруг БНС и Ермаченко, инспирируемое службой безопасности, завершилось обвинением его в хозяйственных махинациях, и под этим предлогом он был удален из Минска в Прагу. Обвинение против него Главное управление безопасности рейха сняло только в 1944 г. В оправдательных документах говорилось, что он был снят в 1943 г. за те инициативы, которые сейчас проводит фон Готтберг (имелась в виду мобилизация в БКО). В мае 1943 г. были упразднены референты БСА, а сама она распущена. Имевшиеся формирования белорусской Самааховы передали в ведение полиции порядка.

Любопытно в этом отношении признание начальника полиции порядка (орднунгдинст) Беларуси полковника Клепша, который в апреле 1943 года следующим образом объяснил причину роспуска Белорусской Самааховы:

> Попытка создать самооборону из белорусов-добровольцев, чтобы они независимо от своей работы в случае необходимости несли вооруженную службу, сорвалась по нескольким причинам:
>
> Во-первых, несмотря на многочисленные попытки, оказалось невозможным получить от Вермахта необходимое количество трофейного оружия.
>
> Во-вторых, безоружные самооборонцы и их семьи подвергались постоянно нападениям и террору со стороны банд, как только стало известно последним о создании самообороны.
>
> В-третьих, эти люди, за редким исключением, оказались ненадежными, так как они легко поддавались вражеской пропаганде и симпатизировали противнику. Имели место случаи, когда численно крупные патрули самообороны, вооруженные винтовками и автоматическим оружием, вместо оказания сопротивления перебегали к бандитам.
>
> К тому же проведенная согласно заданию «Белорусской Самопомощи» мобилизация людей в белорусскую самопомощь была осуществлена не в соответствующем условиям духе и в конце концов была поручена жандармерии.
>
> БНС переименовали в Белорусскую Самопомощь (БСП). Деятельность БСП ограничили двумя направлениями: охраной здоровья и материальной помощью населению.

В свете вышесказанного обращает на себя внимание совещание гебитскомиссаров и руководителей отделов Генерального комиссариата Беларусь, которое проходило в начале апреля 1943 г. в Минске. Кубе выступал на нем с большой речью, в которой очень лестно и возвышенно говорил о Беларуси и белорусском народе, всячески давая понять, что Беларусь требует иного к себе отношения, что необходимо вернуть ей земли, которые были присоединены к другим административным единицам (Украина, район Белостока, земли, отошедшие к Летуве, и т. д.). На этом совещании он сказал о том, что ожидает разрешения из Берлина на создание в Беларуси молодежной организации по типу гитлерюгенд, о планируемом им создании совета доверия (Рады Даверу) и т. д.

На протяжении лета-осени 1943 года военно-полицейские органы проводили на территории Беларуси насильственные мобилизации населения в полицию и «местные воинские формирования».

Как явствует из отчета БШПД, «последним по времени военно-контрреволюционным формированием являлась «Белорусская Краёвая Оборона». Ее возникновению предшествовали следующие события:

27.06.1943 г. бывш. генеральный комиссар Беларуси В. Кубе на созванном им съезде «представителей белорусской общественности» совместно с чинами немецкого командования объявил о своем решении создать постоянно действующий совещательный орган, предназначенный сотрудничать с генеральным комиссаром Беларуси от имени белорусской общественности.

Тут же, на съезде, из делегатов от «Белорусской Самопомощи», «Белорусского научно-исследовательского товарищества», а также от оккупационных округов был сформирован орган, названный «Радой доверия». Председателем назначили профессора Вацлава Ивановского (председатель «Научно-исследовательского товарищества» и старшина г. Минска), зам. председателя — Соболевского Юрия (пред. «Белорусской Самопомощи»).

За время своего существования «Рада доверия» провела два съезда, включая организационный. Второй проходил в Минске 23 и 24 августа 1943 г. По основному вопросу «Борьба с бандитами» докладчик Русак, представитель от Барановичской области, утверждал, что увеличению партизанских рядов содействовало отношение немцев к мирному белорусскому населению: массовые расстрелы, преследования под видом уничтожения партизан и т. п. Выступивший в прениях старшина Слонимского округа Цейтович высказался о нежелательности принудительного привлечения граждан в полицию в целях борьбы с партизанами, поскольку полиция среди населения не популярна...

На этом же заседании было принято решение о необходимости организации в полиции политуправления с рекомендацией на должность политруководителя б. капитана Красной Армии Кушеля*, сотрудника «Белорусской

* Ф. Кушель в Красной Армии никогда не служил. С 1920 по 1939 год он был офицером Войска Польского. Последняя должность — командир батальона. — *Ред.*

Самопомощи» и будущего фактического руководителя «Белорусской Краевой Обороны.

К концу 1943 г. «Рада доверия» формально прекращает свое существование под старой вывеской. Она появляется (с сохранением большинства своего руководящего состава) уже в качестве «правительства» Белоруссии или «Центральной белорусской рады», созданной 21.12.43 генеральным комиссаром Белоруссии фон Готтбергом»*.

Между тем в войне произошел перелом. Ситуация складывалась не в пользу нацистской Германии. Население оккупированных территорий это ощущало. Не могли не ощущать этого и белорусские коллаборанты, среди которых после смерти В. Ивановского тон стал задавать Р. Островский, прибывший к тому времени в Беларусь вместе со штабом генерал-фельдмаршала Клюге.

21 декабря 1943 года фон Готтберг объявил Устав Белорусской Центральной Рады, согласно которому:

§ 1

Белорусская Центральная Рада является признанным представительством белорусского народа в рамках предоставленного ему самоуправления. Местопребыванием рады является г. Минск.

§ 2

БЦР имеет своей задачей мобилизовать все силы белорусского народа для уничтожения большевизма и тем самым содействовать окончательному освобождению белорусского народа от кровавого большевистского ига.

§ 3

БЦР имеет право и обязана делать германскому командованию все соответствующие и необходимые предложения. В рамках поставленных перед ним задач она вправе сама принимать и проводить в жизнь необходимые мероприятия в области социально-культурной и школьной жизни. Она имеет право давать указания существующим в этой области белорусским организациям и союзам.

§ 4

Во главе БЦР стоит президент, который назначается и отзывается генеральным комиссаром. Остальных членов рады генеральный комиссар назначает по предложению председателя.

§ 5

Свои исполнительные и административные распоряжения совет издает с одобрения генерального комиссара.

§ 6

Статут Белорусской Центральной Рады вступает в силу немедленно.

Минск, 21.12.43 г.

* НАРБ, ф. 3500. он. 2, д. 46, л. 258—260.

В состав Рады были назначены: президентом — Радослав Островский (1887—1976), заместителями Николай Шкелёнок (1899—1946) и Юрий Соболевский (1889—1957), членами — Франц Кушель (1895—1968), Семён Кандыбович, Павел Свирид, Вячеслав Седых, Евгений Калубович (1912—1987), Станислав Гринкевич, Всеволод Родько, Николай Гуляк, Петр Орел, Михаил Островский, Степан Коляда, Степан Стискевич.

22 декабря 1943 г. была объявлена декларация БЦР, которая в перефразированном виде повторяла Устав БЦР.

Островский понимал, что инициатива создания так называемых «оборонных деревень», за которую ратовал Готтберг, обречена на провал. Поэтому он всячески настаивал на создании белорусского войска под началом командиров-белорусов. Он и его окружение понимали, что, опираясь на вооруженную силу, они повысят свой авторитет не только в глазах немцев, но и в глазах остального мира, особенно поляков.

Наконец, 23 февраля 1944 года Готтберг дал согласие на мобилизацию в БКО. Однако Островский приказ о создании БКО подписал только 6 марта. В нем говорилось:

Для окончательной ликвидации большевистских бандитов, которые грабят наш край, убивают невинных людей и уничтожают имущество, на основании ст. 2 статута БЦР, приказываю:

1. Создать для защиты отечества Белорусскую Краёвую Оборону.

2. Провести 7.3.44 призыв всех офицеров и подофицеров бывших армий: царской, польской, советской, добровольческих в 1918—20 гг. и других в округах: Минском, Слуцком, Барановичском, Слонимском, Вилейском, Глубокском и Новогрудском. Призыву подлежат все офицеры в возрасте до 57 лет включительно и подофицеры до 55 лет включительно.

3. Призвать одновременно на службу в БКО всех мужчин рождения 1908—1917 гг. и 1921—24 гг., назначив призыв их в упомянутых в пункте 2 округах на 10 марта 1944 г.

4. Призыв производят наместники БЦР в округах, окружные начальники БКО и начальники районов.

5. Не позднее, как через 3 часа после объявления приказа каждый подлежащий призыву обязан направиться в волостной сборный пункт, согласно указанию волостного старшины, откуда будет направлен в районный центр для медицинско-комиссионного осмотра.

С собой забрать: одежду и обувь в хорошем состоянии, 3 пары белья, принадлежности для еды и умывания (ложка, полотенце), личные вещи.

6. Кто по получении приказа не явится в назначенное время и место, объявляется изменником и будет наказан чрезвычайным судом карой смерти.

7. Наблюдение за выполнением и призывом в БКО беру на себя как председатель БЦР. Руководство призывом поручаю, от имени БЦР, майору Кушелю.

Я уверен, что каждый белорус выполнит свой долг в деле быстрейшего очищения нашей родины от большевистских банд, чтобы после призванные этим приказом могли вернуться к спокойной работе в сельском хозяйстве, на фабриках и заводах.

Председатель БЦР Р. Островский.

Непосредственно призыву предшествовала пропагандистская кампания в округах, а также была проведена подготовительная работа по подготовке к мобилизации в округах и районах, согласованная с окружными комендантами немецкой полиции.

Для мобилизации были подготовлены офицеры и подофицеры, прошедшие специальный инструктаж в округах. Мобилизация началась через три дня после окончания инструктажа.

На основании приказа Готтберга в Беларуси были образованы районный и окружные отделы БКО, которые подчинялись Главному управлению Белорусской Краёвой Обороны или Белорусской Центральной Раде.

Приказом БЦР начальником главного управления БКО был назначен майор Кушель Франц 1895 г. рожд., заместителем — лейтенант Микула Виталий. Районные отделы БКО возглавлялись районными офицерами БКО, окружные отделы — начальниками отделов БКО.

Юноши из СБМ. Апрель 1944

Начальником главного управления БКО по состоянию на 25 февраля 1944 г. был утвержден следующий состав окружных начальников БКО:

1. Минский округ – капитан Пугачев Михаил (20 июня 1944 г. перешел в полицию);
2. Новогрудский округ – ст. лейтенант Рогуля Борис;
3. Слуцкий округ – капитан Шнек Степан;
4. Барановичский округ – л-нт Зыбайло Григорий;
5. Слонимский округ – ст. л-нт Дакиневич Иосиф;
6. Вилейский округ – л-нт Бабич Яков.

Приказом Главного управления БКО от 31 марта 1944 г. была установлена нумерация батальонов БКО (см. таблицу), кроме того, весной 1944 года создавались так называемые саперные батальоны БКО.

Список батальонов Белорусской Краевой Обороны

№№ пп	Место дислокации	Фамилия командира	№№ пп	Место дислокации	Фамилия командира
1.	Барановичи		20.	Бытень	
2.	Глубокое		21.	Кореличи	
3.	Новогрудок		22.	Несвиж	
4.	Минск	ст. л-нт Кабарда Сергей, с 27.V.44 г. ст. л-нт Крупенченко Василий	23.	Докшицы	ст. л-нт Крупенченко Василий
			24.	Руденск	
			25.	Семежево	
5.	Слуцк		26.	Радошковичи	л-т Цыбин Василий
6.	Вилейка	ст. л-нт Шматин Леонид	27.	Клецк	
7.	Слоним		28.	Мёры	
8.	Новая Мышь		29.	Смолевичи	фельдф. Щеколов Роман
9.	Плисса-Лужки		30.	Деречин	
10.	Заславль	ст. л-т Яновский Антон	31.	Ляховичи	
11.	Греск		32.	Воропаево	
12.	Молодечно	ст. л-нт Вальчинский Ромуальд	33.	Логойск	л-нт Кактур Иван
13.	Ивацевичи		34.	Столбцы	
14.	Любча		35.	Поставы	л-нт Глинский Лев
15	Городище		36.	Мир	
16.	Шарковщизна		37.	Дисна	
17.	Койданово	Барановский Иван	38.	Старобин	
18.	Копыль		39.	Кривичи	ст. л-нт Хрулев Иван
19.	Илья	ст. л-нт Дубовик Михаил			

Мобилизация в БКО была закончена, согласно приказу Р. Островского № 3 от 12.04.1944 г., 15 апреля 1944 г. В приказе говорилось:

Всех не явившихся в приемную комиссию рассматривать как врагов отечества и дезертиров, этим должны заняться военные полевые суды.

Все офицеры, подофицеры и стрелки обязаны были принять присягу.

Мобилизованные офицеры и подофицеры проходили в Минске 3-недельные курсы обучения. Ответственным за них был капитан охранной полиции Шнайдер. После окончания первых курсов созывались вторые.

Как и в случае с БСА, главным бичом БКО являлась нехватка оружия, обмундирования, обуви. Вот строки из рапорта командира батальона № 10 (м. Заславль) от 1 апреля 1944 года:

Обмундирование. Личный состав обмундирован в свою собственную одежду и обувь. Состояние одежды и обуви ветхое...

Санитарное обслуживание. В батальоне никаких медикаментов нет, даже для оказания первой медицинской помощи. Баня работает нормально. Солдаты моются раз в неделю, но без мыла, так как такового нет. В помещениях тесно, отсутствуют кровати, спят на полу, вшивость.

Штаб батальона размещен в помещении, вполне удовлетворяющем требованиям, только отсутствуют канцелярское оборудование, столы, стулья, шкаф, ящик для секретных бумаг, папки, бумага, письменные приборы. Для работы в батальоне необходимо иметь какую-нибудь тягловую силу, без таковой работа усложняется...

Командир батальона, старший лейтенант Яновский.

Из рапорта командира батальона № 4 (г. Минск) от 10.05.1944 г.:

Около 30% жовнеров не имеют обуви — совсем босые, больные, нет учебников для подготовки офицеров.*

Такая же ситуация была и в Смолевичском батальоне № 29.

Руководители БКО стремились взять на себя вопросы призыва. Пользуясь тем, что многие не хотели идти в армию, а устраивались на работу в немецкие фирмы, Ф. Кушель отдал распоряжение № 104-МТ от 12 апреля 1944 года:

У зьвязку з тым, што здараюцца выпадкі, калі розныя нямецкія органы, як жандармерыя, ОТ і інш. вярбуюць людзей з БКА у свае арганізацыі, паклікаючыся на загад Генеральнага камісара Беларусі, гэтым выясьняю, што падобных загадаў Генеральны Камісар Беларусі ў справе забірання людзей з БКА не выдае. Факты забірання людзей з адзінак БКА у розныя нямецкія арганізацыі здараліся, дзякуючы самаволі розных нямецкіх дзейнікаў, разьлічваючы на пасыўнасць беларускіх камандзіраў БКА.

* БГА. Ф. 382, т. 1, л. 4, л. 87.

У зьвязку з гэтым загадваю наступнае. Ніякім нямецкім камандзірам, шэфам розных арганізацый і т. п. людзей БКА не даваць без загаду галоўнага кіраўніка БКА.

Кушэль, шэф ГК БКА.

Однако подобная практика продолжалась, и Кушель 6 мая вновь отправил окружным начальникам БКО очередное предупреждение:

Да Галоўнага кіраўніцтва БКА паступіла пісьмо будаўлянае фірмы «Ціндэль і Фоль» з просьбай звальнення жаўнера Вальковіча Івана нараджэння 1922 г. і Дрозда Уладзіміра нараджэння 1909 г.

У сувязі з гэтым паведамляю, што вымененыя жаўнеры астаюцца служыць у БКА далей. Наогул забараняю прымаць ад розных устаноў рэкламацыі ў справе звальнення жаўнераў пасьля прысягі.

Пашпарт жаўнера Вальковіча Івана у залучэнні перасылаю і загадваю даць Акруговаму начальніку БКА неадкладна пісьмовае выясьненьне, чаму гэты пашпарт знаходзіўся ў кіраўніка фірмы «Ціндэль і Фоль», тады калі усе дакументы павінны перахоўвацца у батальёне.

Адпаведнае паведамленне ў фірму пераслана.

Бойцы БКА на стрельбище

Можно было бы приводить еще много примеров и фактов о создании и деятельности БКО весной — летом 1944-го, о судьбах ее солдат и офицеров после освобождения Беларуси. Многие из них в составе бригады «Беларусь», прорвав немецкий фронт, сдались союзникам. Тысячи погибли в боях, в советских лагерях, тюрьмах и ссылке.

Шла жесточайшая война всех против всех, и очень трудно было остаться от нее в стороне. В очередной раз белорусы оказались заложниками идеи. В нашем случае — идеи создания своего национального войска, своей государственности под протекторатом Германии.

Амбициозные руководители БНС и БЦР прекрасно понимали тщетность своего замысла и тем не менее упорно добивались ее осуществления, прикрываясь интересами народа. То же самое делали большевики в 1917 году. Складывается впечатление, что нечто подобное и сегодня происходит в нашем Отечестве. Одним кажется, что они обладают самыми верными рецептами, как сделать нашу жизнь лучше. Другие с той же непримиримостью доказывают прямо противоположное.

Не хотелось бы проводить далеко идущих исторических аналогий. Как бы там ни было, это наша история, которая имеет свойство повторяться на новом этапе, если своевременно из нее не сделаны правильные выводы.

ЧИТАЯ ЮРИЯ ТУРОНКА...

Анатолий Варрава

Когда знакомишься с историческими трудами этого человека, заменяющего собой — без всякой гиперболы — целый институт, однозначно уясняешь: чтобы стать историком, необязательно заканчивать исторический факультет. Первые публикации Юрия Туронка, экономиста по образованию, появились тогда, когда автору было уже под пятьдесят. Запоздалый дебют оказался столь блестящим, что десятилетие спустя Ежи Туронек — так звучат его имя и фамилия по-польски — защитил докторскую диссертацию. А его книга «Беларусь под немецкой оккупацией» (1989) стала научной сенсацией и историческим бестселлером как раз к 60-летнему юбилею автора. Как отметил один рецензент, эта книга была «настолько новаторским произведением, что не вызвала дискуссий. Сообщество историков не было и до сих пор не готово к такой дискуссии».

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

Я никогда не жил в Беларуси, только изредка, летом, наведывал свояков отца на Браславщине и матери — на Белосточчине. По этой причине, в сущности, у меня никогда не было возможности конфронтационно сопоставлять идеализированное домашнее национально ориентированное воспитание с белорусскими реалиями: в довоенные детские годы это было слишком рано, а позже — почти невозможно. В этом отношении ничего не давали литовские и польские школы, не многое взял я и из отцовской библиотеки, сгоревшей во время военных действий в июле 1944 года.

И все же никогда не покидало меня желание познать минувшее и современность Беларуси — настоящей родины моих родителей, которая для меня была уже только условным отечеством...

Этими словами начинается предисловие Юрия Туронка к его книге «Мадэрная гісторыя Беларусі», вышедшей в 2006 году в Вильне и являющейся, по сути, антологией его исторического творчества.

В одном из интервью, помещенном в этой книге, на вопрос, что особенно запомнилось автору из детских лет, он ответил:

Всякий раз со сменой власти в школе вывешивали новые портреты: сначала был Пилсудский, потом Сметона, за ним — Ленин, после — Гитлер. Интересно было наблюдать, как население встречало новую власть. В сентябре 1939 года Красную Армию приветствовали хлебом-солью, с портретами Ле-

нина и даже «Интернационалом». Литовских солдат встречали более скромно. А немцев в 1941 году встречали с энтузиазмом. Как раз начались аресты «врагов народа», и из Дукштов [местечко в Игналинском районе Летувы, где жили Туронки. — *А.В.*] уже отошли два эшелона в Сибирь. А третий не успел, и немцы в буквальном смысле освободили его.

Одолевая 850 страниц убористого текста, снабженного сносками на многие сотни источников (монографических, книжных, журнальных, газетных, мемуарных, архивных), написанных на нескольких языках (польском, белорусском, немецком, английском, русском), вчитываясь в подстрочные комментарии к тексту двух солидных исследователей, начинаешь осознавать: перед тобой не ангажированный собиратель чужих мнений, не интерпретатор, даже не автор новой концепции. Нет! Перед тобой — первооткрыватель, новатор, Историк, каким он, вероятно, и должен быть в самом высоком смысле этого слова...

В книге представлено несколько захватывающих, едва ли не детективных сюжетов, хотя ровный, академический стиль изложения Ю. Туронка основан исключительно на фактах. Последние сыплются у него как из рога изобилия — и совершенно неожиданно складываются в безупречную мозаику. Кажется, только того они и ждали, дабы умелая рука высыпала их именно так, а не иначе. Вот легли факты друг к другу вплотную — и не разъять этот замечательный узор!

А «жарением фактов» пусть занимаются другие — те, у кого фактов не хватает: сей недостаток в чадном дыму не всегда виден. Туронку плебейская кухня конъюнктурщиков не нужна — он аристократ в своей профессии, и потому наблюдать за его филигранной работой — одно удовольствие, хотя пишет он о событиях грозных и масштабных, о людях трагических и уникальных...

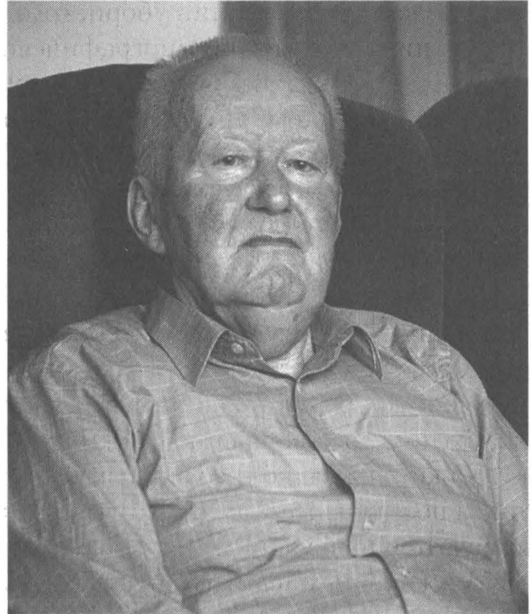
КИНО И НЕМЦЫ

Что мы знаем о комиссаре генерального округа Weissruthenia (Беларусь) Вильгельме Кубе? Только то, что он — «палач белорусского народа». Никогда не забуду, как в 70—80-е годы минувшего столетия десятки экскурсионных автобусов каждодневно толпились возле монументального здания ЦК КПБ, рядом с которым стоял скромный двухэтажный, поставленный на цоколь дом Союза писателей БССР.

Здесь во время немецкой оккупации Минска жил генеральный комиссар Кубе. 22 сентября 1943 года он был убит взрывом мины, заложенной под матрас его постели служанкой семьи «палача» и одновременно подпольщицей, бывшей сотрудницей НКВД Еленой Мазаник, получившей мину из рук партизанской связной Марии Осиповой. Операция носила коллективный характер, и ее подробности кинематографическими средствами — с обязательным в советские времена сокрытием львиной доли правды — были пред-

ставлены в популярной у населения кинокартине «Часы остановились в полночь» (1958).

Изложение экскурсантам фантазий — и моих собственных, и коллег-экскурсоводов — по поводу этой операции занимало порой четверть часа, а то и больше, и, гневно заклеймив фашистского наймита, с просветленными патриотизмом лицами рассказчик и его слушатели двигались дальше по маршруту... Знать бы нам всем в ту пору, кем на самом деле был этот Кубе, коего мы бессчетно взрывали долгие-долгие годы, даже тогда, когда уже и здания этого не стало: снесли!

Юрий Туронок

Историческая, на основе документов, а не советских мифов, выстроенная версия этих событий — точнее, принципиально новая концепция освещения вопросов немецкой оккупации Беларуси — была предложена Ю. Туронком специалистам и широкой публике в 1989 году, уже когда звенело у нас слово «перестройка». Эффект от туронковской концепции оказался приблизительно таким, как на знаменитой картине Ильи Репина «Не ждали». Она произвела на публику впечатление бомбы, взорвавшейся на аллее парка культуры и отдыха трудящихся в лунный вечер, когда «и любится, и верится», и духовой оркестр играет. Вечер был начисто испорчен! Но, как оказалось, то был еще не вечер...

Не стану утомлять читателя пересказом строго документированных данных, добытых Ю. Туронком как будто при виртуальном перекрестном допросе свидетелей, уже отошедших в небытие, — всякий желающий может прочитать его труд самостоятельно. Кое-что хотелось бы все же отметить.

WER SIND SIE, HERR KUBE?

Назначение на пост шефа гражданской администрации (комиссариата) в Беларуси Вильгельм Кубе получил не в самом выигрышном для карьерного роста возрасте — ему шел 54-й год. Происходивший из евангелической семьи, он к тому времени успел побывать обер-президентом Берлина и округа Брандербург, был депутатом Рейхстага, прусским государственным советником, членом Академии немецкого права, экспертом в области истории, а кроме того, занимался литературным творчеством и публицистикой.

По его признанию, Беларусь была для него «в самом действительном значении этого слова не более чем мглистым географическим понятием». Немецкие эксперты, именуя Беларусь «национальным коктейлем», «Золушкой рейхскомиссариата Остлянд», весьма скептически смотрели «на будущее белорусской, или кривичской, национальности», имея в виду «низкий уровень национального самосознания белорусского населения, слабость его сепаратистских устремлений и мощные культурно-политические влияния с польской и российской стороны»... К этому добавлялась существенная разница между Восточной и Западной Беларусью — как результат их пребывания в межвоенный период в составе СССР и Польши.

Цитаты из немецких источников, обобщенные в книге Ю. Туронка, рисуют воистину беспрецедентную перспективу, которая открывалась перед немолодым В. Кубе: работать «в самом неизведанном краю Европы» с неочерченной территорией (ибо восточные районы Беларуси так и оставались до своего освобождения от немецкой оккупации под управлением командования Вермахта — группы армий «Центр») и неясным политическим будущим.

И в этих невероятно сложных условиях Кубе сделал ставку на... белорусский национализм! Его лозунг «Беларусь для белорусов» не был пустыми словами — они наполнились конкретными делами. Было разрешено использование национальной символики (флага, герба «Погоня», гимна «Мы выйдзем шчыльнымі радамі»). Белорусский язык обрел статус официального языка. Открылись белорусские школы, закрытые советскими властями. В Могилёве открылся Медицинский институт — первое высшее учебное заведение в период оккупации в Беларуси. Было создано Белорусское научное общество, стали выходить книги, журналы и газеты на белорусском языке. На хорошем уровне работал театр в Минске, в рамках которого создавалась белорусская опера; учреждались любительские художественные кружки и театры и в других городах страны. Серьезные перемены происходили в духовной жизни — предпринимались попытки создания Белорусской Автокефальной Православной Церкви, независимой

Вильгельм Кубе. 1 сентября 1941 г.

Карл Ценнер, Анита и Вильгельм Кубе в Прилуках

от российских влияний, была узаконена деятельность белорусского экзархата Греко-Католической Церкви, шла постепенная белорусизация Римо-Католического костёла.

Наряду с широкими по размаху культурными начинаниями проводилась аграрная реформа, а вместе с нею — роспуск колхозов, их парцелляция с передачей собственности в руки крестьян, приватизация земли. Кубе делал опору на национальные кадры в исполнительной власти, что привело к созданию БНС — Беларускай Народнай Самапомачы, белорусских вооруженных сил — Беларускай самааховы (БСА) и Саюза беларускай моладзі (СБМ) с ежемесячным печатным органом... Белорусские журналисты, вслед за ними и немецкие, заговорили о «национальном ренессансе» в Беларуси.

И наконец, В. Кубе выступал — с каждым разом все жестче — с протестами против карательных операций. В конце августа 1943 года он написал в своем обширном и страстном рапорте (рука профессионального литератора в нем очевидна) руководству Остлянда, адресуясь через него в Берлин:

> Массовые расстрелы или сжигание женщин и детей не имеют ничего общего с гуманным ведением войны. Число деревень, уничтоженных во время крупных полицейских операций, превышает число деревень, сожженных партизанами... Карательные операции превращаются подчас в кровавые оргии, и это не только разрушает доверие населения к немецкому руководству, но и прежде всего лишает уверенности сочувствующих нам белорусов, ко-

торые с нами сотрудничают: в некоторых случаях они попадают в полную зависимость от самовластия какого-нибудь командира полиции или СС...

Это был уже прямой вызов всесильному шефу СС Гиммлеру, который ненавидел Кубе за его независимые высказывания, резко расходившиеся с мнением рейхсфюрера СС. Гиммлер принял вызов Кубе, и судьба генерального комиссара была предрешена: ему осталось жить меньше месяца...

Юрий Туронок пишет:

> Смерть Кубе, безусловно, была выгодна советским властям, которым его политические действия мешали куда больше, чем злодеяния эсэсовцев: те только возбуждали в обществе ненависть к немцам, и партизаны этим легко пользовались. Однако смерть Кубе, по всем приведенным уже мотивам, была выгодна и руководству СС, которое перебрало все иные возможности избавиться от гауляйтера в Минске. Таким образом, нельзя отбросить версии, что покушение на Кубе подготовило СС.

В день похорон Вильгельма Кубе в Берлине Гитлер распорядился от своего имени возложить венок на могилу погибшего. Зато Гиммлер злорадно сказал, что только смерть спасла Кубе от концлагеря.

Диапазон оценок Кубе в глазах деятелей гитлеровской Германии и послевоенных исследователей был очень широк. Трагизм этой неординарной личности очевиден. Он знал — и это доказывают приведенные в книге документы, — что на него готовится покушение, уже второе. Первое не удалось, когда 22 июня 1943 года в Минском городском театре, что стоял напротив его дома, Кубе объявил о создании Союза белорусской молодежи и призвал к «самоопределению белорусской нации». Взрыв прогремел после того, как генеральный комиссар покинул здание.

Войдя в конфликт с Гиммлером, Кубе легко мог выйти из пике, оставив свою должность, — но не захотел: для него это означало крах двухгодичных титанических усилий по реализации собственной программы преобразований в Беларуси. Он мог спасти свою жизнь — но не пожелал капитулировать перед преступлениями огромной репрессивной машины РСХА — имперского управления безопасности.

Советская же пропагандистская машина сделала из него «палача белорусского народа», а из тех, чьими руками он был убит, — героев. По правде, каких-то странных героев. Об этом в книге тоже достаточно сведений — желающие сами могут с ними ознакомиться.

В заключение остается сказать, что место убитого Кубе в гражданской администрации Беларуси занял военный человек, надежная рука Генриха Гиммлера — бригаденфюрер СС и генерал-майор полиции Курт фон Готтберг (1896—1945) — вдохновитель и организатор широкомасштабных карательных операций «Котбус» и «Герман», против которых отчаянно протестовал Кубе.

Почти 10 месяцев Готтберг управлял рейсхкомиссариатом «Беларусь», подписывая документы с приставкой «и. о.». Гитлер так и не утвердил его в должности генерального комиссара. Пример Кубе пошел Готтбергу на пользу. Однако это уже другой исторический сюжет, тоже очень поучительный. К тому же далеко не последний в замечательной книге Юрия Туронка.

НЕМЦЫ? ПАРТИЗАНЫ? СВОИ?
(Тайна убийства Вацлава Ивановского)

6 декабря 1943 года бургомистр Минска Вацлав Ивановский в конце рабочего дня заехал в Генеральный комиссариат.

...Оттуда он возвращался домой (жил на улице Ратомской, сегодня Мельникайте). Ивановский ехал по улице Франциска Скорины (Энгельса) мимо городского театра до улицы 25 Марта (проспект Независимости), с нее повернул на бывшую Ленинскую (Ленина), доехал до площади Свободы. Там, миновав здание полиции и начало Революционной улицы, спустился вниз к улице Островского (Романовская Слобода).

Здесь, возле здания Смоленского СД (неподалеку от сегодняшнего пересечения Романовской Слободы и Немиги), в Ивановского выстрелил неизвестный. Раненого бургомистра привезли в больницу, где он, как утверждает Юрий Туронок, был оставлен без врачебной помощи (!) и назавтра скончался.

По официальной советской версии (в 1964 году ее изложил Иван Новиков в своей насквозь лживой книге «Дарогі скрыжаваліся ў Мінску») Ивановского убили советские партизаны Александр Каминский и Евгений Кунцевич. Это опровергают соратники бургомистра. Ефим Кипель (1895—1969) в своих мемуарах «Эпізоды» (книга издана в Нью-Йорке в 1998 г.) приводит следующую версию:

Вацлав Ивановский. Худ. П. Сергиевич

> В 1943 г. началась подготовка к формированию белорусского правительства. Одним из самых активных в этом деле — я сказал бы, руководителем этой деятельности с белорусской стороны — был профессор В. Ивановский, бургомистр Минска. Ивановский хорошо знал тогдашних белорусских деятелей, был известен немцам. (...)

Но — что для нас было самым важным — мы, национальный актив, хорошо знали Ивановского и с ним тесно сотрудничали. У меня нет никакого сомнения (так полагали почти все активные работники белорусского аппарата в Минске), что Ивановский был наиболее подготовлен как политик и способен не только сформировать правительство, но и вообще наладить государственно-организационную структуру на территории, которая была отведена немцами для белорусской администрации.

Ивановский был, кроме того, известен и популярен в более широком обществе как среди тогдашних западников, так и среди восточников, о чем я знал, имея контакты с Могилевом, Борисовом, Гомелем.

О популярности Ивановского хорошо знали и немцы, и советские партизаны, и польский элемент. Нашим врагам это кололо глаза. Им нужна была политическая ситуация, при которой не было бы популярных белорусских деятелей и во главе движения стояли бы случайные люди. (...)

Когда же под конец лета 1943 года из Берлина пришло известие, что там согласились на образование белорусского правительства (как известно, о необходимости создания белорусского правительства белорусы говорили немцам с самого начала войны), то стало ясно, что наиболее подходящей кандидатурой на пост главы правительства будет профессор Вацлав Ивановский.

Однако до нас скоро дошли сведения через белорусскую полицию, которая имела свою контрразведку в рядах советских партизан, что кандидатурой проф. Ивановского в роли руководителя будущего белорусского правительства слишком напуганы коммунисты и что коммунистам будет очень на руку Ивановского уничтожить.

Белорусская контрразведка также имела сведения, что в заговор против В. Ивановского вовлечен некий Ивашкевич. Фамилия Ивашкевича всплывала уже среди минского национального актива не раз. Дело в том, что этот человек пользовался доверием у многих в белорусском активе, к тому же его защищал и сам проф. Ивановский, когда однажды на сборке «пятерки» ему было об этом сказано. (Кажется, этот Ивашкевич был в каком-то родстве с Ивановским через свою первую жену).

Были сильные подозрения, что и Ивашкевич, и его жена Ольга Менжиевская связаны и с большевистскими партизанами, и с поляками.

Незадолго перед трагическим днем на заседании одной из «пятерок» представитель белорусской полиции снова сказал Ивановскому, что вокруг него находятся слишком подозрительные личности. Ивановский возразил и не принял предупреждения всерьез. Вскоре, однако, выяснилось, что определенные круги были все же сильно обеспокоены тем, что планируемое белорусское правительство может быть возглавлено проф. Вацлавом Ивановским. Ивановский был сражен пулей и стал очередной политической жертвой.

Для нас это был очень трагический случай, так как наше движение потеряло умелого политика и активного деятеля. Трагичность усугубилась еще

и тем, что в этом убийстве оставалось много неясного. По Минску ходило несколько версий возможных причин убийства Ивановского. Одна из них была такая: в день убийства Ивановский работал по другому расписанию, не так, как обычно. В Городской Управе с ним находился и тот самый Ивашкевич. Ивашкевич с работы ушел вроде бы раньше и встретился возле Управы с какими-то людьми. Об этом нам говорили белорусские полицейские. Ивановский якобы поехал домой с работы другой дорогой, и у здания Смоленского СД состоялось покушение на него.

Покушение было выполнено, как говорили, двумя мужчинами. Вскоре после убийства полиция задержала Ивашкевича по дороге в лес к партизанам. Что с ним случилось дальше — неизвестно.

Вот такие у меня в памяти остались воспоминания об этом трагическом событии. Для нас тогда в Минске было ясно, что в этом убийстве много загадочных моментов. Так мне кажется и сейчас...

Юрий Туронок в книге «Беларусь под немецкой оккупацией» высказал мнение, что это сделали немцы по инициативе Радослава Островского, которому нужно было убрать соперника, мешавшему ему на пути к созданию Белорусской Центральной Рады.

Евгений Калубович (1912—1987), близкий сотрудник Ивановского и член Совета Доверия при генеральном комиссаре Кубе, отмечал, что бургомистра убили немцы:

В тот несчастливый день, как свидетельствовали его секретарь и кучер, Ивановский перед концом работы заехал в Генеральный комиссариат [возле нынешней Консерватории] и оттуда возвращался домой совсем другим маршрутом. Ехал по улице Франциска Скорины [Энгельса] мимо город-

Ул. Островского (ныне Раковская) в Минске. Вид в сторону Немиги. На повороте справа — дом № 7. Летом 1943 сюда переехало Смоленское СД

ского театра до улицы 25 Марта [проспект Независимости], затем бывшей Ленинской [Ленина] на Площадь Свободы. Там, миновав здание полиции и начало Революционной улицы, какой-то улочкой, сейчас не помню названия спустился вниз к улице Островского [сегодня Раковская]. Он действительно был убит там, где указывает советская версия. Об этом тогда широко говорилось и в минской белорусской прессе писалось.

Но спецгруппа НКВД на том месте не могла совершить убийство: авторы советской версии, видимо, не знали и потому не приняли во внимание, что место это было напротив здания Смоленского СД (незадолго перед этим его сюда эвакуировали, у ворот его день и ночь стояла вооруженная охрана).

Свидетельство Калубовича подтверждает мысль Туронка о том, что Островский мог что-то замышлять. В самом деле, Ивановский был убит напротив офиса Смоленского СД, с некоторыми сотрудниками которого (например, Николаем Алферчиком) будущий президент БЦР тесно взаимодействовал в Смоленске в 1942—1943 гг., а кроме того, Алферчик подбирал в СД очень надежных людей, советских агентов там не было.

Кроме того, Готтберг, который заменил Кубе, заранее знал о покушении и даже говорил на конференции в Берлине 22 ноября, что его выполнят белорусы.

Похороны Ивановского в Минске 11 декабря 1943

Вместе с тем близкий сотрудник Островского и открытый противник Ивановского Иван Косяк, хорошо осведомленный о жизни в Минске, писал, что бургомистра убил М. Васькович — сотрудник городской управы и член Белорусского научного общества, который после нападения сбежал к партизанам.

Так или иначе, но смерть сначала Кубе (22 сентября), а затем Ивановского (7 декабря), открыла дорогу Островскому к лидерству в белорусской политической жизни на территории комиссариата «Беларусь».

ОТ РЕДАКТОРА

Рекомендую читателям три новейших исследования, посвященных убийству В. Кубе:

Усачев О. И. Кто, как и зачем убил Вильгельма Кубе. Мн.: «Харвест», 2013. — 368 с.

Валахановіч А. Узлеты і падзенні Вільгельма Кубэ: яго бачанне будучыні Беларусі. Мн.: «ФУАинфором», 2014. — 276 с.

Селеменев В., Шимолин В. Убийство Вильгельма Кубе: историко-документальный очерк. Мн.: «Новапринт», 2015. — 286 с.

ЮРИЙ ТУРОНОК: И «ПОГОНЯ» ВЕРНЕТСЯ, И ЯЗЫК ТОЖЕ...

Константин Лашкевич
(22 мая 2010 г.)

17 лет назад бестселлер «Беларусь пад нямецкай акупацыяй» взорвался настоящей сенсацией, едва ли не полностью изменив представления беларусов о том, что происходило на нашей земле с 1941 по 1944 год. Его автор Юрий Туронок, который первым начал исследовать самые запретные моменты отечественной истории, сегодня справедливо считается самым авторитетным знатоком Второй мировой войны на Беларуси. К. Лашкевич навестил доктора истории в его варшавской квартире.

Юрий Туронок родился 26 апреля 1929 г. в Дукштах (ныне в Летуве) в семье деятеля белорусского национального движения, врача Бронислава Туронка (1896—1938). В 1942 году закончил школу в Дукштах, потом учился в Виленской гимназии № 1. С передачей Белосточчины ПНР оказался в Польше (1945).

Закончил Главную школу планирования и статистики в Варшаве (1952). Работал в польской палате Внешней торговли, где изучал конъюнктуру международного химического рынка, работал в Европейской экономической комиссии в Женеве.

Историческими исследованиями занимается с начала 1960-х. Доктор истории (1986). Автор книг «Беларускае школьніцтва на Беласточчыне» (1976), «Беларусь пад нямецкай акупацыяй» (шесть изданий: 1993—2007), «Беларуская кніга ў Другой Рэчы Паспалітай» (2000), «Беларуская кніга пад нямецкім кантролем» (2002), «Вацлаў Іваноўскі і адраджэнне Беларусі» (1992, 2007), «Людзі СБМ» (2006), «Мадэрная гісторыя Беларусі» (2006).

«В ИСТОРИИ СУЩЕСТВУЮТ ДВЕ ПРАВДЫ»

— Юрий Брониславович, почему вы взялись за исследование самых «неудобных» тем в истории Беларуси, которые советская и национальная историографии стремились обходить?

— Больше всего меня возмущали (и стимулировали!) разработки советских историков и публицистов о немецкой оккупации. Читать их было страшно, потому что это была сплошная неправда.

Я пережил немецкую оккупацию в Вильне. Летува, как и Беларусь, входила в рейхскомиссариат «Остланд» и жила по тем же законам. Естественно, мы сталкивались с трудностями военного режима. Однако я учился в ли-

товской гимназии, где никакой фашистской пропаганды не было. Работали магазины и почта, люди ходили в кино, в театр. Соответственно, я не верил тому, что советские исследователи писали о белорусских деятелях.

Заручившись моральной поддержкой некоторых ваших профессоров (например, Степана Александровича), решил работать в этом направлении. Со временем я понял, что в истории существуют две правды: политическая и фактическая, которые очень часто не соответствуют друг другу.

Примером тому является «Катынское дело». В 1943 году немцы заявили, что советы уничтожили под Смоленском тысячи польских военнопленных. СССР в ответ обвинил немцев. Славные западные союзники Сталина — Великобритания и США — тоже утверждали, что это сделали немцы. Одновременно офицеры польских воинских формирований на Западе получили приказ от английского командования не говорить солдатам о том, что Катынь — работа восточного союзника.

На Нюрнбергском процессе немецкий министр авиации Геринг возразил: «Вы обвиняете нас в разных мерзостях, но же что вы сделали в Катыни?!» Американский судья тогда лишил его слова. Потом выяснилось: в этом вопросе немцы были правы, что со временем подтвердили и советские, и российские власти. Однако дело было в том, что фактическая правда во время войны угрожала расколом антигитлеровской коалиции.

Я же хотел добиться именно фактической правды, и очень многим это не нравилось. Орденоносные деятели в Беларуси недовольно ворчали, однако от момента выхода книги «Беларусь под немецкой оккупацией» прошло почти 20 лет, она пять раз переиздавалась, но ни одного серьезного опровержения до сих пор не появилось.

Также не было опровержений относительно обстоятельств убийства Кубе.

— Напомню читателям, что, по вашей версии, убийство генерального комиссара Генерального округа «Беларусь» в сентябре 1943-го было осуществлено при сотрудничестве немцев и Советов. Всем якобы руководила немецкая служба безопасности (СД), использовав в роли исполнителей местные кадры. Насколько я понимаю, у вас на этот счет теперь сомнений нет?

— Уже нет. Недавно я написал статью, основанную исключительно на советских данных. С целью уничтожить Кубе Москва забросила на Беларусь около 10 чекистских групп, которыми руководил бывший нарком внутренних дел БССР Цанава. Результат их действий оказался нулевым. Зато это удалось группе, подчинявшейся разведуправлению Генштаба Красной Армии, в которую, в частности, входили Елена Мазаник, Мария Осипова и Надежда Троян.

Самое интересное, что после войны журнал «Работница и крестьянка» напечатал статью об этих героинях. Рядом с их фотографиями был помещен

перечень заслуг, но об операции по ликвидации Кубе там не было ни слова. В общем, целых 15 лет после войны Мазаник и компания официально не признавались убийцами немецкого генкомиссара.

— Говоря о последней войне, наши государственные идеологи, как и прежние советские, любят упоминать о коллаборационизме, об измене национальных деятелей. Где, с вашей точки зрения, проходит граница коллаборации?

— Коллаборация — это сотрудничество с врагом во вред своему народу и государству. Основной контингент коллаборантов в Беларуси составляли полицейские, которые надевали мундир, получали оружие и исполняли приказы немцев. Белорусское дело никакой пользы от этого не имело.

К коллаборации однозначно относится диверсионная деятельность, тоже не имевшая ничего общего с белорусскими интересами. Так, Фабиан Акинчиц (лидер беларуских национал-социалистов) склонял немцев к использованию белорусов в качества агентов Абвера. Белорусских парней-диверсантов немцы сбрасывали на парашютах в БССР еще до нападения на СССР.

О крестьянах и учителях, которые просто делали свое дело, и говорить нечего. Какие они коллаборанты?!

Главным же стремлением белорусских политиков являлась государственность Беларуси. Ради достижения этой цели они готовы были сотрудничать с любым, кто давал надежду на это. Такими были Вацлав Ивановский, Радослав Островский и многие другие.

Коллаборация как явление касается не только Беларуси.

На протяжении десятилетий считалось, что Польша была одной из немногих стран Европы, не имевшей своего Квислинга (лидер нацистской партии в Норвегии, имя которого стало символом коллаборационизма). Однако в 1992 году в Берлинском архиве нашли письма премьера польского эмигрантского правительства в Лондоне Станислава Мацкевича, свидетельствующие об обратном. В 1940 году после капитуляции Франции он послал немцам предложение — создать польское правительство на оккупированной территории. Польского Квислинга немцы не захотели, но против того, что такой факт имел место, уже никто не возразит.

Вот еще один пример. Точно известно, что в ноябре 1941-го, когда положение на фронтах было ужасным, Сталин рассматривал вариант заключения сепаратного соглашения с Гитлером. Потом сказали, что все это неправда. Однако есть воспоминания генерала Павленко и Н. С. Хрущева, в которых данный факт подтверждается.

— Во время немецкой оккупации на Беларуси употреблялась наша историческая символика — бело-красно-белый флаг и герб «Погоня». Этот факт пропаганда новой власти использовала перед референдумом 1995 года, который лишил национальные символы статуса государственных...

— Согласно такой логике «фашистским» был и российский триколор, который сегодня реет над Кремлем. Ведь под этим флагом воевала армия генерала Власова.

Во время оккупации «Погоня» и бело-красно-белый флаг использовались только в Генеральном округе «Беларусь», составлявшем всего 25% от нынешней территории Беларуси. Были они задействованы в межвоенный период и в Западной Беларуси, но об этом мало кто знал. Так, моя жена, которая 1935 года рождения, не имела понятия, что это такое.

Вспоминая о референдуме, следует учитывать, что в начале 1990-х годов для громадной части белорусского общества национальные символы, действительно, были чужими. На все нужно время. Процесс идет, дело не окончено, поэтому не исключаю, что теперешняя символика — временное явление.

— Все чаще приходится слышать, что Вторая мировая война, которую в годы советской власти называли исключительно Великой Отечественной, для белорусов была едва ли не гражданской. Насколько справедливо такое мнение?

— Десятки тысяч мужчин с оружием в руках сражались друг против друга: советские партизаны, пронемецкие белорусские формирования (Беларуская самаахова, Беларуская краёвая абарона, полиция)... Уже только этого достаточно для утверждения, что на Беларуси шла гражданская война.

Причем восприятие этой войны на Западе и Востоке страны заметно различалось. Так, в Восточной Беларуси, которая 20 лет жила в СССР, люди могли считать своим гражданским долгом поддержку советской власти. Даже если она не всегда была справедливой. Однако у западных белорусов ментальность была совсем иная. Их освобождали много раз: немцы, Советы, поляки, опять немцы. Этого было достаточно, чтобы воспринимать нацистскую оккупацию всего лишь как очередную смену власти. К тому же немцы давали возможность развивать свою культуру, язык, национальное сознание, создавать свои вооруженные силы. Хотя последнее шло с большими трудностями и не дало серьезных результатов.

— Выступая на торжественном собрании накануне 9 мая, президент Беларуси в очередной раз заявил, что для Беларуси «Великая Победа — источник национальной гордости, основа идеологии и государственности». А Василь Быков считал, что «добыв победу, мы не добыли свободы»...

— Я хочу вернуться к той оценке Кубе, которую лет десять назад дал белорусский историк Алексей Литвин. Несмотря на то что при немцах работали белорусские школы, были попытки развивать белорусскую культуру и создавать Отечество для белорусов, Литвин назвал руководителя Генерального округа «Беларусь» «могильщиком белорусской государственности».

Почему? Ведь в отличие от своего украинского сослуживца Коха, который стремился уничтожать украинский национализм, Кубе поддерживал

белорусский. Видимо потому, что советские власти потом крайне негативно относились к любому проявлению белорусской национальной деятельности, не говоря уже о стремлениях к независимости.

Что касается получения независимости с распадом СССР, то белорусский народ ее точно не ждал. Это была полная неожиданность! По правде говоря, свою независимость Беларусь получила из Москвы.

— А какие эпизоды, связанные с событиями немецкой оккупации Беларуси, остаются для вас неясными?

— Одним из таких непонятных фактов является создание Белорусского центрального совета (БЦР) — главной инстанции белорусской администрации в условиях нацистской оккупации. Дело в том, что Берлин не разрешил создать подобную структуру в Украине и не давал разрешения для Беларуси. Каким же образом это стало возможно? Дело в том, что еще Кубе созвал Белорусский совет доверия — совещательный орган, который принимал участие в заседаниях генерального комиссариата. После смерти Кубе его преемник фон Готтберг превратил Совет доверия в БЦС (БЦР), во главе которого поставил Радослава Островского. «Я не требую разрешения из Берлина, так как всего лишь активизирую Совет доверия. Он должен распространять в народе антибольшевистскую пропаганду», — объяснял Готтберг.

Такая же операция была проведена и с армией. Готтберг не мог создать белорусскую армию, но мог созвать подчиненную ему 60-тысячную Боевую группу. В ее состав входила российская дивизия Каминского, татары, а остальной контингент отдали Белорусской краёвой обороне (БКА). Островский объявил мобилизацию, на которую вместо 10 запланированных тысяч человек пришли 40 тысяч! Немцы схватились за голову и распустили половину добровольцев.

Правда в том, что белорусское правительство в виде БЦР с президентом Островским, Второй Всебелорусский конгресс в июне 1944-го, белорусская армия (БКА) — всего лишь миф. Белорусской армии не могло быть, так как существовали только два вооруженных батальона, униформу для которых создали уже в эмиграции (надо же было что-то показать потомкам). Второй Всебелорусский съезд — тоже сомнительное событие. Так, СБМовец Александр Виницкий писал в воспоминаниях, что, убегая на Запад от Советов, они встречали делегатов Съезда, которые показывали им утвержденные немцами свои выступления. Кстати, этот факт потом вычеркнули из книги его воспоминаний на Западе.

Зато до сих пор остается феноменом создание в июне 1943-го Союза белорусской молодежи. На всей оккупированной территории были еще только две похожие организации — в Латвии и Эстонии. Ни Украина, ни Летува таких союзов не имели. Политическая значимость СБМ [членами организации, по подсчетам Туронка, были 10 тысяч белорусских юношей и девушек] в Беларуси было огромной. Ведь если Латвия и Эстония имели перед этим

20 лет независимости, то для Беларуси это была борьба за развитие и укрепление национального сознания молодого поколения. Именно поэтому членов Союза потом преследовали советские карательные органы, а пропагандисты называли эту организацию «белорусским Гитлерюгендом», хотя СБМ никогда не был фашистской организацией.

— Касаясь независимости и самосознания, вы сказали, что «процесс идет, дело не окончено». Значит, и белорусская нация не до конца сформирована?

— Это так. Для того чтобы завершить этот процесс, нужны время и знания. Я имею в виду не хамскую пропаганду в духе белорусского телевидения, а национальное образование, которое позволит людям понимать процессы и проблемы.

Что ждет белорусский язык? В 1990-е годы власти Беларуси были вынуждены не форсировать распространение языка. Особенно в восточных районах, где русский язык не был чужим и белорусизация могла там восприниматься абсолютно отрицательно. С другой стороны, я контактирую со многими из Беларуси, и если раньше надо было мириться с русским языком, то теперь все говорят по-белорусски. Белорусские студенты, которые приезжают учиться в Польшу, знают белорусский язык...

Прогнозы требуют осторожности. Все же думаю, что со временем можно будет решить дело и с белорусским языком, и с национальной символикой, и со школьными учебниками. Считаю, что все это придет. Но, учитывая недавнюю историю, не может придти сразу. Пока надо использовать то, что есть, начинать политическое и культурное возрождение с самих себя...

Часть 4
ИЗ ПОТОКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

ОТВЕТЫ ПРОФЕССОРА А. Е. ТАРАСА НА ВОПРОСЫ ПЕТРА ЗЫХОВИЧА ИЗ ПОЛЬСКОГО ЖУРНАЛА «DO RZECZY»

Февраль 2016 г.

1. Dzieje Europy Wschodniej ostatnich 500 lat to dzieje rywalizacji między Rosją, a Rzeczpospolitą. O co toczyła się ta rywalizacja? O jakie terytoria?

Борьба шла за территории, во-первых, Великого Княжества Литовского, Русского и Жамойтского (таково его полное название) и, во-вторых, Ливонии. С современной точки зрения, это земли Беларуси, Украины и трех балтийских государств (Летувы, Латвии, Эстонии).

2. Rosja lubi przedstawiała się jako opiekunka Białorusinów i Rusinów. Swoich «słowiańskich braci» zagrożonych przez «obcą» Polskę. Pan powołuje się na badania genetyczne, które rzucają na całą sprawę nowe światło. Czy rzeczywiście Białorusinom i Rusinom etnicznie jest bliżej do Rosjan niż do Polaków?

Мое мнение по этому вопросу основано на выводах генетиков и антропологов из России (группа Елены Балановской, Анатолий Клёсов, другие ученые), а также из Беларуси (лауреат государственной премии Алексей Микулич), на публикациях ученых других специальностей (лингвистов, психологов, историков).

С точки зрения генетики и антропологии белорусы намного ближе к полякам (особенно к потомкам мазуров), чем к современным русским. При этом надо учитывать тот факт, что жители современных российских областей — Псковской, части Новгородской, части Тверской, Смоленской — это потомки кривичей. А кривичи — прямые предки белорусов, но не русских. Данные исследований ряда лингвистов, психологов, историков тоже свидетельствуют в пользу высказанной мной точки зрения.

Тезис о «трех братских народах» (русском, белорусском, украинском) и о «старшем брате» (русском народе) является политическим, а не научным.

3. Czy językom białoruskiemu i ukraińskiemu jest bliżej do polskiego czy rosyjskiego?

Во времена Великого Княжества Литовского белорусский язык был ближе к польскому. Сейчас, после 220 лет целенаправленной всеобъемлющей русификации, он стал ближе к русскому. Говорить об украинском языке не могу, так как не знаю его.

4. Czy Rosja jest w ogóle państwem słowiańskim? Czy miała prawo do przejęcia nazwy «Ruś»?

Давно уже доказано, что название «Русь» московское государство украло от Киевской Руси, от предков украинцев. С этим просто.

Ответ на вопрос о том, какие народы славянские, а какие — нет, зависит от того, что понимать под славянством. Если считать славянами только обладателей определенных генов (точнее, генетических кластеров), то нынешние русские — не славяне. Если же понимать под славянством определенную структуру языка, его базовый словарь, а также определенные культурные шаблоны (матрицы), то многие нынешние русские (хотя и не все) — славяне.

5. Czy to bliskość genetyczno-językowa skłoniła Polaków i Litwinów (Białorusinów) do stworzenia wspólnej Rzeczypospolitej?

Думаю, что генетическая и языковая близость помогла созданию конфедеративного государства Речь Посполитая. Но главной причиной была не эта близость, а военная угроза со стороны Москвы. Если бы Москва не вела одну войну за другой против Вильни, то Речь Посполитая не возникла бы. Поиск союзников был тогда для Вильни вопросом жизни или смерти государства. А наиболее подходящим союзником — географически, исторически, генетически, лингвистически — была Польша. Не Швеция, не Пруссия, не Австрия.

6. Kiedy Rzeczpospolita i Rosja znalazły się na kursie kolizyjnym? Kiedy i od czego zaczął się ten konflikt?

Конфликт начался сразу. Уже сама Люблинская уния 1569 года стала вызовом для Московии. Ведь тогда шла борьба за Прибалтику (Инфлянты). Благодаря Люблинской унии победу в этой борьбе сначала одержала Варшава. Через 70 лет Москва добилась реванша. Вспомните страшное время Потопа (по Сенкевичу).

7. Na początku to Rzeczpospolita była górą. Dlaczego?

Трудно выделить какую-то одну причину. Возможно, сначала было психологическое превосходство («воинственный дух» сарматских воинов, покоривших славян-земледельцев и ставших шляхтой), военно-техническое превосходство, лучшая система управления государством. Потом роли поменялись, преимущество на 300 лет перешло к Московии. Сейчас преимущество снова перешло на сторону Запада.

8. Apogeum polskich triumfów nad Moskalami to rok 1610 i zdobycie Moskwy. Czy zgodni się Pan z opinią, że zwycięstwo to nie zostało wykorzystane?

Это зависит от того, что понимать под словами «не было использовано». В военном аспекте — да, не были использованы все открывшиеся возможности. Главная причина была известна уже тогда — отсутствие нужных средств (у Сигизмунда, как и у других королей Речи Посполитой, не было денег).

Но в стратегическом плане никаких шансов на удержание Московии под своим контролем у Речи Посполитой не было с самого начала. Просто война могла продолжаться намного больше лет, поляки, литвины и русины могли одержать больше побед над московитами. Все равно дело кончилось бы тем, что им пришлось бы уйти к себе домой. В столкновении двух разных цивилизаций Запад (в лице Речи Посполитой) не мог сделать огромную дикую страну (Московию — Россию) своим продолжением на Востоке.

А сегодня Россия, по моему убеждению, быстро движется к гибели — именно потому что историческое время этой особой цивилизации азиатского типа кончилось. Но она погибает по своим собственным внутренним причинам. Запад в этом не виноват.

9. Czy gdyby królewicz Władysław został carem Rosji możliwe byłoby trwałe uzależnienie Rosji do Rzeczpospolitej (a może nawet jej włączenie) i ucywilizowanie?

Ни в коем случае. Ментальность поляков и белорусов XVII века была несовместимой с ментальностью жителей Московского царства. В своей книге «Войны Московской Руси с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой в XIV–XVII веках» (Минск, 2006) я написал на странице 522:

«Если на троне не удержался Лже-Дмитрий I, московит по происхождению, хорошо знавший нравы своих соотечественников, то у королевича [Владислава], получившего европейское воспитание, шансов было еще меньше. Московской Руси требовался такой царь, который подобно Петру Великому мог бы бороться с варварством варварским методами».

10. Gdy mówimy o zaprzepaszczonych szansach warto wspomnieć o unii hadziackiej z 1658 roku. Czy gdyby projekt ten się powiódł i Ruś stała się pełnoprawnym członem Rzeczpospolitej Trojga Narodów — udałoby się uratować Rzeczpospolitą?

Лично я высоко оцениваю те перспективы, которые открывала Гадячская уния. В той же книге «Войны Московской Руси с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой...» речь об этом идет на страницах 723–727. Но, к сожалению, из этого ничего не вышло.

11. Czy zgodni się Pan, że momentem zwrotnym konfliktu, w którym szala przechyliła się na korzyść Moskwy był pokój andruszowski, w którym Rzeczpospolita oddała kawał Rusi Moskalom?

Формально с этим можно согласиться. Но поворот начался раньше, при короле Казимире IV (то есть в 1447—1492 гг.). Он мог присоединить к Великому Княжеству Литовскому земли Новгородской феодальной республики, но не сделал этого, не сделал много другого. Он избрал западный вектор для своей политики, что явилось исторической ошибкой.

12. Czy zgadza się pan z poglądem, że w rywalizacji polsko-rosyjskiej występuje proste prawo: kto ma Ukrainę ten jest górą i jest hegemonem Europy Wschodniej?

Сегодня это верно. Но в XVII и XVIII веках, когда территория нынешней Украины входила в состав четырех государств (Османской империи, Великого княжества Литовского, Речи Посполитой, Московии — России) и когда экономическое развитие всех четырех частей разделенной Украины оставляло желать много лучшего, это было не так. Гораздо важнее было установление своего контроля над морскими портами — для осуществления внешней торговли.

13. Niestety Rzeczpospolita upadła pod koniec XVIII wieku. Czy było to wynikiem knować «wrednej» Katarzyny II, czy też może wewnętrznego rozkładu Rzeczypospolitej?

Я думаю, что свою роль сыграл и субъективный фактор («коварство Екатерины»), и внутренняя политическая ситуация в самой Речи Посполитой (слабая центральная власть, массовая практика несоблюдения законов, отсутствие денег для содержания сильной армии). Говоря о «субъективном факторе», хочу напомнить, что роль личности в истории — огромна!

14. Według mnie przyczyną zwycięstwa Rosji nad Rzeczpospolitą była kwestia władzy państwowej. U nas ta władza osłabła, u nich się wzmocniła. Rozdzierana wewnętrznymi konfliktami anarchia nie miała szans w konfrontacji z monarchią absolutną. Zgadza się pan z tym poglądem?

С этим я согласен. К сожалению, деспотические и авторитарные режимы имеют определенные преимущества над режимами демократическими — в плане мобилизации ресурсов государства и в плане скорости принятия политических решений. Кроме того, надо признать, что шляхетская демократия в Речи Посполитой была доведена до абсурда. Конституция 1791 года могла бы исправить ситуацию, но ее приняли слишком поздно. Ее надо было принять еще до первого раздела Речи Посполитой, то есть до 1772 года.

15. Wiek XIX to wiek powstań przeciwko Rosji. W Polsce zrywy te mylnie nazywane są „powstaniami narodowymi». W rzeczywistości były to powstania wielonarodowe. Brali w nich udział Koroniarze, Litwini, Białorusini i Rusini. Czy Białorusini mają tego świadomość?

В научных исследованиях и во многих научно-популярных работах (например, в моих) об этом рассказывается. Но на уровне массового сознания и

в официальной историографии в Беларуси говорят только о восстании Кастуся Калиновского. Это восстание показывается как движение белорусов за независимость от России (хотя и упоминается, что во взаимодействии с поляками), но не как часть общей борьбы народов бывшей Речи Посполитой за ее возрождение. Когда кому-нибудь об этом напоминают, то многие исследователи говорят и пишут примерно так: «Калиновский использовал польское восстание в своих целях. Он и его товарищи ни за что не допустили бы, чтобы Беларусь снова оказалась под властью Варшавы».

16. Razem walczyliśmy w powstaniach i razem znosiliśmy represje. Jak carat mścił się na Litwinach/Białorusinach. Jak te represje wpłynęły na ich lojalność wobec Rzeczypospolitej? Istnieje pogląd, że drogi narodów Rzeczypospolitej zaczęły się rozchodzić po klęsce roku 1864.

Это верно. После подавления восстания 1863—64 гг. царизм развернул целенаправленную кампанию по «устранению польского влияния» в Северо-Западном крае (Беларусь + Летува) и в Юго-Западном крае (Украина). План этой кампании включал в себя много пунктов и в целом был выполнен. Польское национальное движение в Беларуси, Летуве и Украине было уничтожено, а влияние России (политическое, культурное, религиозное, экономическое) увеличилось очень сильно.

Парадокс в том, что воспитывая кадры учителей и мелких чиновников для русификации белорусов, литовцев, украинцев, российские власти сами вырастили кадры литовских, белорусских и, в меньшей степени, украинских националистов.

17. Ostatecznym rozejściem się narodów Rzeczpospolitej był rok 1921 i podpisanie haniebnego Traktatu Ryskiego. Na gruzach Rzeczpospolitej powstały narodowe państwa polskie i litewskie, a pół Białorusi i niemal cała Ukraina zostały rzucone na pastwę bolszewizmu. Byli jednak ludzie, którzy próbowali restaurować Rzeczpospolitą. Choćby lansujący koncepcję federacyjną Józef Piłsudski. Dlaczego mu się nie udało? Lokalne nacjonalizmy były zbyt silne?

Белорусские историки считают, что главным препятствием для реализации федеративного плана Пилсудского оказался не «локальный» национализм белорусов или литовцев, а национализм самих поляков. Такие политики, как Роман Дмовский и — особенно — генералы и офицеры Войска Польского — категорически отвергали идею федерации. Их лозунгом являлась «Великая Польша от моря [Балтийского] и до моря [Черного]». Поэтому они не хотели видеть в составе «новой» Речи Посполитой даже автономные Беларусь и Летуву. А тем более они не воспринимали идею союза независимых государств, пусть даже во главе с Польшей.

18. Czy obecnie na Białorusi są ludzie odwołujący się do tradycji Wielkiego Księstwa Litewskiego i opowiadających się za ścisłym związkiem z Polską?

Чего нет, того нет. Белорусы в своем большинстве негативно относятся к идее какого-либо союза с современной Польшей — политического, военного, экономического.

Слишком много плохого сделали поляки белорусам в первой половине XX века. Польские власти в 1920-е и 1930-е годы уничтожали белорусские школы (1 сентября 1939 года была закрыта последняя школа с белорусским языком обучения — гимназия имени С. Батория в Вильне); польская полиция запрещала культурные мероприятия и расправлялась с активистами белорусских национальных организаций; польским колонистам (осадникам) отдавали земли, которые отбирали у белорусских крестьян; польские партизаны из Армии Крайовой, Батальонов Хлопских и других вооруженных формирований убивали белорусских крестьян, интеллигентов и православных священников на «крэсах» только за то, что они — белорусы. Список преступлений можно продолжить. Должно пройти еще лет 50, чтобы забыть все это.

Сегодня большинство белорусов не видит в поляках ни братьев по крови (хотя генетически это так), ни друзей. Слишком много негативных воспоминаний о периоде с 1918 по 1944 год. Конечно, на уровне личных контактов дело обстоит намного лучше. Но ведь ваш вопрос подразумевает массы, а не отдельных персон.

КРЕСТ В ПАМЯТЬ О ВАЦЛАВЕ ЛАСТОВСКОМ

Минское добровольное общество аматоров белорусской истории носит имя выдающегося деятеля национального Возрождения первой трети XX века Вацлава Юстиновича Ластовского (1883—1938).

Это был действительно великий человек. Вот что пишет о нем писатель Владимир Орлов в сборнике эссе «Імёны свабоды»:

> Политик, принимавший непосредственное участие в провозглашении независимости БНР и свыше четырех лет (1919—1923) возглавлявший ее Кабинет министров...
>
> Директор Белорусского государственного музея, в 1928 году лично возглавивший специальную экспедицию в Полоцк, которая нашла и привезла оттуда нашу древнюю национальную святыню — Крест Ефросинии...
>
> Действительный член Института белорусской культуры, а затем непременный секретарь молодой Белорусской Академии наук...
>
> Историк, перу которого принадлежат знаменитые «Краткая история Беларуси» (первая история Беларуси, написанная белорусом, на белорусском языке) и «История белорусской (кривской) книги», в которой рассмотрены все основные произведения художественной, публицистической, религиозной литературы белорусов за тысячу лет...
>
> Филолог, составитель и издатель великолепного «Русско-кривского (белорусского) словаря», содержащего более 20 тысяч терминов...
>
> Писатель и поэт, автор знаменитой книги «Лабиринты» — самой мистической и загадочной повести в белорусской литературе XX столетия. Автор оригинальных стихов, насыщенных мощной энергетикой...*

Сталин и его подручные, развязавшие в 1930 году массовый террор против национальной интеллигенции во всех так называемых «союзных» и «автономных» республиках СССР, не могли упустить из вида этого гиганта белорусского национального Возрождения.

Арест 21 июля 1930 года, тюремное заключение и ссылка вырвали Ластовского из активной общественной и научной жизни. А 23 января 1938 года сталинские палачи убили его в Саратове. Место погребения остается неизвестным.

* См. издание 2015 года, страницы 132—133.

Отец Леонид Акалович освящает крест

И вот сейчас мы, идейные наследники Вацлава Ластовского, установили крест в память о нашем великом соотечественике — чтобы современные белорусы знали и уважали его.

Инициатор проекта — Виктор Евмененко, председатель организационного комитета по созданию Общества аматоров белорусской истории имени В. Ю. Ластовского. Именно он нашел специалистов (это художник Алесь Циркунов и резчик по дереву Юрий Командирчик) и заказал им крест из морёного дуба, покрытый художественной резьбой. Деньги на приобретение материала, оплату работы специалистов, доставку креста с берегов Нарочи в Минск и его установку на бетонном основании были собраны путем добровольных пожертвований.

Крест 22 апреля привезли в Минск и установили в народном Пантеоне жертв коммунистических репрессий — в Куропатах.

Через неделю после этого, 29 апреля 2016 года с 14 до 15 часов прошла церемония освящения памятного знака. В ней участвовали около 40 человек. Священник Белорусской православной автокефальной церкви, отец Леонид Акалович, прочитал молитву и окропил крест святой водой. С короткими речами выступили Виктор Евмененко, ученый секретарь ИБИК Анатоль Та-

Монтаж креста (вид с тыльной стороны)

рас, художник Алесь Марочкин, общественные деятели Мечислав Бурак и Вячеслав Сивчик*. Поэт Дмитрий Захаревич прочитал свои стихи, посвященные памяти жертв сталинского террора.

---

* Были также приглашены священники римско-католической и греко-католической церквей. Выяснилось, однако, что для участия в траурной церемонии им требуется разрешение своих иерархов — Т. Кондрусевича и С. Гаека. А те, в свою очередь, опасаются недовольства со стороны уполномоченного по делам религии при Совете министров РБ.

Это наглядный пример «независимости церкви от государства» на постсоветском пространстве вообще, в Беларуси в частности.

Виктор Евмененко отметил, что Общество аматоров белорусской истории «объединяет людей, которых интересует история этого края». Он сказал:

> Именно поэтому мы выбрали нашим патроном Ластовского — отца белорусской историографии, одного из отцов белорусской независимости и государственности.

Художник Алесь Цыркунов отметил, что крест установлен в память не только Ластовского, «но и всех его соратников — исполинов, которые сознательно шли на гибель ради возрождения белорусского народа и создания государства».

Момент торжественной церемонии

> Сделать простой, дежурный крест я не мог... Настало время ставить такие знаки, которых заслуживают эти люди...

Шестиконечный крест, высотой 5 метров, своими очертаниями и пропорциями повторяет крест Святой Ефросинии Полоцкой. Он выполнен в духе народного христианства, характерного именно для белорусского народа. На верхнем луче креста изображен исторический герб «Погоня», а в его центре — распятый Христос. На боковых лучах — элементы белорусского национального орнамента. Ниже распятия вырезан бюст Ластовского.

Некоторые участники церемонии получили в подарок книжку А. Е. Тараса «Вацлаў Ластоўскі», изданную в 2013 году.

Пусть в сердце белорусского народа навсегда сохранится память о его достойном сыне Вацлаве Ластовском!

Слева — отец Ленид Акалович (Белорусская Автокефальная Православная Церковь); справа — Виктор Евмененко (Товарищество аматоров белорусской истории им. В. Ластовского)

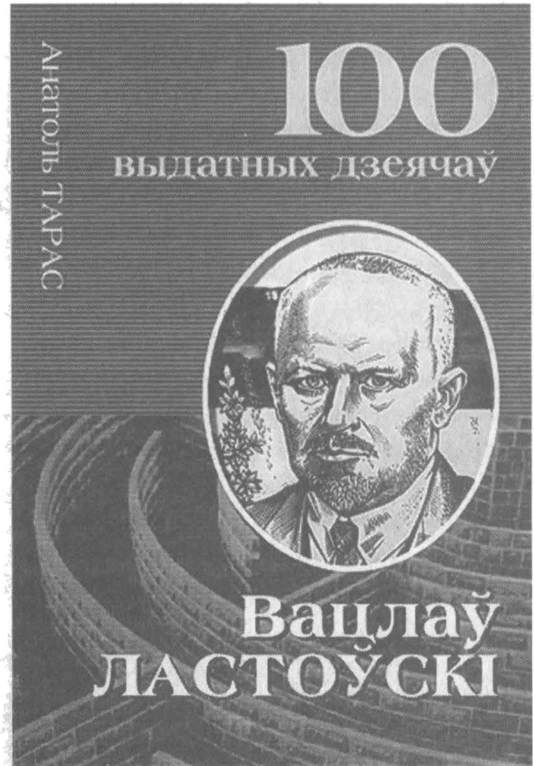
ЧТО МОЖНО ПРОЧИТАТЬ О В. Ю. ЛАСТОВСКОМ

Вацлаў Ластоўскі. Выбраныя творы. Мн.: «Беларускі кнігазбор», 1997. — 510 с.

Тарас А. Вацлаў Ластоўскі: Вяшчун крывіцкай культуры. Мн.: «Харвест», 2013. — 64 с.

Янушкевіч Я. — Неадменны сакратар Адраджэння. Мн.: «Навука і тэхніка», 1995. — 68 с.

Вацлаў Ластоўскі — выдатны дзеяч беларускага Адраджэння (Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі, прысвечанай 110-й гадавіне з дня нараджэння вучонага, пісьменніка і грамадскага дзеяча. Наваполацк, кастрычнік 1993 г.) / Беларусіка = Albaruthenica; Кніга 4/. Мн.: «Навука і тэхніка», 1995. — 382 с.

Автор проекта художник Алесь Цыркунов

СЕРЫЯ «100 ДЗЕЯЧАЎ БЕЛАРУСКАЙ КУЛЬТУРЫ» ПЕРАЙШЛА ПРАЗ ЭКВАТАР!

Усім адукаваным беларусам добра знаёма ідэя быццам адукацыю, навуку, мастацтва і наогул культуру прынёс беларусам вялікі рускі народ. Ведаем мы і супрацьлеглую тэорыю: не рускі народ адарыў нашых продкаў усім гэтым, а польскі.

Насамрэч, абедзьве ідэі — хлусня. Дзяржаўнасць і непарыўна злучаная з ёй «высокая» (гэта значыць прафесійная) культура і адукацыя з'явіліся на нашых землях яшчэ ў IX стагоддзі, у Полацкім княстве. «Пачатковы летапіс» Нестара упершыню згадвае Полацак пад 862 годам, тады як Маскву — пад 1147. Полацак старэйшы за Маскву не менш чым на 285 гадоў. А Полацкае княства на 300 гадоў старэйшае за Уладзімірскае вялікае княства, што ўзнікла ў сярэдзіне XII стагоддзя, і значна пазней пераўтварылася ў Маскоўскае.

Такім чынам, гісторыя нашай прафесійнай культуры налічвае больш за 1100 гадоў. У яе скарбонцы тысячы бліскучых асоб, тысячы і тысячы твораў найвышэйшай якасці. Але чаму ж тады распаўсюджаны меркаванні быццам нічога свайго ў нас няма і ніколі не было, што ўсе нашы дасягненні — «трэцяга гатунку, суцэльная шэрасць, глыбокі правінцыялізм»?!

Пагарда да ўласнай культуры, уласнага мастацтва, уласнай навукі злучана перш за ўсё з невуцтвам. А шлях пераадолення невуцтва ёсць толькі адзін — асветніцтва. Вось чаму грамадскі Інстытут беларускай гісторыі і культуры (ІБГіК) сумесна з выдавецтвам «Харвест» пачаў выдаваць кніжную серыю «100 выдатных дзеячаў беларускай культуры.

Маюцца на увазе тыя дзеячы XIX — XX стст., якія спрыялі развіццю нацыянальнай літаратуры, мастацтва, этнаграфіі, краязнаўства, гісторыяграфіі, розных натуральных навук. Мэта заснавальніка-каардынатара серыі — акцэнтаваць увагу чытачоў не на біяграфіях апісваемых асоб, а на тым, што яны зрабілі для культуры Бацькаўшчыны.

ПЕРШЫЯ 55 БРАШУР ВЫДАНЫ

Ніжэй яны пералічаны у адпаведнасці з датамі сыходу з жыцця асоб, якім прысвечаны.Калі дата супадае, першым ідзе той, хто нарадзіўся раней. Гэта дзеля таго, каб чытачы бачылі непарыўнасць развіцця нашай культуры.

Валенцій Ваньковіч (1842); Ян Чачот (1847); Ян Баршчэўскі (1851); Уладзіслаў Сыракомля (1862); Тэадор Нарбут (1864); Браты Тышкевічы (1868, 1873), Станіслаў Манюшка (1872); Іван Насовіч (1877); Напалеон Орда

(1883); Іван Хруцкі (1885); Адам Кіркор (1886); Міхаіл Андрыёлі (1893); Альгерд Абуховіч (1898); Мечыслаў Карловіч (1909); Мікалай Нікіфароўскі (1910); Аляксандр Ельскі (1916); Казімір Альхімовіч (1916); Элаіза Пашкевіч (1916); Ігнат Буйніцкі (1917); Карусь Каганец (1918); Вандалін Шукевіч (1919); Ігнат Канчэўскі (1923); Аляксей Сапуноў (1924); Яўхім Карскі (1931); Браніслаў Эпімах-Шыпіла (1934); Мітрафан Доўнар-Запольскі (1934); Казімір Малевіч (1935); Уладзіслаў Галубок (1937); Аляксандар Цвікевіч (1937); Фларыян Ждановіч (1937); Уладзімір Тэраўскі (1938); Вацлаў Ластоўскі (1938); Аркадзь Смоліч (1938); Лявон Дубейкаўскі (1940); Францішак Аляхновіч (1944); Язэп Драздовіч (1954); Якуб Колас (1956); Антон Жэбрак (1965); Юры Тарыч (1967); Янка Маўр (1971); Уладзімір Корш-Саблін (1974); Уладзімір Дубоўка (1976); Рыгор Шырма (1978); Міхаіл Сеўрук (1979); Пётра Сергіевіч (1981); Уладзімір Караткевіч (1984); Генадзь Цітовіч (1986); Віктар Тураў (1996); Мікола Ермаловіч (2000); Яўген Глебаў (2000); Міхаіл Пташук (2002); Уладзімір Мулявін (2003); Валянцін Тарас (2009); Валер Рубінчык (2011); Мікола Крукоўскі (2013)

ЗНАХОДЗЯЦЦА Ў ДРУКУ

Змітрок Бядуля (1941), Андрэй Мрый (1943), Іёсіф Лангбард (1951), Міхась Стральцоў (1987), Барыс Райскі (1993).

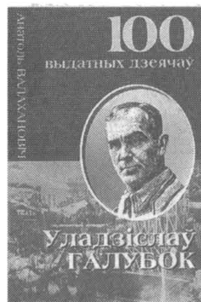
ПЕРСАНАЛІІ

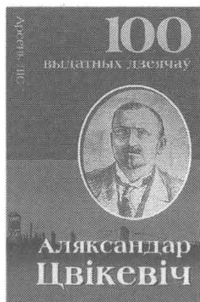
Пытанне пра беларускі Пантэон існуе здаўна. Ёсць розныя меркаванні на гэты конт. Самае спрэчнае — персанальны склад. Некаторыя людзі лічаць, што ў катэгорыю выдатных дзеячаў трэба залічваць выключна этнічных беларусаў. Мы гэткі падыход катэгарычна адпрэчваем. На наш погляд, усе падзеі культурнага жыцця, якія калі-небудзь адбываліся на землях Полацкага княства, Вялікага Княства Літоўскага, Паўночна-Заходняга краю, Беларускай Народнай Рэспублікі і БССР — гэта падзеі менавіта беларускай культуры. І кожны творца, які працаваў на нашай зямлі ў сферы культуры — безумоўна наш!

Яшчэ адно спрэчнае пытанне — каго лічыць выбітным? Адказы на яго заўсёды суб'ектыўныя. Заснавальнік-каардынатар серыі і выдавецтва «Харвест» кіруюцца перш за ўсё тым фактам, ці ўзгадвалася тая або іншая персона у айчынных энцыклапедыях. Гэта «Энцыклапедыя гісторыі Беларусі», выданая у 1993—2003 гг. (7 тамоў) і «Беларуская энцыклапедыя», выданая у 1996—2004 гг. (18 тамоў). Усе асобы, якім прысвечаны першыя 55 выданых кніжак серыі, ёсць у «Беларускай энцыклапедыі», а 51 з 55 (або 98%) — таксама ў «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі».

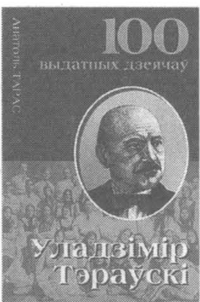
Этнічнае і сацыяльнае паходжанне, веравызнанне, і нават мова, на якой размаўлялі і пісалі гэтыя выдатныя людзі, не маюць прынцыповага значэн-

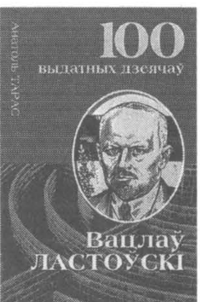

100
выдатных дзеячаў
Ян
ЧАЧОТ
100
выдатных дзеячаў
Ян
Баршчэўскі
100
выдатных дзеячаў
Уладзіслаў
СЫРАКОМЛЯ
100
выдатных дзеячаў
Тэадор
Нарбут
100
выдатных дзеячаў
Браты
Тышкевічы
100
выдатных дзеячаў
Станіслаў
Манюшка
100
выдатных дзеячаў
Іван
Насовіч
100
выдатных дзеячаў
Напалеон
ОРДА
100
выдатных дзеячаў
Іван
Хруцкі
100
выдатных дзеячаў
Адам
Кіркор
100
выдатных дзеячоу
Міхаіл
АНДРЫЁЛІ
100
выдатных дзеячаў
Альгерд
Абуховіч
100
выдатных дзеячаў
Мечыслаў
КАРЛОВІЧ
100
выдатных дзеячаў
Мікалай
Нікіфароўскі
100
выдатных дзеячаў
Аляксандр
Ельскі
100
выдатных дзеячаў
Элаіза
ПАШКЕВІЧ
100
выдатных дзеячаў
Ігнат
БУЙНІЦКІ
100
выдатных дзеячаў
Карусь
КАГАНЕЦ
100
выдатных дзеячаў
Вандалін
Шукевіч
100
выдатных дзеячаў
Ігнат
КАНЧЭЎСКІ
100
выдатных дзеячаў
Аляксей
Сапуноў
100
выдатных дзеячаў
Яўхім
Карскі
100
выдатных дзеячаў
Браніслаў
Эпімах-Шыпіла
100
выдатных дзеячоу
Мітрафан
ДОЎНАР-
ЗАПОЛЬСКІ
100
выдатных дзеячаў
Казімір
Малевіч

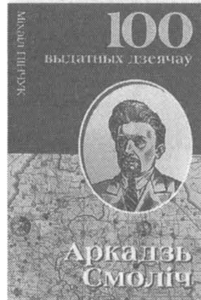

100
выдатных дзеячаў
Уладзіслаў
ГАЛУБОК

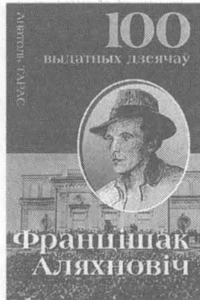

100
выдатных дзеячаў
Аляксандар
Цвікевіч

100
Фларыян
ЖДАНОВІЧ

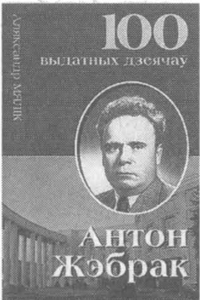

100
выдатных дзеячаў
Уладзімір
Тэраўскі

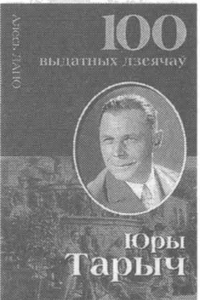

100
выдатных дзеячаў
Вацлаў
ЛАСТОЎСКІ

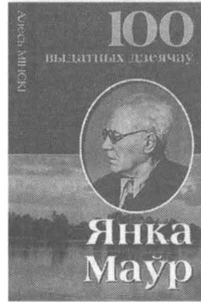

100
выдатных дзеячаў
Аркадзь
Смоліч

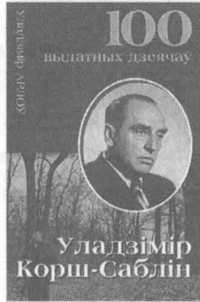

100
выдатных дзеячаў
Францішак
Аляхновіч

100
выдатных дзеячаў
Якуб
Колас

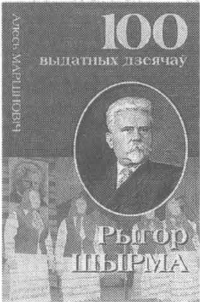

100
выдатных дзеячаў
Антон
Жэбрак

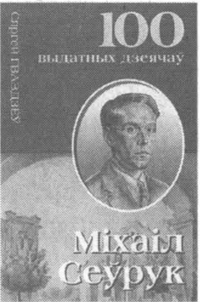

100
выдатных дзеячаў
Юры
Тарыч

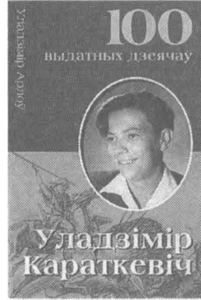

100
выдатных дзеячаў
Янка
Маўр

100
выдатных дзеячаў
Уладзімір
Корш-Саблін

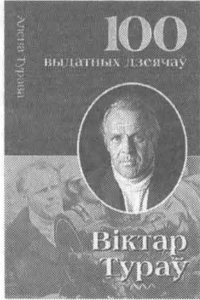

100
выдатных дзеячаў
Уладзімір
Дубоўка

100
выдатных дзеячаў
Рыгор
ШЫРМА

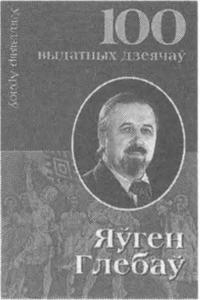

100
выдатных дзеячаў
Міхаіл
Севрук

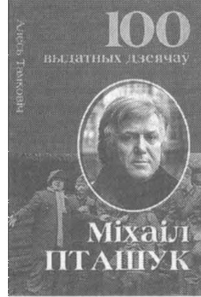

100
выдатных дзеячаў
Уладзімір
Караткевіч

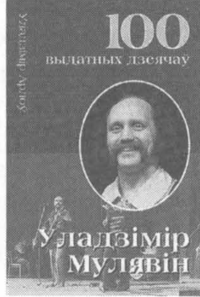

100
выдатных дзеячаў
Генадзь
Цітовіч

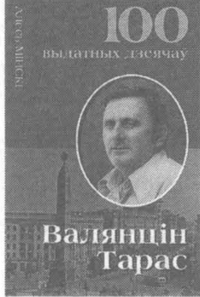

100
выдатных дзеячаў
Віктар
Тураў

100
выдатных дзеячаў
Мікола
Ермаловіч

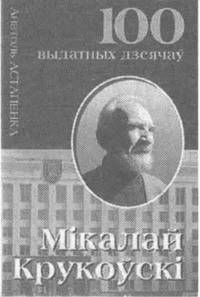

100
выдатных дзеячаў
Яўген
Глебаў

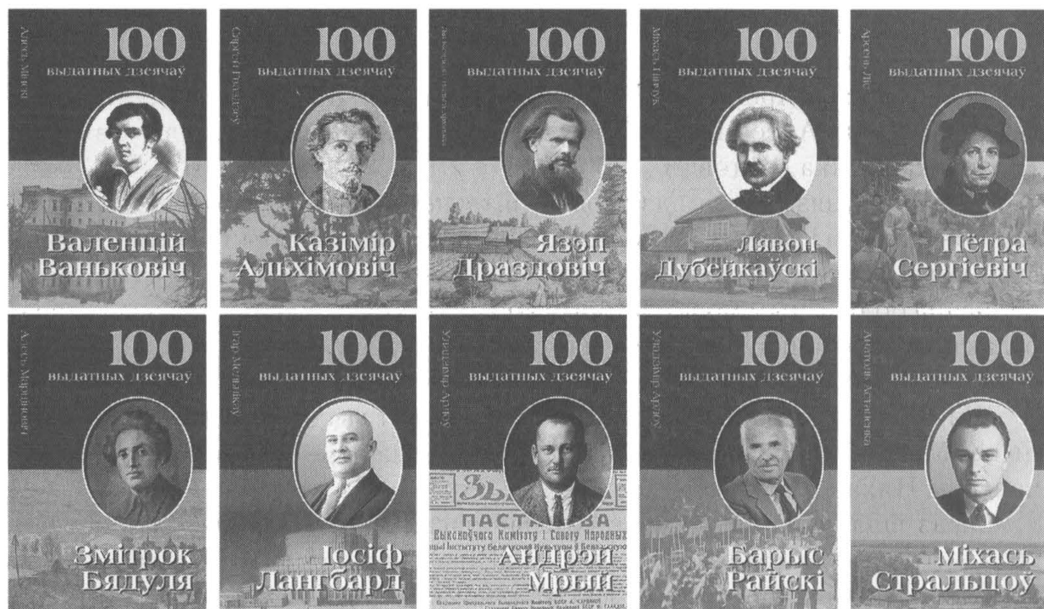

100
выдатных дзеячаў
Міхаіл
ПТАШУК

100
выдатных дзеячаў
Уладзімір
Мулявін

100
выдатных дзеячаў
Валянцін
Тарас

100
выдатных дзеячаў
Валер
Рубінчык

100
выдатных дзеячаў
Мікалай
Крукоўскі

ня. Галоўнае тое, што яны жылі на Беларусі, стваралі свае творы аб Беларусі і для яе жыхароў.

Што тычыцца часу, дык мы вырашылі абмежаваць серыю двума стагоддзямі, XIX і XX, бо інакш яе трэба было б назваць «1000 выдатных асоб беларускай культуры». Зразумела, што выданне гэткай серыі патрабуе не менш чым 50 гадоў!

АЎТАРЫ СЕРЫІ

Шмат хто звяртаўся да каардынатара серыі з прапановай і сам прызначаў тэрмін падачы матэрыялаў, але далёка не ўсе прадставілі тэксты. Малы жанр цяжкі, бо трэба пісаць так, каб словам было цесна, а думкам — вольна. На гэта здольны далёка не кожны. Вось чаму 55 выданых кніжак напісалі не 55, а толькі 23 аўтары.

Анатоль Тарас — 11 (Аляхновіч; Ваньковіч; Доўнар-Запольскі; Дубейкаўскі; Ждановіч; Канчэўскі; Ластоўскі; Маўр; Смоліч; В. Тарас; Тэраўскі).

Алесь Марціновіч напісаў 9 кніжак (Буйніцкі; Дубоўка; Ельскі; Кіркор; Э. Пашкевіч; Сыракомля; браты Тышкевічы; Шырма; Эпімах-Шыпіла).

Уладзімір Арлоў (кінарэжысёр) — 6 (Глебаў; Караткевіч; Корш-Саблін; Мулявін; Рубінчык; Цітовіч).

Вітаўт Чаропка — 4 (Андрыёлі; Манюшка; Орда; Хруцкі).

Ірына Шумская — 3 (Баршчэўскі; Карловіч; Чачот).

Анатоль Астапенка — 2 (Ермаловіч; Крукоўскі).

Сяргей Гваздёў — 2 (Альхімовіч, Сеўрук).

Аркадзь Падліпскі — 2 (Нікіфароўскі; Сапуноў).

Па адной кніжцы — 15 аўтараў (Анатоль Валахановіч, Яўген Гучок, Дзмітрый Дзятко, Лія Кісялёва сумесна з Вольгай Архіпавай, Алесь Лапо, Леанід Лаўрэш, Арсень Ліс, Леніна Міронава, Аляксандр Мялік, Сяргей Ненадавец, Алесь Пашкевіч, Алесь Тамковіч, Алена Турава, Святлана Шахоўская, Янка Шутовіч).

У гэтай сувязі трэба адзначыць, што некаторыя беларускамоўныя інтэрнэт-парталы і газеты, якую любяць ліць слёзы аб гаротным стане беларускай мовы, упарта абыходзяць бокам серыю «100 дзеячаў». Бо на самой справе значна больш, чым мова, гісторыя або культура, іх хвалюе падзел аўтараў, рэдактараў, крытыкаў, выдаўцаў на «сваіх» і «чужых». Рэдактар-каардынатар серыі А. Тарас для іх менавіта чужы.

Шэраг літаратараў, якія ставяць сябе вельмі высока, занялі тую ж пазіцыю: «Мы не будзем удзельнічаць у праекце Анатоля Тараса, бо ён — не наш чалавек. Няхай паскача без нас!»

Зараз відавочна, што Тарас «скача» паспяхова, за 42 месяцы (снежань 2012 — травень 2016) выдаў 55 кніжак. Чарговыя пяць ён рыхтуе да друку (Бядуля, Геніюш, Мрый, Райскі, Стральцоў).

Запрашаем тых, хто ўпэўнены у сваіх творчых здольнасцях, звяртацца з прапановамі да рэдактара-каардынатара серыі.

E-mail: aetaras@tut.by

У МІНСКУ ПРЭЗЕНТАВАЛІ ЧАРГОВЫЯ ВЫДАННІ З СЕРЫІ «100 ВЫДАТНЫХ ДЗЕЯЧАЎ БЕЛАРУСКАЙ КУЛЬТУРЫ»

Ігар Мельнікаў

На сённяшні дзень выдана 50 кніг.

Прэзентацыя адбылася у мінскай кавярні «Камяніца». Навуковы сакратар грамадскага Інстытуту гісторыі і культуры Беларусі Анатоль Тарас адзначыў, што «у Беларусі пагарда да ўласнай культуры, мастацтва, навукі злучана, перш за ўсё, з невуцтвам. Пераадолець гэта магчыма толькі праз асветніцтва. Вось чаму Інстытут разам з выдавецтвам «Харвест» выдае дадзеную серыю кніг», — падкрэсліў даследчык.

Гасцям імпрэзы прадставілі адразу некалькі кніг. Так, дачка знакамітага беларускага рэжысёра Віктара Турава Алена прэзентавала кнігу свайго аўтарства і распавяла пра тое, як ішла над ёй праца.

Беларускі рэжысёр і культуразнаўца Уладзімір Арлоў падрыхтаваў адразу некалькі кніг, у якіх расказваецца пра лёс і творчую спадчыну рэжысёраў Валера Рубінчыка і Уладзіміра Корш-Сабліна, музыкі Уладзіміра Мулявіна, кампазітараў Яўгена Глебава, Генадзя Цітовіча, пісьменніка Уладзіміра Караткевіча.

Нарэшце, унучка Якуба Коласа спадарыня Вера Міцкевіч прэзентавала кнігу «Пясняр зямлі і неба Беларусі», прысвечаную сваяму знакамітаму сваяку.

Па меркаванню Анатоля Тараса да 2018 года будуць выданы ўсе 100 кніг. «Этнічнае і сацыяльнае паходжанне, веравызнанне і нават мова, на якой яны размаўлялі і пісалі, не маюць прынцыповага значэння. Галоўнае, што гэтыя людзі жылі на Беларусі, стваралі свае творы аб Беларусі і для яе жыхароў», — прызнаецца гісторык.

(Сайт «Гістарычная праўда»)

АНАТОЛЬ ТАРАС АДЗНАЧЫЎ ПЕРАХОД ПРАЗ ЭКВАТАР

Анастасія Зелянкова

Гісторык і выдавец Анатоль Тарас прадставіў першыя 50 кніг з серыі «100 выдатных дзеячаў беларускай культуры».

Як з'явілася ідэя гэтай серыі, па якім крытэрыі адбіраліся героі і што было самым складаным, заснавальнік, каардынатар і рэдактар расказаў падчас прэзентацыі.

— Калісьці ў нашых кіёсках прадавалася серыя «100 выдатных дзеячаў Расіі». І падумалася: а чаму няма серыі пра беларускіх дзеячаў? Мы пачалі абмяркоўваць гэтае пытанне і зразумелі, што калі мы хочам мець нешта такое, то трэба самім узяць і зрабіць, — так патлумачыў Анатоль Тарас ідэю з'яўлення гэтай серыі.

У 2012 годзе выйшлі з друку першыя брашуры. Так, за 40 месяцаў ўдалося выдаць аж 50 кніг — больш за адну кнігу ў месяц.

— Для мяне было вельмі важна расказаць не пра палітыкаў, службоўцаў ці герояў вайны, а менавіта пра людзей, якія зрабілі сапраўдны ўклад у нашу беларускую гісторыю і культуру. Гэта мастакі, пісьменнікі, гісторыкі-краязнаўцы, філосафы, музыкі... З асобамі праблем не было, праблемай стала адшукаць аўтараў, — адзначае Анатоль Тарас, якому таксама належыць аўтарства многіх з гэтых брашур.

Сярод іншых аўтараў — а іх усяго 22 чалавекі — былі не толькі прафесійныя даследчыкі, а таксама родныя і сябры тых славутых асоб, якім прысвечана серыя.

Так, унучка Якуба Коласа Вера Міцкевіч узялася напісаць пра свайго вядомага дзеда.

— Падаць Коласа на 64-х старонках — гэта я вам скажу задача! — адзначыла Вера Міцкевіч. — Ніхто не хоча пісаць пра класікаў. А я вось узялася. І пастаралася ў сваёй кнізе даць нейкія цікавыя невядомыя факты, расказаць, адкуль Колас узяў свой псеўданім, як яму жылося і працавалася ў цяжкія 20—30-я гады.

А вось дачка вядомага рэжысёра Віктара Турава Алена нават прызналася, што сама шмат пра што даведалася, калі пачала пісаць кнігу пра свайго бацьку.

— Гэта вельмі цяжкая задача — напісаць не проста пра тату, а пра аднаго з найвыдатнейшых кінарэжысёраў — творцу, якога ЮНЭСКА уключыла ў лік рэжысёраў 100 найбольш значных фільмаў свету, чалавека, дзякуючы якому ў Беларусі з'явіўся факультэт кінематаграфістаў (да гэтага атрымаць такую

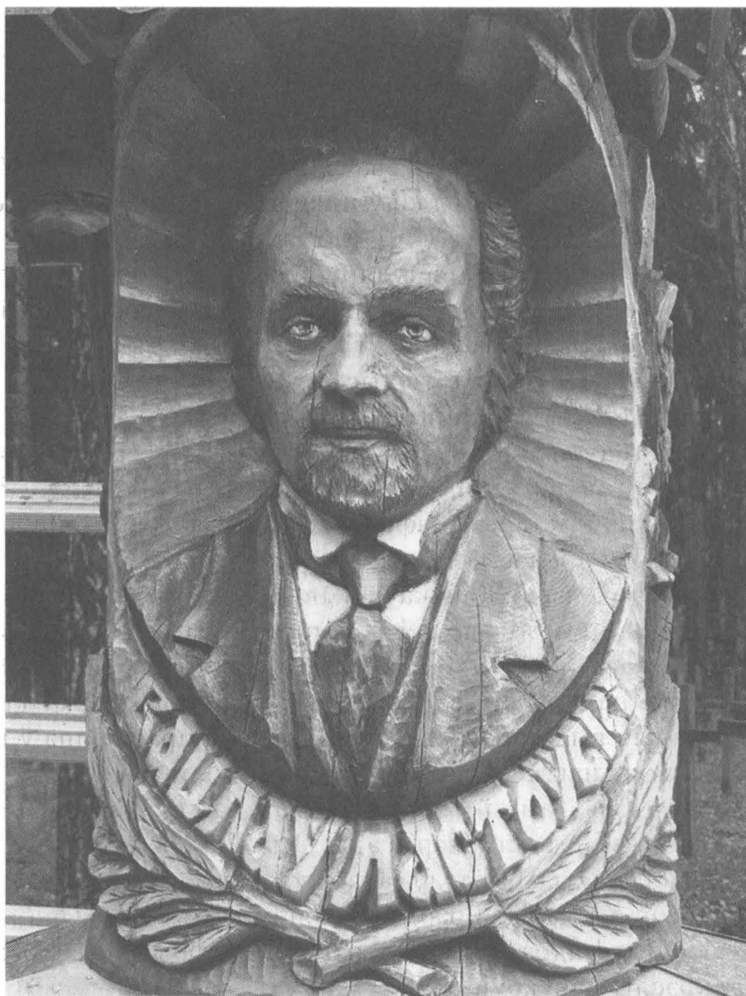
спецыяльнасць можна было толькі ў маскоўскім ВГИКе), — адзначыла Алена Турава, рэжысёр анімацыйнага і гульнёвага кіно «Беларусьфільма». — Калі я пісала пра яго лёс, пра яго барацьбу за сваю творчасць, я зразумела, як мала я ведала пра свайго бацьку.

Расказаць пра свайго выбітнага родзіча прыйшла і дачка народнага артыста Генадзя Цітовіча — балерына Святлана Цітовіч. Яна распавяла, што абрала свой шлях менавіта з лёгкай рукі бацькі.

Праўда, кнігу пра Генадзя Цітовіча напісаў іншы чалавек — яго сябар рэжысёр Уладзімір Арлоў. Дарэчы, з-пад яго пяра выйшлі яшчэ 6 брашур гэтай серыі.

— Серыя прайшла праз экватар і, спадзяюся, пад канец 2018 года ўсе 100 кніг будуць выдадзены. Працы наперадзе яшчэ вельмі шмат, — падсумаваў Анатоль Тарас.

(Газета «Салідарнасць»)

АНАТОЛЬ ТАРАС: СЕРЫЯ «100 ВЫДАТНЫХ ДЗЕЯЧОЎ БЕЛАРУСКАЙ КУЛЬТУРЫ» БУДЗЕ ЗАВЕРШАНА ДА 2019 ГОДА

Марат Гаравы

Серыя «100 выдатных дзеячаў беларускай культуры» будзе завершана на праканцы 2018 году, заявіў вечарам 31 сакавіка ў Мінску заснавальнік, каардынатар і рэдактар праекту, прафесар Анатоль Тарас на прэсавай канферэнцыі з нагоды выдання першай паловы серыі.

Яе з 2012 году выдае грамадскі Інстытут беларускай гісторыі і культуры (Рыга, Латвія) сумесна з мінскім выдавецтвам «Харвест» у выглядзе 64-старонкавых ілюстраваных кніжачак кішэннага фармату. Прычым наклад кожнай з 50 кніжачак складае ад 1500 да 500 паасобнікаў.

Мэта серыі — заахвоціць грамадства шанаваць сваё, бо ўсе выбітныя айчынныя творцы XIX — XX стагоддзяў працавалі выключна на беларускай нацыянальнай глебе.

Вось чаму і была вырашана ў папулярнай форме распавесці беларускаму чытачу пра ўнёсак выбітных дзеячоў у развіццё нацыянальнай літаратуры, мастацтва, этнаграфіі, краязнаўства, гісторыяграфіі і іншых навуковых дысцыплін. Жыццё і дзейнасць гэтых асобаў шырока адлюстраваныя ў айчынных энцыклапедычных выданнях.

17 снежня 2012 году выйшлі першыя тры кніжачкі серыі — прысвячэнні мастаку Міхалу Андрыёлі, творцы беларускага тэатра Фларыяну Ждановічу і бацьку нацыянальнай гістарыяграфіі Мітрафану Доўнар-Запольскаму.

Найбольш вострая праблема — знайсці аўтараў серыі, якія могуць пісаць сцісла, цікава і задарма дзеля Бацькаўшчыны, — адзначыў Анатоль Тарас.

З 27 аўтараў выданняў больш за ўсіх напісалі сам заснавальнік серыі (9), пісьменнік Алесь Марціновіч (9) і кінарэжысёр Уладзімер Арлоў (6).

Апроч таго, як падкрэсліў заснавальнік серыі, яе кніжачкі, як і ўсе астатнія друкаваныя выданні, зараз вельмі дрэнна прадаюцца ў кнігарнях. І калі б амаль палову накладаў выданняў не куплялі айчынныя бібліятэкі, серыі даўно б не было. Таму і давялося цягам часу ўтрая паменшыць наклад паасобных выданняў, але і зараз ад 250 да 300 паасобнікаў набываюць бібліятэкі. Астатняя частка накладу гадамі ляжыць у кнігарнях.

Гэта сведчыць пра вострыя праблемы, з якімі сутыкаецца нацыянальная інтэлігенцыя ў справе адраджэння айчыннай гісторыі, беларускай мовы і культуры, падкрэсліў навукоўца.

Чарговыя пяць кніжачак серыі, прысвечаныя мастакам Валенцію Ваньковічу, Язэпу Драздовічу, Пётру Сергіевічу і Казіміру Альхімовічу, а таксама архітэктару Лявону Дубейкаўскаму, пабачаць свет ў красавіку бягучага году. Прэзентацыю гэтых выданняў мяркуецца правесці ў сталічным Доме Ваньковічаў – філіяле Нацыянальнага мастацкага музею Рэспублікі Беларусь.

Як зазначыў Анатоль Тарас, рэалізацыя больш значнага праекту, які ўключыў бы ў сябе 1000 выдатных асобаў беларускай культуры за 1100 гадоў айчыннай гісторыі, патрабуе не менш за 50 гадоў.

Пра сваю працу над выданнямі серыі распавялі ўнучка Якуба Коласа Вера Міцкевіч, дачка Віктара Турава Алена Турава, канарэжысёр Уладзімер Арлоў, а таксама доктар паліталогіі Алесь Астапенка. Успамінамі пра свайго бацьку падзялілася дачка Генадзя Цітовіча Святлана Цітовіч.

(Газета «Новы час»)

Вокладка зборніка вершаў Канстанцыі Буйлы, якую намаляваў Я. Драздовіч. Яму прысвечана брашура, надрукаваная ў чэрвені 2016 г.

АНАТОЛЬ ТАРАС: НА ЖАЛЬ, МЫ ЖЫВЁМ У ТАКОЙ КРАІНЕ, ДЗЕ НЯМА ТРАДЫЦЫІ ШАНАВАЦЬ СВАЁ

Іна Студзінская

Грамадзкі Інстытут беларускай гісторыі і культуры сумесна з выдавецтвам «Харвэст» прайшоў своеасаблівы экватар — выдаў роўна палову, 50 кніг, з сэрыі брашур «100 выдатных дзеячоў беларускай культуры». Сэрыя абмежаваная двума стагодзьдзямі — XIX і XX, бо інакш яе трэба было б назваць як мінімум «1000 выдатных дзеячоў», а ня 100. Ёсьць яшчэ дзьве ўмовы: сьціслы аб'ём кніг — 64 старонкі, і ўсе аўтары пішуць на энтузіязме, задарма.

А пачыналася ўсё так. Некалькі гадоў таму ў шапіках «Белсаюздруку» зьявіліся кніжкі «100 выбітных дзеячаў Расеі». Калі літаратар, дасьледчык Анатоль Тарас пабачыў, адразу ж прыйшла думка:

> «А чаму няма 100 выбітных беларускіх дзеячаў? Вырашылі самі зрабіць падобную сэрыю. Зьвяртаю ўвагу: у нас няма палітыкаў, службоўцаў, вайскоўцаў, герояў вайны альбо супраціву. Мы выдаём кнігі выключна пра выбітных дзеячаў культуры, літаратуры, мастацтва, музыкі», — апавёў Анатоль Тарас.

17 сьнежня 2012 году выйшлі з друку тры першыя брашуры, героямі якіх сталі: Міхаіл Андрыёлі, беларускі мастак зь Вільні (аўтар Віктар Чаропка), Фларыян Ждановіч, тэатральны дзеяч (аўтар Алесь Мінскі), Мітрафан Доўнар-Запольскі, бацька беларускай гістарыяграфіі (аўтар Анатоль Тарас).

За 40 месяцаў выдадзена 50 кніжак, кажа спадар Тарас:

> «Праблем з пэрсаналіямі няма, у 18 тамах Беларускай энцыкляпэдыі — процьма імёнаў, у кожным томе можна знайсьці як мінімум 50 выбітных асобаў культуры.
>
> Праблемы ёсьць з аўтарамі. 9 кніжак напісаў Алесь Марціновіч, 9 кніжак напісаў я, 6 кніжак — рэжысэр Уладзімер Арлоў. То бок 3 чалавекі напісалі амаль што палову серыі.
>
> Але самая вялікая праблема ў тым, што вельмі цяжка пісаць коратка — а ў нас строгае абмежаваньне: 64 старонкі, «кішэнны фармат». І мала хто хоча пісаць задарма... А гэты праект выдаецца на грамадзкіх пачатках. Да таго ж, кніжкі вельмі дрэнна прадаюцца ў крамах. Калі б палову накладу не куплялі

бібліятэкі, сэрыі, магчыма, і не было б. Спачатку наклад быў 1,5 тысячы асобнікаў, зараз — 500», — канстатаваў Анатоль Тарас.

Укладальнік сэрыі паскардзіўся, што вельмі цяжка знайсьці чалавека, які б пагадзіўся пісаць пра клясыкаў, пра вядомых асобаў — маўляў, нялёгкая, няўдзячная гэта справа... Зь цяжкасьцю ўгаварыў унучку Якуба Коласа Веру Міцкевіч напісаць пра свайго знакамітага дзеда:

> Мне вызначылі строгі тэрмін — 5 месяцаў, — расказвае Вера. — Калі пачала працаваць, зразумела: выдаць кніжку пра Коласа на 64 старонках — цяжкая задача. Склала сабе жорсткі плян. Трэба было і пра біяграфічныя зьвесткі напісаць. Да таго ж, мне хацелася б распавесьці пра малавядомыя цікавоскі, чаму ў Коласа такі псэўданім, чаму мэмарыяльную дошку ўсталявалі на іншым храме, хацела даць малавядомыя зьвесткі. У асобны другі разьдзел, які называецца «Паміж молатам і кавадлам», вынесла цяжкія 1920–30-я гады, гады рэпрэсій, якія таксама адбіліся і на Якубу Коласу, каб біяграфія не падалася гладзенькай. І потым — творы, узяла самыя магутныя: «Новая зямля», «Сымон-музыка», «На ростанях». Для мяне ўяўляе вялікую цікавасьць эпісталярны жанар — Колас напісал 3 тамы, каля 1800 лістоў, і гэта ня ўсе. У заключэньне я пастаралася ўкласьці адзін з самых ёмістых публіцыстычных твораў дзеда — «Мой запавет».

Дом-музей Ваньковічаў у Мінску

Для Алёны Туравай, дачкі выбітнага беларускага кінарэжысэра Віктара Турава, прапанова напісаць кнігу пра бацьку была поўнай нечаканасьцю:

Я працую звычайна ў забаўляльных праектах, у анімацыі, жанры казкі, фэнтэзі. Спачатку нават спалохалася, калі атрымала прапанову напісаць кнігу ня проста пра бацьку, але і пра выбітнага творцу.

Праблема яшчэ ў тым, што я не была чалавекам здымачнай пляцоўкі, як іншыя дзеці творцаў. Калі мне было 3 гады, бацька сышоў зь сям'і, шчыльна кантактаваць зь ім я пачала, будучы ўжо студэнткай. Але, дзякуй Богу, жывыя ягоныя сябры, якія зь ім працавалі. Па крупіцах зьбірала ўспаміны, чытала інтэрвію, кнігі, паглядзела фільм пра бацьку Юрыя Цьвяткова, перагледзела ўважліва ўсе бацькавы кінастужкі. Аказалася, я вельмі мала ведала пра бацьку, і мала — пра тую вайну, якую ён прайшоў (не ў прамым, а ў пераносным сэнсе). Ягоныя фільмы моцна крытыкаваліся: і «Праз могілкі», і «Я родам зь дзяцінства»... Ён вельмі хваравіта гэта перажываў. Гэта было адной з прычынаў ягонага раньняга сыходу — Віктар Тураў памёр у 60 гадоў.

Кінарэжысэр Уладзімер Арлоў напісаў кнігі пра Уладзімера Корш-Сабліна, Уладзімера Караткевіча, Яўгена Глебава, Валера Рубінчыка, Генадзя Цітовіча, Уладзімера Мулявіна. На прэзэнтацыі ён апавёў дасьціпныя закадравыя гісторыі пра свайго кінанастаўніка Корш-Сабліна, рэжысэра Рубінчыка, музыку Генадзя Цітовіча, разьвесяліўшы прысутных. Уладзімер Арлоў запэўніў, што ёсьць ідэі, ёсьць прапановы, так што хутка зьявяцца і новыя творы.

Анатоль Астапенка напісаў 3 кнігі з сэрыі — пра гісторыка Міколу Ермаловіча, філёзафа Міколу Крукоўскага, пісьменьніка Міхася Стральцова. З усімі аўтар быў асабіста знаёмы і сябраваў. У адрозьненьне ад клясыкаў, пра іх да гэтага не было напісана амаль нічога, давялося пачынаць працаваць з нуля, прызнаўся спадар Астапенка.

Рыхтуюцца да друку яшчэ пяць кніг — пра Валенція Ваньковіча, Казіміра Альхімовіча, Язэпа Драздовіча, Лявона Дубейкаўскага, Пётру Сергіевіча.

На жаль, мы жывём у такой краіне, дзе няма традыцыі шанаваць сваё, ставіць на першы плян сваіх. Расейскага мастака Віктара Васьняцова ведаем лепш за беларуса Пётру Сергіевіча. Таму абавязкова давядзём справу да канца — у 2018 годзе завершым сэрыю «100 іменаў дзеячаў беларускай культуры», — кажа Анатоль Тарас.

(Радыё «Свабода»)

ДЕДЫ

ДАЙДЖЕСТ ПУБЛИКАЦИЙ О БЕЛАРУСКОЙ ИСТОРИИ

Основан в 2009 году

Выпуск 17

Составитель и редактор *Тарас Анатолий Ефимович*

Электронный адрес: **aetaras@tut.by**

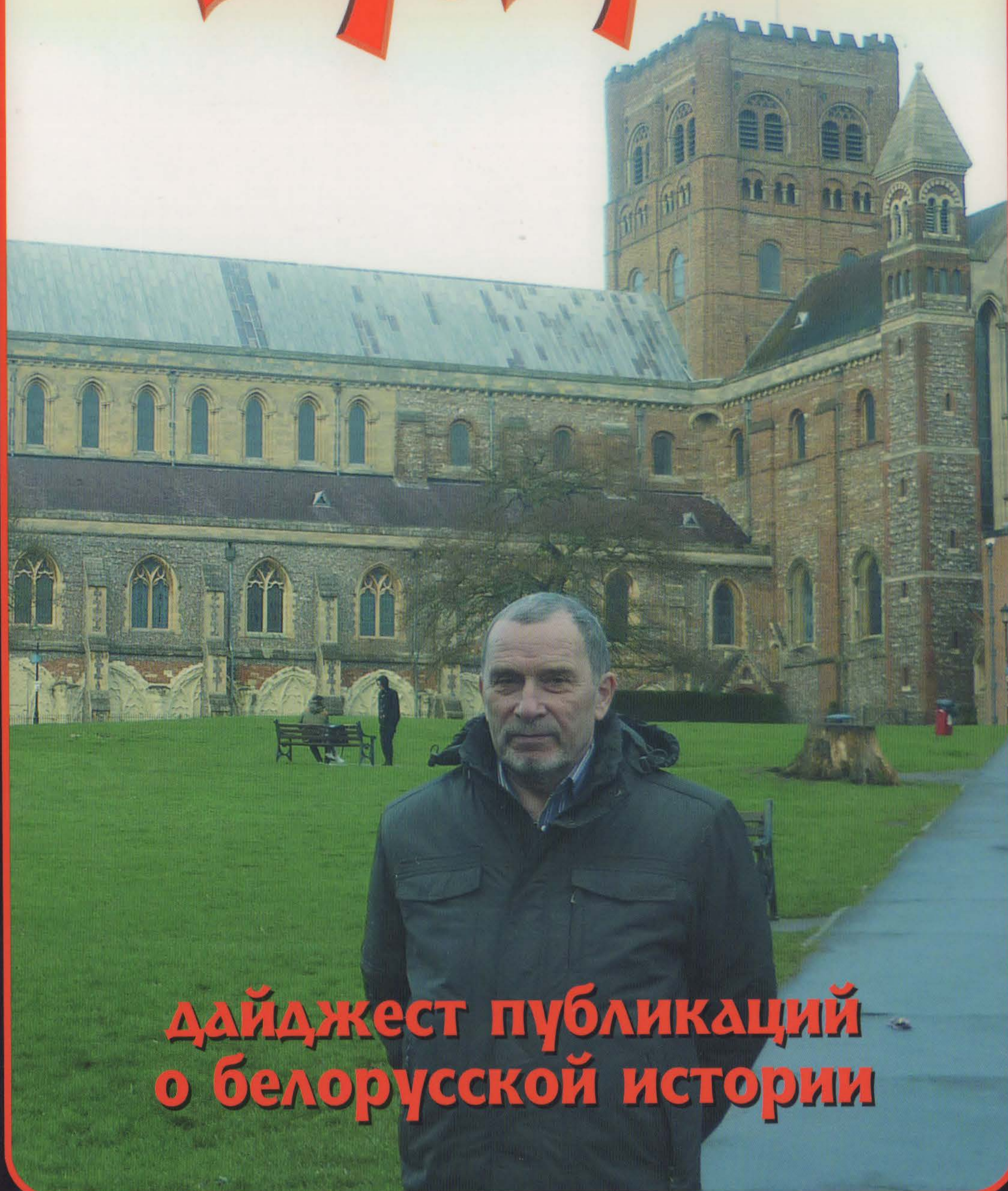
Подписано в печать 05.06.2016.
Формат 70 x 100 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура «PetersburgC». Усл.-печ. л. 20,0.
Тираж 1000 экз. Заказ № 1346.

Ответственный за выпуск: *А. Е. Тарас*

ООО «Харвест».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/17 от 16.08.2013 г.
Ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42. 220113, г. Минск, Республика Беларусь.

Республиканское унитарное предприятие «Издательство „Белорусский Дом печати“».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий № 2/102 от 01.04.2014.
Пр. Независимости, 79, 220013, Минск, Республика Беларусь.

Деды

дайджест публикаций о белорусской истории

ISBN 978-985-18-3901-4

9 789851 839014